ХРЕСТОМАТИЯ ПО ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО МИРА

ХРЕСТОМАТИЯ ПО ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО МИРА

Пособие для учителя

Составители Ю. С. Крушкол,
Н. Ф. Мурыгина, Е. А. Черкасова

Под редакцией Е. А. Черкасовой

Рекомендовано Главным управлением школ
Министерства просвещения СССР

Издание второе,
дополненное и переработанное

МОСКВА «ПРОСВЕЩЕНИЕ» 1987 инв.

ББК 74.263.1
Х91

Рецензенты:
кандидат исторических наук А. А. Вигасин;
кандидат философских наук Д. П. Плоткина

Х91 **Хрестоматия** по истории древнего мира: Пособие для учителя/ Сост. Ю. С. Крушкол и др.; Под. ред. Е. А. Черкасовой.—2-е изд., доп. и перераб.— М.: Просвещение, 1987.— 256 с.

Хрестоматия состоит из четырех частей: «Жизнь людей при первобытнообщинном строе», «Древний Восток», «Древняя Греция» и «Древний Рим». В нее включены важнейшие документальные источники целиком и в отрывках по истории древности, отобранные применительно к усовершенствованной школьной программе. Обширные введения и комментарии к документам призваны помочь учителю при подготовке к уроку, внеклассным занятиям, работе с историческим кружком.

Х $\frac{4306010000-336}{103(03)-87}$ инф. письмо —87

ББК 74.263.1

ПРЕДИСЛОВИЕ

Пособие предназначено для учителей общеобразовательных школ. Основная задача составителей данной хрестоматии заключалась в том, чтобы подготовить комментированный сборник документов, который можно было бы использовать при подготовке к уроку, факультативному занятию, на историческом кружке.

В хрестоматию включен материал из этнографической литературы о жизни отсталых племен нового времени, из письменных источников по истории Древнего Востока, античных обществ Греции и Рима. Материалы, приводимые в хрестоматии, направлены на раскрытие роли географической среды, социально-экономических отношений, особенностей классовой борьбы, характеристику политического строя, внешней политики разных государств, идеологии и достижений культуры первобытного и рабовладельческого обществ. Они призваны выявить общее и особенное в жизни народов древнего мира, раскрыть поступательное развитие человечества как закономерное явление, обогатить занятия яркими, доступными для понимания учащихся фактами.

Настоящая хрестоматия в отличие от предыдущих состоит из четырех частей: «Жизнь людей при первобытнообщинном строе», «Древний Восток», «Древняя Греция», «Древний Рим».

Первая часть введена в хрестоматию по истории древнего мира впервые.

По структуре хрестоматия соответствует школьной программе. Части, темы, параграфы имеют вводные статьи. К документам даны примечания, объясняющие непонятные термины, выражения, исторические названия.

Тексты источников помещены в полном или в сокращенном объеме, некоторые из них подобраны тематически. В текстах документов хрестоматии в круглых скобках даются пояснения переводчиков и слова, дополненные при переводе на русский язык по смыслу. Отдельные документы воспроизводятся, учитывая непосредственные потребности учителя, с некоторыми исправлениями, отнюдь не искажающими смысла. Приводимые документы значительно сокращены за счет второстепенных фактов и деталей.

По сравнению с первым изданием хрестоматии настоящее издание пополнено в основном источниками, способствующими трудовому, нравственному, патриотическому, эстетическому и атеистическому воспитанию учащихся. Некоторые документы даны в новом переводе. Отдельные вводные статьи переработаны или дополнены.

Часть первая

ЖИЗНЬ ЛЮДЕЙ ПРИ ПЕРВОБЫТНООБЩИННОМ СТРОЕ

Первобытное общество — самый продолжительный период в истории человечества, длившийся свыше миллиона лет.

История первобытного общества изучает процессы, общие для всего человечества на ранних ступенях развития, используя сравнительно-исторический метод исследования. Сопоставляя данные о разных народах, она устанавливает в ранней их истории некоторые общие черты.

С истории первобытного общества начинается формирование исторических знаний. Изучение этой эпохи помогает понять, что первобытное общество представляет собой начальный этап всемирной истории, характеризующийся низким уровнем развития производительных сил. Первоначально орудия труда изготовляли из камня. Основными занятиями первобытных людей были собирательство, охота, рыбная ловля. В борьбе с природой и в ходе развития самого процесса производства люди совершенствовали орудия труда, научились использовать металл, перешли от присваивающих форм хозяйства к производящим (земледелие, скотоводство).

Медленный рост производительных сил в условиях первобытнообщинного строя вынуждал людей трудиться сообща. Производственные отношения этого времени характеризуются не только совместным трудом, но и общей собственностью как на продукты, так и на средства производства. Частной собственности, классов, эксплуатации человека человеком не было.

История первобытного общества позволяет проследить не только развитие орудий труда, общественной организации, но и эволюцию человека, раскрыть основные признаки таких исторических понятий, как человеческое стадо, родовая община, племя, первобытнообщинный строй.

Поскольку история первобытного общества раскрывается в форме обобщенных характеристик важнейших ступеней его развития на очень сложном материале, рассказ учителя должен быть ярким, с привлечением дополнительных конкретных фактов из жизни отсталых племен.

В помощь учителю в части I подобраны отрывки из этнографической литературы с описанием реликтовых[1] обществ (культурно отсталых народов, сохранивших много черт первобытной эпохи). Известно, что в силу неравномерности исторического развития на Земле имеются реликтовые общества (в Африке, Южной Азии, Америке, Океании). Неравномерность исторического развития на раннем этапе зависела от природных условий: одни племена занимали земли с важными природными ресурсами (например, меднорудными залежами), другие были лишены их. Одни люди жили в долинах плодородных рек, изобилующих рыбой, дичью, дикими животными, другие — в лесах, в горной местности, на неплодородных землях.

Возможность общения между людьми и их сплочения была в различных географических зонах неравной. Открытые пространства и подвижность населения степной полосы способствовали тесному общению, созданию крупных объединений, распространению на значительных территориях единых культурных явлений, близких языков.

[1] От лат. relictus — оставленный.

Своеобразие природных условий лесной полосы, бо́льшая степень изоляции, удаленность от культурных очагов, трудности распространения здесь производящего хозяйства вызвали ряд застойных явлений в социально-экономическом развитии.

Специфика природных условий горных районов создала предпосылки для длительного автохтонного (т. е. на месте первоначального расселения) развития отдельных групп, сохранения древних культурных традиций и языковых элементов.

Реликтовые племена описаны многими учеными, путешественниками XVIII—XX вв. И хотя отсталые племена во время их первого научного изучения находились на ступени развития, ушедшей далеко от подлинной первобытности, подверглись влиянию более развитых народов, все же они сохранили в своем быту, в своей идеологии многие элементы первобытного состояния, позволяющие представить картину жизни человечества далекого прошлого.

§ 1. ОВЛАДЕНИЕ ОГНЕМ, ОРУДИЯ ТРУДА, ОРУЖИЕ

1. Овладение огнем

Огонь был первой силой природы, покоренной человеком. В борьбе с природой человек научился вначале только использовать огонь, с которым он познакомился во время лесных пожаров, вулканических извержений. Позже он стал добывать его искусственным путем. Получать огонь искусственным путем — дело трудоемкое, доступное не каждому человеку. Поэтому первобытные люди старались его сохранять, а не добывать всякий раз, когда он потребуется.

Выдающийся русский путешественник и исследователь С. П. Крашенинников (1711—1755 гг.) занимался изучением Камчатки, в результате чего составил первое обстоятельное «Описание земли Камчатки» в двух томах. Его данные о природе края, быте ительменов (камчадалов) и языках местного населения представляют бесценное достояние науки. Для историков особенно интересны его сведения о жизни народов Камчатки, находившихся на стадии родового строя.

Огнива их были дощечки деревянные из сухого дерева, на которых по краям наверчены дырочки, да кругленькие из сухого дерева палочки, которые, вертя, в ямочках огонь доставали. Вместо труту[1] употребляли они мятую траву тоншичь, в которой раздували загоревшуюся от вертения сажу. Все сии принадлежности, обертя берестою, каждый камчадал носил с собою...

Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки.— М.— Л., 1949.— С. 380.

Русский ученый-путешественник Н. Н. Миклухо-Маклай (1846—1888 гг.) два с половиной года с перерывами прожил на северо-восточном берегу Новой Гвинеи (берег Маклая), около бухты Астролябии (1871, 1872, 1876, 1877, 1883), где вел исследования по зоологии, антропологии, этнографии. Описание быта, занятий, жилищ, брачных и погребальных обрядов папуасов берега Маклая он оставил в своих «Дневниках», неоднократно издававшихся. Папуасы еще не были знакомы с металлами, по уровню развития их можно отнести к неолиту.

Утро было сырое и свежее (всего 22°). Тепло одетый я пил чай на веранде, когда увидел перед собою Туя, который, также чувствуя свежесть утра и не имея подходящего температуре костюма, принес с собою примитивную, но довольно удобопереносимую печь, именно — толстое тлеющее полено. Подойдя ближе, он сел у

[1] *Трут* — высушенный трутовый гриб (трутник), несъедобный губчатый, растет на деревьях, воспламеняется от искры.

веранды. Курьезно было смотреть, как он, желая согреться, переносил тлеющее полено от одной стороны тела к другой и то держал его у груди, то клал сперва у одного, а затем у другого бока, то помещал его между ногами, смотря по тому, какая часть тела казалась ему более озябшей...

До сих пор я не мог открыть у папуасов никакого способа добывать огонь и всегда видел, что они носят его с собой и, придя на место, раскладывают небольшой костер для того, чтобы огонь не потух...

Я проснулся ночью, разбуженный движением нар...

...Лако не удовольствовался тем, что раздул костер и подложил дров; он разложил еще другой костер, под нарами, под самым тем местом, где лежал, так что теплый дым проходя между расколотым бамбуком, из которого был сделан верх нар, согревал одну сторону непокрытого тела.

Миклухо-Маклай Н. Н. На берегу Маклая.— 1961.— С. 52, 100, 141.

2. Орудия труда и оружие

В течение сотен тысяч лет первобытные люди изготовляли орудия труда, оружие и домашнюю утварь из дерева, камня и кости. Главные орудия труда они делали из камня, ими обрабатывали дерево и кость. Сначала камень обрабатывали путем оббивки, затем стали откалывать от него тонкие пластинки, которым придавали нужную форму мелкими ударами. Позже люди научились шлифовать камень. Каменные орудия труда были несовершенными, и работа ими шла медленно.

Немецкий ученый В. Фольц в первой половине XX в. путешествовал в течение нескольких месяцев по девственному лесу Суматры (второй по величине остров Индонезии), наблюдая жизнь наиболее отсталой ветви народа кубу. Первые непосредственные кратковременные наблюдения над кубу удалось произвести только в начале XX в. Бродящие в дебрях леса кубу почти не соприкасались с другими, наиболее развитыми обитателями острова. По уровню развития своей культуры кубу принадлежали к числу самых отсталых из всех известных тогда реликтовых племен.

Он (кубу) отламывает длинный прямой сук и, подняв с берега ручья камень, бьет им по концу сука, пока тот не расщепится на тонкие острые части. Затем он сдирает с дерева кору и, разделив ее на тонкие волокна, обматывает ими расщепленный конец палки — копье для ловли рыбы готово.

Фольц В. В девственных лесах Суматры. М., 1935.— С. 82.

Прежние камчатские металлы до прибытия почти россиян были кость и каменье. Из них они делали топоры, ножи, копья, стрелы, ланцеты и иглы. Топоры у них делались из оленьей и китовой кости, также и из яшмы, наподобие клина, и привязывались ремнями к кривым топорищам плашмя, каковы у нас бывают теслы. Ими они долбили лодки свои, чаши, корыта и прочее, однако с таким трудом и с таким продолжением времени, что лодку три года надлежало им делать, а чашу большую не меньше года...

Ножи они делали из горного зеленоватого или дымчатого хрусталя наподобие ланцов остроконечные и насаживали их на черенье деревянное. Из того ж хрусталя бывали у них стрелы, копья и ланцеты, которыми кровь и поныне пускают. Швальные иглы делали они из собольих костей и шили ими не токмо платье и обувь, но и подзоры весьма искусно.

Крашенинников С. П. Указ. соч.— С. 380.

Приходил Туй с двумя другими туземцами. Все были вооружены копьями, луками со стрелами, и у каждого было по топору на плече...

Я осматривал содержимое одной из сумок..., носимых мужчинами на перевязи через левое плечо и болтающихся у них под мышкой. Я нашел в ней много интересного. Кроме двух больших донганов (ножей), тут были кости, отточенные на одном конце, служащие как рычаг или нож; в небольшом бамбуковом футляре нашлись четыре заостренные кости, очевидно инструменты, способные заменить ланцет, иглу или шило, затем «ярур», раковину... имеющую зубчатый нижний край и служащую у туземцев для выскребывания кокосов. Был также удлиненный кусок скорлупы молодого кокосового ореха, заменяющий ложку...

Был принесен кусок старого бамбука, каменным топором обрублены оба конца и затем расколоты на тонкие длинные пластинки, которые, будучи согреты на угольях, получили такую твердость, что ими можно было резать не только мягкое таро и ямс[1], но также мясо и даже волосы...

Видел сегодня в Бонгу самый большой каменный топор, какой только мне случилось встретить; шириной он был около 12 *см* и замечательно хорошо отшлифован.

Миклухо-Маклай Н. Н. Указ. соч.— С. 43, 80, 177, 194.

§ 2. ДОМАШНЯЯ УТВАРЬ, ПРИГОТОВЛЕНИЕ ПИЩИ, ПЕРВАЯ ОДЕЖДА

3. Домашняя утварь и приготовление одежды

Домашнюю утварь изготовляли из ветвей, бересты, бамбука, скорлупы кокосового ореха, тыквы, дерева, глины, кожи. Первоначально продукты хранили в плетеных сосудах, пищу варили в деревянных корытах, бросая в них раскаленные камни. Настоящая варка пищи стала возможной только с изобретением глиняных сосудов. Во время еды употребляли деревянные блюда, миски, чашки, ложки, ножи, палочки.

Вся камчатская посуда и все экономические их (ительменов) принадлежности состоят в чашах, корытах, берестяных кужнях (корзинках), по-тамошнему чуманах, да в санках и лодках; в

[1] *Ямс* — растение, клубни которого богаты крахмалом, используется в пищу, подобно картофелю.

чашах и корытах варили они есть и себе, и собакам, кужни употребляли вместо стаканов, санки к езде зимою, а лодки летом.

А варили они в такой посуде рыбу и мясо каленым каменьем.

Крашенинников С. П. Указ. соч.— С. 378, 380.

Сделал сегодня интересное приобретение: выменял несколько костяных инструментов, которые туземцы употребляют при еде,— род ножа и две ложки. Нож, называемый туземцами «донган», сделан из заостренной кости свиньи, между тем как «шелюпа» — из костей кенгуру. Она обточена так, что один конец ее очень расширен и тонок...

Скатертью служили нам банановые листья, посудой, т. е. тарелками и чашами,— скорлупа кокосовых орехов, вилками — обточенные бамбуковые палочки и заостренные кости, а многие пускали в ход и свои гребни (на папуасском языке вилка и гребень — синонимы); ложками служили яруры (раковины)...

Мужчины пировали в лесу... На одной стороне, на циновках, лежали куски распластанных свиней...

Другая сторона площадки была занята двумя рядами бревен, положенных параллельно; на них были поставлены большие горшки, фута 1,5 в диаметре; таких горшков я насчитал 39; далее стояли, также на двух бревнах, 5 горшков еще большего размера, в которых варили буам[1] ...Жители Горенду, как хозяева, разносили воду в больших бамбуках и складывали дрова около горшков.

Миклухо-Маклай Н. Н. Указ. соч.— С. 78, 118, 119.

4. Первая одежда

Виды первобытной одежды очень разнообразны. Ее возникновение зависело от климата: раньше всего она появилась в холодных краях. К древнейшим ее элементам относятся пояс, передник, юбка. Одежда с рукавами и штаны появились позднее. Изготовляли одежду из растительного волокна, листьев, шкур, шерсти.

У девушек длинные юбки из бахромы заменялись другим костюмом, который можно сравнить с двумя фартуками, из коих один закрывал заднюю, а другой — переднюю часть тела. По сторонам верхние части ног от пояса остаются непокрытыми. Передний фартук короче заднего. У девочек моложе двенадцати лет фартуки принимают вид кисточек, из которых задняя гораздо длиннее передней и похожа на хвостик.

Там же.— С. 105.

Из древесного лыка, который они предварительно обминают, кубу делают повязки для мужчин и короткие юбки для женщин...

Челлити содрал с молодого хлебного дерева широкую, в сажень длиной полосу коры и, разложив ее на большом камне, бьет по ней деревянным вальком. Он хочет сделать ее мягкой,

[1] *Буам* — кушанье из саговой пальмы.

снова и снова окунает ее в воду, кладет один кусок коры на другой, бьет и колотит по ним изо всех сил, чтобы волокна их смешались... Наконец старик встает, сбрасывает с себя старую набедренную повязку и надевает новую, только что сделанную. Спереди она опускается ему почти до колен, проходит между ног и завязывается сзади.

Фольц В. Указ. соч.— С. 70, 82.

§ 3. ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

5. Собирательство

Человечество, начав с присваивающих форм хозяйственной деятельности, перешло к производящим отраслям хозяйства, которые постепенно становились основными. Переход совершился вследствие развития производительных сил, накопления опыта.

Собирательство — присваивающая форма хозяйства, сохранявшая определенное значение на протяжении всей первобытной эпохи. С развитием скотоводства и земледелия ее роль уменьшилась. Вначале существовало случайное собирательство съедобных плодов, ягод, корнеплодов, стеблей, улиток, личинок с целью непосредственного потребления. Позднее развилось приуроченное к созреванию плодов планомерное собирательство дикорастущих семян как для непосредственного потребления, так и для создания запасов. Собирательство в отличие от охоты почти всегда приносит удачу. Им в основном занимались женщины, а охотой — мужчины.

Большей же частью кубу живут кочевой жизнью и беспрестанно бродят по своей области в поисках созревших лесных плодов. Там, где застает их вечер, они сплетают из веток дерева простой зонт, который защищает их от непогоды.

Все свое время и силы они тратят на поиски пищи. Питаются фруктами, ягодами, корнями и клубнями, которые откапывают острыми палками. С удовольствием едят и ящериц, лягушек, гусениц и личинки жуков...

Случается им разорять птичьи гнезда с нежными птенчиками, ловить в ручьях рыбу, раков, крабов, находить жирных улиток и раковины... Охота и рыбная ловля играют в быту кубу очень небольшую роль, так как у них нет необходимых орудий. Чтобы наполнить свои желудки, им нужно долго и напряженно заниматься собиранием пищи... Если пищи много, они едят до отвала, до изнеможения, но нередко ложатся спать натощак...

Кубу еще не пришли к мысли, что можно оставлять про запас несколько штук бананов или клубней. Они собирали ровно столько, чтобы утолить голод, и съедали без остатка то, что собирали.

Там же.— С. 69, 70, 87, 90.

Излишнее время (от рыбной ловли) они (ительмены) употребляют на собирание разных трав, кореньев и ягод не токмо на пищу, но и в лекарства...

Когда осень настанет... женщины водятся с кропивою, рвут, мочат, мнут, обдирают и кладут под балаганы, ходят по тундрам и вынимают из мышьих нор лилейные коренья...

Весною... женщины ходят по тундрам, собирают черемшу[1] и другие молодые травы не токмо для награждения обыкновенного тогдашнего недостатку в пище, но и для забавы: ибо они зелень так любят, что все вешнее время почти из роту не выпускают. Женский пол весь тогда по тундрам ходит, и вечером с превеликими ношами домой возвращаются, однако тех нош не станет им на сутки.

Крашенинников С. П. Указ. соч.— С. 383, 384.

Под крышей над входом в одну хижину я заметил большого жука, энергично старавшегося освободиться из петли, которая стягивала его поперек. Лялай, семилетний сын Туя, заявил, что это его жук, которого он принес, чтобы съесть... Туй указал мне на большого паука и сказал, что жители Горенду, Бонгу и Гумбу[2] едят также и «кобум» (пауков). Итак, к мясной пище папуасов следует причислить личинки бабочек, жуков, пауков и т. п.

...Двое других были заняты около толстого гнилого пня, который они прилежно рубили каменными топорами...

Порубив некоторое время, они останавливались и с большим аппетитом жевали и глотали толстые личинки, иногда обеими руками кладя их в рот.

Миклухо-Маклай Н. Н. Указ. соч.— С. 106, 161.

6. Охота

В первобытной охоте имели значение, с одной стороны, массовые приемы (облавы, загоны), с другой — всевозможные ловушки, капканы, сети и т. д. На ранней стадии охота велась коллективно и организованно, на поздней — индивидуально. В первобытном обществе охота никогда не была единственным способом добычи пищи. Более интенсивно она развивалась и дольше держалась в лесных местностях. В арктических районах развился особый вид охоты — на морских животных. Первобытная охота имела целью добычу пищи и иных средств существования (шкуры, кости, сало, рога, сухожилия, перья).

Зверей на Камчатке великое изобилие...

Промышляют их наибольше отравою, клепцами[3] и луками.

По Сибири промышляют медведей... ямами, в которые вколачивают вострую обожженную и гладко выскобленную сваю... он (медведь) принужден бывает бежать скорее и, набежав на яму, провалиться и брюхом упасть на сваю.

Крашенинников С. П. Указ. соч.— С. 241, 242, 248.

Не было еще 11 часов, и я[4] не думал собираться на новую для меня охоту, как вдруг послышались приближающиеся голоса, а затем скоро явилось несколько жителей Бонгу в полном воинском убранстве, с туго натянутыми луками и множеством вновь заостренных стрел разного рода. Каждый имел по два копья, концы которых

[1] *Черемша* — дикий чеснок.
[2] Папуасские деревни в районе бухты Астролябии.
[3] *Клепцы* — приспособление для ловли пушных зверей.
[4] Н. Н. Миклухо-Маклай был приглашен папуасами для участия в охоте, которую он описывает.

были натерты красной землей, как бы уже покрытые кровью... Пришедшие за мной объявили, что унан (высокая трава) уже горит и что следует идти немедленно... Выйдя из леса, я увидел в сотне шагов, у самой земли, полосу огня, которая удалялась от нас, оставляя после себя черные обгорелые следы унана и груды легкого пепла...

Мы подошли шагов на десять к линии огня, и каждый из нас избрал себе кочку для наблюдения; таким образом, параллельно огневой линии образовалась цепь охотников, следящих за движением пламени и готовых напасть на добычу... Туземцы, стоя в воинственных позах, держа луки и стрелы в левой руке, а в согнутой правой — копье, над плечом наперевес, острием вперед, внимательно следили за движением пламени, желая каждый первым открыть неприятеля. Несколько мальчиков, лет десяти-одиннадцати, с миниатюрными луками и копьями, также стояли немного поодаль от отцов и служили живым примером того, как наука папуасской жизни передается из поколения в поколение...

Очень утомившись, я положительно заснул бы стоя, если бы по мере удаления огня голос соседнего часового не напомнил мне, что надо идти вперед. После томительных двух часов мы дошли до противоположной стороны. Наша линия сошлась с встречной линией. Взоры туземцев, внимательно исследуя почерневшую поляну, ничего не находили, и, когда последние стебли вспыхнули и потом мелким дождем пепла разлетелись по воздуху, я услышал от ближайшего охотника неутешительное «буль арен» (свиньи нет). Мы сошли со своих кочек. Несколько жителей Гумбу, образовавших противоположную линию, тоже заявили, что ничего не видели... как вдруг крик отошедших в сторону туземцев: «Буль, буль!» — заставил меня оглянуться. В сотне шагов, лавируя между многочисленными копьями, которые со всех сторон вонзались в землю, бежала большая свинья... Подбежавшие туземцы не дали мне времени выстрелить: один копьем пробил ей бок, другое копье пролетело мимо, а из трех стрел одна («палам» с широким, плоским бамбуковым концом) вонзилась в шею животного. Оно имело еще настолько силы, что несколькими движениями освободилось от копья и стрелы, конец которой остался в ране... Партия людей Бонгу пришла объявить, что они убили одну свинью, но что при этом Саул, которого она повалила, был так ею искусан, что бок, рука, голова и глаз были все в крови, когда его отвели в Бонгу.

Миклухо-Маклай Н. Н. Указ. соч. — С. 185—187.

7. Охота в «Песне о Гайавате» Г. Лонгфелло

Генри Лонгфелло (1807—1882) — американский поэт, написал на основании индейских сказаний «Песнь о Гайавате» (1855) — эпос, в котором красочно описаны трудности борьбы первобытного человека с природой. Охота не всегда была удачной, человек голодал.

О Зима! О дни жестокой;
Бесконечной зимней стужи!
Лед все толще, толще, толще

Становился на озерах;
Снег все больше, больше, больше
Заносил луга и степи;
Все грозней шумели вьюги
По лесам, вокруг селенья.
Еле-еле из вигвама,
Занесенного снегами,
Мог пробраться в лес охотник;
В рукавицах и на лыжах
Тщетно по лесу бродил он,
Тщетно он искал добычи,—
Не видал ни птиц, ни зверя,
Не видал следов оленя...
Страшен был, как привиденье,
Лес блестящий и пустынный,
И, от голода, от стужи
Потеряв сознанье, падал.
Погибал в снегах охотник...
Всю тоскующую землю
Изнурил недуг и голод,
Небеса и самый воздух
Лютым голодом томились,
И горели в небе звезды,
Как глаза волков голодных!..

Лонгфелло Г. Песнь о Гайавате. — Л., 1976.— С. 231—232.

8. Рыболовство

Наряду с собирательством и охотой позднее развилось рыболовство, ставшее в зависимости от природных условий у некоторых народов основным, но не единственным способом добычи пищи. Оно всегда соединялось с охотой, а позже с земледелием.

Сети, которыми чавыча ловится, вяжут из пряжи... а лов ее продолжается с половины мая около шести недель. Упомянутыми сетями ловят и морских бобров (каланов), которые хотя чавычь и несравненно больше, однако не столь бойки, как оная рыба, и для того пробивать их (сети) не могут.

Летнее время мужчины трудятся в ловле рыбы, в сушении ее, в перевозке от моря на свои жилища, в припасе собакам корму, костей и кислой рыбы, а женщины между тем чистят изловленную рыбу, пластают, а иногда и в ловле мужьям способствуют.

Крашенинников С. П. Указ. соч.— С. 303, 304, 383.

Наблюдал долго, как сын Туя, мальчик лет 15, стрелял из лука в рыбу, но очень неуспешно: не попал ни в одну. Стрелы исчезали на секунду в воде, а затем выплывали на поверхность, стоя в воде перпендикулярно. Затем они снова были собраны охотником. Стрелы эти отличаются от обыкновенных тем, что имеют вместо одного острия несколько — четыре, пять, иногда и более. Острие сделано из твердого дерева и всажено в длинный, тонкий тростник.

Вдруг Туй сделал энергичный прыжок, и одна из рыбок оказалась пойманной. Туй ловил их ногой. Он сперва придавил ее ступней, а потом поднял, ухватив между большим и вторым пальцем ноги. Согнув колено, он протянул руку и, высвободив добычу, положил рыбку в мешок. После этого, быстро нагнувшись и схватив камень, Туй бросил его в воду с значительной силой; потом, подойдя к тому месту, куда был брошен камень, он, стоя на одной ноге, поднял другую, убитую камнем рыбку.

На платформе каждой пироги лежал целый ворох связанной в пучки длинной сухой травы... Стоящий впереди пироги туземец зажигал один за другим эти пучки и освещал поверхность воды. На платформе помещался другой туземец с «юром» (острогой), футов 8 или 9 длины, который он метал в воду и почти каждый раз сбрасывал ногой с юра две или три рыбки. Юр так устроен, что, погрузившись в воду и захватив добычу (рыбки остаются между зубьями), поднимается из воды сам и плавает, стоя почти перпендикулярно в воде. Наконец, третий папуас управлял пирогой, сидя на корме.

Миклухо-Маклай Н. Н. Указ. соч.— С. 41, 48, 88.

9. Начало скотоводства

Скотоводство возникло из охоты вследствие приручения, а затем разведения тех же животных, на которых в течение многих тысячелетий люди охотились в областях своего обитания. Приручение и одомашнивание животных происходило во многих областях земного шара в разное время и при различных условиях. Одомашненные животные размножаются в неволе и дают новые породы скота. Процесс одомашнивания животных был длительным и трудным.

Первым домашним животным была собака. Собаку было легко приручить, так как она питается тем же, чем и человек, а также отбросами его пищи. Вначале собак использовали на охоте, для передвижения и охраны жилищ. Употребляли их мясо в пищу. Позже были приручены свиньи, мелкий рогатый скот (овцы, козы), еще позже крупный рогатый скот. Лошадь относится к числу последних одомашненных животных. Одомашненные животные служили тягловой силой, давали мясо, жир, шкуры, шерсть, молоко. Первоначально человек разводил животных ради мяса и шкур, затем он научился использовать их шерсть и позднее употреблять молоко.

Поелику собаки единственная их (камчадалов) дворовая скотина, то они почитаются у них за велико и содержатся в знатном количестве. Они кормят их рыбьими костями и остатками как от рыб, так и от дичи... Кроме гоньбы, употребляют их зимою и в упряжку. Одна собака везет на себе около двух пудов грузу. В сани впрягают они обыкновенно от четырех до осьми собак попарно; ...Они переезжают на таковых своих бегунах без остановки часов в пятнадцать более 100 верст.

Георги И. Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, украшений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей.— СПб., 1799.— Ч. III.— С. 65.

10. Начало земледелия

Земледелие, начало которому положила женщина, возникло из собирательства. Первоначально оно имело ограниченный характер. Для посева расчищались маленькие участки земли: каменными топорами вырубали небольшие деревья и кустарники, затем их сжигали. Зола служила удобрением. По мере истощения почвы и ее засорения сорняками старые участки оставлялись и осваивались новые. Такая система земледелия называется подсечно-огневой.

Расчищенные и засеянные участки земли огораживали, защищая их от диких животных. Древнейшим земледельческим орудием была палка-копалка с заостренным концом, которую применяли ранее при собирательстве. Позднее появились палки с плоскими концами (отсюда ведет происхождение лопата) и мотыга, весьма совершенное и широко распространенное земледельческое орудие. В связи с этим раннее земледелие называют мотыжным. Вначале мотыга представляла собой обыкновенный сук с коротким отростком, в дальнейшем к рукоятке стали прикреплять заостренный камень, роговой или костяной наконечник.

Люди выращивали те полезные растения, которые в диком виде произрастали в местах их обитания. Например, родина риса — Индокитай, кукурузы, картофеля, подсолнечника, табака, тыквы — Америка, капусты — Южная и Западная Европа, пшеницы — Азия и т. д. Позже в порядке обмена культурные растения распространялись по Земле.

Плантация была недавнего происхождения...

Несколько перекрещивающихся дорожек разделяли большое огороженное пространство на участки, на которых возвышались очень аккуратно расположенные, довольно высокие полукруглые клумбы. Они имели около 75 *см* в диаметре... В каждой клумбе были посажены различные растения, как то: сладкий картофель, сахарный тростник, табак и много другой зелени, мне неизвестной...

Клумбы состоят из тщательно измельченной земли. Все это достигается, как я увидел, весьма просто, но с большим трудом, с помощью самых примитивных орудий: простого заостренного кола, более 2 *м* длины... и узкой лопаты в 1 *м* длины. Вот в чем заключается процесс обработки. Двое, трое или более мужчин становятся в ряд и вместе разом втыкают свои колья по возможности глубже в землю, потом тоже разом поднимают продолговатую глыбу земли, затем идут далее и выворачивают целые ряды таких глыб. Несколько человек также при помощи кольев разбивают эти глыбы на более мелкие; за ними следуют женщины, вооруженные... узкими лопатами, разбивают большие комья земли, делают клумбы и даже растирают землю руками.

Миклухо-Маклай Н. Н. Указ. соч.— С. 99—100, 108.

Первые ремесла

Развитие ремесел в первобытном обществе в значительной мере зависело от местных условий, наличия сырья. Наиболее ранними ремеслами были обработка дерева, древесной коры и шкур, выделка кожи, войлока, плетение, гончарство. Пути возникновения гончарства, или керамики (от греч. «keramoc» — глина), очевидно, были различными. Гончарство могло возникнуть из обмазывания глиной плетеных сосудов, выдавливания углублений в куске глины и т. п. Первоначально

широко была распространена ленточная, или жгутовая, техника. Глиняные жгуты накладывались на форму по спирали и сдавливались. Все это производилось без гончарного круга. Сосуды были грубыми с круглым дном. Их устанавливали в специальном углублении.

Глиняная посуда — изобретение женщин. Употребление глиняных сосудов позволило усовершенствовать способы приготовления и хранения пищи, а следовательно, и расширить ассортимент пищевых продуктов, лучше сохранять жидкости и т. д.

Предпосылкой для массового внедрения глиняной посуды в быт явилась оседлость, так как сосуды тяжело переносить во время кочевок. В свою очередь развившееся гончарство содействовало переходу от временных стоянок к поселкам.

11. Изготовление пироги[1]

...И ножом кору березы
Опоясал Гайавата
Ниже веток, выше корня,
Так, что брызнул сок наружу;
По стволу, с вершины к корню,
Он потом кору разрезал,
Деревянным клином поднял,
Осторожно снял с березы...
И, срубивши сучья кедра,
Он связал из сучьев раму,
Как два лука, он согнул их,
Как два лука, он связал их...
Из земли он вырвал корни,
Вырвал, вытянул волокна,
Плотно сшил кору березы,
Плотно к ней приладил раму.
«Дай мне, Ель, смолы тягучей,
Дай смолы своей и соку:
Засмолю я швы в пироге,
Чтоб вода не проникала,
Не сочилася в пирогу...»
И собрал он слезы ели,
Взял смолы ее тягучей,
Засмолил все швы в пироге —
Защитил от волн пирогу...

Лонгфелло Г. Песнь о Гайавате.— Л., 1976.— С. 86—87, 89.

12. Гончарство

Женщины на острове Били-Били очень деятельны; на них лежит приготовление горшков, которые развозятся и вымениваются их отцами или мужьями в береговых деревнях...

Затем я имел случай видеть производство горшков, которым Били-Били славится по берегу Новой Гвинеи на несколько десятков миль... Выделкой их занимается почти каждая семья, и у каждой хижины под крышей стоят ряды готовых и полуготовых горшков. Выделывание горшков выпадает на долю женщин. Я проследил весь процесс, начиная от смешивания глины с мелким песком до обжигания готовых горшков.

Орудия, употребляемые при выделке горшков, ограничиваются двумя или тремя дощечками и парой круглых, немного при-

[1] *Пирога* — индейская лодка.

плюснутых с обеих сторон камней. Сперва с помощью плоской палочки делается из глины верхний ободок горшка, который оставляется сушиться на солнце. Когда он немного отвердеет, к нему мало-помалу прилепляются по кускам остальные стенки, которые выравниваются. Правильная форма горшку придается тем, что, держа горшок на коленях, женщины просовывают левую руку с круглым или плоским камнем в горшок, подставляя его к внутренней поверхности стенки, а правой рукой ударяют дощечкой по соответствующему месту на внешней стороне и выравнивают при этом как поверхность, так и толщину горшка. Когда горшок готов, его сперва сушат на солнце, а потом обжигают на слое хвороста, обкладывая листьями, тонкими прутьями и т. п. Положив горшки в несколько рядов один на другой и обложив всю кучу мелким, легким хворостом, поджигают костер.

Все горшки приблизительно одной формы, хотя разной величины. Украшений на них мало: иногда ряд точек вокруг горла или род звезды, иногда те же украшения выдавлены ногтем.

Миклухо-Маклай Н. Н. Указ. соч.— С. 124, 126.

13. Плетение

Материалом для плетения служили стебли и волокна растений, гибкие прутья, волос, кожи и т. д. Плели циновки, корзины, веревки, сети, пояса, сумки и т. п. Плетение из волокон положило начало прядению.

(Ительмены из травы) ...плетут ковры свои, епанчи, мешочки и другие домашние мелочи... женщины наибольше трудятся в сучении ниток на сети. И сия их работа так продолжительна, что одна баба едва столько насучить может, чтоб мужу достало потребных сетей на лето, а у которых семья побольше, то готовят и с излишеством...

Крашенинников С. П. Указ. соч.— С. 384.

...Несколько молодых девушек и мальчиков плели, сидя на земле, циновки из листьев кокосовой пальмы и подавали их людям, поправляющим крышу...

Туземцы хорошо плетут разные украшения, как, например, браслеты... или повязки для придерживания волос... из различных растительных волокон... Корзины... (плетут) из кокосовых листьев...

Миклухо-Маклай Н. Н. Указ. соч.— С. 30—32, 80—81.

14. Первоначальный обмен

Обмен начался с простейшей формы — подарков и отдаривания.

По той же причине и торги у них не для богатства были, но для получения нужного к содержанию. Корякам давали они соболи, лисицы, рослые белые собачьи кожи, сушеный мухомор и другие мелочи, а от них получали шитое оленье платье и кожи. Между собою менялись тем, в чем один против другого имел изобилие

и недостаток, в том числе почитались собаки, лодки, чаши, корыта, сети, крапива мятая и съестные припасы...

Крашенинников С. П. Указ. соч.— С. 369.

Отправляясь в гости, туземцы всегда берут с собою подарки и вещи для обмена, пользуясь при этом тем, в чем они сами имеют избыток...

Надо заметить, что в этом обмене нельзя видеть продажу и куплю, а обмен подарками: то, чего у кого много, он дарит, не ожидая непременного вознаграждения.

Миклухо-Маклай Н. Н. Указ. соч.— С. 28, 197.

§ 4. РОДОВАЯ ОБЩИНА, ПЛЕМЯ

Ранние человеческие коллективы, насчитывавшие от 20 до 40 человек, принято называть первобытными человеческими стадами. Стадами называли первые группы людей Ф. Энгельс[1] и В. И. Ленин[2]. Стадность унаследована людьми от своих животных предков. Стада человеческие с самого возникновения отличались от стад человекообразных обезьян большей сплоченностью, необходимой для совместной защиты от хищных зверей и добычи пищи. Важнейшим условием существования человеческого стада был труд, который при всем своем несовершенстве вносил в стадо начальные элементы производственной организации, отсутствовавшие в стаде обезьян. Основная линия в становлении человеческого общества заключалась в повышении устойчивости стад, в сплочении их членов на базе все увеличивавшейся роли труда. Совместные труд и жизнь сплачивали людей, делая стада более замкнутыми, обособленными.

От стада совершился переход к роду, проблема происхождения которого — одна из самых трудных в науке о первобытном обществе. Процесс смены стада родом реконструируют лишь теоретически. В настоящее время род и родовая община противопоставляются друг другу. Однако единого мнения о соотношении рода и родовой общины пока нет. Превращение стада в род было вызвано ростом производительных сил и связанным с ним изменением производственных отношений. Родовая община — это кровнородственный хозяйственный коллектив с совместным производством, общей собственностью на средства производства и продукты потребления, характеризующийся экзогамией[3], односторонним счетом родства (по материнской или отцовской линии), общностью территории, единством имени и культа, демократическими порядками в общественной жизни. Роды объединялись в племена. Начало новой социальной общности — племени составили теперь два экзогамных рода. Развитое племя состояло из четырех, шести или восьми родов. Новые роды образовывались путем расчленения первоначальных. При благоприятных условиях роды разрастались, прокормиться на родовой территории становилось труднее. Поэтому от первоначальных материнских родов отделялись группы близких родственников, дававшие начало новым родам. Отделившаяся группа занимала новую территорию, но продолжала поддерживать связь с материнским родом, сохраняя общие названия и язык.

---

[1] См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч.— 2-е изд.— Т. 34. — С. 138.

[2] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 48 — С. 232.

[3] *Экзогамия* — порядок заключения брака, согласно которому браки между членами родовой общины запрещались.

15. Морган Л. Г. о роде и племени

Л. Г. Морган (1818—1881 гг.) — американский историк и этнограф. Наиболее полное изложение его учения содержится в труде «Древнее общество» (1877 г.). Им же написан труд «Дома и домашняя жизнь североамериканских туземцев» (1881 г.). Его выводы основаны на изучении фактов, взятых из этнографии, археологии и истории всех частей земного шара, но особое значение имело изучение им общественных отношений у североамериканских индейцев — ирокезов, среди которых он жил. Морган впервые показал значение рода как основной формы первобытнообщинного строя, показал универсальность развития рода от архаической материнской к отцовской форме. Он установил, что экономика первобытного общества базировалась на общинной собственности, что брак и семья в своем развитии прошли ряд стадий.

Учение Моргана в целом не утратило силы и поныне, несмотря на то что отдельные его взгляды устарели, например, предложенная им периодизация первобытного общества («дикость», «варварство»). Нижеприведенные отрывки свидетельствуют о родо-племенной структуре, организации управления у индейцев Северной Америки.

1. Род, хотя и был древнейшей социальной организацией, основанной на родстве, не включал всех потомков одного общего предка. Это потому, что, когда род возник, брак отдельных пар был неизвестен и происхождение по мужской линии не могло быть установлено достоверным образом. Родственники были связаны друг с другом главным образом узами их материнского происхождения. В древнем роде счет происхождения ограничивался женской линией. Род охватывал всех таких лиц, ведших свое происхождение от одной предполагаемой праматери, по женской линии, причем факт этот устанавливался обладанием общим родовым именем. Он включал таким образом эту праматерь с ее детьми, детей ее дочерей и детей ее женских потомков по женской линии до бесконечности, тогда как дети ее сыновей и дети ее мужских потомков по мужской линии принадлежали к другим родам, а именно к родам своих матерей...

При счете происхождения по мужской линии род охватывал всех лиц, которые вели свое происхождение от предполагаемого общего прародителя только через мужчин, причем доказательством этого было, как и в первом случае, обладание общим родовым именем. Род включал этого предка и его детей, детей его сыновей и детей его мужских потомков по мужской линии до бесконечности, тогда как дети его дочерей и дети его женских потомков по женской линии должны были принадлежать к другим родам, а именно к родам своих отцов... Переход рода из одной формы в другую был чрезвычайно прост и не повлек за собой его гибели. Как будет показано в другом месте, для этого требовалась лишь соответствующая причина. Тот же самый род, но перешедший к счету происхождения по мужской линии, остался единицей общественной системы. Он не мог бы достигнуть второй формы, если бы ранее не существовал в своей первой форме...

Индейское племя состоит из нескольких родов, развившихся из двух или более начальных родов, все члены которых переме-

шались путем брака и говорят на одном и том же диалекте. Посторонний глаз видит племя, но не род...

Новые племена, равно как и новые роды, образовывались постоянно путем естественного роста... Процесс этот был весьма прост. Сначала происходил постепенный отлив людей из какого-нибудь перенаселенного географического центра... Поскольку это продолжалось из года в год, в некотором отдалении от первоначального пребывания племени вырастало значительное население. С течением времени интересы и чувства эмигрантов должны были обособиться, и наконец возникало также различие в языке. За этим следовало разобщение и независимость, хотя территории их и граничили между собой. Так создавалось новое племя.

Морган Л. Г. Древнее общество.— Л., 1934.— С. 41, 61, 62.

§ 5. РОДО-ПЛЕМЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ УПРАВЛЕНИЯ

Управление родовой общиной осуществлялось старейшиной и советом. Старейшина избирался всеми членами рода, а совет состоял из опытных старейших членов рода. В совет племени входили главы родов. Главою племени избирался один из наиболее влиятельных старейшин рода. На время войн избирались вожди (предводители воинов) из членов рода, наиболее подходящих для этой цели (храбрые, сообразительные).

16. Избрание вождей

Почти у всех племен американских индейцев имелись две степени вождей, а именно: сахемы (старейшины) и обыкновенные вожди. Они избирались в каждом роде из числа его членов... Должность сахема была наследственной в роде в том смысле, что она замещалась вновь, как только освобождалась вакансия; должность вождя, напротив, не была наследственной, так как она давалась в награду за личные заслуги и со смертью ее носителя прекращалась. Далее обязанности сахема ограничивались исключительно мирными делами. Сахем не участвовал в военных действиях. С другой стороны, вожди, возведенные в эту должность за личную храбрость, мудрость или красноречие в совете, составляли обыкновенно по своему положению высший класс, хотя и не имели особой власти в роде. Сахем имел дело преимущественно с родом, официальным главою которого он состоял; вождь — преимущественно с племенем, к членам совета которого принадлежал как он, так и сахем... Будучи наследственной в роде, должность эта (сахема) была выборной из числа его мужских членов. При рассмотрении индейской системы кровного родства мы увидим, что все мужчины рода были между собою либо братьями, родными или коллатеральными (двоюродными), либо же коллатеральными дедами и внуками. Это объясняет порядок наследования должности сахема, которая переходила от брата к брату или от дяди к племяннику и очень редко от деда к внуку. Выбор, производившийся свободным голосованием взрослых мужчин и женщин, обычно падал на брата умершего сахема или на одного из сыновей его сестры, причем особое предпочтение отдава-

лось родному брату или же сыну родной сестры. Между несколькими братьями, родными и коллатеральными, с одной стороны, и сыновьями нескольких сестер, родных и коллатеральных — с другой, не существовало первенства в правах по той причине, что все мужчины рода имели одинаковое право быть избранными. Сделать выбор между ними составляло функцию избирательного начала.

В случае смерти сахема, . апример, у сенека-ирокезов, созывался совет родичей для назначения его преемника. По существующим порядкам должны были баллотироваться два кандидата, оба члены рода. Каждому достигшему зрелого возраста предоставлялось высказаться за того или другого, и получивший большинство голосов считался избранным. Требовалось, однако, согласие остальных семи родов [племени], чтобы избрание считалось окончательным. Если роды, собравшиеся для этой цели... отказывались утвердить назначение, то оно тем самым отменялось и род приступал к новым выборам. Если избранный своим родом принимался остальными родами, то избрание его считалось окончательным... Демократический принцип, получивший свое начало в родовой организации, проявлялся в том, что родичи сохраняли право избирать сахема и вождей, в мерах, предохраняющих эту должность от узурпации, и, наконец, в праве протеста против избрания, принадлежавшем остальным родам.

Там же.— С. 43—44.

17. Смещение вождей

Это право, не менее важное, чем право избрания, также сохранялось за членами рода. Хотя номинально должность была и пожизненной, однако на практике обладание ею зависело от хорошего поведения, поскольку существовала возможность смещения. Возведение в должность сахема символизировалось «надеванием рогов», а его низложение — «снятием рогов». Рога были эмблемой должности и власти у племен, обитающих в самых различных местах... Недостойное поведение, повлекшее за собой потерю доверия, давало достаточное основание для смещения с должности. После того как сахем или вождь был смещен в должном порядке советом своего рода, он переставал признаваться таковым и отныне становился частным лицом. Совет племени также имел право смещать как сахемов, так и вождей, не ожидая соответствующих действий со стороны рода и даже против его желания. Благодаря наличию и время от времени осуществлению этого права утверждалась и сохранялась верховная власть родичей над их сахемом и вождями. Это свидетельствует также о демократическом строе рода.

Там же.— С. 44—45.

18. Совет рода и племени

Совет был выдающейся чертой древнего общества, азиатского, европейского и американского, от возникновения рода в периоде

дикости и до цивилизации[1]. Он был орудием управления, как и верховной властью в роде, племени... Обыкновенные дела решались вождями, но все, что касалось общих интересов, передавалось на решение совета...

Самой простой и низшей формой совета был совет рода. Это было демократическое собрание, так как каждый взрослый член рода, мужчина и женщина, имел голос по всем вопросам, которые на нем ставились. Он выбирал и смещал сахема и вождей, выбирал «хранителей веры», прощал или мстил за убийство родича и усыновлял в род чужих. Он был зародышем совета племени...; каждый из этих советов состоял исключительно из вождей — представителей родов.

Там же.— С. 51.

§ 6. РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ

В древнекаменном веке в основном завершился процесс формирования человека. Люди научились не только пользоваться огнем, но и добывать его искусственным путем, строить первые жилища, значительно шагнула вперед техника обработки камня. Однако многое им оставалось непонятным, недоступным из-за низкого уровня развития производительных сил и ограниченности знаний. Знание помогает покорять природу, а незнание заставляет подчиняться ей. «...Бессилие дикаря в борьбе с природой»[2] породило религию, «... *превратное мировоззрение*»[3]. Вскрывая сущность религии в «Анти-Дюринге», Ф. Энгельс пишет: «...всякая религия является не чем иным, как фантастическим отражением в головах людей тех внешних сил, которые господствуют над ними в их повседневной жизни,— отражением, в котором земные силы принимают форму неземных»[4]. Религия — это вера в сверхъестественное. К религии относится и вера в единого бога, характерная для так называемых «высших» религий, и вера в добрых и злых духов, существовавших у первобытных людей, и вера в гадания, приметы, чудеса, пророчества, заклинания и т. д. По этому критерию отличают все относящееся к религии. Первобытные люди, не зная причин явлений природы, приписывали их действию сверхъестественных сил (духи, души, боги), старались их задобрить жертвоприношениями, произносили заклинания с целью направить действия духов, богов в нужном направлении.

Ниже приведены отрывки с описанием веры в духов и богов, жертвоприношений, всевозможных заклинаний папуасов берега Маклая, жителей Камчатки и о-ва Овиги (Гавайи), а также мифы. Папуасы и ительмены изображали богов с туловищем человека и головой животного, рыбы, что доказывает наличие у них тотемизма в прошлом. О религиозных верованиях первобытных людей, о «храмах», изображениях богов желательно напомнить учащимся при изучении религии народов Древнего Востока, Греции, Рима, выявляя при этом общие и отличительные черты.

19. Вера в духов, богов, идолопоклонство

Все почти места в свете: небо, воздух, землю, горы и леса — населили они различными духами, которых опасаются и больше

---

[1] *Период дикости,* по Моргану,— первый период в истории первобытного общества; *период цивилизации* начинается с появлением классового общества.

[2] Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 12.— С. 142.

[3] Маркс К., Энгельс Ф. Соч.— 2-е изд.— Т. 1.— С. 414.

[4] Там же.— Т. 20.— С. 328.

бога почитают. Жертвы дают при всяком случае, а иные и болваны при себе носят или имеют в своих жилищах...

У северных камчадалов бывает в юртах по два идола, из которых один называется хантай, а другой — ажушак. Хантай делается наподобие сирены, то есть с головы по груди человеком, а оттуда рыбою, и становится обыкновенно подле огнища... Идол сего хантая ежегодно делается новый во время грехов очищения и ставится со старым вместе, по числу которых можно узнать, сколько которой юрте лет от построения. Ажушак есть столбик с обделанною верхушкою наподобие головы человеческой, ставится над домашнею посудою и почитается за караульщика, отгоняющего от юрты лесные духи, за что и кормят его камчадалы по всякий день, мажут ему голову и рожу вареною сараною или рыбою...

Богом камчадалы почитают некоего Кутху[1], от которого произошел народ их. Кто сотворил небо и светила небесные, не ведают, токмо сказывают, что оные прежде земли были, о сотворении которой объявляют двояко: иные говорят, что Кутху сотворил землю из своего сына, называемого Сымскалин, которого родила его жена Илькхум, гуляя с ним по морю; а другие, что Кутху с сестрою Хутлыжичь землю снесли с неба и утвердили на море, а море сотворил Утлейгын, который и поныне в нем пребывает. Однако в том все вообще согласны, что Кутху до сотворения земли жил на небе...

Кутху по сотворении земли оставил небо и поселился на Камчатке, где родил другого сына именем Тыжил-Кутху да дочь Сидуку...

Кутху, оставя сына своего и дочь, с Камчатки отбыл, а куда девался, не ведают, токмо то объявляют, что он пошел с Камчатки на лыжах и что горы и долы сделались от его путешествия, ибо земля под ним гнулась, как тонкий лед, и таким образом лишена своей ровности и плоскости.

Крашенинников С. П. Указ. соч.— С. 369, 376, 406, 407.

...Я пожелал посмотреть на их телумы (идолы). Меня повели к одной хижине, но в ней было так темно, что пришлось уговорить туземцев вынести телум из хижины. Это был первый телум, изображавший женскую фигуру. Нарисовав его, я направился в довольно обширную буамрамру (большую хижину), стоявшую посередине деревни. Четыре угловых столба были вырезаны в виде телумов.

б) Отдыхая в прохладной буамрамре, я заметил старый телум, у которого тело было человеческое, а голова крокодила.

Миклухо-Маклай Н. Н. Указ. соч.— С. 123, 154.

20. Жертвоприношения

Человек, отправляющийся на охоту в чужой район или на рыбную ловлю к озеру или реке, приносит в жертву этой местности некоторую часть из своих ограниченных запасов провизии.

---

[1] *Кутху* (Кутх) — центральный персонаж в мифологии и фольклоре обитателей Чукотки, представляемый в образе Ворона; первопредок.

На суше он раскидывает по сторонам свое приношение, на реке или озере он бросает его в воду.

После удачной охоты на какого-нибудь большого зверя — волка, росомаху, черного или полярного медведя, дикого оленя, моржа, тюленя, лахтака (вид тюленя), когда добыча принесена домой, совершаются различные обряды. Их общей чертой является «предоставление питья и подстилки» убитому зверю. Символически это выражается тем, что из дома выносят небольшое количество воды и льют ее на голову зверя, лежащего на снегу перед входом в юрту. Под туловище подкладывают для подстилки маленькую ивовую веточку.

Приморские чукчи «дают пить» всем убитым на охоте большим зверям, в особенности моржам, но «подстилка» (подкладывание ивовой ветки под туловище зверя) часто отсутствует. Азиатские эскимосы «дают пить» только первому моржу, убитому во время сезона охоты.

Богораз-Тан В. Г. Чукчи. Л., 1939.—Т. II.— С. 79.

21. Заклинания

У чукчей существуют самые разнообразные заклинания. Нет ни одного момента в жизни, нет ни одного действия, которое считалось бы слишком незначительным для того, чтобы не сопровождаться особым заклинанием. Человек, едущий на оленях, употребляет заговор, чтобы сократить путь. Голодный человек, который ест вместе с кем-нибудь из одного блюда, старается заклинаниями сделать движения своего товарища более медленными, чем свои. Женщины обращают заклинания к своим сухожильным ниткам, чтобы сделать их прочнее.

Некоторые заклинания представляют собой очень короткую формулу, состоящую всего лишь из нескольких слов. Другие более пространны...

Заклинания могут быть получены в наследство от родителей, которые передают их, чувствуя приближение смерти...

Их можно купить у знающих людей. Знающими людьми являются большей частью, конечно, шаманы.

Там же. С. 146, 147.

22. Заклинания при охоте на морского зверя

Когда охотники, выехавшие на байдаре, находят стадо моржей, сидящих на льду, байдара, ударяясь о мелкие льдины, производит шум, тогда человек, произносящий заклинание, говорит: «О, моржи! Я кладу ваши уши на широкую железную сковородку, чтобы вы не могли услышать шуршащего звука подъезжающей байдары».

Там же. С. 166.

23. Место поклонения идолам и жертвоприношений

Юрий Федорович Лисянский (1773—1837 гг.) совершил в 1803—1806 гг. совместно с И. Ф. Крузенштерном первое русское кругосветное путешествие, собрал богатый материал по океанографии и этнографии, который представляет большую ценность для изучения первобытных племен Океании и северной части Тихого океана. Он наблюдал их в стадии родовых отношений, впервые подробно описал своеобразную, древнюю гавайскую культуру с ее законами «табу» (запрет), человеческими жертвоприношениями, обычаями, верованиями.

Ниже приведены отрывки с описанием идолов, жертвоприношений и мест, где совершались поклонения идолам и жертвоприношения жителей двух деревень острова Овиги. Места эти — прообразы будущих храмов.

Каждый здешний житель (на о-ве Нука-Гива — одном из Маркизских о-вов) чистосердечно верит, что душа деда переселяется в его внука.

Этот храм построен на возвышенности и обнесен сделанным из жердей палисадом длиною около 50, а шириною около 30 шагов. Он имеет четырехугольный вид. На стороне, прилежащей к горе, поставлены 15 идолов, перед которыми сооружен жертвенник из необделанных шестов, весьма похожий на рыбную сушильню. Здесь-то жители приносят свои жертвы. Во время нашего осмотра мы нашли тут множество разбросанных кокосов, бананов и небольшого жареного поросенка, который, по-видимому, был принесен еще недавно. По правую сторону от жертвенника стояли две небольшие статуи, а несколько далее небольшой жертвенник для трех идолов, против которых на другой стороне находилось такое же число истуканов. Один из них, кажется от ветхости, подперт шестом. Близ моря стоял небольшой и уже почти развалившийся домик.

Пока мы все это рассматривали, подошел к нам главный жрец. Через переводчика я его спрашивал о многом, но он мало удовлетворил мое любопытство. Я только мог узнать от него, что 15 статуй, обернутых тканью по пояс, представляют божества войны. Идолы, стоящие по правую сторону жертвенника, изображают божества весны или начала растений, а находящиеся напротив них истуканы — божества осени, заботящиеся о зрелости плодов. Упомянутый нами выше небольшой жертвенник посвящен божеству радости, перед которым жители веселятся и поют в урочное время. Должно признаться, что храмы сандвичан (гавайцев), кроме сожаления о слепоте и невежестве последних, не могут возбудить в путешественнике другого чувства. В них нет ни чистоты, ни приличного таким местам украшения, и если бы не было в них истуканов, которые, впрочем, выдолблены самым грубым образом, то каждый европеец счел бы их за изгородь для скота. При выходе из этих мест мы перелезли через низкую каменную ограду, а жрец прополз в ворота, или, лучше сказать, в лазейку, уверяя меня, что если бы он осмелился последовать нашему примеру, то по их уставу непременно лишился бы жизни.

В Тавароа находится девять небольших храмов, или, лучше сказать, оград, наполненных идолами. Приставленный к ним жрец

уехал в это время на рыбную ловлю, поэтому войти в их внутренность нам было запрещено. Впрочем, между (этими) храмами и карекекуйскими[1] нет никакой разницы. Они только гораздо меньше последних. Каждый из них посвящен особому божеству и принадлежит кому-нибудь из здешних старейшин.

Истуканы сделаны самым грубым образом и без всякой соразмерности. У многих из них головы втрое более туловища, которое ставится на столб. Иные без языков, другие с языками, но в несколько крат больше природных. У одних на голове поставлены разные чурбаны, а у других рты прорезаны далее ушей.

Выше было упомянуто, что островитяне приносят в жертву своим идолам также мятежников и пленных. Это варварское жертвоприношение производится следующим образом: если мятежник или пленный принадлежит к знатному роду, то вместе с ним убиваются от 6 до 20 его сообщников, смотря по состоянию виновного.

Лисянский Ю. Ф. Путешествие вокруг света на корабле «Нева» в 1803—1806 гг.— М., 1947.— С. 106, 115—116, 117, 126.

§ 7. МИФЫ ПЕРВОБЫТНЫХ ЛЮДЕЙ

Слово «миф» греческое (греч. mythos — предание, сказание, рассказ). Под мифологией понимают совокупность мифов, а также науку, изучающую сказания (их возникновение, содержание и т. д.). Мифы — один из видов устного коллективного творчества народа. Мифология — древнейшая форма общественного сознания, ранняя форма понимания мифа, плод художественного творчества, фантастических представлений об окружающей человека природной и социальной среде. Предания имеют огромное познавательно-воспитательное значение. Миф — источник знаний о природе, занятиях, быте, религиозных верованиях, частично о социальных отношениях, духовной культуре в ее развитии на протяжении первобытнообщинного и рабовладельческого строя. В мифах отражались и верные знания о природе, и ошибочные представления. В отличие от сказки миф связан с религией, культовыми действиями.

На земле трудно найти народ, который не имел бы сказаний. Несмотря на многообразие мифов, целый ряд основных тем, сюжетов у разных народов мира повторяется (происхождение человека, мира, культурных благ, герои и т. д.). Аналогичные мифы являются следствием аналогичных социально-экономических условий, уровней развития духовной культуры у творцов мифов.

Мифотворчество первобытных охотников и собирателей началось тогда, когда человек еще не выделял себя из природной среды. Следствием этого явилось ее очеловечивание, перенесение своих собственных свойств на природу, персонификация ее явлений, которые считались чьей-то деятельностью. Отсюда допустимость родства человека с животным, растением, превращение человека в животное или растение, и наоборот.

Первобытный человек считал, что звери те же люди, только рубашка у них другая. Если рубить дерево, то ему будет больно.

24. Как люди получили огонь

Огонь — первая сила природы, покоренная человеком в эпоху раннего палеолита. Синантроп уже пользовался огнем. В мифах герои похищают огонь и дают его людям.

---

[1] В деревне Карекекуй.

Когда-то у людей огня не было. Единственный огонь, который горел на земле, охраняли два великана. Огонь людям был очень нужен, но ни у кого не хватало смелости попросить у великанов хотя бы искорку.

Нашелся один смелый человек по имени Лам-анг, который придумал, как добыть у великанов огонь. Он дружил с разными зверями и рассказал им о своем замысле. Звери выслушали его, подумали и обещали ему помочь.

Лам-анг посадил на землю недалеко от селения лягушку, немного дальше поставил дикую лошадь, недалеко от нее — дикую кошку, недалеко от кошки — дикую собаку, а за ней, близ жилища великанов, поставил льва.

Вдвоем великанам было скучно, и они любили, когда к ним приходили гости. Лам-анг это знал. Он объяснил каждому из зверей, что тот должен делать, и пошел в гости к великанам.

Великаны очень обрадовались приходу Лам-анга и стали с ним разговаривать.

Лам-анг сказал:

— Людям очень нужен огонь. Не могли бы вы дать им хоть один тлеющий уголек?

Великаны покачали головами и ответили:

— Мы должны охранять огонь и не можем дать никому даже маленькой искорки.

Выслушав их, Лам-анг подошел к окну и выглянул из него. Это был условный знак, о котором он договорился со своими друзьями. Сразу зарычал лев, залаяла собака, замяукала кошка, заржала лошадь, заквакала лягушка. Они подняли такой шум, что великаны испугались и выскочили из дому посмотреть, что случилось.

Тогда Лам-анг, не теряя зря времени, схватил красный уголек и побежал. Великаны увидели уголек у него в руках и бросились в погоню. Быстрее ветра помчались они за Лам-ангом, и уже казалось, что они вот-вот догонят его, но в этот миг Лам-анг добежал до льва, бросил на землю уголек и крикнул:

— На, друг, уноси скорее!

Лев подхватил уголек и огромными прыжками понесся прочь.

Великаны не отставали, и уже казалось, что они вот-вот догонят льва, но тут лев добежал до дикой собаки, бросил уголек на землю и крикнул:

— На, друг, уноси скорее!

Дикая собака подхватила уголек и побежала прочь. Великаны не отставали, и уже казалось, что они ее вот-вот догонят, но тут собака добежала до дикой кошки, бросила уголек на землю и крикнула:

— На, друг, уноси скорее!

Дикая кошка схватила уголек и помчалась дальше. Великаны не отставали, и уже казалось, что они ее вот-вот догонят, но тут кошка добежала до лошади, бросила уголек на землю и крикнула:

— На, друг, уноси скорее!

Дикая лошадь подхватила уголек и поскакала. Великаны не отставали, и уже казалось, что они вот-вот догонят ее, но тут лошадь добежала до лягушки, бросила уголек на землю и крикнула:

— На, друг, уноси скорее!

Лягушка подхватила уголек и запрыгала к селению, но великаны догнали ее и схватили за хвост. От страха глаза у лягушки чуть не вылезли. Собрав последние силы, она прыгнула еще раз — и плюхнулась прямо в толпу людей посреди селения, оставив свой хвост в руках у великанов.

Так люди получили огонь, но у лягушки с той поры нет хвоста, а глаза ее так и остались выпученными.

Сказки и мифы народов Филиппин.— М., 1975.— С. 202—203.

25. Как появился рис

В прежние времена люди не знали риса. Они ели плоды лесных деревьев, коренья, рыбу и дичь. Люди тогда не умели обрабатывать землю и не умели разводить скот.

Когда там, где они жили, не оставалось больше кореньев или плодов и не удавалось больше наловить рыбы или убить дикого зверя, они переходили на другое место.

Они были довольны своей жизнью. Пока мужчины с собаками охотились в лесу, женщины и дети ловили рыбу, собирали плоды или охотились с луками и стрелами за дичью. Любую пищу, которую удавалось достать, делили на всех.

И вот однажды в погоне за диким кабаном несколько охотников забрели в горы. Они очень устали и решили отдохнуть в тени большого дерева. Солнце к этому времени поднялось совсем высоко, и они уже немного проголодались.

Не успел еще высохнуть пот на их телах, как они увидели: с вершины горы спускаются необычные мужчины и женщины. У них была гордая осанка и красивые лица, и от этих лиц исходил свет. Охотники испугались: они сразу поняли, что к ним идут боги, живущие на этой горе. Люди встали и почтительно приветствовали богов. Богам понравилась их почтительность. Они ответили на приветствия охотников и позвали их к себе на пир — к нему как раз готовились в это время на вершине горы. Охотники взвалили на плечи туши убитых зверей и пошли следом за богами.

На вершине горы охотники увидели, как слуги богов готовят пищу, и захотели им помочь. Они разрубили туши, которые принесли с собой, и грудой свалили куски в огонь. Тогда один из богов подошел к ним, взял бамбуковую палочку, нанизал на нее один за другим куски мяса и показал охотникам, как нужно жарить мясо, чтобы оно не подгорело.

Потом охотники увидели, что слуги берут из огня колена бамбука, разбивают их и высыпают из них белые зерна. Зерна они клали на банановые листья, разостланные на бамбуковом столе. К каждой кучке зерна слуги богов клали куски жареного мяса,

снятые с бамбуковой палочки, а также коренья и плоды; и еще они ставили рядом бамбуковые сосуды...

Охотников позвали к столу, и тогда один из них сказал:

— Мы не едим червей.

Боги стали смеяться.

— Эти белые зерна, что лежат кучками на листьях, вовсе не черви,— сказал один из богов.— Это рис, зерна травы, которую мы здесь выращиваем.

— Садитесь к столу и попробуйте пищу богов, а тогда уже решайте, есть вам рис или не есть,— сказал другой бог.

Люди послушались богов и сели к столу. Как вкусны оказались маленькие зерна. Они не только насытили охотников, но и придали им силы.

После пира люди поблагодарили богов и подарили им свою добычу.

За это боги дали каждому из них по мешку золотистых зерен.

— Это нешелушеный рис,— сказали они охотникам.

— Порушьте пестом в ступе несколько мешков риса и отвейте его хорошенько. Потом промойте очищенный рис, положите в сосуды из бамбука, налейте воды и варите на огне, пока он не станет таким же мягким, как рис, который вы ели здесь. Больные, когда поедят рис, начнут поправляться, а ваши родные — радоваться. Оставшиеся зерна, когда придут дожди, посадите в разрыхленную землю, и летом вы снимите урожай. Соберите его весь до последнего зернышка, покажите зерна вашим друзьям и научите их тоже обрабатывать землю и сажать рис. Если вы сумеете все это сделать, ваша жизнь станет спокойнее и счастливее, и вы сможете жить на одном месте.

С той поры люди и стали обрабатывать землю, разводить скот и строить жилища.

Сказки и мифы народов Филиппин.— М., 1975.— С. 67—68.

Часть вторая

ДРЕВНИЙ ВОСТОК

Государства, существовавшие в IV тыс. до н. э. — первой половине I тыс. н. э. на территории Северо-Восточной Африки, Передней, Южной и Восточной Азии, в исторической литературе принято называть древневосточными. Это название условное, оно восходит к периоду древнеримского владычества, когда многие из этих стран были завоеваны Римом, по отношению к которому они находились на востоке.

История Древнего Востока — первая страница в истории классового общества. Ее изучение представляет большой интерес, так как оно вскрывает важный этап в развитии человечества — переход от доклассового общества к классовому, совершившийся в результате роста производительных сил, ускоряемого благоприятными природными условиями (плодородие почвы и возможности ее орошения, мягкий климат, наличие полезных растений и диких животных, позднее прирученных, наличие руд). Без учета географической среды нельзя понять раннее возникновение классовых обществ на Востоке. К. Маркс писал: «...величина прибавочного труда изменяется в зависимости от естественных условий труда и в особенности от плодородия почвы... Слишком расточительная природа «ведет человека, как ребенка, на помочах». Она не делает его собственное развитие естественной необходимостью»[1]. Географическая среда ускоряет или замедляет ход исторического развития, однако не является определяющим фактором, так как изменяется медленнее, чем общество.

Ранние классовые общества возникли у земледельческих народов в речных долинах Нила, Тигра и Евфрата в конце IV тысячелетия до н. э., Инда — в III тысячелетии до н. э., Хуанхэ — во II тысячелетии до н. э. В долинах этих рек в результате взаимодействия человека и природы стало возможным в энеолите и бронзовом веке получать прибавочный продукт, необходимый для возникновения рабства.

Древневосточным обществам присущи особенности (наличие сельской общины, деспотической власти царей, различных форм эксплуатации зависимого населения, ведущей роли общинников в производстве и др.).

В советской историографии широкое распространение получила концепция академика В. В. Струве о рабовладельческом характере древневосточного общества. Однако в настоящее время некоторые советские ученые не разделяют эту точку зрения.

Фактический материал по истории Древнего Востока позволяет учителю формировать у учащихся такие понятия, как, например, классы, сословия, классовая борьба, собственность, государство, религия.

В части II подобраны в соответствии с программой документы к четырем темам: «Древний Египет», «Передняя Азия в древности», «Древняя Индия», «Древний Китай». Поскольку по школьной программе многие проблемы древневосточных обществ раскрываются в основном на материале истории Египта, эта тема представлена большим количеством источников.

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч.— 2-е изд.— Т. 23.— С. 522.

ТЕМА 1. **ДРЕВНИЙ ЕГИПЕТ**

Тема «Древний Египет» содержит отрывки из трудов античных авторов, памятников древнеегипетской письменности (папирусы, надписи), ставших доступными после дешифровки иероглифического письма Ф. Шампольоном в 1822 г.

Документы дают сведения о природных условиях Египта, позволяют выяснить организацию управления государством, причины социальных противоречий, представить размах и характер строительной деятельности, особенности религиозных верований, достижения в области медицины и уровень развития литературы.

При рассмотрении географической среды важно подчеркнуть, что она ускоряла процесс распада родового строя и образование классового общества, оказала большое влияние на многие стороны жизни древних египтян. Главную роль в процессе разложения первобытных отношений сыграло земледелие, основанное на искусственном орошении. Развивавшееся в благоприятных природных условиях земледелие не требовало тщательной обработки почвы (требовались лишь большие затраты труда для сооружения оросительной системы), способствовало получению прибавочного продукта и создало возможность эксплуатации человека человеком.

Строительство сложных сооружений для искусственного орошения — водохранилищ, каналов, шлюзов, плотин — требовало дополнительной рабочей силы и тем самым ускоряло развитие рабства (за счет военнопленных). Возрастающее количество прибавочного продукта привело к обогащению одних и ухудшению положения других. Необходимость обеспечения покорности рабов и рядовых общинников классу рабовладельцев, защиты от вражеских нападений, создания ирригационной системы привела к объединению соседних общин в маленькие государства. Затем начался процесс борьбы за создание единого государства.

Во главе государства стоял обоготворявшийся царь с неограниченной властью. Внешним выражением силы деспота и централизованной власти служили пирамиды, свидетельствующие о том, как по приказу центральной власти сотни тысяч людей в течение иногда нескольких десятков лет отвлекались на выполнение бесполезного для общества труда.

О военной политике Древнего Египта дает представление отрывок из летописи Тутмоса III (1525—1473 гг. до н. э.), который подчинил Палестину, Сирию, завоевал Нубию[1] до четвертого порога и часть Ливии.

Конкретное представление о размерах военной добычи учащиеся получат из отрывка, где перечислены захваченные египтянами богатства после сражения у крепости Мегиддо. Покоренное население обязано было ежегодно платить дань Египту.

§ 1. ПРИРОДА ЕГИПТА

Отрывок из труда Диодора Сицилийского содержит данные о природных условиях и месторасположении Древнего Египта, который представлял собой как бы огромный, вытянутый узкой лентой вдоль одной реки оазис, окруженный жаркой, мертвой, преимущественно каменистой пустыней. С запада и востока долина Нила окаймлена горами. Западные горы отделяют долину Нила от пустыни Сахары и Ливийской пустыни. За восточными горами находится Красное море. На юге нильская долина упирается в горы Нубии, где течение реки преграждали крупные пороги, затруднявшие сношение Египта с южными странами. К северу долина расширяется и при впадении Нила образует дельту, которая в глубокой древности была заболочена. Естественные преграды как бы изолировали Египет от внешнего мира, чем объясняется своеобразие египетской культуры. Горы, примыкающие к долине, богаты строительным камнем (гранит, базальт, известняк).

---

[1] Слово *«Нубия»* по-египетски означает «страна золота».

В восточных горах, и особенно в горах Нубии, имелось золото. Примыкающий к Египту Синайский полуостров богат медью. В Египте росли такие древесные породы, как финиковая пальма, тамариск, сикомора, стволы которых употреблялись на постройку речных судов и в плотничном деле.

Следует особо подчеркнуть, что Нил благодаря регулярности своих разливов обеспечивал почву обильным орошением и удобрением (ил), служил водной магистралью внутри страны и соединял Египет со Средиземным морем. Разлив Нила начинается в середине июля. Вода затопляет всю долину, за исключением естественных возвышенностей и искусственных насыпей, на которых располагались города и селения. Спад воды начинается в ноябре, а посев — в январе. Благодаря ежегодным разливам Нила почва дает обильные урожаи. Поэтому древние египтяне обоготворяли Нил, а греки говорили, что Египет — это дар Нила.

1. Диодор Сицилийский. Историческая библиотека.

Диодор (жил в I в. до н. э.) — греческий историк, родился в городе Агирии на острове Сицилия (поэтому его называют «Сицилийским»), в течение 30 лет работал над сочинением «Историческая библиотека» в 40 книгах (до нас дошло 14). В первых книгах описана история Египта, Вавилона, Ассирии.

30. Египет простирается в основном (с севера) на юг и, кажется, не в малой степени превосходит природной укрепленностью и красотой страны все другие местности в (Римской) империи. С запада он защищен полной диких зверей Ливийской пустыней, простирающейся на большое расстояние... Из частей же страны, обращенных к востоку, одни защищены рекой, другие — окружены пустыней и болотистыми местами, называемыми «безднами».

31. ...Четвертая сторона вся омывается защищающим ее Египетским (Средиземным) морем, почти не имеющим пристаней; плавание вдоль берега этого моря крайне продолжительно, а высадка очень трудна, так как от Паретония в Ливии до Иопы, находящейся в Келесирии, на расстоянии почти пяти тысяч стадий[1] нельзя найти безопасной гавани, кроме Фароса[2]. Кроме этого, возле почти всего побережья Египта находится узкая песчаная полоса земли, скрытая водой и неразличимая для тех, кто подплывает, не зная места...

Итак, Египет укреплен со всех сторон самой природой... Очертания его продолговатые; он имеет прибрежную полосу в две тысячи стадий, а в глубь материка простирается почти на шесть тысяч стадий... Теперь расскажем о природе реки и об особенностях страны.

32 ... Вступив в Египет, Нил имеет в ширину десять или менее стадий и течет не по прямому направлению, а образуя всяческие извивы, так как он отклоняется то на восток, то на запад, а иногда даже на юг, как бы поворачивая назад... ибо с каждой стороны реки находятся горы, тянущиеся вдоль берега на большое расстояние и прорезанные ущельями, обрывами и теснинами, войдя в которые река устремляется в обратном направлении сквозь равнину

[1] *Стадий* — 184,97 м.

[2] *Фарос* — остров, соединенный с побережьем дамбой, благодаря чему в Александрии имелись две гавани.

и, протекши достаточно к югу, снова возвращается к естественному течению.

Хотя эта река намного превосходит все другие, однако только она из всех течет спокойно и плавно, кроме так называемых «катаракт». Ибо имеется некое место длиной около десяти стадий, покатое, находящееся в теснине и окруженное скалами, все неровное и обрывистое и к тому же имеющее много больших камней, похожих на скалы. Во время полноводья Нила, когда все скалы и каменистые места скрыты половодьем, некоторые проплывают через пороги вниз по течению, улавливая противоположный ветер; плыть же вверх по течению никто не может, так как сила реки побеждает всякое человеческое изобретение. Такие пороги многочисленны, но величайшие из них — на границе Эфиопии и Египта.

Нил, разделяясь в нижней части Египта на много частей, образует называемую так по очертанию Дельту. Стороны ее образуют крайние из рукавов реки, основанием же служит море, принимающее течение реки. Нил вливается в море семью устьями, из которых первое к востоку называется Пелусийским, второе — Тинитским, затем идут устья: Мендесское, Фатнийское, Себеннитское, Болбитинское и последнее — Канопское, которое некоторые называют Гераклеотийским.

34. Дельта очертаниями похожа на Сицилию; каждая из сторон имеет длину в 750 стадий, основание же, омываемое морем, 1300 стадий. Этот остров разделяется многими каналами, сделанными людьми, и является самой прекрасной местностью в Египте. Ибо, состоя из речных отложений и будучи орошаем, он производит многие и разнообразные плоды, так как, ежегодно разливаясь, река наносит свежий ил... Нил течет тихо и увлекает с собой много различной земли, поэтому по низким местам образуются топкие места и плодородные болота...

36. Тем, кто видит наводнение Нила, оно кажется удивительным... Ибо в то время, как все другие реки начинают убывать во время летнего солнцестояния, а в последующее время лета еще более мелеют, только он один тогда, начиная подниматься, день за днем увеличивается настолько, что под конец затопляет почти весь Египет. Таким же самым образом он возвращается к прежнему положению, понижаясь за равное время до тех пор, пока не вернется к прежнему состоянию. И так как страна имеет равнинный характер и города, и деревни лежат на искусственных насыпях, то этот вид напоминает Кикладские острова. Множество сухопутных животных, захваченных рекой, погибает, некоторые же, выбежав на более возвышенные места, спасаются; скот же во время разлива прокармливается в селениях и деревнях заранее приготовленным для него кормом. Для предотвращения случающихся во время наводнения бед в Мемфисе учреждено царями наблюдение за Нилом; лица, которым это поручается, точно измеряют подъем воды в нем и отправляют в города сообщения, ясно излагая, на сколько локтей или пальцев поднялась река и когда начала спадать. Посредством этого способа весь народ, узнав о начавшем-

ся спаде реки, избавляется от заботы и в то же самое время узнает величину будущего урожая, так как эти наблюдения точно записывались в продолжение многих времен.

Хрестоматия по истории древнего мира / Под ред. В. В. Струве.— М., 1956.— С. 4—7.

§ 2. ОРГАНИЗАЦИЯ УПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВОМ

Организация управления государством хорошо прослеживается по автобиографиям вельмож и по «Предписанию о служебных обязанностях верховному сановнику». Эти документы свидетельствуют об оформлении в Древнем Египте прочного аппарата государственной власти, деспотии, отличительными признаками которой являлись централизация управления и обоготворение царя с целью укрепления его верховной власти. Главной задачей государства была защита интересов господствующего класса. В автобиографиях вельмож и чиновников указывается на щедрость царя по отношению к ним, сообщается о том, как они достигли высоких должностей при дворе.

2. Жизнеописание вельможи Уны

Надпись найдена в Абидосе, хранится в Каирском музее. Жизнеописание составлено от лица умершего в виде автобиографии. В нем имеются сведения об административном аппарате, о политической и военной деятельности фараонов VI династии, о придворном быте в эпоху Древнего царства.

(Начало служебной деятельности)

(Я был юноша), опоясавшийся поясом (зрелости) при величестве Тети[1], причем должность моя была начальник дома шена[2]. Я был смотрителем дворцовых хентиу-ше[3].

...старейшина дворца при величестве Пиопи[4]. Его величество возвел меня в сан друга и смотрителя жрецов города при своей пирамиде.

(Назначение судьей)

...его (величество назначил меня) судьей и устами Нехена[5], так как он полагался на меня больше, чем на любого другого своего слугу. Я вел допрос наедине с главным судьей — верховным сановником в случае любого тайного дела... от имени царя, царского гинекея и шести верховных судебных присутствий...

(Назначение начальником дворцовых хентиу-ше)

В бытность мою судьей и устами Нехена его величество назначил меня единственным другом и начальником дворцовых хентиу-ше. Я отстранил четырех начальников дворцовых хентиу-ше, бывших там. Я действовал так, что вызвал одобрение его вели-

[1] *Тети* — первый фараон VI династии (середина XXV в. до н. э.)
[2] *Шена* — мастерские или амбары.
[3] *Хентиу-ше* — вероятно, арендаторы царских земель.
[4] *Пиопи* — фараон VI династии.
[5] Судейская должность.

чества, организуя охрану, уготовляя путь царя и организуя стоянку. Я делал все так, что его величество хвалил меня за то чрезвычайно.

(Приготовление к войне с бедуинами)

Его величество отражал азиатов-бедуинов. Его величество набрал войско из многих десятков тысяч во всем Верхнем Египте, от Элефантины на юге до Афродитопольской области на севере[1], в Нижнем Египте, в западной и восточной половине Дельты на всем их протяжении, в крепости (?), в крепостях, у кушитов Ирерчет, кушитов Меджа, кушитов Има, кушитов Уауат, кушитов Каау и в стране ливийцев...

(Восстание побежденных)

Его величество посылал меня пятикратно водить (это) войско и усмирять страну бедуинов каждый раз, как они восставали, с помощью (?) этих отрядов я действовал так, что (его) величество хвалил меня.

(Назначение начальником Верхнего Египта)

Когда я был дворцовым ачет[2] и носителем сандалий (фараона), царь Верхнего и Нижнего Египта Меренра[3], мой господин, который да живет вечно, назначил меня местным князем и начальником Верхнего Египта от Элефантины на юге до Афродитопольской области на севере, так как я пользовался расположением его величества, так как был угоден его величеству, так как его величество полагался на меня.

Когда я был ачет и носителем сандалий (фараона), его величество хвалил меня за бдительность и за охрану, организованную мною на месте стоянки, больше, чем любого другого своего сановника, больше, чем любого другого вельможу, больше, чем любого другого своего слугу. Никогда раньше эта должность не давалась ни одному другому слуге. Я был ему начальником Верхнего Египта на радость, так что никто в нем не причинял зла другому. Я производил все работы, я налагал все подлежащее обложению в пользу резиденции здесь, в Верхнем Египте, дважды и все повинности, подлежащие обложению в пользу резиденции, здесь, в Верхнем Египте, дважды. Я исполнял должность сановника образцово здесь, в Верхнем Египте. Никогда раньше не делалось подобного здесь, в Верхнем Египте.

Я делал все так, что его величество хвалил меня за то.

Хрестоматия по истории Древнего Востока / Под ред. В. В. Струве и Д. Г. Редера.— М., 1963.— С. 33—36.

---

[1] 22-й ном Верхнего Египта, южнее современного Каира.

[2] *Ачет* — придворная должность или чин.

[3] *Меренра* — фараон VI династии.

3. Предписание о служебных обязанностях верховного сановника

Текст инструкции сохранился на стенах трех фиванских гробниц верховных сановников (визирей) — Рехмира, Усера и Аменемопета (XVI — XV вв. до н. э), современников фараонов XVIII династии. Лучше сохранился текст на гробнице Рехмира (современника Тутмоса III). Ниже приведен этот текст с восстановлением поврежденных мест по двум другим текстам. До XVIII династии в Египте был один визирь. При XVIII династии назначались два визиря, один из которых управлял делами Верхнего, другой — Нижнего Египта. Однако визирь юга был главным. Ему докладывались все важнейшие дела, касающиеся и Нижнего Египта. Фараоны назначали двух визирей потому, что, во-первых, с расширением границ государства при XVIII династии усложнились и увеличились обязанности визиря, во-вторых, они стремились ослабить влияние этого сановника, которое могло быть опасным при частом отсутствии царя в стране в связи с военными походами. Визирь (часто назначался из числа царевичей) был помощником царя во всех делах, начальником его резиденции.

(Порядок служебного приема у верховного сановника)

Предписание о том, как должен будет заседать градоначальник и верховный сановник Фив в резиденции, в палате верховного сановника.

Что касается всего, что будет делать этот сановник, когда верховный сановник будет слушать в палате верховного сановника, то он будет восседать на седалище со спинкой, на полу будет циновка, на нем плетенка, за его спиной кожаная подушка, под его ногами кожаная подушка..., рядом с ним жезл; перед ним будет разложено сорок кожаных свитков (с законами), по обе стороны перед ним будут находиться вельможи, принадлежащие к числу десяти верхнеегипетских, направо от него будет начальник приемного чертога, налево от него — заведующий приемом (?), рядом с ним — писцы верховного сановника.

Один будет говорить (?) после (?) другого, (после) каждого человека, (стоящего) против него. Будут выслушивать одного за другим, не допуская, чтобы пришедший последним был выслушан раньше пришедшего первым. Если пришедший первым скажет: «Рядом со мной нет никого, кого следовало бы выслушать (?)», то он будет схвачен доверенными верховного сановника.

(Доклады верховному сановнику)

Ему будут докладывать о закрытии запоров в урочное время и открытии их в урочное время. Ему будут докладывать о состоянии крепостей юга и севера.

Когда будет выходить все, что имеет право на выход из дворца, ему будет доложено (о том); когда будет входить все, что имеет доступ во дворец, ему будет доложено (о том). Что же касается всего, что имеет доступ, и всего, что имеет право на выход, на территорию резиденции, когда они будут входить и когда они будут выходить, это его доверенный будет впускать и выпускать их.

Ему будут докладывать начальники сотен (чиновники) шенту и начальники... о своих делах.

(Посещение верховным сановником фараона)

Затем он войдет приветствовать владыку, который да будет жив, невредим и здоров. Он (?) будет докладывать ему о состоянии обеих (египетских) стран в его доме ежедневно. Он войдет во дворец одновременно с начальником казны. Тот остановится у северного столба для флажков. Затем верховный сановник выйдет из двери дворца. Тогда начальник казны встретит его и доложит ему следующее: «Все твои дела в полном порядке; все должностные лица доложили мне следующее: «Все твои дела в полном порядке, дворец цел и невредим». Тогда (верховный сановник) доложит начальнику казны следующее: «Все твои дела в полном порядке, все учреждения резиденции целы и невредимы. Мне было доложено о закрытии запоров в урочное время и открытии их в урочное время всеми должностными лицами». После же того как эти два сановника доложат друг другу, верховный сановник пошлет открыть все двери дворца, чтобы впустить всех, кто имеет доступ, и выпустить всех, кто имеет право на выход. Это его доверенный будет заботиться, чтобы (все) было записано.

(Исключительные судебные права верховного сановника)

Пусть ни один сановник не присваивает себе права приговора в его палате. Если возникнет жалоба на одного из сановников, присутствующих в его палате, то он велит привести его в судебное присутствие. Это верховный сановник накажет его соответственно его проступку. Пусть ни один сановник не присваивает себе права телесного наказания в его палате. Ему будут докладывать о каждом деле, касающемся его палаты, с тем чтобы он передал в нее.

(Обращение с доверенными верховного сановника)

Что касается каждого доверенного, посылаемого верховным сановником с поручением к (другому) сановнику, от самого высокопоставленного сановника до наименее высокопоставленного, то пусть его не обременяют и не приводят (к) сановнику. Он будет передавать поручение верховного сановника, стоя перед сановником при передаче его поручения и выходя, чтобы стоять в знак почтения к нему (?). Это его доверенный будет доставлять местных князей и градоправителей в судебное присутствие, это его доверенный будет давать предписание... жалуясь, его доверенный будет докладывать следующим образом: «Я был послан с поручением к такому-то сановнику; он велел меня привести и устроил, что мне возложили что-то на шею»... сановник и... (будут наказаны) соответственно тому, о чем они были допрошены верховным сановником в его палате, любою карою, кроме наказания отсечения части тела.

Что же касается всего, что верховный сановник будет делать, слушая в своей палате, что касается каждого, кто будет (?) таким, как следует, все.., о чем он будет (?) его допрашивать, кто не удовлетворит его (?), когда он будет допрашивать о случившемся ... (?), то занесут в книгу преступника, что в главной тюрьме,

как и того, кто не удовлетворит (?) его доверенного. Если они окажутся виноватыми в другой раз, то доложат.., что они (?) стоят в книге преступника, и будет оглашено дело, за которое они были занесены в эту книгу в соответствии с их проступком.

(Обращение с документами, запрошенными верховным сановником)

Что касается любого документа, за которым верховный сановник посылает в какую-либо палату, из числа не подлежащих сохранению в тайне, то он будет доставлен ему вместе с книгами соответствующих хранителей за печатью судей (?), причем за ними будут (смотреть) (?) соответствующие писцы. Тогда он развернет его. После того как он посмотрит его, он (документ) будет доставлен на свое место запечатанный печатью верховного сановника.

Если же он попросит документ, подлежащий сохранению в тайне, пусть он не будет доставлен соответствующими хранителями. Что же касается любого доверенного, посланного верховным сановником по поводу его (документа) из-за какого-нибудь просителя, то он (сановник) препроводит его (документ) к нему (хранителю).

(Служебные обязанности верховного сановника)

Что же касается всякого, кто обратится к верховному сановнику по поводу пахотных земель, то он потребует его к себе, помимо допроса заведующего пашнями и... присутствия. Он предоставит ему отсрочку на два месяца для его пашен в Верхнем и Нижнем Египте. Но что касается его пашен, расположенных по соседству с Фивами и резиденцией, то он предоставит ему отсрочку на три дня согласно тому, что стоит в законе. Он будет выслушивать каждого просителя согласно этому закону, что у него в руке.

Далее, это он будет вызывать окружных чиновников, и это он будет посылать их, чтобы они докладывали ему дела своих округов. Ему будут доставляться все завещания; это он будет запечатывать их. Это он будет отводить наделы на всех земельных участках.

Что же касается всякого просителя, который скажет: «Наша граница была передвинута», то посмотрят, что оно (снабжено) печатью соответствующего сановника, и тогда он взыщет взысканное в пользу присутствия, передвинувшего ее. Что же касается каждого... и всего, что случится с нею во время рассмотрения чего-либо в нем (?), то будут записывать (заявление) каждого просителя, не допуская его обращаться к судье.

Ему будут докладывать о каждом просителе, обращающемся к владыке, после того как он изложит (свою просьбу) письменно. Это он будет отправлять всех доверенных дворца, посланных к местным князьям и градоправителям. Это он будет отправлять всех путешественников и все экспедиции дворца.

Это он будет назначать исполняющих должности сановников

Верхнего и Нижнего Египта, южной части Верхнего Египта и Тинитской области[1]. Они будут докладывать ему обо всем случившемся у них каждые четыре месяца. Они будут доставлять ему записи о том от (?) себя и своих присутствий. Это он будет устанавливать общее количество войска, которое будет двигаться следом за владыкой при путешествии на север и юг. Это он будет устанавливать недоимки (?), имеющиеся в Фивах и резиденции, согласно сказанному во дворце. К нему будут приводить надзирателя государевой... и войсковое присутствие для дачи им воинского предписания. Пусть, далее, все должностные лица, от первого до последнего, являются в палату верховного сановника приветствовать его.

Это он будет посылать рубить смоковницы согласно сказанному во дворце. Это он будет посылать окружных чиновников проводить обнесенные плотинами каналы во всей стране. Это он будет посылать князей и градоправителей по поводу урожая (?) летом (?). Это он будет назначать начальников (чиновников) шенту в палате дворца. Это он будет слушать местных князей и градоправителей, отбывших (?) его именем (?) из (?) Верхнего и Нижнего Египта. Ему будут докладывать все дела. Ему будут докладывать о состоянии крепости юга и каждый арест человека, который будет грабить... Это он будет делать... для каждой области, и это он будет слушать о нем. Это он будет посылать воинов и писцов... выполнять распоряжения владыки. Документ области будет находиться в его палате, чтобы можно было слушать (дела) о любых пашнях. Это он будет устанавливать границы каждой области, каждого пастбища, каждого храмового хозяйства, каждого владения (?).

Это он будет делать каждое... Это он будет выслушивать жалобу, когда кто-либо пойдет говорить со своим товарищем. Это он будет назначать всех подлежащих назначению в судебное присутствие. К нему будут поступать из дворца все дела. Это он будет слушать каждый приказ. Это он будет допрашивать о недосдачах каждого храмового хозяйства. Это он будет налагать все подати доставкой продовольствия (?) в пользу (?) всякого, кому они будут даваться. Это он будет делать каждое... в Фивах и резиденции; это он будет запечатывать его своей печатью. Это он будет слушать все дела. Это он будет взимать подати в пользу... управлений. Ему будет докладывать главное судебное присутствие о своих податях... Это он будет слушать... все, доставляемое судебному присутствию, и все, подносимое в дар судебному присутствию, это он будет слушать о нем. Это он будет открывать сокровищницу совместно с начальником казны. Это он будет осматривать подати... главный домоправитель и главное судебное присутствие. Это он будет составлять списки всех быков, подлежащих внесению в списки. Это он будет осматривать питье каждые десять дней... Это он будет слушать о каждом деле судебного присут-

[1] 8-й (Абидосский) ном Верхнего Египта, расположенный к северу от Фив.

ствия. Местные князья, градоправители и все простолюдины будут сообщать ему обо всех податях. Все окружные начальники и все чиновники шенту будут сообщать ему о всяком оскорблении (?)... будут докладывать ему о потребностях на (?) месяц... податей. (Ему будут докладывать) бережливые казначеи... Ему будут докладывать восход Сириуса и... (уровень?) Нила. Ему будут докладывать о дожде... начальнику округа (чиновнику) шенту... резиденции. Это он будет предоставлять суда каждому лицу, имеющему право на их предоставление. Это он будет посылать всех доверенных дворца к..., когда владыка будет путешествовать. Это он будет делать доклад (?)... владыка в... доложенное ему всеми присутствиями авангарда флота и арьергарда флота. Это он будет запечатывать приказы... посылаемого с поручением дворца.

Каждый доклад (?) будет доложен ему привратником судебного присутствия, докладывающим (?) о нем все, что он будет делать, слушая в палате верховного сановника...

Хрестоматия по истории древнего мира / Под ред. В. В. Струве.— М., 1950.— Т. 1.— С. 82—87.

§ 3. ПОЛОЖЕНИЕ НАРОДА И СОЦИАЛЬНАЯ БОРЬБА

В документах параграфа отражена картина положения различных групп населения в стране, подневольного труда, нищеты и бесправия трудящихся масс, борьбы разорившихся крестьян и ремесленников, а также рабов со своими угнетателями. К изучению социальных противоречий следует переходить после выяснения тяжелого положения низших слоев населения, которое и служит объяснением причин народного гнева. Здесь уже уместно обратить внимание на произвол чиновников, грабивших бедняков. Затем необходимо подчеркнуть, что углубление противоречий между верхушкой рабовладельческого общества и массой бедняков, рабов привело к открытой борьбе, которая наиболее полно описана в «Речении Ипусера», нашла отражение и в других документах. Целесообразно, чтобы состав восставших (обедневшие крестьяне и ремесленники, рабы) и их действия учащиеся определили сами при анализе частей документов. Следует пояснить цель (участники народного движения стремились овладеть богатством и занять место своих угнетателей) и методы борьбы (вначале отказ от уплаты податей, затем открытое выступление, избиение эксплуататоров, уничтожение документов (податные списки) в государственных учреждениях и др.), кто были авторы документов, говорящих о положении трудящихся и непосредственно о ходе социальной борьбы, как следует относиться к изучаемым произведениям. Важно отметить большой размах народного движения, оно охватило всю страну, народ сверг царя, захватил в свои руки имущество богатых, государственные учреждения.

Говоря о причине поражения народного движения, необходимо отметить его стихийность. Поднявшийся на борьбу народ не стремился к ликвидации рабовладения и равномерному распределению имущества. Он не понимал и не мог понять необходимости уничтожения существовавшего общественного строя, основанного на эксплуатации бедных богатыми людьми, потому что не знал другого, кроме рабовладельческого, общества. Своими успехами в ходе борьбы восставшие не могли воспользоваться, так как не имели опыта, навыков по управлению страной.

В основном документе («Речение Ипусера») события излагаются без системы, без указания места и времени борьбы. Даже фараон, свергнутый и попавший в руки народных масс, не назван по имени. Поэтому одни ученые эти события относят к концу Среднего царства, другие — к более раннему времени (либо к концу Древнего царства, либо к переходному периоду от Древнего царства к Среднему).

4. Поучение Хети[1], сына Дуауфа, своему сыну Пепи

Данный текст сохранился до нашего времени в двух папирусах (хранятся в Британском музее) Нового царства. Ученые полагают, что эти папирусы представляют собой школьные упражнения учеников, переписывавших поучительное наставление, созданное еще в эпоху Среднего царства.

Хети везет сына Пепи в столичную писцовую школу и по дороге рассказывает ему о положении писца. Сам Хети, видимо, писец, так как он с большим убеждением и со знанием дела подчеркивает преимущества писца. Хети красочно нарисовал картину тяжелого изнурительного и голодного существования различных групп простых людей. Памятник свидетельствует о значительном имущественном и социальном расслоении в Древнем Египте в период Среднего царства.

О, если бы я мог заставить тебя полюбить книги больше, чем свою мать, если бы я мог показать красоты их перед тобой.

Лучше это всех других должностей... Когда он (писец) еще ребенок, уже приветствуют его. Посылают его для исполнения поручения, и не возвращается он, чтоб надеть передник.

Не видывал я скульптора посланником или ювелира посланным, но я видел медника за его работой у топок его печи. Его пальцы были, как кожа крокодила, и он пахнул хуже, чем рыбья икра.

Каждый ремесленник, работающий резцом, устает больше, чем землепашец. Поле его — дерево, оружие его — металл. Ночью, когда свободен он, он работает больше, чем могут сделать его руки. И ночью зажигает он свет.

Каменотес ищет работу по всякому твердому камню. Когда же он кончает, руки его падают, и он утомлен. И так сидит он до сумерек, колени его и спина согнуты.

Брадобрей бреет до вечера... Он бродит с улицы на улицу, чтобы найти кого побрить. Он напрягает свои руки, чтобы наполнить свой желудок, подобно пчелам, поедающим свои труды...

Я расскажу тебе еще о строителе стен. Он постоянно болен, так как предоставлен ветрам. Строит он с трудом, привязанный к лотосам (т. е. к верхушкам колонны в форме цветов лотоса)... все одежды его — лохмотья... Моется он только один раз... Хлеб, отдает он его домой; избиты, избиты его дети...

У земледельца одежда вечная. Высок голос его, как у птицы «абу»... Устает он... и спокойно ему так, как спокойно кому-нибудь под львом. Болеет он постоянно... И едва он возвращается домой вечером, ему вновь надо идти.

Ткач — внутри дома, хуже ему, чем женщине. Ноги его на желудке его. Не дышит он воздухом. Если за день не выработает он достаточно тканья, он связан, как лотос в болоте. Дает он хлеб привратнику, чтобы мог он увидеть свет...

Когда гонец выходит в чужую страну, завещает он свое имущество своим детям из-за страха перед львами и азиатами. И если вернулся он в Египет, едва достиг он сада, едва достиг он дома своего вечером, и вновь ему надо идти...

У красильщика пальцы издают зловоние, как от дохлой рыбы, ...рука его не останавливается.

[1] Раньше это имя читали «Ахтой».

Сандальщику совсем плохо, он всегда нищенствует. Ему так же спокойно, как спокойно кому-либо среди дохлых рыб. Жует он кожу.

Прачечник стирает на берегу рядом с крокодилом... Не спокойное это занятие перед тобой... Говорят ему: если ты опоздаешь принести, будут избиты твои губы...

Я расскажу тебе еще о рыбаке, достается ему хуже, чем во всякой другой должности. Смотри, разве не работает он на реке вперемежку с крокодилами...

Смотри, нет должности, где бы не было начальника, кроме должности писца, ибо он сам начальник.

Там же.— С. 51—53.

5. Речение Ипусера[1]

Папирус найден в некрополе Саккара, около Мемфиса, хранится в Лейдене, отсюда название «Лейденский», сохранился не полностью. По языку его можно отнести к Среднему царству, по письму и орфографии — к Новому царству (около 1300 г. до н. э). На этом основании ученые полагают, что писец Нового царства скопировал текст Среднего царства. «Речение Ипусера» — литературное произведение, написанное стихотворным размером. Папирус состоит из семи стихотворных разделов. Каждый стих начинается одним и тем же словом-рефреном («воистину», «смотрите»), как было принято в египетской литературе. В папирусе события описаны без всякой системы, имеются повторные описания. Автор речения, очевидно, представитель господствующего класса, пострадал во время восстания. Поэтому его описание пронизано ненавистью к неимущим.

Зарубежные египтологи считают это произведение чисто литературным, не отражающим исторической реальности. В. В. Струве полагал, что в папирусе отражена социальная борьба конца Среднего царства (ок. 1750 г. до н. э.). Автор говорит об участии в восстании бедняков и рабов, о захвате ими имущества богатых, об уничтожении царской власти, о прекращении внутренней и внешней торговли и т. д.

Воистину: азиаты все стали подобны египтянам, а египтяне (1) (стали) подобны чужеземцам, выкинутым на дорогу.

Воистину: люди зажиточные поставлены к работе над ручными мельницами. Те, которые были одеты (9) в тонкое полотно, они избиваются палками. Те, которые не видели (сияния) дня, они выходят беспрепятственно...

Воистину: зерно гибнет на всех путях. Люди лишены платья, мази и масла. Все (4) говорят: нет ничего. Закром разрушен. Страж его повержен на землю. Это несчастье для сердца моего...

Воистину: прекрасная судебная палата. Рас(6)хищены ее акты, лишены хранилища ее тайн (своего) содержания.

Воистину: вскрыты архивы. Расхищены их податные декларации. Рабы стали владельцами (8) рабов. Воистину: (чиновники) убиты. Взяты их документы. Воистину: (9) писцы по учету урожая, списки их уничтожены. Зерно Египта стало общим достоянием. Воистину: свитки законов (10) судебной палаты выброшены, по ним ходят

[1] Прежде это имя читали «Ипувер».

на перекрестках. Бедные люди сламывают их печати на (11) улицах... (12) Воистину: великая судебная палата стала (местом) выхождения и вхождения в нее. Бедные люди выходят и входят в великие дворцы. Воистину: (13) дети вельмож выгнаны на улицу...

(1) Смотрите: огонь поднялся высоко; пламя его исходит от врагов страны. Смотрите: свершились дела, которые никогда (казалось) не могли бы свершиться. (2) Царь захвачен бедными людьми... Смотрите: было приступлено к лишению (3) страны царской власти немногими людьми, не знающими закона... Столица, она разрушена в один час. Смотрите: Египет (сам) начал (5) лить воду[1].

Смотрите: это свершилось (теперь) с людьми. Тот, который не мог себе построить (даже) хижину, он стал (теперь) владельцем дома. Смотрите: придворные изгнаны из домов (10) царя. Смотрите: благородные женщины находятся на шеду-баржах. Вельможи пребывают в закромах. Тот, который не спал (даже) рядом со стенкой, он стал (теперь) собственником ложа. Смотрите: владелец богатства (11) проводит ночь (теперь), страдая от жажды. Смотрите: владельцы роскошных одеяний (теперь) в лохмотьях. Тот, который никогда не ткал (12) для себя, (теперь) владелец тонкого полотна. Смотрите: тот, который никогда не строил себе (даже) лодки, стал (теперь) владельцем кораблей. Настоящий же их собственник смотрит на них, но они уже не принадлежат ему... (14). Смотрите: тот, который не имел своего имущества, стал (теперь) владельцем богатств. (2) Вельможи восхваляют его. Смотрите: простолюдины страны стали богатыми. Собственники богатств стали неимущими. Смотрите: (Руко) водимые (3) стали собственниками рабов. Тот, который был (сам) посыльным, посылает другого. Смотрите: тот, который не имел своего хлеба, (стал) собственником закрома... Смотрите: начальники страны спасаются бегством, они не находят (даже) милостыни (?) из-за скудости... Смотрите: владельцы ложа спят на земле. Тот, который проводил ночь в грязи, приготовляет себе кожаное ложе. Смотрите: благородные женщины голодны, мясники же сыты (2) тем, что они закололи (для других). Смотрите: все должности, они не на своих местах, подобно испуганному стаду без своих пастухов. Смотрите: скот разбегается. Нет никого, который бы собирал (3) его. Каждый приводит себе его, клеймя своим именем. Смотрите: убивают человека рядом с братом своим. Тот оставляет его, чтобы спасти себя. Смотрите: (4) тот, который не имел (даже) свою упряжку (т. е. 2 быков), стал владельцем стада. Тот, который не мог найти себе быков для распашки, стал собственником большого количества скота. Смотрите: тот, который не имел своего зерна, стал владельцем амбаров. (5) Тот, который брал в долг зерно, (теперь) сам дает его. Смотрите: тот, который не имел (даже) временных рабов, стал (теперь) собственником наследственных рабов. Тот, который был «вельможей», (теперь) сам исполняет поручения. Смотрите:

[1] «Египет сам начал лить воду», т. е. вместо рабов свободные египтяне стали сами поливать поля.

сильным (т. е. знатным) не до (6) клады(вается по) ложение народа. (Все) приближается к гибели. Смотрите: все ремесленники, они не работают. Похитили враги страны ее ремесла. (7) Смотрите: тот, который собрал жатву, он не получает ее. Тот, который не пахал (для) себя, (он получает жатву. Жатва) созревает, (но) об ней не доносит (никто). Писец (8) (сидит в своей канцелярии), руки его бездействуют в ней.

Там же.— С. 57—61.

§ 4. ЗАХВАТНИЧЕСКИЕ ВОЙНЫ

В параграфе приведен отрывок из летописи Тутмоса III с описанием только одной битвы у крепости Мегиддо (в Палестине), которая имела важное стратегическое значение. Крепость была взята, и войскам Тутмоса III был открыт путь в Сирию. Описание битвы, ее исход можно использовать в целях идейно-политического воспитания учащихся, освещения проблем войны и военной политики, показа характера войн (захватнические, грабительские, несправедливые, освободительные, справедливые) и их причин. Развивающееся хозяйство требовало постоянного притока рабочей силы (рабов), захвата источников сырья, важных торговых путей и экономически важных соседних территорий. Поэтому египтяне уже с III тысячелетия до н. э. вели войны с целью завоевания Синайского полуострова с его медными рудниками, богатой золотом Нубии, важных в торговом и стратегическом отношении областей Палестины и Сирии. Зачитывая в классе часть документа с описанием добычи, учитель подчеркнет грабительский характер военных походов древнеегипетских фараонов.

Однако огромная добыча, которую доставляли военные походы, обогащала только верхушку общества (царь, придворная знать, военачальники, жрецы), а широким массам населения эти походы приносили новые тяготы, добавочное обложение налогами, ухудшение и без того очень тяжелого их положения.

6. Описание битвы у Мегиддо. Из летописи Тутмоса III

Летописи Тутмоса III высечены на стенах знаменитого святилища в Фивах. Сейчас это святилище называют Карнакским, по имени современной деревни Карнак, расположенной на месте Фив. Египтяне называли его Ипет-Сут. В состав Карнакского культового сооружения входили храм Амона-Ра, царя богов, главного божества египетского государства эпохи Нового царства, и храмы древних богов. Здесь же были расположены храмовая библиотека, сокровищница, школа, жилище жрецов, пекарни, храмовые мастерские. Во главе Карнакского святилища стоял жрец храма Амона, который являлся и главой всего египетского жречества.

В приведенном из летописи отрывке описаны сражение Тутмоса III под Мегиддо, осада и взятие этой крепости. Под Мегиддо были сосредоточены силы царьков городов-государств Палестины, Финикии, Сирии, объединившихся для борьбы с Египтом под главенством царя города Кадеша. Их войску был нанесен египтянами удар, и оно панически бежало к стенам крепости. Тутмос III приказал своим воинам преследовать бегущего неприятеля и захватить город, но египетские воины занялись грабежом. Отступающие добрались до Мегиддо, но жители Мегиддо не открыли им ворота и предложили влезть по стенам в крепость. На помощь им спускали канаты, ремни, одежду. Воины, стоявшие на стене, втаскивали их наверх.

Тутмос III попробовал взять крепость штурмом, но это ему не удалось. Тогда он приступил к осаде. Египтяне соорудили вокруг крепости деревянную изгородь из срубленных плодовых деревьев и не пропускали из нее никого. В городе было

мало продовольствия. Начались голод и болезни. В связи с этим правитель г. Мегиддо послал к Тутмосу вестников с просьбой о пощаде. Ворота крепости открыли. Египтяне занялись в городе грабежом, уводили население в плен. В отрывке перечислена и добыча.

(Вечер и утро перед битвой под Мегиддо)

Тогда там был разбит стан его величества. И дали предписание всему войску, сказав: «Готовьтесь, готовьте ваше оружие, так как утром сойдутся, чтобы сражаться с тем жалким врагом...» ...Расставили войсковой дозор и сказали им: «Будьте стойки-стойки, будьте бдительны-бдительны!»...

(Битва под Мегиддо)

23-й год царствования, 1-й месяц засухи, 21-е число, в точности в день праздника новолуния. Воссиял царь утром. Когда было уведомлено все войско..., его величество отправился на золотой колеснице, украшенный своим боевым оружием...

Тогда его величество одолел их во главе своего войска. И они увидели, что его величество одолевает их, и бежали стремглав в Мегиддо с лицами, полными страха. Они бросили своих лошадей и свои золотые и серебряные колесницы, и их втаскивали с помощью одежд в этот город, так как когда заперли люди этот город, то спустили одежды, чтобы втащить их наверх в этот город.

И вот, если бы войско его величества не возымело намерения пограбить имущество врагов, оно бы овладело Мегиддо в этот миг, когда жалкого кадешского врага вместе с жалким врагом (правителем) этого города втаскивали с трудом наверх, чтобы ввести их в их город. Страх перед его величеством вошел в их тела, их руки ослабли, и его урей овладел ими.

Тогда были захвачены их лошади и их золотые и серебряные колесницы... Их ратники лежали, простершись на спине, как рыбы в углу (сети?), а победоносное войско его величества считало свое достояние.

И вот был захвачен шатер того жалкого врага... И все войско ликовало, воздавая славу Амону за победу, дарованную им своему сыну в этот день. Они воздали хвалу его величеству, превознося его победу. И они доставили добычу, взятую ими: руки[1], пленных, лошадей, золотые и серебряные колесницы.

(Царский приказ по войску)

И его величество отдал приказ своему войску в следующих выражениях: «Вы хватайте хорошенько-хорошенько, мое победоносное войско!.. Все владетели всех северных чужеземных стран заперты в нем, и овладеть Мегиддо — это значит взять тысячу городов. Вы хватайте хорошенько-хорошенько!»

---

[1] Египтяне убитым врагам отрубали руки и уносили с собой в доказательство доблести.

(Осада Мегиддо)

...военачальник.., чтобы каждого уведомлять о его месте. Они измерили этот город, причем он был обведен рвом (?) и окружен зелеными насаждениями из плодовых деревьев. При этом сам его величество находился в крепости восточнее города... Она была окружена стеной... и названа «Менхеперра, ловящий азиатов». Были поставлены люди на дозор к шатру его величества. Им было сказано: «Будьте стойкими, стойкими, будьте бдительными, бдительными!»... [Не дали выйти] ни одному из них наружу за эту стену, кроме того, кто выходил постучаться в ворота их крепости.

Все, что его величество совершил против этого города, против того жалкого врага и его жалкого войска, было увековечено в соответствующий день под его наименованием, под наименованием похода и под именами военачальников... увековечено на кожаном свитке в храме Амона в этот день.

(Сдача Мегиддо)

И вот владетели этой страны приползли на своих животах, чтобы поклониться мощи его величества, чтобы испросить дыхание для своих носов, потому что велика его сила, потому что велика власть Амона над всеми чужеземными странами.., и вот, все владетели были приведены пред мощь его величества с их данью серебром, золотом, лазуритом, бирюзой, доставляя зерно и вино, быков и мелкий скот для войска его величества, причем один отряд отправился с данью на юг. И вот, его величество назначило владетелей заново...

(Добыча первого похода)

[Перечень добычи, доставленной войском его величества из города] Мегиддо: 340 пленных, 83 руки, 2041 лошадь, 191 жеребенок, 6 жеребцов... молодых коней, 1 колесница, отделанная золотом с дышлом (?) из золота того врага, 1 добротная, отделанная золотом колесница владетеля [Мегиддо], 897 колесниц его жалкого войска, всего 924, 1 добротная бронзовая броня того врага, 1 добротная бронзовая броня владетеля Мегиддо, 200 ... броней его жалкого войска, 502 лука, 7 столбов шатра того врага из дерева мери, отделанных серебром. И вот захватило войско [его величества] 387 [голов какого-то скота], 1929 быков, 2000 коз и 20 500 овец.

Перечень добытого после этого царем из достояния того врага, что в Иеноаме, Нухаше, Херенкере, вместе с достоянием городов, подчинившихся ему... 38 витязей их, 87 детей того врага и владетелей, что были с ним, и 5 их витязей, 1796 рабов и рабынь, равно как и их детей, 103 мужчины, сдавшихся добровольно, вышедших с голоду от того врага, всего 2503, равно как чаши из ценного камня и золота, различные сосуды.., большой сосуд с ручками сирийской работы, яйцевидные (?) сосуды, чаши.., различные сосуды для

питья, большие котлы, ножей... 27, что составляет 1784 дебена[1]. Золото в кругах, найденное в руках мастеров, и серебро в многочисленных кругах, 966 дебенов 1 кедет[2], серебряная кованая статуя... с головой из золота, 2 жезла с человеческими лицами, 6 кресел того врага из слоновой кости, черного и ценного сирийского дерева, отделанных золотом, и 6 скамеечек к ним, 6 больших столов из слоновой кости и ценного сирийского дерева, ложе из ценного сирийского дерева, отделанное золотом и всякими самоцветами, ...статуя того врага, что был там, из черного дерева, отделанная золотом, с головою из лазурита.., сосуды из бронзы и множество одежд того врага.

(Сбор урожая на полях около захваченного Мегиддо)

И вот, эти поля были превращены в пашни, причем они были переданы уполномоченным дворца — да будет он жив, невредим, здоров,— чтобы снять их урожай. Перечень урожая, доставленного его величеству с пашен Мегиддо: 207 300 ... мешков четверных хекат[3] пшеницы, помимо сжатого и забранного войском его величества.

Хрестоматия по истории Древнего Востока/ Под ред. М. А. Коростовцева, И. С. Кацнельсона, В. И. Кузищина.— М., 1980.— ч. I.— С. 67—70.

§ 5 РЕЛИГИОЗНЫЕ ВЕРОВАНИЯ

Параграф содержит документы, говорящие о своеобразии древнеегипетской религии, которое заключается в прочности и живучести религиозных традиций (например, культа животных) и в исключительном значении заупокойного культа. Культ животных восходит к родо-племенным верованиям — к тотемизму. Пережитки тотемизма встречаются и у других народов Древнего Востока, но в долине Нила они были распространены более широко. В каждой местности почиталось какое-либо животное, птицы или насекомые: бык, крокодил, кошка, коршун, навозный жук и др. Многие области назывались по имени почитаемых животных: область крокодила, область барана, область сокола и т. д. Богов изображали в виде животных или с головами животных и туловищем человека. Изображения богов следует использовать для научного объяснения происхождения религии.

В связи с заупокойным культом в древнем Египте были распространены учение о «загробном мире», мумификация, строительство гробниц.

7. «Книга Мертвых»

(Вера в «загробную жизнь»)

Вера древних египтян в «загробную жизнь» хорошо отражена в «Книге Мертвых» — условное название свитка папируса, который насчитывает около 200 «глав», состоящих из молитв, магических заклинаний.

Чтобы достичь загробного блаженства, по учению жрецов, надо было знать много магических заклинаний. Их специально составляли для фараонов («Тексты пирамид»), для знатных и богатых людей («Тексты саркофагов»). Во II тысячелетии до н. э. на их основе был составлен сборник магических заклинаний, т. е. «Книга Мертвых».

---

[1] *Дебен* — весовая единица — 91 г.
[2] *Кедет* — весовая единица — 9,1 г.
[3] *Хекат* — мешок четверных хекат равен 76,5 л.

Руководствуясь этим религиозно-магическим сборником, покойный преодолевал все препятствия на пути к достижению загробного блаженства. В 125-й главе «Книги Мертвых» описан суд Осириса в «загробном царстве». К главе имеется иллюстрация: Осирис (царь и судья «загробного царства») сидит на троне со знаками царской власти (с короной, с жезлом и плетью). Наверху изображены 42 бога, (очевидно, боги номов). В центре зала стоят весы, на которых боги Гор[1] и Анубис[2] взвешивают сердце покойного. На одной чашечке весов находится сердце, на другой — статуэтка богини Правды. Если человек на земле вел праведный образ жизни, то его сердце и статуэтка весили одинаково, если грешил, то сердце весило больше статуэтки. Оправданного покойного отправляли в «загробный рай», грешника поедало чудовище — лев с головой крокодила. (110-я глава «Книги Мертвых» показывает, как умерший работает в «загробном мире»: пашет, погоняя пару запряженных в плуг быков, сеет, жнет, молотит, прогоняя быков по разбросанным на току колосьям, приносит жертву богу. Злаки там вырастают выше человеческого роста. Поля изобилуют водой. Картина потусторонней жизни — идеализация земной.) В зале покойный обращался с речью к Осирису, затем к каждому из 42 богов. Перед каждым из них он оправдывался в смертном грехе, которым тот или иной бог ведал. В этой же главе содержится текст оправдательной речи с перечислением 42 грехов в отрицательной форме («я не делал зла»), так как египтяне верили в магию и считали, что если слово написано, то оно обращалось в действительность. «Книга Мертвых» стоила дорого, бедные не могли ее приобрести; поэтому, чтобы обрести загробное блаженство, они должны были жить праведной жизнью, которая выражалась в покорности господствующему классу. При погребении царей, сановников «Книги Мертвых» клали в гробницы.

В связи с верой в «загробную жизнь» у древних египтян развилось представление о воздаянии. Эксплуатируемая часть населения возлагала надежду, с одной стороны, на получение загробного вознаграждения за свои земные страдания, с другой стороны, на то, что их угнетатели будут наказаны «владыкой правды». Жречество же использовало веру в загробное воздаяние для проповеди покорности, смирения бедных с существующими порядками в государстве.

Ниже приведены отрывки из речей покойного, которые можно использовать при комментарии иллюстрации «Суд Осириса» в школьном учебнике.

Слава тебе, бог великий, владыка обоюдной[3] правды. Я пришел к тебе, господин мой. Ты привел меня, чтобы созерцать твою красоту. Я знаю тебя, я знаю имя твое, я знаю имена 42 богов, находящихся с тобою в чертоге обоюдной правды, которые живут, подстерегая злых и питаясь их кровью в день отчета перед лицом Благого. Вот я пришел к тебе, владыка правды; я принес правду, я отогнал ложь. Я не творил неправедного относительно людей, я не убивал... Я не делал зла. Не делал я того, что для богов мерзость... Не уменьшал хлебов в храмах, не убавлял пищи богов, не исторгал заупокойных даров у покойников. Я не уменьшал меры зерна, не убавлял меры длины, не нарушал меры полей, не увеличивал весовых гирь, не подделывал стрелки весов... Я чист, я чист, я чист, я чист...

(Говорится при выходе... из залы)

Слава вам, боги. Я знаю вас. Я знаю ваши имена. Я не паду от вашего меча. Вы не поднимете против меня зла к этому

[1] *Гор* — соколообразное божество, покровитель царской власти.
[2] *Анубис* — заупокойное божество в образе шакала, покровитель гробниц.
[3] Вероятно, общей правды для живых и мертвых.

богу, в свите которого вы состоите. У вас нет против меня обвинения, и вы скажете обо мне правду перед лицом Вседержителя, ибо я творил правду... Я не оскорбил бога, и нет ко мне обвинения со стороны современного царя.

Слава вам, боги, находящиеся в зале обоюдной правды[1], в которых нет лжи, которые живете правдой.... Вот я явился к вам без греха, без порока, без зла, без свидетеля, против которого я бы сделал что-либо дурное. Я живу правдой, питаюсь правостью сердца. Я слушал то, что говорят люди и что угодно богам. Я умилостивил богов тем, что им приятно... Я совершал жертвы богам и заупокойные дары духам. Освободите меня, защитите меня, не говорите против меня перед лицом бога великого. Я чистый устами, чистый руками.

Древний мир: Изборник источников по культурной истории Востока, Греции и Рима./ Под ред. Б. А. Тураева и И. Н. Бороздина.— 3-е изд.— М., 1917. Ч. I.— С. 9, 10, 11.

8. Культ животных. Бальзамирование

Геродот (ок. 484—425 гг. до н. э.) — первый греческий историк, названный в древности «отцом истории», уроженец малоазиатского города Галикарнаса. Им написан труд «История в девяти книгах». Труд начинается с описания истории стран, вошедших в Персидское государство. Книга I заканчивается гибелью Кира II. Вторая книга почти целиком посвящена Египту. В третьей книге описываются царствование и походы Камбиза, начало правления Дария I. В книге четвертой говорится о Скифии и походе Дария I против скифов, далее характеризуются Кирена и Ливия. С пятой книги начинается рассказ, относящийся к греко-персидским войнам. Произведение заканчивается 479 г. до н. э.— описанием битв при Микале и Платеях. Геродот путешествовал по Персидскому государству, побывал в Египте (ок. 445 г. до н. э.), Сирии, Палестине, Вавилоне, Северном Причерноморье. Геродот добросовестно описывал все виденное им лично, использовал сочинения других путешественников, до нас не дошедших, рассказы очевидцев, народные предания и т. д. Труд Геродота — ценнейший из источников по истории Персидского государства и греко-персидских войн, требующий, однако, критического отношения к себе.

(Культ животных)

65. ...Хотя Египет граничит с Ливией, в нем не особенно много зверей. Но все животные, которые там есть, как домашние, так и дикие, считаются священными... Для ухода за животными каждой породы назначены из египтян особые служители — мужчины и женщины, и эти должности переходят по наследству от отца к сыну. Каждый житель города выказывает свое благоговение перед священным животным следующим образом. После молитвы богу, которому посвящено данное животное, они стригут своим детям всю голову, половину или только треть головы, и затем взвешивают волосы на серебро. Сколько веса серебра потянут волосы, столько они отдают служительнице, а та за это нарезает рыбы в пищу животным. Таков способ питания этих животных. Если кто-нибудь

[1] «В зале обоюдной правды» происходил процесс загробного суда в присутствии Осириса («владыка правды») и 42 судей загробного царства.

умышленно убьет какое-нибудь из этих животных, того карают смертью; если же — неумышленно, то платит пеню, установленную жрецами. А кто убьет ибиса или ястреба, должен во всяком случае умереть.

66. ...Если в доме околеет кошка, то все обитатели дома сбривают себе только брови. Если же околевает собака, то все стригут себе волосы на теле и на голове.

67. Трупы кошек отвозят в город Бубастис, бальзамируют и погребают там в священных покоях. Собак же хоронят каждый в своем городе в священных гробницах...

69. Так вот в иных областях Египта крокодилы считаются священными, а в других — нет и с ними даже обходятся, как с врагами. Жители Фив и области Меридова озера почитают крокодилов священными. Там содержат по одному ручному крокодилу. В уши этому крокодилу вдевают серьги из стекла с золотом, а на передние лапы надевают кольца. Ему подают особо назначенную священную пищу, и пока он живет, весьма заботливо ухаживают за ним, а после смерти бальзамируют и погребают в священных покоях. Жители города Элефантины, напротив, не почитают крокодилов священными и даже употребляют их в пищу...

(Бальзамирование покойников)

86. Для этого поставлены особые мастера, которые по должности занимаются ремеслом бальзамирования. Когда к ним приносят покойника, они показывают родственникам на выбор деревянные раскрашенные изображения покойников. При этом мастера называют самый лучший способ бальзамирования, примененный (при бальзамировании того), кого мне не подобает в данном случае называть по имени. Затем они предлагают второй способ, более простой и дешевый, и, наконец, третий — самый дешевый. Потом опрашивают (родных), за какую цену (и каким способом) те желают набальзамировать покойника. Если цена сходная, то родственники возвращаются домой, а мастера остаются и немедленно самым тщательным образом принимаются за работу. Сначала они извлекают через ноздри железным крючком мозг. Этим способом удаляют только часть мозга, остальную же часть — путем впрыскивания (растворяющих) снадобий. Затем делают острым эфиопским камнем разрез в паху и очищают всю брюшную полость от внутренностей. Вычистив брюшную полость и промыв ее пальмовым вином, мастера потом вновь прочищают ее растертыми благовониями[1]. Наконец, наполняют чрево чистой растертой миррой[2], касией[3] и прочими благовониями (кроме ладана), ... (его) снова зашивают. После этого тело на 70 дней кладут в натровый щелок. Больше 70 дней, однако, оставлять тело в щелоке нельзя. По истечении же

[1] Внутренности покойника погребали в особых сосудах, а не в гробах.

[2] *Мирра* — ароматическая смола, получаемая подсочкой коры тропических деревьев рода коммифора.

[3] *Касия* — ароматическое и целебное растение (дикая корица).

этого 70-дневного срока, обмыв тело, обвивают (его) повязкой из разрезанного на ленты виссонного полотна и намазывают камедью (ее употребляют вместо клея). После этого родственники берут тело назад, изготовляют деревянный саркофаг в виде человеческой фигуры и помещают туда покойника. Положив в гроб, тело хранят в семейной усыпальнице, где ставят гроб стоймя к стене.

Геродот. История в девяти книгах.— Л., 1972.— Кн. II.

§ 6. АРХИТЕКТУРА

В документах данного параграфа идет речь о сооружении пирамид, храмов и обелисков. Анализируя документы, учащиеся с помощью учителя смогут назвать строительные материалы, вспоминая при этом природные богатства Египта. Здесь же следует обратить внимание учащихся на то, что в Египте строили и дворцы для фараонов, но они не сохранились до нашего времени, так как их сооружали из дерева. О них мы знаем лишь по рельефным изображениям. Египтяне считали, что земные жилища всего лишь временные, поэтому на них не стоит тратить прочные материалы. Они (речь идет, разумеется, о людях зажиточных) еще при жизни старались приготовить себе гробницу («жилище вечности») для загробной жизни. Гробницы сооружали из прочного камня. Из такого же камня воздвигали храмы, обелиски, колоссальные статуи. Для отделки использовали золото, серебро, медь и т. п.

Самой большой является пирамида фараона Хуфу (по-гречески Хеопс), описанная Геродотом.

О величественности и красоте храмов можно составить представление, глядя на их развалины в теперешних поселениях Карнаке и Луксоре на месте древних Фив. В них имелись огромные колонные залы и открытые колонные дворы. В Карнакском храме был построен колоссальный зал площадью в 5 тыс. $м^2$ с 134 колоннами, расположенными в 16 рядов. У входа в храмы воздвигались мощные башни, к которым вели аллеи сфинксов (львов с человеческими головами), символизировавших власть и мудрость фараонов. Стены храмов покрывались многоцветными рельефными изображениями и иероглифическими надписями, говорящими о подвигах фараонов.

Громадные по величине, безупречные по форме, изумительные по точности математического расчета пирамиды и храмы служат доказательством высокого уровня развития строительного искусства. В заключение учитель объясняет, что египтяне создали каменную монументальную архитектуру, такие ее элементы, как колонна, колоннада, архитектурный ансамбль.

Техническая необходимость колоннады вызывалась тем, что поперечные балки изготовлялись из камня. Из-за большой тяжести они не могли быть длинными. Короткие балки требовали частых вертикальных опор. Балочное перекрытие лежит в основе всего позднейшего строительства. Такие колоссальные сооружения могли быть созданы благодаря обилию строительного материала, громадному притоку в Египет богатств и рабов из завоеванных стран.

9. Строительство пирамид

Рассказ Геродота о строительстве пирамид свидетельствует о бедствиях, постигших Египет во времена царя Хуфу (греч. Хеопс), построившего себе «вечное жилище» ценой тяжкого всенародного труда. Строительство пирамид считалось всеегипетским делом, а пользы никому не приносило, впустую тратились громадные средства и силы.

124. ...Хеопс[1] вверг страну в пучину бедствий. Прежде всего он повелел закрыть все святилища и запретил совершать жертвоприношения. Затем заставил всех египтян работать на него. Так, одни были обязаны перетаскивать к Нилу огромные глыбы камней из каменоломен в Аравийских горах (через реку камни перевозили на кораблях), а другим было приказано тащить их дальше, до так называемых Ливийских гор. Сто тысяч людей выполняло эту работу непрерывно, сменяясь каждые три месяца. Десять лет пришлось измученному народу строить дорогу, по которой тащили эти каменные глыбы,— работа, по-моему, едва ли не столь же огромная, как и постройка самой пирамиды. Ведь дорога была 5 стадий длины, а шириной в 10 оргий[2], в самом высоком месте 8 оргий высоты, построена из тесаных камней с высеченными на них фигурами. Десять лет продолжалось строительство этой дороги и подземных покоев на холме, где стоят пирамиды. В этих покоях Хеопс устроил свою усыпальницу на острове, проведя на гору нильский канал[3]. Сооружение же самой пирамиды продолжалось 20 лет. Она четырехсторонняя, каждая сторона ее шириной в 8 плефров[4] и такой же высоты и сложена из тесаных, тщательно прилаженных друг к другу камней. Каждый камень длиной по крайней мере в 30 футов.

125. Построена же эта пирамида вот как. Сначала она идет в виде лестницы уступами, которые иные называют площадками или ступенями. После того как заложили первые камни (основания), остальные (для заполнения площадок) поднимали при помощи помостов, сколоченных из коротких балок. Так поднимали с земли камни на первую ступень лестницы. Там клали камень на другой помост; с первой ступени втаскивали на второй помост, при помощи которого поднимали на вторую ступень. Сколько было рядов ступеней, столько было и подъемных приспособлений. Быть может, однако, было только одно подъемное приспособление, которое после подъема камня без труда переносилось на следующую ступень. Мне ведь сообщали об обоих способах, почему я и привожу их. Таким образом, сначала была окончена верхняя часть пирамиды, затем соорудили среднюю и напоследок самые нижние ступени на земле. На пирамиде египетскими письменами было обозначено, сколько редьки, лука, чеснока съели рабочие. И, как я очень хорошо помню, переводчик, который читал мне надпись, объяснил, что на все это было израсходовано 1600 талантов серебра[5]. Если это верно, то сколько же денег пошло на железные орудия, на хлеб и одежду для рабочих, так как строительство этих сооружений продолжалось 20 лет и, кроме того, немало времени по-

---

[1] *Хеопс* — егип. Хуфу, царь IV династии (2600—2480 гг. до н. э.).

[2] *Оргий* — мера длины — 1,85 м.

[3] Имеется в виду канал, по которому доставлялись строительные материалы к месту сооружения пирамиды.

[4] *Плефр* — мера длины≈30 м.

[5] *Талант вавилонский* — 30,3 кг серебра, эвбейский — 26,19 кг.

надобилось на ломку и перевозку камней и сооружение подземных покоев (для усыпальницы).

Там же.

10. Строительство храмов

Аменхотеп III правил в середине XV в. до н. э., когда Египет достиг наивысшего могущества. Фараоны XVIII династии завоевали огромную территорию от Малой Азии до четвертых нильских порогов. Приток рабов и богатств в страну из покоренных Египтом областей, огромная власть, сосредоточенная в руках фараона, позволили Аменхотепу заняться строительной деятельностью. Ниже приводится надпись из заупокойного храма Аменхотепа III, так называемого Мемнония (на западе Фив), от которого до нас дошли знаменитые колоссы Мемнона высотой 21 *м* и два сфинкса, стоящие ныне на набережной Невы в Ленинграде. В надписи идет речь о работах в собственном заупокойном храме, в храмах Амона в Луксоре и в Карнаке, о строительном материале.

(Постройка Мемнония)

Вот успокоилось сердце его величества сооружением памятника большого весьма, (при этом) никогда не существовало подобного с древнейших времен Обеих Земель[1].

Построил он памятник свой для отца своего Амона, владыки престолов Обеих Земель: сооружение ему храма (букв. усадьбы бога) великолепного на «правом борту» (т. е. на левом берегу Нила) Фив, твердыни вековечной навеки из камня белого, доброго, крепкой породы, целиком обитого золотом, пол которого украшен серебром, врата которого всякие из белого золота[2], (причем) он расширен и увеличен весьма, будучи благоустроенным навеки, будучи устроенным празднично посредством памятника этого весьма великого, (причем) он снабжен множеством статуй владыки из гранита элефантинского (сиенита), каменьев дивных и каменьев всяких великолепных, воздвигнутых в работе навеки, высота (?) которых восходит в небо, лучи которых в лицах (смотрящих) подобны (лучам) солнечного диска, когда он испускает лучи рано утром, (причем) он снабжен плитой владыки, выложенной золотом и каменьями многочисленными, перед которым установлены мачты, обитые белым золотом, (причем) он уподоблен небосклону, находящемуся в небе, на котором восходит Ра, озеро которого полно половодьем великим, владыкой рыб и птиц, чистых растений, шена[3] которого полна рабами и рабынями, детьми правителей нагорий всяких (т. е. чужеземных стран), добычи его величества, склады которого вобрали доброе, число которому неизвестно, (причем) он окружен городами[4] Сирии, будучи снабженным детьми правителей, скот которого, как песок береговой: составляют они

---

[1] То есть Верхнего и Нижнего Египта.

[2] Белым золотом в Древнем Египте называли сплав золота с серебром (электрон).

[3] *Шена* — хлебопекарня, но там изготовляли и мясные блюда.

[4] Речь идет о поселениях пленных сирийцев вокруг Мемнония.

тьмы тем; у которого носовой канат земли Южной и кормовой — земли Северной[1]...

(Постройки в Луксорском храме)

...Царь Верхнего и Нижнего Египта, владыка Обеих Земель Небмаатра, наследник Ра, сын Ра, владыка венцов Аменхотеп, властитель Фив, успокоился на работах для отца своего Амона-Ра, владыки престолов Обеих Земель, в Луксоре из камня белого, доброго, крепкой породы, (причем) он (т. е. Луксорский храм) расширен и увеличен весьма, к красоте которого добавлен избыток, стены которого из белого золота, пол которого из серебра, все ворота которого обиты, пилон которого близок к выси, а обе мачты которого — среди звезд...

(Воздвижение третьего пилона в Карнакском храме Амона)

Повторил царь памятник Амону: сооружение ему врат[2] весьма больших перед лицом Амона-Ра, владыки престолов Обеих Земель, целиком обитых золотом, (на которых) тень (т. е. образ) бога в виде барана шеф[3], наполненная (т. е. выложенная) лазоревым камнем настоящим, обитая золотом (и выложенная) каменьями многочисленными, (причем) никогда не совершалось подобного; пол которых украшен серебром, пред лицом которых установлены врата, (причем) стелы из лазоревого камня — одна на каждой стороне; пилон которых приближен к выси, подобно четырем столбам неба; мачты которых восходят в небо, обитые белым золотом.

Доставил его величество золото для них из нагорья Кери[4] в поход первый победоносный, убийственный (для) жалкого Куша[5]. Царь Верхнего и Нижнего Египта Небмаатра, любимый Амоном-Ра, сын Ра, Аменхотеп, властитель Фив.

Хрестоматия по истории Древнего Востока/ Под ред. В. В. Струве, Д. Г. Редера.— М., 1963.— С. 101—104.

§ 7. МЕДИЦИНА

Здесь приводятся два отрывка из медицинских папирусов египтян, где говорится о методах освидетельствования больного и магических заклинаниях, которыми сопровождалось лечение.

О достижениях древних египтян в области медицины мы знаем благодаря сохранившимся древнеегипетским медицинским трактатам. Например, до нас дошел медицинский папирус Эберса 20,5 *м* длины. Он содержит до 900 лечебных рекомендаций против различных недугов. Благодаря бальзамированию трупов египтяне могли хорошо изучить строение человеческого организма, процесс кровообращения. В результате появились первые знания в области анатомии, зафиксированные в целом ряде анатомических терминов. О развитии диагностики позволяет

[1] В глубокой древности египтяне представляли Египет как корабль. Метафорой автор хотел сказать, что юг и север Египта как бы причалили к храму.
[2] Вся постройка, включающая ворота и пилоны (т. е. две привратные башни).
[3] Вероятно, вымершая в настоящее время порода длиннорогих баранов.
[4] *Кери* — местность в районе четвертого порога.
[5] Имеется в виду поход Аменхотепа III в страну Куш (Судан).

предполагать довольно точное описание некоторых болезней (желудочные, накожные, дыхательных путей, глазные, ревматизм, скарлатина и др.), их симптомов. В Египте делались первые попытки теоретического обобщения, что видно из учения о кровообращении, об «идущих от сердца 22 сосудах», игравших, по мнению египетских врачей, определенную роль в жизни человеческого организма и в ходе болезни. В некоторых медицинских трактатах дается своеобразная методика лечения, требующая от врача осмотра больного, определения симптомов, установления диагноза и способа лечения. Врачи специализировались по видам болезней: хирурги, глазные и зубные врачи, гинекологи и др. Египетские врачи считались лучшими в тогдашнем мире. При лечении употребляли настои трав, порошки, касторовое масло, различные соли, что свидетельствует о развитии фармакологии.

11. Из предписания врачу относительно перелома черепа без повреждения мягких тканей головы

В тексте, взятом из папируса Смита (первый в мире научный трактат по анатомии и хирургии), идет речь о методе осмотра больного при травме головы.

Если ты осматриваешь человека с проломом черепа под кожей его головы и нет ничего на ней, то ты ощупай его рану. Ты найдешь выступающую опухоль на наружной стороне пролома, что в его голове, а глаз его скошенным из-за этого на той стороне, которая находится под травмой, и что идет (он) и волочит подошву. Ты должен определить ее как травму, нанесенную извне, причем головка сустава его плеча не отделена, а вместе с тем ногти его пальцев скрючены в середину руки; он источает кровь из своих ноздрей и страдает несгибаемостью шеи. Недуг неизлечим.

Хрестоматия по истории древнего мира/ Под ред. В. В. Струве.— М., 1956.— С. 26.

12. Из заговора матери против детской болезни

...Изыди, приходящая из мрака, входящая крадучись,
Нос которой позади нее, лицо которой обращено назад,
Дающая промах относительно того, ради чего она пришла!
Не пришла ли ты, чтобы заставить замолчать его (ребенка)?
Я не позволю, чтобы ты заставила его замолчать!
Не пришла ли ты, чтобы навредить ему?
Я не позволю, чтобы ты навредила ему!
Не пришла ли ты, чтобы отобрать его?
Я не позволю, чтобы ты отобрала его от меня!
Я сделала ему амулет против тебя...

Там же.

§ 8. ЛИТЕРАТУРА

Древние египтяне создали разнообразные произведения художественной литературы (мифы, сказки, повести, песни, поучения и др.). В большинстве своем литературные произведения анонимны. Они восходят к народным сказкам и рассказам, подвергшимся обработке придворными и храмовыми писцами. Имена некоторых из них сохранились.

Древнеегипетская литература достигла высокого художественного совершенства. Литературные произведения (поэтические и прозаические) облекались в строго ритмическую форму. Для Египта характерно традиционное сохранение в течение тысячелетий древних сюжетов, литературных мотивов, жанров и форм в силу господства консервативной религиозной идеологии. Литература древних египтян была тесно связана с религией. Своего наиболее яркого развития достигла художественная литература под влиянием острой социальной борьбы классов и общественных групп в период Среднего царства. Произведения этой поры считались классическими. В период Среднего царства появляются художественные произведения светского характера, повести и рассказы о приключениях путешественников в южных и азиатских странах.

В Древнем Египте, как и в других странах древности, понятие авторства еще не утвердилось. Оно существовало лишь в дидактической литературе, вероятно, потому, что египтяне этот литературный жанр считали наиболее важным.

13. Восхваление авторов поучений

Текст содержится в одном из папирусов II тыс. до н. э. В нем прославляются авторы дидактических произведений — «поучений».

Они не строили себе пирамид из меди
И надгробий из бронзы.
Не оставили после себя наследников,
Детей, сохранивших их имена.
Но они оставили свое наследство в писаниях,
В поучениях, сделанных ими.
Построены были двери и дома, но они разрушились,
Жрецы заупокойных служб исчезли,
Их памятники покрылись грязью,
Гробницы их забыты.
Но имена их произносят, читая эти книги,
Написанные, пока они жили,
И память о том, кто написал их,
Вечна.
Человек угасает, тело его становится прахом,
Все близкие его исчезают с земли.
Но писания заставляют вспоминать его
Устами тех, кто передает это в уста других.
Они скрыли свое волшебство от людей,
Но их читают в наставлениях.
Они ушли,
Имена их исчезли вместе с ними,
Но писания заставляют
Вспомнить их.

Поэзия и проза Древнего Востока.— М., 1973.— С. 102—104.

14. Сказка о взятии Юпы

Текст датируется палеографически XIII в. до н. э. Это эпоха египетских военных походов в Палестину, Сирию. Но время действия отнесено к царствованию Менхеперра (Тутмоса III). Местонахождение Юпы не выяснено. Большинство исследователей локализуют Юпу близ Дамаска, некоторые — на месте современного порта Яффы. Начальные строки текста сказки повреждены.

Джехути — военачальник времен Тутмоса III — хитростью заманил правителя Юпы в свой лагерь. Он пригласил его будто бы для переговоров. Воинов царя напоили допьяна. Царя Юпы Джехути оглушил палицей («магическое победоносное» оружие) Тутмоса III и связал. Тем временем возничему царя велели сообщить в город,

что правитель якобы приказал открыть ворота города, так как начальник египетского войска хочет сдаться и шлет дары в город. Египтяне поместили в заранее сплетенные корзины 200 воинов с веревками, кандалами, оружием и поручили 500 воинам нести опечатанные печатью корзины. Жители Юпы пропустили их в город, где воины, несущие корзины и сидевшие в них, напали на беззащитных людей, заковали в кандалы, чтобы отправить их в Египет как рабов. Сказка интересна тем, что имеет общий мотив с троянским конем, впервые упоминаются кандалы.

1.1. [...] сто двадцать сирийских воинов [...] как и корзины [...]
1.2. для Джехути [...]
1.3. войско фараона,— да будет он жив, невредим и здрав! [...] их лица [...] И через час они были пьяны. Джехути сказал правителю Юпы [...]
1.4. [...] с моей женой и детьми в твой город. Пусть войдут с ними вместе сирийские
1.5. воины и кони, и пусть дадут им есть, или же пусть один апр[1] сопровождает
1.6. [...] каждого из них. И дали им кров и пищу.
1.7. [...] царь Менхеперра,— да будет он жив, невредим и здрав! Пришли доложить об этом Джехути.
1.8. Враг из Юпы сказал Джехути: «Мое желание — взглянуть на великую палицу царя Менхеперры,— да будет он жив, невредим и здрав!
1.9. имя которой — [...] Прекрасная. Клянусь душой царя Менхеперры,— да будет он жив, невредим и здрав! — она твоя сегодня, в твоих руках [...]
1.10. [...] принеси ее мне». И вот как поступил Джехути: он принес палицу царя Менхеперры
1.11. [...] в его (?) одежде. Встал Джехути перед врагом из Юпы и сказал:
«Взгляни на меня, враг из
1.12. Юпы! Вот палица царя Менхеперры,— да будет он жив, невредим и здрав! — грозного льва, сына богини Сехмет, Амон наделил его
1.13. своею силой». И поднял он руку и нанес удар в висок врагу из Юпы. И враг из Юпы упал [...
2.1. ...] перед ним. Джехути приказал надеть на него ярмо и связать ремнем из кожи
2.2. [...] поверженного врага из
2.3. Юпы. И привязали к его ногам медный груз весом в четыре немсета[2]. И Джехути приказал
2.4. доставить двести корзин, которые загодя повелел сплести, и приказал спрятать в них двести воинов.
2.5. И вот полны руки воинов веревками и ярмами, и опечатаны корзины
2.6. печатью. И дали людям в корзинах также их обувь
2.7. и оружие [...] И отрядили отборных воинов — всего пятьсот человек — нести корзины.

---

[1] *Апр* — подневольный слуга не египетского происхождения.
[2] Точный вес *немсета* неизвестен.

2.8. И сказали им: «Когда войдете в
2.9. город, откройте корзины, выпустите товарищей своих. И вы захватите всякого человека в городе и свяжете его
2.10. без промедления». И вышли сказать возничему врага из Юпы:
2.11. «Твой господин говорит: «Иди скажи своей госпоже: «Ликуй! Бог Сутех[1] отдал нам в руки Джехути, жену его и детей его!
2.12. Лик мой отнял у них свободу». Так скажи ей про эти двести корзин, полных людьми,
2.13. веревками и ярмами». И возничий отправился впереди отряда, чтобы порадовать сердце своей госпожи,
2.14. сказав: «Мы захватили Джехути!» И открыли врата города перед отрядом Джехути,
3.1. и воины вступили в город. Они
3.2. выпустили своих товарищей и захватили
3.3. город,— юных и возмужалых,— и наложили
3.4. на всех узы и ярма без промедления. Так могучая длань
3.5. фараона,— да будет он жив, невредим и здрав! — захватила вражеский город.
3.6. А Джехути лег спать, отписавши сперва в Египет
3.7. царю Менхеперра,— да будет он жив, невредим и здрав! — своему владыке:
3.8. «Да возликует сердце твое — отдал в твои руки Амон, твой благой отец, врага
3.9. из Юпы, и всех его людей, и город его.
3.10. Присылай за пленными
3.11. и добычею, и да наполнишь ты дом отца твоего Амона-Ра[2], царя богов,
3.12. рабами и рабынями. И да будут они повержены под стопы твои
3.13. навеки!»
[Колофон[3]:] доведено сие прекрасно до конца
3.14. ради души искусного своими пальцами войскового писца...

Там же. С. 62—64.

ТЕМА 2. **ПЕРЕДНЯЯ АЗИЯ В ДРЕВНОСТИ**

В соответствии с материалом школьного учебника эта тема представлена документами по истории Древневавилонского царства, Финикии, Ассирии и Персидского государства. В них описываются природные условия Южного Междуречья, которые следует сравнить с географической средой Египта, выявить их сходство (долины разливающихся рек, жаркий климат, плодородие почвы за счет оседания ила, недостаток древесного строительного материала) и различие (в Междуречье

[1] *Сутех* — бог Сет.

[2] *Амон-Ра* — божество, имя составлено из имен двух богов, бога Солнца Ра и Амона (местный бог Фив). С превращением Фив в столицу Амон стал называться Амон-Ра. Имя Ра освещало первое имя своей древностью и авторитетом.

[3] *Колофон* (от греч. kolophon — завершение) — в рукописных и старопечатных книгах текст на последней странице, содержащий название книги, сведения о ее авторе, месте и времени переписки, писце и др.

нет строительного камня и металлических руд, иное время разлива рек, выпадение зимой осадков в отличие от Египта, открытый характер местности, ничем не защищенной и поэтому подвергавшейся неоднократным вторжениям иноземцев).

Здесь же подобраны статьи из свода законов царя Хаммурапи. Учащиеся, знакомясь с законами — источником нового вида, пополнят свои представления о средствах государственного принуждения. Среди источников темы имеются отрывки из литературных произведений народов Междуречья, из «Истории» Геродота о путешествии финикийцев, их письменности, характере военных походов ассирийцев, завоеваниях персов, реформах Дария I.

§ 1. ДРЕВНЕВАВИЛОНСКОЕ ЦАРСТВО

В XIX в. до н. э. возвысился Вавилон (Бабили — «врата бога»). Он расположен на левом берегу Евфрата, где скрещивались торговые пути. Цари Вавилона использовали выгодное географическое положение и объединили под своей властью Междуречье. Объединение завершилось в середине XVIII в. до н. э. при Хаммурапи, который проявил себя прекрасным дипломатом, используя распри и столкновения соседних городов-государств. Он был и хорошим администратором. При нем был издан и введен в действие новый свод законов.

1. Природа Южного Междуречья

193... Вся Вавилония, подобно Египту, всюду перерезана каналами. Самый большой из этих каналов судоходен; в юго-восточном направлении он течет из Евфрата в другую реку — Тигр, на которой лежал город Нин. Из всех стран на свете, насколько я знаю, эта земля производит безусловно самые лучшие плоды Деметры[1]. Напротив, плодовые деревья там даже вообще не произрастают: ни смоковница, ни виноградная лоза, ни маслина. Что же до плодов Деметры, то земля приносит их в таком изобилии, что урожай здесь вообще сам-двести, а (в хорошие годы) даже сам-триста. Листья пшеницы и ячменя достигают там целых четырех пальцев в ширину. Что просо и сезам[2] бывают там высотой с дерево, мне хорошо известно, но я не стану рассказывать об этом. Я знаю ведь, сколь большое недоверие встретит мой рассказ о плодородии разных хлебных злаков у тех, кто сам не побывал в Вавилонии. Оливкового масла вавилоняне совсем не употребляют, но только из сезама. Повсюду на равнине растут там финиковые пальмы, в большинстве плодоносные. Из плодов пальм приготовляют хлеб, вино и мед...

Геродот.— Указ. соч.—кн. I.

2. Законы царя Хаммурапи

Законы Хаммурапи (1792—1750 гг. до н. э.) — шестого царя первой Вавилонской династии — найдены французской археологической экспедицией в 1901 г. в Сузах (столица Элама), хранятся в Луврском музее в Париже. Законы высечены на черном базальтовом столбе, который в качестве трофея был увезен эламитами из Вавилонии в XII в. до н. э. Кодекс законов содержит 282 статьи, но на столбе

---

[1] *Деметра* — древнегреческая богиня плодородия.
[2] *Сезам* — масличное растение.

сохранилось только 247 статей, 35 статей выскоблены, очевидно, по приказу эламского царя. Впоследствии недостающие статьи были восстановлены на основе фрагментов дубликатов, найденных в Сузах, в библиотеке ассирийского царя Ашшурбанапала (669— ок. 630 гг. до н. э.) в Ниневии. Клинописный текст состоит из трех частей: введения, собственно законов и заключения. В первой и последней частях указана цель составления законов: «чтобы сильный не угнетал слабого, чтобы оказать справедливость сироте и вдове...». В верхней части лицевой стороны столба изображен Хаммурапи стоящим в молитвенной позе перед сидящим богом солнца и правосудия Шамашем, вручающим ему законы. Законы Хаммурапи позволяют охарактеризовать экономический и общественный строй Древневавилонского царства.

(Хозяйство)

Ниже приведены статьи, из которых можно узнать, какие отрасли хозяйства были развиты в Древневавилонском царстве. Учащиеся под руководством учителя при анализе статей могут установить, что в Вавилоне были развиты оросительное земледелие (§ 53, 59), скотоводство (§ 7), ремесла (§ 228, 229, 230, 231, 232, 234, 235, 274), торговля (§ 7), перечислить сельскохозяйственные орудия (плуг, борона, лопата, мотыга, оросительное орудие (§ 259), повозка (§ 271), обратить внимание на положение ремесленников.

§ 7. Если человек купит из руки сына человека[1] или из руки раба человека без свидетелей и договора или возьмет на хранение либо серебро, либо золото, либо раба, либо рабыню, либо вола, либо овцу, либо осла, либо что бы то ни было, (то) этот человек — вор, его должно убить.

§ 53. Если человек поленится укрепить плотину своего поля и (вследствие того, что) плотина не была укреплена им, в его плотине произойдет прорыв, а водой будет затоплена возделанная земля (общины, то) человек, в плотине которого произошел прорыв, должен возместить хлеб, который он погубил.

§ 59. Если человек срубит в саду человека дерево без (ведома) хозяина сада, (то) он должен отвесить 1/2 мины[2] серебра.

§ 188. Если какой-либо ремесленник возьмет малолетнего в воспитанники и научит его своему ремеслу, (то) он не может быть потребован (обратно по суду).

§ 189. Если он не научит его своему ремеслу, (то) этот воспитанник может вернуться в дом своего отца.

§ 228. Если строитель построит человеку дом и завершит ему (его, то тот) должен дать ему в подарок 2 сикля[3] серебра за (каждый) сар[4] (площади) дома.

§ 229. Если строитель построит человеку дом и сделает свою работу непрочно, так что построенный им дом обвалится и причинит смерть хозяину дома, (то) этого строителя должно убить.

§ 230. Если он причинит смерть сыну хозяина дома, (то) должно убить сына этого строителя.

§ 231. Если он причинит смерть рабу хозяина дома, (то) он должен отдать хозяину дома раба за раба.

---

[1] *Сын человека* — полноправный житель Вавилонского царства.
[2] *Мина* — мера веса и денежного счета — около 0,5 кг.
[3] *Сикль* — мера веса и денежного счета — около 8,4 г.
[4] *Сар* — мера площади — 180 ше — 35 кв. м.

§ 232. Если он погубит достояние, (то) он должен возместить все, что он погубил; а за то, что построил дом непрочно, так что он обвалился, должен отстроить обвалившийся дом за собственный счет.

§ 235. Если корабельщик соорудит человеку судно и сделает свою работу ненадежно, так что судно в том же году станет гечь (?) (или) получит (другой) недостаток, (то) корабельщик должен сломать это судно, сделать прочное за собственный счет и отдать прочное судно хозяину судна.

§ 259. Если человек украдет оросительное орудие с обрабатываемой земли (общины, то) он должен отдать хозяину оросительного орудия 5 сиклей серебра.

§ 274. Если человек нанимает какого-либо ремесленника, (то) плату ... 5 ше[1] серебра, плату землекопа (?) 5 (?) (ше серебр)а, (плату пор)тного (?) (...ше сереб)ра, (плату камне)реза (...ше сереб)ра, (плату... ...) ше серебра, (плату куз)неца (?) (... ше серебра), (плату) столяра 5 (?) ше серебра, (плату) кожевника ... ше серебра, плату плотника ... ше серебра, (плату стр)оителя ... ше серебра, (в) день (он должен да)вать.

(Аренда и наем)

Статьи законов об аренде и найме, так же как и о рабстве-должничестве, свидетельствуют об имущественном расслоении, лишении крестьян частично или полностью земли, скота, сельскохозяйственных орудий. В статьях указывается на определенную плату за аренду или наем.

§ 42. Если человек арендует поле для обработки и не вырастит на нем хлеба, (то) его должно изобличить в том, что он не делал (необходимой) работы в поле и он должен отдать хозяину поля хлеб, как его соседи.

§ 45. Если человек отдаст свое поле земледельцу за арендную плату и получит арендную плату за свое поле, (а) потом Адад[2] затопит поле или наводнение унесет (жатву, то) убыток (падает) только (на) земледельца.

§ 46. Если он не получит арендной платы или отдаст поле исполу или из третьей доли, (то) находящийся на поле хлеб земледелец и хозяин поля должны делить по (условленному) соотношению (частей) (?).

§ 47. Если земледелец ввиду того, что он не получил в первый год (пользы от) своих трудов, скажет: «Я обработаю поле для себя», (то) хозяин поля не должен противиться (этому): поле его должен обрабатывать только (этот) его земледелец, и при жатве он получит хлеб сообразно с договором.

§ 73. (Если...) жиле(ц) полност(ью) запла(тил) (домо)владельцу (свою) арендную плату за го(д), а домовладелец приказал жи(льцу) выехать до истечения его полного срока, (то), та(к как) домовладелец вы(селил) из своего дома жил(ьца) до полн(ого)

[1] *Ше* — мельчайшая единица веса и денежного счета — 0,05 г.
[2] *Адад* — бог грозы и дождя.

истечения (его) (сро)ка, серебро, которое жил(ец) да(л ему, он теряет).

§ 236. Если человек отдаст свое судно в наем корабельщику, а корабельщик будет небрежен и потопит или погубит судно, то корабельщик должен возместить судно хозяину судна.

§ 257. Если человек наймет земледельца, (то) он должен давать ему 8 курру хлеба за 1 год.

§ 258. Если человек наймет погонщика быков, (то) он должен давать ему 6 курру хлеба в 1 год.

§ 268. Если человек наймет быка для молотьбы, (то) его наемная плата — 20 ка[1] хлеба.

§ 269. Если он наймет осла для молотьбы, (то) его наемная плата — 10 ка хлеба.

§ 271. Если человек наймет быков, повозку и ее погонщика, (то) он должен давать 180 ка хлеба в день.

§ 272. Если человек наймет одну только повозку, (то) он должен давать 40 ка хлеба в день.

(Долговая кабала)

В эпоху Хаммурапи значительное развитие получило долговое рабство. В долговое рабство попадали разорявшиеся крестьяне, ремесленники. Они, беря в долг зерно, деньги у богачей, обязывались возвращать долг с процентами. При возврате зернового долга уплачивали 30% годовых, а денежного — 20%. Должник, не погасивший в срок ссуду, становился рабом своего кредитора или отдавал ему в кабалу человека своей семьи. Это приводило к обострению отношений между бедными и богатыми. Чтобы смягчить эти противоречия, Хаммурапи ограничил действия заимодавцев. Они обязаны были: 1) брать от должника хлеб в счет погашения денежного долга, но не имели права самовольно брать зерно из амбара или закрома должника; 2) по истечении трех лет на четвертый год отпускать должников на свободу; 3) в течение трех лет с должником нельзя было плохо обращаться. В случае смерти должника от побоев или дурного обращения по принципу равного возмездия казнили соответственно члена семьи заимодавца (дочь, сына, жену). Этими мерами Хаммурапи хотел защитить бедных от произвола богатых и тем самым укрепить единство свободных людей.

§ 48. Если человек имеет на себе процентный долг, а Адад затопит его поле, или наводнение унесет (жатву), или вследствие засухи в поле не вырастет хлеб, (то) он может в этом году хлеб сво(ему) за(им)одавцу не возвращать и уничтожить свой документ; также и проценты за этот год он может не отдавать.

§ 115. Если человек имеет за человеком (долг) хлебом или серебром и будет держать его заложника, а заложник умрет в доме взявшего в залог по своей судьбе, (то) это не основание для претензии.

§ 116. Если заложник умрет в доме взявшего в залог от побоев или от дурного обращения, (то) хозяин заложника должен изобличить своего тамкара; если (взятый в залог) — сын человека, (то) должно убить его сына, если он — раб человека, он

[1] *Ка* — мера емкости — около 0,84 л.

должен отвесить 1/3 мины серебра, а также теряет все, данное им (в долг).

§ 117. Если человек имеет на себе долг и отдаст за серебро или даст в долговую кабалу свою жену, своего сына или свою дочь, (то) они должны служить в доме их покупателя или заимодавца 3 года; на четвертый год должно отпустить их на свободу.

§ 118. Если он отдаст в долговую кабалу раба или рабыню, (то) тамкар может передать (его или ее) дальше, может отдать (его или ее) за серебро; (он или она) не может быть требуем (или требуема) (назад) судебным порядком.

(Рабство)

Из нижеприведенных статей законов видно, что рабами были военнопленные. Иногда в рабов обращали осужденных по суду. Раб находился в полной собственности своего хозяина. Раба можно было продать, передать наследнику. В наказание рабов обычно не убивали, не калечили. Им наносили физическое увечье — отрезали ухо, что не лишало раба трудоспособности. Убийство раба нанесло бы материальный ущерб господину раба. В качестве протеста против порабощения и эксплуатации рабы убегали от своих хозяев. Но их ловили, а тех, кто их укрывал, казнили. Законы Хаммурапи охраняли собственность рабовладельцев.

§ 15. Если человек выведет за городские ворота раба дворца, или рабыню дворца, или раба мушкенума[1], или рабыню мушкенума, (то) его должно убить.

§ 16. Если человек укроет в своем доме беглого раба или рабыню, (принадлежащих) дворцу или мушкенуму, и не выведет (их) на клич глашатая, (то) этого хозяина дома должно убить.

§ 17. Если человек поймает в степи беглого раба или рабыню и доставит его господину его, (то) господин раба должен дать ему 2 сикля серебра.

§ 19. Если он удержит этого раба в своем доме и потом раб будет схвачен в его руках, (то) этого человека должно убить.

§ 119. Если человек имеет на себе долг и отдаст за серебро свою рабыню, родившую ему детей, (то) хозяин рабыни может отвесить серебро, (какое) отвесил (ему) тамкар[2], и выкупить свою рабыню.

§ 170. Если человеку его супруга родит детей и его рабыня также родит ему детей (и) отец при своей жизни скажет детям, которых родила ему рабыня: «Мои дети», причислит их к детям супруги, (то), после того, как отец уйдет к судьбе (умрет), дети супруги и дети рабыни должны делить между собой достояние отцовского дома поровну; наследник[3], сын супруги, при разделе должен выбрать и взять (свою часть первым).

§ 171. А если отец при своей жизни не скажет детям, которых родила ему рабыня: «Мои дети», (то) после того, как отец уйдет

[1] *Мушкенум* — свободный, но неполноправный человек. По-видимому, это человек, не имевший собственного надела земли в общине.

[2] *Тамкар* — крупный купец на царской службе. Он же ростовщик, кредитор.

[3] *Наследник* — вероятно, старший сын законной жены.

к судьбе, дети рабыни не могут делить с детьми супруги достояние отцовского дома. Рабыня и ее дети должны быть отпущены на свободу, дети супруги не могут предъявлять к детям рабыни претензии об (обращении в) рабство. Супруга получит свое приданое и вдовью долю, которую ей дал (и) отписал ей посредством документа ее муж, и будет жить в жилище своего мужа и пользоваться (всем этим), пока жива, (но) не может отдавать за серебро; что (останется) после нее, (принадлежит) только ее детям.

§ 175. Если либо раб дворца, либо раб мушкенума возьмет (замуж) дочь человека и она родит детей, (то) господин раба не может предъявлять претензии к детям дочери человека об (обращении их) в рабство.

§ 176. Если раб дворца или раб мушкенума возьмет (замуж) дочь человека и она, когда он брал ее (замуж), вошла в дом раба дворца или раба мушкенума с приданым (из) своего отцовского дома и впоследствии, после того как они поселятся вместе, создадут дом (и) приобретут (движимое) имущество, (и) либо раб дворца, либо раб мушкенума уйдет к судьбе, (то) дочь человека должна получить свое приданое, а все, что муж ее и она сама приобрели с тех пор, как поселились вместе, должно разделить на две части, и половину должен получить господин раба, половину должна получить дочь человека для своих детей. Если у дочери человека не было приданого, (то) все, что муж ее и она сама приобрели с тех пор, как поселились вместе, должно разделить на две части, и половину должен получить господин раба, половину должна получить дочь человека для своих детей.

§ 199. Если он (человек) повредит глаз раба человека или сломает кость раба человека, (то) он должен отвесить половину его покупной цены.

§ 205. Если раб человека ударит (по) щеке кого-либо из людей, (то) должно отрезать ему ухо.

§ 226. Если цирюльник без (ведома) господина раба сбреет (рабский) знак не своего раба, (то) этому цирюльнику должно отрезать пальцы.

§ 227. Если человек обманет (?) цирюльника и тот сбреет (рабский) знак не своего раба, (то) этого человека должно убить и зарыть (?) в его воротах; цирюльник должен поклясться: «Я сбрил неумышленно» — и быть свободным (от ответственности).

§ 280. Если человек купит во враждебной стране раба (или) рабыню человека (и) когда придет в Страну[1], господин раба или рабыни признает своего раба или рабыню, (то) если эти раб или рабыня — дети Страны, их должно отпустить на свободу без какого-либо серебра.

§ 281. Если они дети другой страны, (то) покупатель должен назвать перед богом серебро, которое он отвесил, а господин раба или рабыни может отдать тамкару отвешенное им серебро и выкупить своего раба или рабыню.

[1] *Страна*, т. е. Вавилон.

§ 282. Если раб скажет своему господину: «Ты не мой господин», (то тот) должен изобличить его как своего раба и затем его господин может отрезать ему ухо.

(Воины)

Воинам в законах Хаммурапи уделяется особое внимание. Войско в эпоху Хаммурапи было профессиональным, постоянным, находилось на царском довольствии. При натуральном хозяйстве и наличии большого фонда земли у Хаммурапи основным видом этого довольствия, обеспечивающего воина и его семью, являлся надел из царской земли. В связи с этим воин был зависим только от царя. Вместе с тем такое довольствие делало войско прочным оплотом деспотической власти царя и государства.

Из статей известно правовое положение воинов. Смертной казнью каралась посылка воином вместо себя заместителя. Из плена воина выкупали. Вернувшемуся из плена воину возвращали его надел. В случае гибели воина весь его надел передавался взрослому сыну, а малолетнему сыну только часть надела в целях обеспечения его воспитания. Закон защищал воина от злоупотреблений со стороны его командира и от произвола заимодавца.

§ 26. Если редум или баирум[1], которому приказано выступить в царский поход, не пойдет или, наняв наемника, пошлет его в замену себя, (то) этого редума или баирума должно убить; нанятый им может забрать его дом.

§ 27. Если редум или баирум будет уведен (в плен) (?), будучи на царской службе, (а) после него его поле и его сад будут отданы другому и тот будет нести его (воинскую) повинность, (то) если он вернется и достигнет своего поселения, должно возвратить ему его поле и сад, и он будет сам нести свою повинность.

§ 28. Если редум или баирум будет уведен (в плен) (?), будучи на царской службе, (а) его сын может нести повинность, (то) должно отдать ему поле и сад, и он будет нести повинность своего отца.

§ 29. Если сын его малолетен и не может нести повинность своего отца, (то) должно отдать треть поля и сада его матери, и мать его вырастит его.

§ 31. Если же он будет отсутствовать только один год и вернется, (то) должно отдать ему его поле, сад и дом, и он сам будет нести свою повинность.

§ 32. (Ес)ли редума или баирума, который был уведен (в плен) (?) во время царского похода, выкупит тамкар и доставит в его поселение, (то) если в его доме есть чем выкупиться, он должен выкупить себя сам, если в его доме нечем выкупиться, он должен быть выкуплен в храме своего поселения. Если у храма его поселения нечем выкупить его, (то) его должен выкупить дворец. Его поле, сад и дом не должно отдавать на его выкуп.

§ 33. Если деку́м или лубутту́м[2] приобретет «человека исторжения»[3] или на (время) царского похода примет наемника в каче-

[1] *Редум и баирум* — категории воинов (тяжеловооруженный и легковооруженный).

[2] *Декум и лубуттум* — чины командиров в войске.

[3] *Человек исторжения* — лицо, насильно завербованное в воины.

стве замены и пошлет (его, то) этого декума или лубуттума должно убить.

§ 34. Если декум или лубуттум возьмет пожитки редума, причинит вред редуму, отдаст редума в наем, предаст редума на суде (более) сильному (или) возьмет (себе) подарок, (который) дал редуму царь, (то) этого декума или лубуттума должно убить.

§ 35. Если человек купит у редума крупный или мелкий скот, который дал редуму царь, (то) он теряет свое серебро.

§ 36. Поле, сад и дом редума, баирума или приносящего доход не могут быть отданы за серебро.

§ 38. Редум, баирум или приносящий доход не может отписывать из поля, сада или дома, (связанных с) его повинностью, своей жене или дочери, а также отдавать за свой долг.

Законы Вавилонии, Ассирии и Хеттского царства/ Пер. И. М. Дьяконова // Вестник древней истории.— 1952.— № 3.— С. 225—261.

§ 2. ЛИТЕРАТУРА МЕЖДУРЕЧЬЯ

От народов Междуречья до нас дошли различные литературные жанры (мифы, гимны, сказки, эпос, лирика, диалоги, споры, поучения, басни, поговорки, пословицы и др.). Первые литературные тексты появились в начале III тыс. до н. э. на шумерском, а в I половине II тыс. до н. э. — на аккадском (вавилонском) языках.

3. Миф о мироздании

Миф о мироздании называется по его первым словам «Когда вверху» («Энума элиш»). Он обнаружен в библиотеке ассирийского царя Ашшурбанапала в фрагментированном виде. К настоящему времени содержание мифа почти полностью восстановлено на основании глиняных таблеток, найденных во время раскопок в г. Ашшуре (древняя столица Ассирии). Миф был написан на семи глиняных таблетках, причем каждая из них соответствует описанию одного из семи этапов мироздания. Этот миф оказал влияние на библейский миф о мироздании, в котором творение богом вселенной разделено на семь дней. Отдельные части этого мифа были созданы еще в шумерийскую эпоху. В дошедшей до нас редакции миф был составлен, очевидно, в эпоху Хаммурапи, когда Вавилон стал столицей огромного Вавилонского царства. Вавилонское жречество выдвинуло бога г. Вавилона Мардука в качестве бога-творца и создателя вселенной.

Миф повествует о том, что первоначально на земле был хаос, земля была покрыта водой. Создателем хаоса являлось чудовище Тиамат. Бог Мардук убил Тиамат. Тело Тиамат разрубил на две части. Из верхней части тела Мардук создал небо со звездами, из нижней — землю с растениями и животными. Затем из глины, смешанной с кровью одного из богов, он создал по своему образу и подобию первых людей, от которых пошел род человеческий. Призванием людей должна быть забота о богах. За подвиги Мардуку все боги передали верховную власть на небе.

Когда вверху небеса еще не были названы, и не имела названия внизу земля, а изначальный Апсу, их родитель, Мумму и Тиамат[1], родившая всех, вместе свои воды мешали, когда еще не были

[1] *Апсу, Мумму, Тиамат* — боги первобытного водного хаоса.

сформированы деревья, и не был виден тростник, когда никто из богов еще не появился, когда имена еще не были названы, не определилась судьба, тогда боги были созданы посредине небес...

Они ему (Мардуку) основали величественное святилище, и он поселился править перед своими отцами.

«Ты почитаем средь великих богов, твой жребий несравнен, твое слово — Ану[1]. Отныне непреложны твои повеления, возвышать и унизить пусть будет в твоих руках. Верны твои слова, неложны повеления, никто из богов твои пределы не преступит... О, Мардук[2], ты наш — мститель, над всем миром мы царство тебе отдаем. В собрании сядешь — твое слово возвышено, твой меч непобедим, да истребит он твоих врагов.

О, владыка, спаси тому жизнь, кто верит тебе, а бога, предпринявшего злое, истреби его душу».

Они положили меж собою одеяние и сказали Мардуку, первородному сыну: «Твой жребий, владыка, впереди всех богов. Погибель и рождение — повели, да свершится! Открой свои уста — да сгинет одежда, опять прикажи — да появится целым!»

Повелел он устами — исчезла одежда, опять повелел он — одежда возникла. Отцы его боги, лишь увидев действие повеления его уст, возликовали они и хвалили: «только Мардук — царь!» Они ему вручили скипетр, трон и правление и дали ему непобедимое оружие для сокрушения врагов.

«Иди, оборви ты Тиамат жизнь, пусть ветер в укрытие унесет ее кровь». Отцы его, боги, определили ему судьбу Энлиля[3] и в путь удачный и успешный послали его. Он изготовил свой лук, выбрал оружие, он поднял стрелу, установил на тетиву; поднял он копье и наставил его вправо, лук и колчан сбоку он подвесил. Пред собою молнию поставив, он наполнил свое тело пылающим огнем; он сеть изготовил, чтобы Тиамат запутать, и четырем ветрам он дал ее держать, чтоб ничто не ускользнуло на юге и севере, востоке и западе. Сбоку он приблизил сеть, дар отца своего, Ану. Он создал злой ветер, бурю, ураган, Четвероветер, Семероветер, Вихревой ветер, Бесподобный ветер, и выпустил он ветры, которые создал,— семеро их,— чтобы Тиамат смутить: они следовали за ним. Владыка поднял Потоп, свое великое оружие, он встал на колесницу, непобедимый, страшный ветер. Он ее запряг и привесил на боку четыре упряжки: Губитель, Беспощадный, Затопляющий, Летящий...

Он (обл)ечен в одежду ужаса, а глава его увенчана гибель(ным) блеском. Он пустился в свой путь, помчался по (т)ропе, к месту (разг)неванной Тиамат обратил свое лицо.

Отцы его, боги, на него смотрели, боги на него глядели. Приблизился владыка и начал рассматривать недра Тиамат. И заметил он бормотание Кингу, ее супруга; смотрит он (Мардук): помутнел его (Кингу) взгляд. (...только) Тиамат не повернула своей

---

[1] *Ану* — бог неба.

[2] *Мардук* — вначале местный бог, покровитель г. Вавилона, затем глава вавилонского пантеона богов.

[3] *Энлиль* — вначале бог воздуха, позднее бог земли.

шеи. Своими расточительными устами она изрыгала возмущение. (Под)нял владыка потом свое великое оружие, (...к) взбешенной (Ти)амат так послал (сказать):

«Становись! Я да ты устроим мы сражение!» Когда Тиамат такое услыхала, она обезумела и потеряла разум. Взревела Тиамат дико и громко, ее ноги дрожали до самой ступни, она изрекает заклинания,— проклятие бросает. А боги войны оружие точат.

Сошлись Тиамат и мудрейший из богов Мардук. Они двинулись в бой, для сражения сблизились. Распростер владыка сеть свою и окружил ее; ураган, державшийся сзади, пустил он вперед. Когда Тиамат раскрыла свою пасть, чтобы его проглотить, он вогнал туда ветер, и она не могла сомкнуть свои уста; яростный ветер наполнил ее тело. Ее сердце было схвачено, широко раскрыта пасть. Он выпустил стрелу и пронзил ее тело; ее одолел он, а ее жизнь погубил. Он бросил труп и наступил на него... А боги, ее помощники, на ее стороне идущие, содрогнулись, убоялись и назад обратились, уйти попытались, чтобы жизнь спасти. Но опутаны были и бежать не смогли...

К Тиамат, которую одолел, он вернулся назад, наступил владыка на ноги Тиамат, своим мечом беспощадным он (ей) череп разбил и ее кровеносные сосуды разрезал. Северного ветра он заставил унести ее кровь в тайное место...

Его отцы, увидев такое, возрадовались, возликовали и принесли ему дары и подношения.

Владыка, отдыхая, созерцал ее труп. Разделив тело чудовища, он мудрое создал. Точно раковину он разделил ее на две половинки. Положив (одну) ее половину, он настлал небеса, протянул он запоры и стражу поставил, не выпускать ее вод он ей поручил. Он обошел небеса, осмотрел все места, прошел сквозь пучины, жилища Нидиммуда[1], владыка измерил строение океана и Э-шарру, чертог, ему[2] подобный, он воздвиг. В чертоге Э-шарре, воздвигнутом на небе, он поселил Ану, Энлиля и Эа[3] обитать в своих городах. Он создал стоянки великим богам и поместил светила, их подобие, в созвездии Зодиака. Год он отметил, разбил его на части, двенадцати месяцам он установил по три звезды. После того как он набросил образы дней, он основал стоянку Нибира[4], чтобы определить их расположение, чтобы не сделать ошибки, чтоб никто не блуждал. Воздвиг он стоянки Энлилю и Эа, раскрыл он ворота с обеих сторон, укрепил он запоры и слева и справа, и в недрах ее он зенит поместил Луну он светить заставил, доверил ей ночь, он ей ночь обозначил, чтобы день узнавать.

Когда Мардук услышал слова богов, (тогда) побудило его сердце, и он создал мудрый план. Отверз он свои уста и Эа (говорит):

---

[1] *Нидиммуд* — одно из имен бога Эа.
[2] То есть океану.
[3] *Эа* — бог воды.
[4] *Нибир* — Мардук.

«Кровь соберу я и кости возьму, создам человека,— человек — (его имя) (?), сотворю человека, чтобы жил (на земле). Пусть богам он служит, а те (отдохнут)».

Хрестоматия по истории древнего мира /Под ред. В. В. Струве.— М., 1956.— С. 57—59.

4. Миф о потопе. Из эпоса о Гильгамеше

Ниже приводится отрывок из аккадского эпоса о Гильгамеше (II тыс. до н. э.) — одного из лучших произведений художественной литературы народов Междуречья. Ранние песни и сказания о Гильгамеше появились в III тыс. до н. э. Обнаруженные сказания записаны клинописью на шумерском, аккадском (вавилонском), хурритском, хеттском языках. В эпосе повествуется о подвигах Гильгамеша. Желая найти цветок вечной молодости для своего народа, он после смерти своего друга Энкиду и долгих поисков встречается с Утнапишти, который спасся от потопа и по воле богов обрел бессмертие со своей женой. Найденный им цветок утащила змея, когда он купался. Утнапишти рассказывает Гильгамешу о потопе[1].

Потоп объясняется гневом богов. Недовольные непокорностью людей, боги насылают на землю ливень. Вода затопила страну — все люди гибнут, кроме благочестивого Утнапишти с семьей. Месопотамское сказание о потопе возникло в природных условиях, где возможны были наводнения. В результате разливов рек водой покрывались значительные пространства. Разливы тогдашним людям казались всемирными.

Миф рассказывает о действительно имевшем место наводнении, как доказал английский археолог Леонард Вулли, раскапывавший г. Ур на юге Междуречья. Под богатыми царскими погребениями начала III тыс. до н. э. он обнаружил слой ила без культурных остатков толщиной от 2,5 до 3,5 м, а под ним слой с фрагментами керамики. «Чистый» слой и есть след наводнения — «потопа». Наводнение не было всемирным, оно затопило только Южное Междуречье. Мифы о наводнениях имеются и у других народов, например в Индии, Китае.

8 Утнапишти ему вещает, Гильгамешу:
9 «Я открою, Гильгамеш, сокровенное слово
10 И тайну богов тебе расскажу я.
11 Шури́ппак, город, который ты знаешь,
12 Что лежит на бреге Евфрата,—
13 Этот город древен, близки к нему боги.
14 Богов великих потоп устроить склонило их сердце.
15—16 Совещались отец их Ану, Эллиль, герой, их советник,
17—18 Их гонец Нину́рта[2], их мираб[3] Энну́ги.
19 Светлоокий Эа с ними вместе клялся,
20 Но хижине он их слово поведал:
21 «Хижина, хижина! Стенка, стенка!
22 Слушай, хижина! Стенка, запомни!
23 Шуриппакиец, сын Убар-Туту,
24 Снеси жилище, построй корабль,
25 Покинь изобилье, заботься о жизни,

[1] Мифы о потопе имеются у многих народов.
[2] *Нинурта* — бог охоты, войны.
[3] *Мираб* — управляющий оросительными работами.

26 Богатство презри, спасай свою душу!
27 На свой корабль погрузи все живое.
28 Тот корабль, который ты построишь,
29 Очертаньем да будет четырехуголен,
30 Равны да будут ширина с длиною,
31 Как Океан, покрой его кровлей!»
32 Я понял и вещаю Эа, владыке:
33 «То слово, владыка, что ты мне молвил,
34 Почтить я должен, все так и исполню.
35 Что ж ответить мне граду — народу и старцам?»
36 Эа уста открыл и молвит,
37 Мне, рабу своему, он вещает:
38 «А ты такую им речь промолви:
39 «Я знаю, Эллиль меня ненавидит,—
40 Не буду я больше жить в вашем граде,
41 От почвы Эллиля стопы отвращу я.
42 Спущусь к Океану, к владыке Эа!
43 А над вами дождь прольет он обильно,
44 Тайну птиц узнаете, убежища рыбы,
45 На земле будет всюду богатая жатва,
46 Утром хлынет ливень, а ночью
47 Хлебный дождь вы узрите воочью».
48 Едва занялось сияние утра,
49 По зову моему весь край собрался.
52 Всех мужей *я призвал на повинность* —
53 Дома сносили, *разрушали* ограду.
54 Ребенок смолу таскает,
55 Сильный *в корзинах* снаряженье носит.
56 В пятеро суток заложил я кузов:
57 Треть десятины площадь, борт сто двадцать локтей высотою,
58 По сто двадцать локтей края его верха.
59 Заложил я обводы, чертеж начертил я:
60 Шесть в корабле положил я палуб,
61 На семь частей его разделивши ими,
62 Его дно разделил на девять отсеков,
63 Забил в него колки водяные[1],
64 Выбрал я руль, уложил снаряженье.
80 Нагрузил его всем, что имел я,
81 Нагрузил его всем, что имел серебра я,
82 Нагрузил его всем, что имел я злата,
83 Нагрузил его всем, что имел живой я твари,
84 Поднял на корабль всю семью и род мой,
85 Скот степной и зверье, всех мастеров я поднял.
86 Время назначил мне Шамаш[2]:

---

[1] *«Колки водяные»* — неясно, что такое.
[2] *Шамаш* — бог солнца и правосудия.

87 «Утром хлынет ливень, а ночью
87а Хлебный дождь ты узришь воочью,—
88 Войди на корабль, засмоли его двери».
89 Настало назначенное время:
90 Утром хлынул ливень, а ночью
90а Хлебный дождь я увидел воочью.
91 Я взглянул на лицо погоды —
92 Страшно глядеть на погоду было.
93 Я вошел на корабль, засмолил его двери...
96 Едва занялось сияние утра,
97 С основанья небес встала черная туча...
106 Что было светлым,— во тьму обратилось,
107 *Вся* земля раскололась, как *чаша.*
108 Первый день *бушует* Южный ветер,
109 Быстро налетел, *затопляя* горы,
110 Словно войною, настигая *землю.*
111 Не видит один другого,
112 И с небес не видать людей.
113 Боги потопа устрашились,
114 Поднялись, удалились на небо Ану[1],
115 Прижались, как псы, растянулись снаружи...
126 Теснятся друг к другу, пересохли их губы.
127 Ходит ветер шесть дней, семь ночей,
128 Потопом буря покрывает землю.
129 При наступлении дня седьмого
129а Буря с потопом войну прекратили,
130 Те, что сражались подобно войску.
131 Успокоилось море, утих ураган — потоп прекратился.
132 Я открыл отдушину — свет упал на лицо мне,
133 Я взглянул на море — тишь настала,
134 И все человечество стало глиной!
135 Плоской, как крыша, сделалась равнина.
136 Я пал на колени, сел и плачу,
137 По лицу моему побежали слезы.
138 Стал высматривать берег в открытом море —
139 В двенадцати поприщах поднялся остров.
140 У горы Ни́цир корабль остановился.
141 Гора Ницир корабль удержала, не дает качаться.
142 Один день, два дня гора Ницир держит корабль, не дает качаться,
143 Три дня, четыре дня гора Ницир держит корабль, не дает качаться.
144 Пять и шесть гора Ницир держит корабль, не дает качаться.
145 При наступлении дня седьмого
146 Вынес голубя и отпустил я;
147 Отправившись, голубь назад вернулся:
148 Места не нашел, прилетел обратно.

[1] *Ану* — по представлениям вавилонян, существовало несколько твердых небес, из них одно — небо Ану.

149 Вынес ласточку и отпустил я;
150 Отправившись, ласточка назад вернулась:
151 Места не нашла, прилетела обратно.
152 Вынес вóрона и отпустил я;
153 Ворон же, отправившись, спад воды увидел,
154 Не вернулся; каркает, ест и гадит.

Поэзия и проза Древнего Востока.— М., 1973.— С. 210—215.

5. Диалог между Инанной и ее братом, богом солнца Уту

Диалог представляет собой большую часть мифологической поэмы об изготовлении покрывала для постели богини Инанны. Это сказание знакомит с процессом ткачества шумеров.

«Сестра моя, я принесу тебе надерганный (?) лен ...»
«Брат, когда ты принесешь мне надерганный (?) лен,
Кто расчешет его для меня ...?»
«Сестра моя, я принесу тебе его чесаным...»
«Брат, когда ты принесешь его чесаным,
Кто ссучит его для меня ...?»
«Сестра моя, я принесу тебе его ссученным...»
«Брат, когда ты принесешь его ссученным,
Кто спрядет его для меня ...?»
«Сестра моя, я принесу тебе его спряденным...»
«Брат, когда ты принесешь его спряденным,
Кто натянет его на основу для меня ...?»
«Сестра моя, я принесу тебе его натянутым на основу,...»
«Брат, когда ты принесешь его натянутым на основу,
Кто соткет его для меня ...?»
«Сестра моя, я принесу тебе его сотканным...»
«Брат, когда ты принесешь мне этот сотканный лен,
Кто окрасит его для меня ...?»
«Сестра моя, я принесу тебе лен крашеным».

Крамер С. Н. История начинается в Шумере.— М., 1965.— С. 93—94.

6. Спор между Мотыгой и Плугом

Спор (диспут) — литературный жанр. Одно из произведений Двуречья такого жанра содержит сведения о сельскохозяйственной технике, хозяйственной деятельности.

Вот смотри! Мотыга, носящая узел[1],
Мотыга (из) шелковицы, зубья которой из кизила,
Мотыга (из) тамариска, зубья которой из «морского» дерева,
Мотыга (с) двумя зубьями, (с) четырьмя зубьями,
Мотыга, сын бедного человека, опора человека в лохмотьях,
Мотыга бросает вызов Плугу.
(И) в споре Мотыги с Плугом
Мотыга говорит Плугу.
«Я приумножаю, (но) что приумножаешь ты?
Я расширяю, (но) что расширяешь ты?
Когда воды хлынут (через размытую плотину), ты не запружаешь ее,
Ты не наполняешь корзин илом,
Ты не наполняешь переметных сум глиной, ты не делаешь кирпич,
Ты не кладешь фундамент, ты не строишь домов,
Ты не укрепляешь (шатающихся) старых стен,

[1] *Мотыга*, острие которой привязано к ручке.

Ты не прилаживаешь водосточных желобов на крышах достойных людей,
Плуг, ты не содержишь улицы в порядке....»
«Я плуг, сделанный могучей рукой, собранный могучей рукой,
Я надзиратель Энлиля над полями,
Я верный землепашец человечества.
Когда мой праздник празднуют в поле в (месяце) Шунумун,
Царь (сам) режет быков для меня, убивает несчетное
множество овец для меня...
Царь держит меня за рукоятку,
Запрягает моих быков в ярмо,
Вся знать идет рядом со мной,
Все страны обожают меня,
Все люди с радостью взирают на меня,
Мое присутствие среди борозд — украшение полей,
Перед колосьями, которые я выращиваю в полях,
Все звери Сумугана радостно, низко склоняются...
На горе зеленой и внушающей благоговение
Я наполняю для Энлиля силосные ямы и житницы,
Сгребаю для него в кучи эммер[1] и пшеницу...
Но ты, Мотыга, кто работает и копошится (?) в грязи,
Мотыга, чья голова увязла (?) в поле,
Мотыга и форма для выработки кирпича, которые проводят
(все свои дни) не очищенными от грязи,
Колодцекопатель, ямокопатель,
Та..., негожа для царской руки,
Чья рукоятка пригодна только для руки раба,
Ты осмеливаешься бросать горькие оскорбления мне,
Осмеливаешься сравнивать меня с собой!
Убирайся отсюда в поле, я (достаточно) насмотрелся на тебя».
«Плуг! ...
В месте (жительства) Энлиля я превосхожу тебя,
В доме Энлиля я иду впереди тебя,
Я рою рвы, рою каналы,
Заполняю водой луга,
Когда вода заливает поля сахарного тростника,
Мои маленькие (наполненные глиной) корзины чинят (?)
размытые места (?),
Когда я пробиваю бреши в реке, бреши в каналах,
Заставляю воду течь в сторону поднявшейся Большой Реки
(Евфрата),
Осушаю болота,
Я, Мотыга, возвожу ограды,
(Для того чтобы) ни южный ветер, ни северный не могли
их повредить.
(Непотревоженный) птицелов собирает яйца,
Рыбак ловит рыбу,
Люди ставят силки для птиц,
Таким образом мое богатство наполняет страну.
После того как я удалю воду с лугов,
После того как я осушу землю,
Я иду впереди тебя, Плуг, на поле,
Разрыхляю для тебя открытые поля,
Выравниваю (?) для тебя борозды рвов,
Убираю перед тобой комья и корни с поля.
Приготовляю (?) поле для (твоей) работы,
Ты, у кого шесть быков, у кого четверо работников, ты
сам лишь одиннадцатый ...
Мое рабочее (?) время — двенадцать месяцев,
А ты работаешь (только) четыре месяца
И исчезаешь на восемь месяцев,

[1] *Эммер* — вид пшеницы.

Следовательно, ты отсутствуешь в два раза дольше, чем
работаешь...
Я всегда с царскими слугами,
Я строю дома царям,
Увеличиваю стойла, расширяю загоны для овец ...
Огораживаю города, строю их стены,
Я строю великолепные храмы великим богам,
Соразмеряю тщательно красную глину (и) зеленую глину
с (обычной) глиной,
Я строю (множество) городов с дворцами...
Я разбиваю царские сады;
После того как я обнесу забором сады, огорожу их
и разрыхлю землю,
Люди опять берут меня, Мотыгу,
После того как я вырою им колодцы, сделаю столбы,
(И) построю водяные колеса, я чиню борозды-рвы,
Наполняю борозды-рвы водой,
(Для того чтобы) яблони цвели, дали (свои) плоды.
Их плоды относят в храм богов, как подобает...»
В споре между Мотыгой и Плугом
Побеждает Мотыга.

Крамер С. Н. История начинается в Шумере.— М., 1965.— С. 95—99.

§ 3. ФИНИКИЙСКИЕ МОРЕПЛАВАТЕЛИ

Финикийцы жили по восточному побережью Средиземного моря. Финикией называлась узкая прибрежная часть Сирии. От остальной части Сирии она отделена Ливанскими горами, покрытыми густыми лесами. Земли, пригодной для земледелия, мало. По побережью финикийцы основали города Угарит, Библ, Сидон, Тир. Каждый город существовал независимо от другого и представлял собой государство.

Финикийцы в древнем мире славились как лучшие и отважные мореплаватели и торговцы. Они плавали в Египет, к Эгейскому морю, до Испании и Гибралтарского пролива, вдоль западного побережья Африки.

Морские путешествия сопровождались основанием колоний в местах, где можно было получать ценные товары или устраивать промежуточные остановки кораблей, и установлением торговых сношений с жителями островов и побережья Средиземного моря. Торговля была меновой. При удобном случае финикийцы занимались грабежом и захватом населения в плен. Пленных они продавали в рабство. Ими была основана в конце IX в. до н. э. колония Карфаген в Северной Африке. Впоследствии Карфаген сделался сильнейшим государством, соперничавшим с Римом. В связи с мореплаванием в Тире, Сидоне и Библе было широко развито кораблестроение. Развитие мореплавания и торговли порождало потребность в более простом и удобном для употребления способе письма, чем иероглифы и клинопись. В связи с этим финикийцами было создано алфавитное письмо, послужившее основой для греческого, арамейского, латинского и даже в конечном счете русского алфавита. В финикийском алфавите отсутствуют гласные звуки.

7. Геродот о финикийцах

(Путешествие финикийцев)

IV. 42. ...Ливия[1] же, по-видимому, окружена морем, кроме того места, где она примыкает к Азии; это, насколько мне известно, первым доказал Нехо[2], царь Египта. После прекращения строи-

[1] *Ливия* — Африка.
[2] *Нехо* (610—595 гг. до н. э.) — фараон XXVI династии.

тельства канала из Нила в Аравийский залив царь послал финикиян на кораблях. Обратный путь он приказал им держать через Геракловы Столпы[1], пока не достигнут Северного моря[2] и таким образом не возвратятся в Египет. Финикияне вышли из Красного моря и затем поплыли по Южному. Осенью они приставали к берегу и, в какое бы место в Ливии ни попадали, всюду обрабатывали землю; затем дожидались жатвы, а после сбора урожая плыли дальше. Через два года на третий финикияне обогнули Геракловы Столпы и прибыли в Египет. По их рассказам (я-то этому не верю, пусть верит, кто хочет), во время плавания вокруг Ливии солнце оказывалось у них на правой стороне[3].

43. Так впервые было доказано, что Ливия окружена морем. Впоследствии карфагеняне утверждали, что им также удалось обогнуть Ливию ...

(Финикийская письменность)

58. А финикияне эти, прибывшие в Элладу с Кадмом[4] (среди них были и упомянутые Гефиреи[5]), поселились в этой земле и принесли эллинам много наук и искусств и, между прочим, письменность, ранее, как я думаю, неизвестную эллинам[6]. Первоначально у кадмейцев письмена были те же, что и у остальных финикиян. Впоследствии же вместе с изменением языка постепенно изменилась и форма букв. В то время из эллинских племен соседями их были в большинстве областей ионяне. Они переняли от финикиян письменность, изменили также по-своему немного форму букв и назвали письмена финикийскими (что было совершенно справедливо, так как финикияне принесли их в Элладу). Ионяне также издревле называют книги кожами, потому что при отсутствии папируса они писали на козьих и овечьих шкурах. Еще и поныне многие варварские народности пишут на таких шкурах.

Геродот. Указ. соч.— Кн. V.

§ 4. ВОЕННЫЕ ПОХОДЫ АССИРИЙЦЕВ

8. Из анналов Салманасара III (859—824 гг. до н. э.)

Салманасар III — царь Ассирии вел борьбу с Урарту. В отрывке идет речь о походе в Урарту на третьем году его правления, о взятии г. Арзашку, битве в горах Аддури, жестоком обращении ассирийцев с населением и грабеже страны.

---

[1] *Геракловы Столпы* — совр. Гибралтарский пролив.

[2] *Северное море* — в данном случае имеется в виду Средиземное море.

[3] Современные астрономы считают это наблюдение доказательством того, что финикийцы побывали в южном полушарии и экватор оказался по правую сторону (т. е. на север) от них. Солнце в полдень приближается к экватору.

[4] *Кадм* — герой греческих мифов, в поисках сестры прибыл в Грецию и основал г. Фивы.

[5] *Гефиреи* — древний финикийский род, издавна переселившийся в Грецию.

[6] С половины II тысячелетия греки пользовались разными письменами: на Крите и в Пелопоннесе употреблялось линейное письмо «В», а также слоговое кипрское письмо.

К Арзашку, царскому городу Араму урартского, я приблизился. Араму урартский испугался горечи моего сильного оружия и сильной битвы и оставил свой город. В горы Аддури он поднялся; за ним поднялся и я, сильную битву устроил я в горах, 3400 воинов поверг своим оружием, как Адад, тучу над ними пролил я дождем, их кровью окрасил я горы, как шерсть, его лагерь я захватил, его колесницы, всадников, коней, мулов, телят, имущество и богатую добычу привел я с гор. Араму, свою жизнь спасая, убежал на недоступную гору. В моей могучей силе, как тур, раздавил я его страну, поселения превратил в развалины и сжег огнем.

Хрестоматия по истории Древнего Востока/ Под ред. В. В. Струве, Д. Г. Редера.— М., 1963.— С. 335.

§ 5. ПЕРСИДСКОЕ ГОСУДАРСТВО В КОНЦЕ VI — НАЧАЛЕ V В. ДО Н. Э.

Персидское государство образовалось в середине VI в. до н. э. к востоку от Междуречья на Иранском плоскогорье, окаймленном со всех сторон горными хребтами. Историческая традиция и античные авторы называют основателем этого государства Кира II (558—530 гг. до н. э.). Кир II завоевал Мидию, Лидию и Вавилон. Продвижение Кира II к побережью Средиземного моря носило мирный характер. Он восстановил Иерусалим и разрешил иудеям вернуться на родину из вавилонского плена, начал отстраивать финикийские города. Иерусалим разрушил и иудеев взял в плен в 586 г. до н. э. царь Нововавилонского царства Навуходоносор II (605—562 гг. до н. э.). Кир II готовился к покорению Египта. Но этот замысел он не осуществил. В 530 г. до н. э. Кир II совершил поход в Среднюю Азию против массагетов, живших между Каспийским морем и Сырдарьей. Царица массагетов Томирис победила персов, Кир II погиб.

Камбиз (530—522 гг. до н. э.), старший сын Кира, завоевал Египет в 525 г. до н. э.

При Дарии I (522—486 гг. до н. э.) восточная граница Персидской державы проходила по р. Инд, на западе он завоевал Киренаику (в Африке), остров Самос (в Эгейском море), Фракию и Македонию.

9. Завоевания персидских царей и восстания в покоренных ими странах

Завоевания Кира II

I. 178. После завоевания всего (азиатского) материка Кир обратился против ассирийцев. В Ассирии есть много и других больших городов, но самым знаменитым и наиболее могущественным городом, где у ассирийцев после разрушения Нина[1] находился царский дворец, был Вавилон...

190. ...А когда вновь наступила весна, царь выступил в поход на Вавилон. Вавилоняне вышли из города с войском и ожидали Кира. Когда царь подошел к городу, вавилоняне бросились в бой, но, потерпев поражение, были оттеснены в город. Вавилонянам было уже заранее известно, что Кир теперь не будет бездействовать; они видели ведь, как персидский царь нападал на один народ за другим. Поэтому, запасшись продовольствием на очень

[1] *Нин* — Ниневия.

много лет, они не обращали никакого внимания на осаду. Между тем Кир оказался в затруднительном положении, так как прошло уже много времени, а дело (осады) нисколько не подвигалось вперед.

191. Наконец, другой ли кто подал совет в затруднении или же сам Кир сообразил, как ему поступать, но сделал он вот что. Он поставил часть своего войска в том месте, где река входит в город, а другую часть — ниже по течению, у ее выхода из города. Затем он приказал воинам, как только увидят, что русло стало проходимым вброд, вступать по этому руслу в город... Так-то Вавилон был взят тогда в первый раз.

204. Так вот с запада Каспийское море граничит с Кавказом, а на востоке по направлению к восходу солнца к нему примыкает безграничная необозримая равнина. Значительную часть этой огромной равнины занимают упомянутые массагеты, на которых Кир задумал идти войной. Много было у Кира весьма важных побудительных причин для этого похода. Прежде всего — способ его рождения, так как он мнил себя сверхчеловеком, а затем — счастье, которое сопутствовало ему во всех войнах. Ведь ни один народ, на который ополчался Кир, не мог избежать своей участи.

205. Царицей массагетов была супруга покойного царя. Звали ее Томирис. К ней-то Кир отправил послов под предлогом сватовства, желая будто бы сделать ее своей женой. Однако Томирис поняла, что Кир сватается не к ней, а домогается царства массагетов, и отказала ему. Тогда Кир, так как ему не удалось хитростью добиться цели, открыто пошел войной на массагетов. Для переправы войска царь приказал построить понтонные мосты через реку (Аракс), а на судах, из которых состояли мосты, воздвигнуть башни.

206. Пока войско Кира было занято этими работами, Томирис велела через глашатая сказать Киру вот что: «Царь мидян! Отступись от своего намерения. Ведь ты не можешь знать заранее, пойдет ли тебе на благо или нет сооружение этих мостов. Оставь это, царствуй над своей державой и не завидуй тому, что мы властвуем над нашей...»

214. Томирис же, узнав, что Кир не внял ее совету, со всем своим войском напала на персов. Эта битва, как я считаю, была самой жестокой из всех битв между варварами. О ходе ее я узнал, между прочим, вот что. Сначала, как передают, противники, стоя друг против друга, издали стреляли из луков. Затем, исчерпав запас стрел, они бросились врукопашную с кинжалами и копьями. Долго бились противники, и никто не желал отступать. Наконец массагеты одолели. Почти все персидское войско пало на поле битвы, погиб и сам Кир. Царствовал же он полных 29 лет. А Томирис наполнила винный мех человеческой кровью и затем велела отыскать среди павших персов тело Кира. Когда труп Кира нашли, царица велела всунуть его голову в мех. Затем, издеваясь над покойником, она стала приговаривать так: «Ты все же погубил меня, хотя я осталась в живых и одолела тебя в битве, так как хитростью захватил моего

сына. Поэтому-то вот теперь я, как и грозила тебе, напою тебя кровью». Из многих рассказов о кончине Кира этот мне кажется наиболее достоверным.

(Поход Камбиза в Египет и его смерть)

II. 1. После кончины Кира царство наследовал Камбиз, сын Кира и Кассанданы, дочери Фарнаспа... Камбиз уже считал ионян и эолийцев своими наследственными подданными. Поэтому, собираясь в египетский поход, он взял с собой среди прочих народностей также и этих эллинов.

11. Персы же прошли через безводную пустыню и расположились станом вблизи египтян, чтобы сразиться с ними...

13. Египтяне же, потерпев поражение в той битве, обратились в беспорядочное бегство. Их оттеснили в Мемфис, и Камбиз отправил туда к ним вверх по реке на митиленском корабле персидского вестника с предложением сдаться. А египтяне, завидев подходивший к Мемфису корабль, толпою бросились из города, потопили корабль, людей порубили в куски и тела их потащили в город. Затем (персы) осадили город, и египтяне после долгой осады вынуждены были наконец сдаться. Соседние же с Египтом ливийцы в страхе, как бы их не постигла участь Египта, без сопротивления покорились персам, сами наложили на себя подать и послали царю дары. Так же поступили киренцы и баркейцы, устрашившись, подобно ливийцам...

61. Пока Камбиз, сын Кира находился еще в Египте и творил там безумные деяния, двое братьев из племени магов подняли мятеж. Одного из них Камбиз оставил в Персии управителем своего дома. Этот-то человек и поднял восстание, хорошо зная, что кончину Смердиса держат в тайне и что в Персии об этом известно лишь немногим, большинство же считает, что Смердис жив. На этом-то маг и построил свой замысел захватить царскую власть. Был у него брат, который, как я уже сказал, вместе с ним поднял мятеж, по внешности очень похожий на Смердиса, убитого по приказанию своего брата Камбиза. А был он не только похож на Смердиса, но даже имя его было Смердис. Этого-то человека, своего брата, маг Патизиф убедил, что все для него устроит, и «сесть на престол пригласил». А посадив (брата) на престол, Патизиф разослал глашатаев по разным областям (персидской державы), а также и к войску в Египет (с вестью), что отныне надлежит повиноваться Смердису, сыну Кира, а не Камбизу.

64. Когда Камбиз услыхал имя Смердиса, ему сразу же стало ясно... Камбиз вскочил на коня и решил немедленно выступить в поход на Сусы против мага. А когда царь вскакивал на коня, отпал наконечник ножен его меча и обнаженный меч рассек ему бедро. Рана была в том самом месте, куда он прежде сам поразил египетского бога Аписа...

66. ...После этого скончался Камбиз, сын Кира, пораженный сухой гангреной в кости, когда (от воспаления) омертвело бедро.

Царствовал же Камбиз всего семь лет и пять месяцев. Детей у него вовсе не было — ни сыновей, ни дочерей...

Геродот. Указ. соч.

10. Бехистунская надпись Дария I

Надпись обнаружена на отвесном склоне Бехистунской скалы над проезжей дорогой на юго-западе Ирана, недалеко от современного города Керманшаха, в 1835 г. офицером английской разведки Г. Роулинсоном. Текст высечен на трех языках (персидском, эламском, аккадском) на плитах, вмонтированных в скалу. Надпись послужила основой для расшифровки сначала персидской, а затем аккадской (вавилонской) клинописи. В ней перечислены страны, завоеванные персами, а также содержатся сведения о неоднократных вооруженных восстаниях после смерти Камбиза и в первые годы правления Дария I в покоренных персами странах, об упорной борьбе Дария I с восстававшими народами.

Я — Дарий, царь великий, царь царей, царь в Персии, царь стран ... По воле Ахурамазды[1], я — царь. Ахурамазда дал мне царство.

Следующие страны мне достались, по воле Ахурамазды, я стал над ними царем: Персия, Элам, Вавилония, Ассирия, Аравия, Египет (страны у моря), Лидия, Иония, Мидия, Армения, Каппадокия, Парфия, Дрангиана, Арейя, Хорезм, Бактрия, Согдиана, Гандара, Сака, Саттагидия, Арахозия, Мака: всего 23 страны[2]...

Говорит Дарий-царь: «Вот что мною сделано, после того как я стал царем.

Камбиз, сын Кира, из нашего рода, был здесь царем. У Камбиза был брат, по имени Бардия, от одной матери, одного отца с Камбизом. Камбиз убил Бардию ... народ не знал, что Бардия убит. Между тем Камбиз отправился в Египет. Когда Камбиз отправился в Египет, народ возмутился, и было великое зло в стране, и в Персии, и в Мидии, и в других странах.

Потом появился человек, маг, по имени Гаумата[3]. Он восстал в Пишияуваде, у горы, по названию Аракадриш... Народ он так обманывал: «Я — Бардия, сын Кира, брат Камбиза...» Тогда весь народ взбунтовался и перешел от Камбиза к нему, и Персия, и Мидия, и другие страны ...Затем я помолился Ахурамазде. Ахурамазда мне помог... Царство у него я отнял. По воле Ахурамазды я стал царем. Ахурамазда дал мне царство. Царство, которое было отнято у нашего рода, я вернул, восстановил его в прежнем виде. Святилища, которые Гаумата-маг разрушил, я восстановил. Я вернул народу [его] достояние: скот, домашнюю челядь, фамильные владения, которые Гаумата-маг у него отнял. Я восстановил страну в прежнем

---

[1] *Ахурамазда* — бог добра, света, главный бог персов.

[2] Парфия (совр. Хоросан), Дрангиана (совр. Сеистан), Арейя (совр. Герат в Западном Афганистане), Хорезм (Узбекистан), Бактрия (Балх в совр. Афганистане), Согдиана (совр. Узбекистан и Таджикистан), Гандара (Газна), Сака (в Средней Азии), Саттагидия (Кабул), Арахозия (Кандагар в Южном Афганистане), Мака (вероятно, совр. Мекран в Южном Иране и Афганистане).

[3] По современным данным, версия о Гаумате ложная. К власти пришел настоящий Бардия — брат Камбиза.

виде, и Персию, и Мидию, и другие страны. То, что было отнято, я вернул обратно. По воле Ахурамазды это я совершил. Я добился того, чтобы дом [престол] наш восстановить на прежнее место, чтобы Гаумата-маг не захватил наш престол.

Вот что я сделал, после того как стал царем».

Говорит Дарий-царь: «Когда я убил Гаумату-мага, то один человек, по имени Ассина, сын Упадармы, восстал в Эламе». Он говорил народу: «Я — царь Элама». Тогда эламиты взбунтовались, перешли к этому Ассине; он стал царем в Эламе.

И [был] один человек, вавилонянин, по имени Надинтабайра [Нидинту-Бел], сын Анири, восстал в Вавилоне. Народ он так обманывал: «Я — Навуходоносор, сын Набонида»[1]. И тогда народ вавилонский весь перешел к этому Надинтабайре. Вавилон взбунтовался, он захватил власть в Вавилоне.

Тогда я послал [людей] в Элам. Тот Ассина связанный был приведен ко мне. Я его умертвил.

После этого я отправился в Вавилон против Надинтабайры, который называл себя Навуходоносором... По воле Ахурамазды я взял Вавилон и захватил Надинтабайру. Затем я этого Надинтабайру умертвил в Вавилоне...

Хрестоматия по истории Древнего Востока/ Под ред. М. А. Коростовцева, И. С. Кацнельсона, В. И. Кузищина.— М., 1980.— Ч. 2.— С. 24—26.

11. Реорганизация системы управления Дарием I

(Административная, податная реформы)

После подавления восстаний 522—521 гг. до н. э. Дарий провел ряд реформ с целью централизации управления многоплеменным государством. Он разделил страну на 20 областей (сатрапий). Во главе сатрапии стоял сатрап (наместник). Помимо сатрапа, в каждую сатрапию царь назначал военачальника местных гарнизонов, независимого от сатрапа. Поощрялись Дарием I взаимные доносы сатрапа на военачальника и наоборот.

Вместо бессистемных даров Дарий установил определенную подать для каждой сатрапии (денежную или натуральную). Все народы огромной державы, кроме персов, были обложены податью. Ежегодный доход от податей составлял примерно 400 *т* серебра. При сборе податей практиковалась откупная система: богатые торговцы — ростовщики — вносили в царскую казну сразу подать за сатрапию, а затем собирали с населения бóльшую сумму, что вызывало недовольство.

Централизаторские тенденции Дария I особенно ярко проявились в военной реформе. Он лично устанавливал численность войска и каждого рода войск (пращники, лучники, кавалеристы и т. д.) для каждой сатрапии и каждого гарнизона. Персы в армии составляли только ядро. Персия была разделена на пять военных округов во главе с военачальниками, которым подчинялись начальники войск сатрапий.

III. 89. ...Дарий разделил персидскую державу на 20 провинций (округов), которые у персов называются сатрапиями. Учредив эти округа и назначив их правителей, царь установил подати по племенам. Многие соседние народности были объединены в одну сатра-

---

[1] *Набонид* (556—539 гг. до н. э.) — последний царь Нововавилонского царства.

пию, а иногда, кроме ближайших соседей, к ней присоединялись и народности другой, более далекой сатрапии. Распределение же сатрапий и ежегодных взносов податей он произвел следующим образом: тем, кто вносил подати серебром, царь назначил плату по весу вавилонского таланта, а платившим золотом — по евбейскому весу[1]. Вес вавилонского таланта составляет 78 евбейских мин. В царствование Кира и потом Камбиза не было еще установлено никакой определенной подати, но только добровольные дары. Из-за этого обложения данью и некоторых других подобных мероприятий Дария в Персии говорили, что Дарий был торгаш, Камбиз — владыка, а Кир — отец, потому что Дарий всю свою державу устроил по-торгашески; Камбиз — оттого, что был жесток и высокомерен, а Кир — оттого, что был милостив и ему они обязаны всеми благами.

96. Эти подати поступали Дарию из Азии и из небольшой части (стран) Ливии. Позднее стали доставлять также подати с эллинских островов и от европейских народностей вплоть до фессалийцев. А сохраняет царь эти свои сокровища вот каким образом: он приказывает, расплавив металл, выливать его в глиняные сосуды. Когда сосуд наполнен, его разбивают. Всякий раз, когда нужны деньги, царь велит отрубать, сколько требуется, золота.

97. Таковы были эти округи и размеры податей. Только одну Персидскую землю я не упомянул в числе земель, обложенных данью, потому что персы живут в стране, свободной от податей...

Геродот. Указ. соч.

(Военная реформа)

О военно-административной системе Персии оставил интересные сведения в труде «Экономика» (гл. 4) древнегреческий писатель, историк Ксенофонт (около 430 г. до н. э.— около 355 г. до н. э.). Он служил наемником в войске персидского царевича Кира Младшего (V в. до н. э.), боровшегося за престол со своим старшим братом Артаксерксом.

Мы согласны, что персидский царь чрезвычайно заботится о военном деле: каждому правителю каждого народа, с которого он собирает дань, он предписал, сколько всадников, стрелков, пращников и вооруженных щитами он должен содержать, сколько необходимо их для управления подчиненными ему и для защиты страны в случае нашествия неприятеля. Кроме того, он содержит гарнизоны в акрополях[2]. Содержит их правитель, которому это поручено, а царь ежегодно производит смотр наемникам и другим войскам, которым предписано быть в полном вооружении. Всех, кроме гарнизонов, он собирает в одно место, где назначено собрание. Тех, которые вблизи резиденции, он смотрит сам, а смотреть живущих далеко посылает надежных людей. Те из комендантов, или хилиархов[3], или сатрапов, которые окажутся с полным комплек-

---

[1] *Вавилонский талант* — 30,3 кг, *эвбейский талант* — 26,19 кг.

[2] *Акрополь* — укрепленная часть города на возвышенности, кремль.

[3] *Хилиарх* — тысяченачальник (воинский чин).

том и представят войска с хорошими лошадьми и оружием, получают повышения и обогащаются ценными подарками. А тех, которых царь найдет нерадивыми относительно гарнизонов, или недобросовестными из-за корыстолюбия, он подвергает тяжелым наказаниям и, отрешив от начальства, заменяет другими. Такое отношение его к военному делу, несомненно, доказывает его заботливость. Но, кроме того, часть своей страны он объезжает и осматривает сам, часть — через посылаемых надежных людей, и если заметит, что правители представят землю обитаемой, обработанной и обильной свойственными ей деревьями и плодами, то присоединяет к ним (еще) области и награждает подарками и почетными седалищами. Если же увидит, что земля не обработана и мало населена вследствие их суровости, или тяжелого нрава, или нерадения, то наказывает их и, сместив с должности, назначает других правителей... Начальники, назначенные им для двух обязанностей, не одни и те же, но одни начальствуют над жителями и работающими — они же и собирают подати; другие командуют вооруженными гарнизонами. Если командир недостаточно защищает страну, начальник жителей и заведующий обработкой доносит, что трудиться нельзя вследствие отсутствия охраны; если же комендант обеспечивает мир, а у начальника обрабатываемая земля мало населена и не обработана, то на последнего доносит комендант.

Тураев Б. А. История Древнего Востока.— Л. 1935.— Т. 2.— С. 141—142.

(Денежная реформа)

Дарий I ввел единую для страны золотую монету — «дарик». Проведением монетной реформы он хотел ввести вместо разнообразной единую денежную систему и тем самым усилить экономические связи между сатрапиями, оживить торговлю.

Чеканку монеты Дарий I заимствовал у Лидийского царства. Из сообщения Геродота видно, что сатрапам Дарий разрешал чеканить только серебряную монету, но они могли это делать с его ведома.

IV. 166. ...Дарий велел переплавлять для чеканки монет, насколько возможно, самое чистое золото. То же самое, будучи сатрапом Египта, стал делать Арианд с серебряной монетой. Ибо и поныне еще Ариандово серебро самое чистое. Дарий узнал об этом и велел умертвить сатрапа, выставив против него другое обвинение, именно, что тот замышляет восстание.

(Дорожное строительство)

Для облегчения связи между областями персы проложили дороги, мощенные камнем. Главная из них, так называемая «царская дорога», вела от г. Суз к г. Эфесу (на восточном побережье Эгейского моря). Царская почта обслуживалась пикетами всадников по эстафетной системе. Дороги прекрасно содержались и охранялись. На дорогах были организованы постоялые дворы для проезжающих. Надпись Дария I, найденная у Суэцкого канала, свидетельствует о том, что он заботился не только о сухопутных дорогах, но и о морских путях.

V. 52. С этим путем в Сусы дело обстоит ведь так. На всем его протяжении есть царские стоянки и отличные постоялые дворы, и

весь путь проходит по населенной и безопасной стране. Двадцать таких стоянок расположено на пути через Лидию и Фригию на расстоянии 94 $^1/_2$ парасангов[1]. Из Фригии путь ведет непосредственно к реке Галису, где есть (горный) проход, через (ворота) которого необходимо пройти для переправы через реку. У (ворот) прохода находится сторожевое укрепление с сильной охраной. За рекой следует Каппадокия, и по ней на расстоянии 104 парасангов до границы Киликии расположено 28 стоянок. На этой границе надо пройти через два прохода и миновать два сторожевых укрепления; на пути через Киликию — три стоянки на расстоянии 15 $^1/_2$ парасангов. Границу Киликии и Армении образует судоходная река по имени Евфрат. В Армении находится 15 стоянок с заезжими домами и сторожевым укреплением на протяжении 56 $^1/_2$ парасангов. Из этой (Армении) путь ведет в Матиену[2]; (здесь) 34 стоянки на расстоянии 136 парасангов. По этой стране протекают четыре судоходных реки. Через все эти реки надо переправляться на судах. Первая река — Тигр, затем вторая и третья под (одним) названием Забат. Но это — разные реки, и начинаются они не в одной местности. Первая из упомянутых рек течет из Армении, а вторая — из Матиены. Четвертая же река называется Гинд[3]. Ее Кир в свое время разделил на 360 каналов. Затем путь идет (через эти проходы) в страну Киссию[4], где на расстоянии 42 $^1/_2$ парасангов находится 11 стоянок до реки Хоаспа[5], которая также судоходна. На ней лежит город Сусы. Всех этих стоянок от Сард до Сус 111 и столько же постоялых дворов.

53. Если этот царский путь правильно измерен парасангами и если 1 парасанг равен 30 стадиям (что так и есть на самом деле), то из Сард до царского дворца в Сусах (по имени Мемнония) 13 500 стадий, так как путь составляет 450 парасангов. Если считать на каждый день по 150 стадий, то на весь путь придется как раз 90 дней.

(Служба связи в Персидском государстве)

VIII. 98. ...Нет на свете ничего быстрее этих гонцов: так умно у персов устроена почтовая служба! Рассказывают, что на протяжении всего пути у них расставлены лошади и люди, так что на каждый день пути приходится особая лошадь и человек. Ни снег, ни ливень, ни зной, ни даже ночная пора не могут помешать каждому всаднику проскакать во весь опор назначенный отрезок пути. Первый гонец передает известие второму, а тот третьему. И так весть переходит из рук в руки, пока не достигнет цели...

Геродот. Указ. соч.

---

[1] *Парасанг* — мера длины — 30 стадиев. Стадий — греческая мера длины. Общегреческого стадия не существовало. Стадий в различных областях Греции — 177,6 м; 184,97 м; 192 м и др.

[2] *Матиена* — сев.-зап. часть Лидии.

[3] *Гинд* — приток реки Тигр.

[4] *Киссия* — северная часть Элама.

[5] *Хоасп* — левый приток реки Тигр.

ТЕМА 3. **ДРЕВНЯЯ ИНДИЯ**

Судя по археологическим раскопкам, люди жили на территории Индии с палеолита. В середине III тысячелетия в долине Инда возникли города, открытые археологами в XX в. в районе современной Хараппы (в Пенджабе) и Мохенджо-Даро (в Синде). К середине II тысячелетия до н. э. города пришли в упадок. Пока невозможно с уверенностью сказать, что послужило причиной их упадка. По этому вопросу много гипотез.

В I тысячелетии до н. э. в Индии образовались государства, объединенные в единое царство первыми правителями династии Маурьев (317—180 гг. до н. э.). Общественный строй этих государств известен по «Законам Ману», статьи из которых подобраны тематически. В них идет речь о положении различных групп свободного населения и рабов.

Литература народов Древней Индии представлена сказаниями о потопе и о золотом веке, творении вселенной.

Индийское сказание о потопе следует сравнить с мифом о потопе народов Междуречья. Знакомясь со сказаниями о золотом веке и создании мира, необходимо обратить внимание на то, что подобные сказания имелись у других народов.

§ 1. МЕСТОРАСПОЛОЖЕНИЕ И НАСЕЛЕНИЕ ДРЕВНЕЙ ИНДИИ

Изучая природные условия Древней Индии, следует обратить внимание на их сходство и различие с природными условиями уже известных учащимся стран Древнего Востока: Египта, Южного Междуречья. В отличие от них Индия — страна колоссальных размеров, чем отчасти и объясняется разнообразие ее природных условий. На ее территории имеются низменности и горы, безводные пустыни и места, где обильно льют дожди, степи и непроходимые джунгли. В северо-западной части Индии (долина Инда) дожди выпадают редко, засушливый климат, приводящий к зависимости урожая от разлива реки. В долине реки Ганг, особенно в ее низовье, летом идут ливневые дожди. Почва не просыхала, образовывались болота, долина была покрыта джунглями. Люди ее освоили (позже, чем долину реки Инд) только с появлением железных орудий труда. Инд и Ганг, так же как Нил, Тигр и Евфрат, разливаясь, оставляют на полях ил.

Южная часть Индии плоскогорная с менее плодородной почвой. Но здесь много драгоценных камней, полезных ископаемых и леса.

Индия, как и Египет, изолирована от других стран: с севера — Гималаями, с запада — Аравийским морем, с востока — Бенгальским заливом, с юга — Индийским океаном. Однако Индия не избежала вторжений иноземцев. На северо-западе, где горная система понижается, имеются горные проходы, ущелья и долины (в частности, долина реки Кабула), соединявшие Индию с соседними странами. Вторжения сказались на этническом составе населения. Недаром Арриан указывает на пестроту населения Индии.

1. Арриан. Индия

Арриан по происхождению грек, родом из города Никомедии в Малой Азии, жил во II в. н. э. Он был не только ученым, но и служил у римлян, был наместником Каппадокии, членом римского сената и консулом. Основными его произведениями являются «Анабазис Александра» («Поход Александра Македонского») и «Индия». Произведение «Индия» написано в основном по запискам Неарха и Мегасфена. Неарх — один из полководцев Александра Македонского, командовал флотом при возвращении части македонской армии из Индии в Месопотамию. Мегасфен — греческий посол при дворе Чандрагупты — основателя индийской державы династии Маурья. Жил Мегасфен на рубеже IV—III вв. до н. э.

II. ...Северной же границей земли индийцев является гора Тавр[1]... Те же области, что находятся к западу от земли индийцев, отделяет река Инд вплоть до Великого моря[2], куда и сам он впадает двумя устьями, причем устья не расположены рядом друг с другом, как расположены рядом пять устьев Истра[3], но как устья Нила, которыми образуется египетская Дельта; ...и Дельту земли индийцев делает река Инд, не меньшую египетской, и называется она на языке индийцев Паталами. На юге само Великое море ограничивает землю индийцев, и с востока ограничивает ее это же море.

VI. ...И внешний вид людей не совершенно отличен у индийцев и эфиопов. Ибо живущие на юге индийцы более похожи на эфиопов, черны по виду, и волосы у них черные, кроме того, конечно, что они не так курносы и курчавы, как эфиопы; живущие севернее по сравнению с этими по внешнему виду более напоминают египтян.

VII. Народов же индийских, говорит Мегасфен, всех сто восемнадцать. Что народов индийских много, я и сам соглашаюсь с Мегасфеном, но не могу сообразить, как он мог узнать и указать это точно, посетив лишь малую часть земли индийцев, в то время как не у всех племен есть сношения между собой. В древности же индийцы были номадами, напоминая не скифов-пахарей, а тех, которые, бродя со своими повозками, меняют одну часть Скифии на другую, не населяя городов и не чтя святилищ богов. Таким образом, у индийцев не было ни городов, ни святилищ, воздвигнутых богам, но одевались они звериными шкурами, принадлежавшими тем животным, которых они убивали, питались же они корой деревьев. Называются эти деревья на языке индийцев талами[4].

XVII. По своему телосложению индийцы сухощавы и рослы и много легче на ходу других людей. Средствами же передвижения для большинства из индийцев являются верблюды, кони и ослы, для богатых же — слоны. Ибо слон является у индийцев царским способом передвижения; вторым по чести за ним — четверка (лошадей); третьим же — верблюды; ездить на одном коне — позорно. Индийцы едят хлеб и занимаются земледелием, те, по крайней мере, из них, которые не горцы; эти же едят звериное мясо.

Хрестоматия по истории древнего мира/ Под ред. В. В. Струве.— М., 1950.— Т. 1.— С. 279—283.

§ 2. ПЛАН СТРОИТЕЛЬСТВА ГОРОДА

2. Из Артхашастры.

«Артхашастра» (от санскритского *артха* — польза, *шастра* — наука) буквально — «Наука о пользе», собрание наставлений по управлению государством, время

[1] *Тавр* — Гималаи, которые Арриан считает частью Таврского хребта, пересекающего всю Азию.

[2] *Великое море* — Индийский океан с его частями: с востока — Бенгальский залив, с запада — Аравийское море.

[3] *Истр* — Дунай.

[4] *Тала* — род пальмы.

составления которого не установлено. Древнеиндийская традиция приписывает авторство Каутилье (советник Чандрагупты). Чандрагупта основал династию Маурья в 317 г. до н. э. В действительности трактат создавался на протяжении нескольких веков. Дошедший до нас текст составлен, вероятно, около I в. н. э. «Артхашастра» написана на санскритском языке, состоит из 15 глав. Ниже приведен перевод главы с описанием плана постройки города.

План постройки такой: три восточные главные дороги и три северные главные дороги. Он имеет 12 ворот и соответственные водные, сухопутные и секретные пути.

Проезды имеют в ширину 4 данда[1], главные дороги и пути, ведущие в крупный город, в столицу, к областям страны и пастбищам, а также караванные пути, военные, ведущие к месту сожжения трупов, и сельские имеют в ширину 2 данда. Пути, ведущие к оросительным сооружениям, и лесные — 4 данда. Пути для слонов и полевые — 2 данда, колесный путь —5 аратни[2], путь для крупного скота — 4 аратни, путь для мелкого скота и людей — 2 аратни.

В наилучшем месте застройки, куда возможен доступ всем четырем кастам, должно быть жилище царя. На север от места застройки, в одной десятой части его, должен он устроить... терем, обращенный входом на восток или на север.

В северо-восточной части его должны находиться помещения для жертвоприношений и омовений, для учителей, жрецов, а также советников.

В юго-восточной части — кухня, слоновые стойла и хранилище. Вне его, в восточной стороне, должны помещаться торговцы благовониями, венками, зерном, напитками, первые мастера и кшатрии.

В юго-восточной части — склады, учетное управление, ремесленные заведения.

В юго-западной части — помещение для сырья и арсенал.

Вне его, в южной стороне, должны быть поселены управляющие городом, заведующие хлебом, торговлей, материалами, военные надзиратели, торговцы вареной пищей, напитками и мясом, публичные женщины, актеры и вайшья.

В юго-западной части — стойла ослов и верблюдов, а также рабочий дом.

В северо-западной части — помещения для колесниц и повозок.

Вне его, в западной стороне, должны быть поселены шерстобиты, ткачи, изготовители циновок, кожевники, изготовители лат, оружия и щитов, а также шудры.

В северо-западной части — лавки с товарами и лечебницы.

В северо-восточной части — казна, коровы и лошади.

Вне его, в северной стороне, должны находиться божества — покровители города и царя, кузнецы и ювелиры, а также брахманы.

В промежутках, не занятых постройками, должны быть расположены помещения для ремесленников и пришлых купцов.

---

[1] *Данда* — мера длины — около 2 м.
[2] *Аратни* — мера длины — около 50 см.

В центре города он должен сделать сокровищницы для Апараджиты, Апратихаты и храмы для Шивы, Вайшраваны, Ашвинов, Шри и Мадиры. В помещении сокровищниц он должен поставить соответственно статуи божеств — покровителей постройки.

Должны быть сооружены главные ворота, посвященные Брахме, Индре, Яме, Сенапати[1].

Вовне, на расстоянии 100 луков[2] от рва, должны быть памятники, священные места, рощи и оросительные сооружения, соответственно странам света (должны быть помещены) статуи божеств — хранителей стран света. Место сожжения трупов располагается на севере или на востоке. На юге располагается (место жительства) людей высшей касты. За нарушение этого (полагается) взыскание первой степени. Жилище еретиков и чандалов (располагается) на краю места сожжения трупов. Он должен установить границы владений глав семей в зависимости от ремесла или полеводства (которыми они занимаются). В этих (границах) они должны разводить согласно разрешению цветники, плодовые сады, огороды и рисовые поля, производить продажу и создание запасов зерна.

Он должен сделать запасы на несколько лет пользования масла, зерна, сахара, соли, лекарств, сушеных плодов, трав, соломы, вяленого мяса, сена, дров, железа, кож, угля, сухожилий, яду, рогов, тростника, коры, строевого леса, оружия, щитов и камней. Он должен несвежее (из этих запасов) заменять свежим.

Он должен учредить войско, состоящее из слонов, коней, колесниц и пехотинцев, с несколькими начальниками. Ибо, когда начальников несколько, то из-за боязни одного перед другим они не поддадутся на подговоры врагов.

При помощи этого (описания) объяснено и устройство укреплений охранителей границ.

Хрестоматия по истории древнего мира/ Под ред. В. В. Струве.— М., 1956.— С. 86—88.

§ 3. ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ

Древнеиндийское рабовладельческое общество состояло из трех классов (рабовладельцы, рабы, свободные мелкие производители). Свободное население делилось на четыре общеиндийских сословия — варны (*брахманы* — члены жреческих родов, *кшатрии* — воины, *вайшьи* — рядовые общинники, *шудры* — неравноправные члены общества), а внутри варн на множество местных замкнутых каст (от португальского casta — род, племя), или джати (от санскритского *джан* — рождаться).

Проблема соотношения между варнами и кастами, их взаимодействия мало исследована. К настоящему времени можно считать установленным, что варны как социальный институт значительно более раннего происхождения, чем касты. Возникновение варн связано с формированием раннеклассового общества на территории Северной Индии. Источники позволяют соотнести появление варн с расселением в Северной Индии ариев и разложением у них родоплеменного строя, с выделением аристократии, жречества. Принадлежность к варне определялась рожде-

[1] Имена богов.
[2] *Лук* — мера длины — около 180 см.

нием и наследовалась. Браки между членами различных варн не считались законными, особенно между мужчиной низшей варны и женщиной высшей варны. Сословное деление было присуще и другим древним обществам, но в Древней Индии ему характерна прочность, четкость. Объясняют это острой заинтересованностью господствующего класса во внеэкономическом принуждении трудящихся в условиях этой страны (богатство естественными и относительно легкодоступными средствами существования: дикорастущие злаки, ягоды, плоды, дичь, рыба и т. д.; минимальные потребности в одежде, жилье). Варновое деление освящалось религией. Богу Брахме приписывалось сотворение варн. Варновое деление не совпадало с классовым. Варны различались в правах и обязанностях. Каждой варне считались традиционно присущими определенные занятия: исполнение жреческих обязанностей (для брахманов), военное дело и управление (для кшатриев), хозяйство (для вайшьев), услужение трем высшим варнам (для шудр).

Касты формировались на стадии классового общества в условиях неравномерного социально-экономического развития страны, этнической и религиозной разобщенности населения. В касты обособлялись группы людей, объединенные социальным положением, выполнением наследственных занятий, профессий, принадлежностью к определенным этническим, а иногда религиозным общностям. Джати возникли в основном в рамках варн вайшьев и шудр. Они приобретали характер замкнутых общин, имели органы управления. Некоторые джати занимали очень низкое положение и не входили ни в одну варну — это так называемые «неприкасаемые».

3. «Законы Ману»

«Законы Ману» — сборник предписаний о долге, правилах поведения индийца в частной и общественной жизни, содержит также наставления об управлении государством и по судопроизводству. Его составление приписывается мифическому прародителю людей Ману. В действительности этот сборник создавался одной из брахманских научных школ в течение нескольких веков. В дошедшей до нас редакции он датируется примерно рубежом новой эры. Сборник написан на основании различных источников, поэтому, вероятно, в нем имеются повторы и противоречивые предписания. В сборнике описана система четырех варн. Отрывки из «Законов Ману» подобраны тематически.

I—31. А ради процветания миров он (Брахма) создал из своих уст, рук, бедер и ступней (соответственно) брахмана, кшатрия, вайшья и шудру.

X—4. Брахманы, кшатрии и вайшьи — три варны дваждырожденных[1], четвертая же шудры — рожденные один раз, пятой же нет.

IX—322. Без брахмана не преуспевает кшатрий, без кшатрия не процветает брахман; брахман и кшатрий, объединившись, процветают и в этом мире, и в ином.

I—87. А для сохранения всей этой вселенной он, пресветлый, для рожденных от уст, рук, бедер и ступней установил особые занятия.

(Брахманы)

Брахманы находились на особом положении. Ни в одной стране Древнего Востока жречество не достигало такого привилегированного положения, как в Индии. Жрецы были свободны от всяких повинностей, налогов, телесных наказаний,

[1] *«Второе рождение»* — посвятительный религиозный обряд.

объявлялись земными божествами. В Древней Индии религиозному обряду приписывалась магическая сила, которая подчиняла жрецу, владеющему тайнами ритуала, природные стихии и богов, которые оказывались бессильными перед магией обряда при условии правильного его исполнения.

I—88. Обучение, изучение Веды, жертвоприношение для себя и жертвоприношение для других, раздачу и получение милостыни он (Брахма) установил для брахманов.

I—96. Из живых существ наилучшими считаются одушевленные, между одушевленными — разумные, между разумными — люди, между людьми — брахманы.

I—100. Все, что существует в мире,— это собственность брахмана; вследствие превосходства рождения именно брахман имеет право на все это.

II—135. Десятилетнего брахмана и столетнего царя следует считать отцом и сыном, но из них двоих — отец — брахман.

IX—317. Брахман — ученый или неученый — великое божество, равно как великое божество и огонь, и использованный (при жертвоприношении) и неиспользованный.

X—81. Но, если брахман не может существовать своими, только что упомянутыми занятиями, он может жить (исполнением) дхармы кшатрия, ибо тот непосредственно следует за ним.

(Кшатрии)

I—89. Охрану подданных, раздачу (милостыни), жертвоприношение, изучение (Веды) и неприверженность к мирским утехам он (Брахма) указал для кшатрия.

X—77. Три дхармы брахмана не положены для кшатрия: обучение, жертвоприношение для других и третье — принятие (даров).

X—79. ...Для кшатрия (предписано) ношение меча и стрелы, для вайшья — торговля. (Разведение) животных, земледелие, но (их) дхарма — дарение, учение, жертвоприношение.

X—95. Кшатрий, попавший в беду, может существовать всеми этими (средствами); но ему никогда не следует даже думать о более высоком образе жизни.

X—118. Кшатрий, взимающий в крайних обстоятельствах даже четвертую часть (урожая), со всей энергией охраняющий подданных, освобождается от греха.

X—119. Его, (царя), дхарма — победа; он не может отступать в страхе; защищая оружием вайшьев, он может заставлять вносить законный налог.

X—120. (Налог) на народ — одна восьмая в зерне, налог (с золота и скота) — одна двадцатая, (но) по крайней мере каршапана; шудры, а также ремесленники и мастера по художественным ремеслам (вместо налога) исполняют работы.

(Вайшьи)

I—90. Пастьбу скота и также раздачу (милостыни), жертвоприношение, изучение (Веды), торговлю, ростовщичество и земледелие — для вайшьев.

IX—326. Вайшью, получившему посвящение, вступившему в брак, надо всегда быть занятым хозяйственной деятельностью и особенно разведением скота.

IX—329. (Вайшью) следует знать соответствующую цену драгоценных камней, жемчуга, кораллов, металлов, тканей, благовоний и соков.

IX—330. Ему надо быть знатоком посева семян, хорошего и дурного (качества) земли; ему следует знать полностью использование мер и весов.

X—98. Вайшья, который не в состоянии существовать (исполнением) своей дхармы (обязанности), может существовать по образу жизни шудры, (но) не исполняя запрещенные (ему) дела и отвращаясь (от этого) как только может.

(Шудры)

Шудры не являлись членами общин. Они потеряли связь с общиной либо в результате имущественного и социального неравенства, либо во время войн. Варна шудр пополнялась за счет переселенцев, отбившихся от своего рода и племени. Шудры не имели земли и поэтому вынуждены были заниматься обслуживанием брахманов, кшатриев, вайшьев. За свои услуги они могли получать землю и вести небольшое хозяйство, служившее им источником существования. Земля и накопленное шудрой имущество могли быть отобраны хозяином, которого он обслуживал. Жизнь шудры слабо охранялась законом. За его убийство полагалось лишь религиозное покаяние, как за убийство, например, кошки. Шудра же, совершивший преступление, наказывался строго. Шудры не допускались к управлению государством и к прохождению обряда посвящения — «второго рождения», который проходили члены первых трех варн при достижении определенного возраста (брахманы — с 8—16 лет, кшатрии — с 11—22 лет, вайшьи — с 12—24 лет). Обряд восходит к инициации (лат. initiatio — посвящение) — посвятительному обряду первобытного общества, которым сопровождался переход юношей и девушек в группу взрослых.

I—91. Но только одно занятие Владыка указал для шудры — служение этим варнам со смирением.

VIII—413. Но шудру, купленного или некупленного (нанятого), может заставлять исполнять (унизительное) услужение, ибо тот был создан Самосущим для услужения брахману.

VIII—414. Шудра, даже отпущенный[1] хозяином, не освобождается от обязанности услужения; ведь оно врожденно для него, поэтому кто может освободить его от этого?

X—99. Шудра, не могущий исполнять услужение дваждырожденному, которому угрожает гибель сыновей и жены, может жить занятиями ремесленников.

X—100. (Ему надлежит следовать) тем занятиям ремесленников, таким различным ремеслам, исполнением которых обслуживаются дваждырожденные.

X—121. Но шудра, который не может содержать себя обслуживанием брахмана, желающий снискать средства существования, может

[1] Имеется в виду шудра — раб.

служить кшатрию, или же шудра, заботящийся о поддержании жизни, (может содержать себя), служа богатому вайшью.

X—123. Обслуживание брахмана восхваляется как лучшее дело для шудры; поэтому, что бы он ни делал другое, все для него бесплодно.

X—129. Шудра не должен накапливать богатств, даже имея возможность (сделать это), так как шудра, приобретая богатство, притесняет брахманов.

XI—127. Одна четверть (покаяния, полагающегося) за убийство брахмана, предписывается за убийство кшатрия, одна восьмая — вайшья; но должно знать, (что за убийство) добродетельного шудры — шестнадцатая.

XI—132. Убив кошку, ихневмона, голубую сойку, лягушку, собаку, крокодила, сову или ворону, надо исполнять покаяние, (полагающееся) за убийство шудры.

III—13. Для шудры предписана жена-шудрянка, для вайшья — (шудрянка) и своей (варны), для кшатрия — те (обе) и своей (варны), для брахмана — те (три), а также своей (варны).

(«Неприкасаемые»)

Низшую, самую приниженную и бесправную группу населения составляли «неприкасаемые», не входившие ни в одну варну. Возникновение понятия «неприкасаемости» связано с магическими представлениями о табу и ритуальной нечистоте. В дальнейшем с развитием общественного неравенства представление о неприкасаемости господствующий слой использовал в своих интересах. Стало считаться, что нечистоту могли навлечь, например, убийство брахмана, нарушение сословно-кастовых предписаний, выполнение некоторых работ: уборка нечистот, мусора, трупов и т. д. «Неприкасаемые» должны были жить вне селения и входить в него только днем с особой меткой на одежде. Их не допускали к колодцам, так как считалось, что они могли осквернить чистую воду. К ним причислялись отсталые племена охотников, рыболовов, включенные в жизнь классового общества. «Неприкасаемые» не являлись рабами, но закон их не защищал.

X—51. Местожительство чандалов и швапачей[1] (должно быть) вне селения, утварь, использованная ими, должна выбрасываться (другими), имуществом их (должны быть только) собаки и ослы.

X—52. Одеждами — одеяния мертвых, пища (должна им даваться) в разбитой посуде, украшение (их должно быть) из железа, и они должны постоянно кочевать.

X—53. Человеку, исполняющему дхарму[2], не следует общаться с ними; их дела (должны решаться) между ними; браки — с подобными им.

X—54. Их пища должна быть даваема им другими в разбитой посуде; ночью им не полагается бродить по деревням и городам.

X—55. Днем они, отмеченные по приказу царя знаками, могут входить (туда) для исполнения работ и пусть уносят трупы людей, не имеющих родственников: таков порядок.

[1] *Чандалы, швапачи* — категории неприкасаемых каст.

[2] *Дхарма* — правило поведения человека соответственно его общественному положению.

X—56. Им полагается всегда по приказу царя, согласно шастрам, умерщвлять приговоренных к казни; они могут забирать одежды казненных, ложа и украшения.

(Рабство)

Источником рабства в Индии являлись войны, долговая кабала, продажа себя в рабство и наказание за преступления. Рабов продавали, дарили, передавали в наследство. Рабство носило патриархальный характер. Положение раба-должника зависело от его принадлежности к варне.

VIII—415. Захваченный под знаменем, раб за содержание, рожденный в доме[1], купленный, подаренный, доставшийся по наследству и раб в силу наказания — таковы семь разрядов рабов.

VIII—416. Жена, сын и раб — трое считаются не имеющими собственности; чьи они, того и имущество, которое они приобретают.

VIII—417. Брахман может уверенно присваивать имущество шудры (раба), ибо у него нет никакой собственности, ведь он тот, имущество которого забирается хозяином.

VIII—177. Должнику полагается исполнить для кредитора равное (долгу) даже работой, (если он) равного или низшего происхождения, но если он более высокого, он может отдавать постепенно.

IX—229. Кшатрий, вайшья и шудра, не могущие уплатить штраф, освобождаются от долга работой; брахману полагается отдавать (долг) постепенно.

Законы Ману.— М., 1960.

§ 4. ЛИТЕРАТУРА

От древних индийцев, так же как и от других народов Древнего Востока, до нас дошли различные литературные произведения, например мифы, поэмы «Махабхарата» и «Рамаяна». Мифы содержатся в поэмах и других литературных произведениях. Интересны мифы о сотворении вселенной, людей, золотом веке, потопе и другие.

4. Творение вселенной

Древнеиндийская литература содержит несколько версий о творении. В сказании о творении богом Брахмой вселенной запечатлелось мировосприятие, социальные отношения (борьба за власть, сравните с древнегреческими мифами).

Вначале не было ничего. Не было ни солнца, ни луны, ни звезд. Только воды простирались беспредельно; из тьмы первозданного хаоса, покоившегося без движения, словно в глубоком сне, воды возникли прежде иных творений. Воды породили огонь. Великой силой тепла в них рождено было Золотое Яйцо. Тогда еще не было года, ибо некому было отмерять время; но столько, сколько длится год, плавало Золотое Яйцо в водах, в безбрежном и бездонном океане. Через год из Золотого Зародыша возник Прародитель

[1] Рожденный рабыней.

Брахма. Он разбил Яйцо, и оно раскололось надвое. Верхняя половина его стала небом, нижняя — землею, а между ними, чтобы разделить их, Брахма поместил воздушное пространство. И он утвердил землю среди вод, и создал страны света, и положил начало времени. Так была сотворена вселенная.

Но тогда творец огляделся вокруг и увидел, что нет никого, кроме него, во всей вселенной; и ему стало страшно. С той поры страх приходит ко всякому, кто остается один. Но он помыслил: «Ведь здесь нет никого, кроме меня. Кого же мне бояться?» И страх его прошел; ибо страх может быть перед кем-то другим. Но и радости не ведал он; и потому тот, кто пребывает один, не ведает радости.

Он помыслил: «Как мне сотворить потомство?» И силою мысли своей он породил шестерых сыновей, шестерых великих Владык созданий. Старшим из них был Маричи, рожденный из души Творца; из глаз его родился второй сын — Атри; третий — Ангирас — явился из уст Брахмы; четвертый — Пуластья — из правого уха; пятый — Пулаха — из левого уха; Крату, шестой — из ноздрей Прародителя. Сыном Маричи был мудрый Кашьяпа, от которого произошли боги, демоны и люди, птицы и змеи, исполины и чудовища, жрецы и коровы и многие другие существа божественной или демонической природы, населившие небеса, и землю, и подземные миры. Атри, второй из сыновей Брахмы, породил Дхарму, ставшего богом справедливости; Ангирас, третий сын, положил начало роду святых мудрецов Ангирасов, старшими из которых были Брихаспати, Утатхья и Самварта.

Седьмым сыном Брахмы, седьмым из Владык созданий, был Дакша. Он вышел из большого пальца на правой ноге Прародителя. Из пальца на левой ноге у Брахмы родилась дочь; имя ее — Вирини, что означает Ночь; она стала женой Дакши. У нее было пятьдесят дочерей, и тринадцать из них Дакша отдал в жены Кашьяпе, двадцать семь — Соме, богу луны,— эти стали двадцатью семью созвездиями на небе; десять дочерей Дакши стали женами Дхармы. И еще родились у Дакши дочери, коим определено было стать женами богов и великих мудрецов.

Старшая из дочерей Дакши, Дити, супруга Кашьяпы, была матерью грозных демонов — дайтьев; Дану, вторая дочь, породила могучих исполинов — данавов. У третьей — Адити — родились двенадцать светлых сыновей — адитьев, великих богов. Варуна, бог океана, Индра, бог грозы и грома, Вивасват, бог солнца, которого называют также Сурья, были могущественнейшими из них; но всех превзошел славой младший из сыновей Адити, Вишну, хранитель мироздания, владыка пространства.

Издревле сыновья Дити и Дану — их называют обычно асурами — были врагами богов, сыновей Адити. И борьба между асурами и богами за власть над вселенной длилась много веков, и не было конца их вражде.

Темкин Э. Н., Эрман В. Г. Мифы Древней Индии.— М., 1982.— С. 15—17.

5. Сказание о золотом веке

Сказание о золотом веке создано ариями. До их вторжения в Индию они вели кочевой образ жизни, занимались скотоводством. В то время среди них не было богатых и бедных, не было сословного деления. Потомки вторгшихся племен сохранили в сказаниях воспоминания об этом времени как о золотом веке. Ниже приведено одно из этих сказаний из «Древнего сказания бога ветра», существовавшего в первые века н. э.

Те люди делали все, как хотели, и были счастливы. Не было у них ни закона, ни беззакония и не было между этими людьми никаких различий... Не было тогда различий по кастам и по образу жизни и не было смешения каст.

В своих действиях люди того времени не руководствовались любовью или ненавистью друг к другу. От рождения они были одинаково красивыми и долголетними, не разделялись на знатных и низких, были счастливы и не знали печали.

Хрестоматия по истории древнего мира/ Под ред. В. В. Струве.— М., 1956.— С. 77.

6. Сказание о потопе

Сюжет о потопе создан, как полагают, под влиянием месопотамской легенды.

1. Однажды утром принесли Ману воды для омовения, как и теперь ее приносят, чтобы омыть руки. А когда он омывался, в руки его попала рыба.

2. Рыба сказала: «Вырасти меня, и я спасу тебя».— «От чего же ты спасешь меня?» — «Будет потоп, который унесет с собой все живое. От него я тебя спасу».— «Как же тебя вырастить?»

3. Она ответила: «Пока мы малы, нам отовсюду грозит гибель: рыба пожирает рыбу. Помести меня сначала в кувшин с водою, а когда он станет мне тесен, выкопай яму и содержи меня в ней. Когда же и она станет тесной, пусти меня в море. Тогда не страшна мне будет никакая опасность».

4. Вскоре она выросла и стала громадной рыбой, потому что росла очень быстро. Она сказала: «В такой-то и такой-то год будет потоп. Потому снаряди корабль и жди меня. А когда потоп начнется, взойди на корабль, и я тебя спасу».

5. Вырастив рыбу, как она его о том просила, Ману отпустил ее в море. И в тот самый год, какой она назвала, он снарядил корабль и стал ее поджидать. Лишь только потоп начался, взошел Ману на корабль, и тогда приплыла к нему рыба. К рогу ее он привязал веревку от своего корабля, и так привела его рыба к Северной горе.

6. Рыба сказала: «Я спасла тебя. Теперь привяжи корабль к дереву; а когда будешь на горе, смотри, чтобы не смыло водою. Лишь только вода начнет спадать, и ты сходи вслед за нею». И вот шаг за шагом Ману сошел вниз... Тем временем потоп унес с собой все живое, и Ману остался на земле один.

Поэзия и проза Древнего Востока.— М., 1973.— С. 399—400.

ТЕМА 4. КИТАЙ В ДРЕВНОСТИ

Население Китая в древности жило в долинах двух крупных рек Китая: Хуанхэ (протяженность свыше 4000 *км*) и Янцзы (протяженность 5300 *км*). Эти реки имели для Китая такое же значение, как Нил для Египта, Тигр и Евфрат для Двуречья, Инд и Ганг для Индии. Бассейн реки Хуанхэ был древнейшим местом поселения китайцев. Долину реки Янцзы люди освоили позднее.

Климат восточной части Китая мягкий, теплый. В формировании климата долины Хуанхэ большую роль играют муссоны, дующие с моря, несущие большое количество осадков. Климат западной части Китая сухой.

Почва лёссовая, рыхлая, плодородная. Лёссовая почва наносная. Наличие в лёссе питательных веществ (органические остатки и легкорастворимые щелочи) позволяет обходиться без удобрений. Лёсс требует много влаги.

Китай на востоке примыкает к морю, с юга и запада защищен высокими горами, и лишь на севере местность открытая. Поэтому здесь китайцы построили стену в целях защиты страны от кочевников.

Время возникновения государства и смены рабовладельческого общества феодальным окончательно не установлено наукой. Ученые полагают, что классовое общество возникло в долине Хуанхэ в период Шан-Инь (XVIII—XII вв. до н. э.). Не решена окончательно и проблема характера общественного строя в Древнем Китае. В ходе дискуссии об азиатском способе производства в 60-х годах (XX в.) некоторые историки-марксисты, пересмотрев оценку общественного строя Древнего Китая, высказали точку зрения, согласно которой в Древнем Китае рабство сосуществовало с феодальными отношениями, причем рабовладельческий уклад не был господствующим.

В отличие от других древневосточных стран в Китае происходили неоднократные восстания народных масс, которым и уделяется значительное внимание в данной теме. Из восстаний Древнего Китая наиболее крупными были два, происходившие в эпоху правления династии Хань: «Краснобровых» (17—27 гг. н. э.) и «Желтых повязок» (184—204 гг. н. э.). Известны имена руководителей этих восстаний.

При изучении восстаний следует обратить внимание на их динамику: борьба отдельных отрядов перерастала в массовые движения, охватывавшие обширные районы страны.

Анализируя причины восстаний, необходимо указать на массовое обезземеливание крестьян в связи с ликвидацией общинного и ростом частного землевладения, куплей и продажей земли; порабощение крестьян; высокие налоги разного характера; воинскую и трудовую повинности; концентрацию земли в руках богатых людей, ростовщиков, которые свою прибыль от торговли вкладывали не в развитие торговли и ремесел, а в приобретение земель. Скупленную землю они сдавали в аренду обезземеленным крестьянам, что было выгодно так же, как и давать деньги в рост под высокие проценты.

Разорение крестьян обостряло отношения в стране между знатью, зажиточными людьми, с одной стороны, бедными и рабами, с другой стороны. В такой обстановке некоторые представители господствующего класса делали попытки разрешить внутренние противоречия посредством реформ, но они полностью в жизнь не проводились. В этом отношении показательны реформы Ван Мана, регента при двухлетнем наследнике престола Старшей династии Хань, которого он устранил в 8 г. н. э. и объявил себя императором (9 г.) новой династии Синь. Ван Ман обнародовал ряд реформ, из которых главной была реформа земле- и рабовладения. Все земли им объявлялись собственностью императора, частные рабы — «частнозависимыми», т. е. они превращались в государственных рабов, но оставались в зависимости от частных лиц. Запрещалась купля-продажа земли и рабов. Ван Ман пообещал наделить безземельных крестьян землей, установить для всех равные наделы, что не было им выполнено. Для увеличения государственных доходов он пытался под видом борьбы

с ростовщичеством сосредоточить ссудные операции в руках государства, неоднократно менял денежный чекан, значительно увеличил налоги и т. д.

Реформы встретили упорный протест со стороны крупных собственников. Ван Ману пришлось в 12 г. н. э. отказаться от передела земли и отмены частного рабства. Он ограничился лишь введением в 17 г. н. э. ежегодного налога на рабовладельцев в размере 3600 монет за каждого раба.

Антагонизм между Ван Маном и собственниками, с одной стороны, и крестьянами — с другой, способствовал росту волнений народа, которые усилились в 18 г. н. э., когда в стране из-за стихийных бедствий начался голод. В 11 г. н. э. Хуанхэ изменила русло, затопила огромную территорию, а в 14 г. в стране была засуха и налет саранчи. Ван Мана сторонники свергнутой им ханьской династии объявили виновником голода. Волнения переросли в крупные народные восстания.

§ 1. НАРОДНЫЕ ВОССТАНИЯ I—II ВВ. Н. Э.

1. Восстание «Красных бровей» («Краснобровых»)

История Ранней (Первой, Старшей) династии Хань

«История Ранней династии Хань» написана в 58—75 гг. н. э. китайскими историками: Бань Бяо (отец), Бань Гу (сын), Бань Чжао (дочь). В ней дан обзор событий периода правления Ранней династии Хань (206 г. до н. э.—8 г. н. э). Здесь же идет речь о положении земледельцев, о реформах Ван Мана и о восстаниях указанной эпохи.

Реформы Ван Мана углубили и обострили социальные противоречия, так как всех, кто нарушал его законы, превращали в государственных рабов не только с их семьями, но и вместе с семьями четырех соседей, которые не донесли на них. Ежегодно сотни мужчин со своими семьями попадали в рабство. Осужденным свободным, так же как и рабам, приходилось выполнять самый тяжелый труд: прокладывать дороги, рыть каналы, строить Великую китайскую стену, воздвигать стены вокруг городов, плавить металлы и т. д. В годы стихийных бедствий (наводнение, засуха) еще больше ухудшалось положение трудового народа. В неурожайные годы в стране начинался голод. Бедным людям приходилось продавать в рабство детей, жен, самих себя.

Но рабы и обедневшие крестьяне не мирились с тяжелым положением и восставали. Восстания возглавляли пастухи, беглые солдаты, бедные земледельцы. Восставшие захватывали продовольствие и города, убивали чиновников, освобождали рабов.

Первым мощным было восстание «Краснобровых». Руководил восстанием бедняк Фань Чун. В нем участвовали в основном жители восточной части страны, почти полностью занятой «Краснобровыми». Против них Ван Ман послал своих лучших военачальников (Ван Куана и Лянь Даня), однако те терпели поражение, не находя поддержки у населения, которое они грабили. Народ был на стороне «Краснобровых». Ван Ману пришлось мобилизовать осужденных преступников. В критический момент он выпустил на восставших даже диких зверей из царского зверинца (тигров, барсов и др.).

В пору успехов к восставшим примкнула часть аристократии, принадлежавшая к свергнутой Ван Маном династии Хань. Ханьская знать воспользовалась восстанием, чтобы прийти к власти.

Однако оно не прошло бесследно. В результате него произошло временное ослабление эксплуатации народных масс. Лю Сю ради укрепления своего положения вынужденно сделал уступки народу: издал указ об освобождении проданных в рабство родителями детей, порабощенных за нарушение постановлений Ван Мана, пленных во время подавления восстания «Краснобровых», снизил налоги и передал обезземеленным для обработки земли некоторых крупных землевладель-

цев, императорского дома и храмов, новые земли, освоенные вследствие построенных крупных оросительных сооружений. Земледельцы, обрабатывавшие эти земли, становились зависимыми и были обязаны нести повинности государству.

Восстание «Краснобровых», вспыхнувшее стихийно, потерпело поражение потому, что у повстанцев не было достаточной организованности и дисциплины, вести борьбу с регулярной армией им было тяжело. Восставшие действовали разрозненно, не выдвигали собственных политических требований и боролись против плохого царя, его гнета. Они поддерживали требование господствующего класса — возвращение свергнутой Ван Маном династии Хань. Повстанцы ограничивались захватом имущества богатых, убийством чиновников, освобождением рабов.

(Положение земледельцев II—I вв. до н. э.)

...Дун Чжун-шу[1] обратился к императору[2] со следующей речью: ...При династии Цинь все стало иначе. Тогда применили реформы Шан Яна[3], изменили систему древних государей, отменили систему колодезных полей[4]. Народ смог продавать и покупать землю. Поля богатых протянулись и вдоль и поперек, а у бедных не стало места, чтобы воткнуть шило. Кроме того, у них (богатых) выгоды от рек и озер, богатства от гор и лесов... Как может бедный люд не страдать?.. Военные и трудовые повинности в году в тридцать раз больше, чем в древности, земельный и подушный налоги, сборы за соль и железо в двадцать раз больше, чем в древности, некоторые обрабатывают поля крупных землевладельцев за половину урожая. Поэтому бедный народ постоянно одевается в шкуры животных, ест пищу собак и свиней. Это усиливается еще тем, что алчные и жестокие чиновники своевольно приговаривают и убивают их. Погибая от мучений, не имея опоры, народ убегает в леса и горы, чтобы стать разбойниками. Полуголых на половине дороги приговаривают к тюрьме. За год число их достигает тысяч и десятков тысяч. Когда воцарилась династия Хань, она сохранила это и не изменила.

(Реформы Ван Мана)

...Ван Ман сказал: древние установили колодезные поля на восемь семейств. На одного мужа и жену полагалось сто му земли. Одну десятую урожая вносили налога. Государство было в достатке, народ был богат и пел гимны... Династия Цинь... увеличила налоги и сборы в свою пользу, истощила силы народа своими непомерными желаниями. Она отменила систему мудрых — колодезные поля,— чтобы начались захваты земель, появилась алчность и подлость. Сильные мерили поля на тысячи, слабым не было места, чтобы воткнуть шило. Установила рынки рабов и рабынь вместе с коровами и лошадьми в одних загонах. Управляя подданными, они всецело распоряжались их жизнью, развратные и преступные люди наживались на этом. Дело дошло до того, что

---

[1] *Дун Чжун-шу* (II в. до н. э.) — ученый и государственный деятель при императоре У-ди, сторонник взглядов философа Конфуция (VI—V вв. до н. э.).

[2] Император У-ди (140—87 гг. до н. э.).

[3] *Шан Ян* — государственный деятель княжества Цинь (в середине IV в. до н. э. провел реформу, которая способствовала развитию частной собственности на землю).

[4] *Колодезные поля* — согласно традиции, система общинного землевладения.

похищали и продавали людей, жен и детей, изменяли воле неба, нарушали отношения между людьми, извращали принцип неба и земли — человек благороднее всего... Ханьская династия снизила земельный налог до одной тридцатой урожая, но военный налог (откуп за военную службу) всегда платили даже старики. Сильные захватили раздел полей насилием и обманом: на словах налог равняется одной тридцатой, а по существу — половине урожая. Отцы, дети, мужья и жены работают на земле целый год, а то, что они получают, не хватает на пропитание. Поэтому у собак и лошадей богатых остается излишек проса и гороха, а бедным не надоедают отруби и подонки, от бедности они совершают преступления. Все они, и бедные и богатые, погрязли в преступлениях, а наказания не применяются. Еще до вступления на трон я издал указ о том, чтобы поля стали общими и чтобы распределить колодезные поля по числу душ. В то время был обильный урожай, как счастливое знамение. Но это было остановлено из-за разбоев и измен.

Ныне я изменяю названия следующим образом: все поля империи будут называться царскими полями, рабы и рабыни — частнозависимыми. Всех их (землю и рабов) нельзя ни продавать, ни покупать. Если мужчин меньше восьми, а земли у них больше, чем колодезное поле, то излишняя земля передается родичам до девятого колена, соседям или односельчанам. Все безземельные ныне должны получить землю по закону. Нарушители мудрой системы колодезных полей, беззаконные возмутители масс, будут сосланы на границы для обороны от горных дьяволов...

...на втором году (10 г. н. э.)... у тех, кто осмелится заниматься противозаконной отливкой монеты.., конфискуется имущество и сами они становятся государственными рабами вместе с четырьмя соседями, которые знали об этом и не донесли...

...люди, нарушившие запрет об отливке монеты, в числе пяти соседских семей подверглись аресту, конфискации имущества и становились государственными рабами. Сотни тысяч мужчин в клетках для преступников, их жен и детей шли пешком с брякавшими на шее цепями и передавались чиновнику, ведающему отливкой монеты. Пока они доставлялись туда, жены и мужья менялись, от горя и мучения погибало шесть-семь из десяти...

...ведающие рынками в среднюю луну каждого времени года устанавливают высшие, средние и низшие цены на товары, которыми они ведают. Каждый из них применяет уравненные цены на своем рынке, не вмешиваясь в другие области...

Если у народа нет средств для совершения жертвоприношения или для похорон, то казна выдает ссуду без процентов из налоговых сумм от торговцев и ремесленников. Ссуда при жертвоприношениях выдается не больше чем на десять дней, при похоронах — не больше чем на три месяца. Если кто-либо из народа окажется в нужде и захочет получить ссуду, чтобы устроить дела, то ее может получить любой. Кроме средств, необходимых на его содержание, с остальной суммы взимается процент, не превышающий десяти в год...

...и тогда земледельцы и купцы остались без занятий, продовольствие и товары исчезли, народ плакал на рынках и дорогах. Невозможно было сосчитать число осужденных из знати, служилых людей и простого народа за продажу полей, рабов и выплавку монеты...

...через три года (12 г. н. э.) император издал указ: царские поля, переданные на кормление, и частнозависимые (рабы) могут продаваться и покупаться без ограничения законом...

(Жизнеописание Лю Сюаня[1])

...в конце правления Ван Мана на юге был неурожай. Толпы людей уходили в поля и болота, копали корни для еды и вырывали их друг у друга. Ван Куан и Ван Фын из Синьши справедливо разбирали спорящих. Их выдвинули вождями. Они уходили из деревень для нападений и скрывались на горе «Зеленый лес».

(Жизнеописание Лю Пен-цзы[2])

В те времена в областях Цин и Сюй случился большой голод. Разбойники появились, словно рой пчел. Фань Чун[3] был храбр, и массы примыкали к нему... Когда Ван Ман послал ... напасть на них, Фань Чун и его сторонники, готовясь к бою, выкрасили брови в красный цвет, чтобы отличить своих от войск Ван Мана...

(Жизнеописание Лю Яня[4])

Ныне засуха продолжается несколько лет. Всюду возникает война. Это — конец света...

(Жизнеописание Ван Мана)

...на четвертом году правления Тяньфын (17 г. н. э.) Гуантянь и другие ушли в разбойники...

Одна женщина из Лан-я[5], мать Люя, также подняла восстание. Начальник уезда казнил ее невинного сына — уездного чиновника. Мать его потратила все свое имущество на вино, оружие и тайно привлекла к себе сотни бедных молодых людей, напала с ними на уездный город и убила начальника, чтобы принести жертву на могиле сына. На пути в Хуай численность ее отряда возросла до десяти тысяч. Ван Ман отправил посланца к разбойникам с помилованием. Посланный вернулся и доложил, что разбойники разошлись, но потом снова быстро собрались. Ван Ман задал ему вопрос о причине происходящего. Посланец отвечал ему: «Все говорят, что страдают от множества запрещений, что от них нельзя пошеве-

---

[1] *Лю Сюань* — потомок свергнутой Ван Маном династии Хань, в 8 г. н. э. примкнул к повстанцам и был провозглашен ими в 23 г. н. э. императором под именем Гэнши, затем низложен и казнен ими в 25 г. н. э.

[2] *Лю Пен-цзы* — потомок свергнутой Ван Маном династии Хань; примкнул к повстанцам и был возведен на престол «Краснобровыми» после Лю Сюаня; свергнут основателем Второй династии Хань — императором Лю Сю.

[3] *Фань Чун* — один из крупнейших вождей восстания «Краснобровых».

[4] *Лю Янь* — Лю Бо-шэн — старший брат Лю Сю, убит повстанцами.

[5] *Лан-я* — название местности в совр. провинции Шаньдун.

лить рукой. Полученного от работы не хватает на уплату налогов и поборов. Люди закрывают двери, ни с кем не общаются и все-таки попадают в тюрьму как сообщники в выплавке монеты и хранения меди, согласно закону о круговой поруке пяти соседей за преступление одного из них. Чиновники замучили народ. От бедности все уходят в разбойники».

...в том году (18 г. н. э.) из-за неурожая и голода Лицзы Ду[1], Фань Чун и другие «Краснобровые» восстали в Лан-я. Они занимали и грабили города. Их насчитывалось десятки тысяч. Посланные из округа войска не могли с ними справиться...

В шестом году (19 г. н. э.)... В Гуаньдуне в течение нескольких лет продолжались засуха и голод.. К Лицзы Ду и другим приверженцам «Краснобровых» стекалось все больше народа. Полководец Лянь Дань напал на Ичжоу[2], но победить не смог... Си Шуши и Сунь Си[3] стали очищать от разбойников реки и озера.

Ван Ман объявил большой набор рекрутов, приговоренных к смерти преступников и рабов, чиновников и народа. Он назвал это войско «броском кабана», «смельчаками-кабанами».

Второй год правления Дихуан (21 г. н. э.)... В то время на юге в «Зеленом лесу» поднялись Чжан Ба, Цзян Ся, овечий пастух Ван Куан и другие. Они прозвались повстанцами «нижнего течения реки». Число их превышало десять тысяч... На реках и озерах действовал пират, называвший себя князем Фань. Люди из рода Лю (т. е. рода свергнутой Ван Маном династии Хань) десятками тысяч примыкали к нему...

Пираты вырастали, словно заросли конопли. Были назначены коменданты для ловли разбойников, отданы приказы чиновникам с судебными полномочиями...

...разбойники сначала восстали из-за голода и нищеты. Они думали, что с урожаем смогут вернуться в свои деревни. Но число их постепенно возрастало и достигло нескольких десятков тысяч...

Третий год (22 г. н. э.)... «Краснобровые» убили главного астролога Цзин Шана. В Гуаньдуне люди ели друг друга. В четвертой луне Ван Ман послал астролога Ван Куана и полководца Лянь Даня на восток... У них было сто тысяч отборного войска. Всюду, где они проходили, они расправлялись с населением по своему усмотрению. На востоке сложилась поговорка: «Лучше встретиться с «Краснобровыми», чем с полководцем Лянь Данем. С полководцем еще ничего, но Ван Куан уничтожает всех...»... Летом на востоке поднялась саранча, ее полет закрывал небо.

...сотни тысяч беженцев вошли в заставу. Но все чиновники, назначенные кормить их, посланцы, надзиратели и мелкие служители крали провиант из складов, и из каждых десяти беженцев умерло с голоду семь-восемь...

---

[1] *Лицзы Ду* — один из вождей повстанцев.
[2] *Ичжоу* — название округа в совр. провинции Сычуань.
[3] *Си Шуши* и *Сунь Си* — полководцы Ван Мана.

...Повсюду десятки тысяч разбойников нападали на города и владения. Они убили около двух тысяч чиновников. Астролог Ван Куан и другие терпели неудачи в боях...

...будущий император Гуан У[1] со своим старшим братом князем Ци У, дядей Ли Туном и другими повел... несколько тысяч человек. Они призвали из Синьши и Пинлиня Чжу Рыбу, Чэня Пастуха и других повстанцев и вместе с ними заняли Цзиян[2]...

...несколько тысяч повстанцев, рассеявшись, вошли в пределы Наньяна[3]...

В первой луне четвертого года (23 г. н. э.) войска приверженцев династии Хань с помощью Ван Чана и других «повстанцев нижнего течения» напали на передовой отряд сановника Чжэн Фоу и его подчиненных Чжэн Ляна и Цю Сы. Отрубили головы командирам и порубили несколько десятков тысяч солдат...

(Приверженцы династии Хань совместно с восставшими одерживали одну победу за другой над войском Ван Мана.)

...Ван Ман пришел в ужас. Он послал... Ван И... вместе с... Ван Синем во главе миллиона солдат со всех областей... на усмирение Шаньдуна[4]. Армия получила прозвание «Зубов тигра»... Ван Ман опустошил казну для отправки Ван И, он послал много сокровищ и диких зверей, стремясь привести в трепет Шаньдун обилием снаряжения... Ван И же сказал: «Миллионная армия должна уничтожить все на своем пути. Вырежем жителей этого города (г. Куньян) и по ручьям крови пойдем дальше...»

В это время будущий император с несколькими тысячами повстанцев из Янь и Динлина пришел на выручку к Куньяну... Ханьские солдаты победили... Из Куньяна вышли солдаты и стали драться рядом с ханьскими. Ван И убежал, армия Ван Мана пришла в смятение... Тигры и барсы дрожали. Солдаты разбежались и вернулись в свои области... Столица пришла в трепет...

К столице стекались отовсюду находившиеся поблизости повстанцы...

Ван Ман отправил посланцев во все тюрьмы столицы объявить частичную амнистию преступникам и раздать оружие... Как только полководец Ши Чэнь хотел перейти через мост на реке Вэй, все войско разбежалось. Ши Чэнь вернулся один. Повстанцы разрыли могилы семьи Ван Мана: детей, жены, отца, деда и сожгли их гробы, девять храмов, дворец Минтан и императорскую школу. Зарево освещало весь город...

В десятой луне повстанцы вошли в город с севера через ворота Сюаньпин. Чжан Хань убивал в воротах каждого повстанца. Ван И, Ван Линь, Ван Сюнь и другие, разделив между собой солдат, защищались в Северных воротах дворца. Солдаты приверженцев Хань жаждали схватить Ван Мана, чтобы получить титул. Более

---

[1] *Гуан У*, или *Лю Сю* (25—27 гг. н. э.).

[2] *Цзиян* — название уезда, находившегося в совр. провинции Хубэй.

[3] *Наньян* — город, бывший в совр. провинции Хэнань.

[4] Главный район действия «Краснобровых».

семи тысяч сражались с необычайной отвагой. В тот день вечером из министерств и дворцов все бежали...

Огонь подошел уже к внутреннему дворцу... Ван Ман спасался от пожара в передней зале дворца Сюаньши. Огонь настигал его. Дворцовые женщины кричали: «Что нам делать?..» Ван Ман говорил: «Небо облекло меня властью, разве могут причинить мне вред ханьские солдаты?» Все это время Ван Ман оставался без еды, и сил у него было мало. На третий день на рассвете чиновники вывели его из переднего зала... и на повозке повезли в Цзяньтай, думая использовать водную преграду пруда... За Ван Маном следовало более тысячи чиновников и евнухов. Ван И сражался днем и ночью и страшно устал. Почти все были убиты или ранены...

Повстанцы ворвались во дворец с криками: «Где изменник Ван Ман?» В это время из комнаты вышла красавица и сказала: «В Цзяньтае». Повстанцы поспешили туда, оцепили дворец в несколько сот рядов и завязали перестрелку из луков и арбалетов. Защитники Ван Мана постепенно падали, стрелы у них кончились, стрелять было нечем. Начались рукопашные стычки. Ван И с сыном и другие погибли. Ван Ман сошел вниз. Торговец Ду У убил Ван Мана и взял его пояс с печатью... Все области и уезды капитулировали. Поднебесная принадлежала династии Хань...

На второй год (24 г. н. э.) император Гэнши прибыл в столицу Чанан и отдал указ о всеобщей амнистии, из которой исключались дети Ван Мана.

Прошло более года. Император Гэнши не занимался делами правления. Летом следующего года несколько сот тысяч «Краснобровых» во главе с Фань Чуном вошли в заставу и провозгласили императором Лю Пен-цзы. Когда они напали на Гэнши, он сдался. «Краснобровые» сожгли дворцовые кварталы столицы и убили Гэнши. Голодные поедали друг друга. Убитых насчитывалось несколько сот тысяч. Столица превратилась в развалины.

Хрестоматия по истории древнего мира/ Под ред. В. В. Струве.— М., 1950.— Т. 1.— С. 320, 326—335.

2. Восстание «Желтых повязок»

История Поздней (Второй, Старшей) династии Хань

«История династии Хань» составлена Фань Е (V в. н. э.), охватывает события 25—220 гг. н. э.

Укрепившись, господствующий класс отменил в дальнейшем все уступки, сделанные народу после восстания «Краснобровых». В стране начался захват земель «сильными домами», разорение земледельцев, закабаление и порабощение свободных. Народ голодал, страна наполнялась беглыми и бродягами. В Китае росло новое народное движение. Восстание вспыхнуло в конце II в. н. э. Движущей силой восстания были рабы, зависимые, полусвободные и свободные земледельцы.

Восстание известно под названием «Желтых повязок» (в качестве отличительного знака восставшие повязывали головы желтыми платками). Оно отличалось

от восстания «Краснобровых» тем, что в течение десяти лет подготовлялось тайной даосской сектой во главе с ученым и лекарем Чжан Цзио, получившим широкую известность в Китае во время эпидемии. Он проповедовал учение «Путь к великому равенству». В проповедях Чжан Цзио предсказывалось падение существовавших в то время несправедливых порядков, называемых им «Синим небом», и наступление «Желтого неба» — новой лучший жизни. При помощи гаданий он предсказал счастливую для начала восстания дату (184 г. н. э.), совпадавшую с началом шестидесятилетнего цикла.

Циклическая календарная система в Древнем Китае была одной из систем летосчисления, получившей широкое распространение в быту. Цикл охватывал 60 лет. Каждый год цикла имел свое иероглифическое обозначение, название, которое не имело особого смыслового характера. Первый год цикла обозначался знаками «Цзя-Цзы», назывался годом «дерева-мыши». Эта система летосчисления получила применение в Японии, Корее, Монголии, Тибете. Сторонники Чжан Цзио организовывали религиозные братства, члены которых тайно обучались военному делу. В стране было создано 36 объединений сторонников секты — будущих военных отрядов. Секта имела приверженцев в столице и во дворце императора. Повсюду люди писали на воротах, стенах иероглифы «Цзя-Цзы» как призыв к восстанию. Но с приближением срока начала восстания правительству выдали план тайной организации и имена ее участников. В столице начались казни сторонников Чжан Цзио, который, узнав об этом, дал сигнал к выступлению. Восстание вспыхнуло раньше намеченного срока и охватило современные провинции Хэбэй, Хэнань, Шаньдун и Хубэй.

Одновременно с восстанием «Желтых повязок» поднялись восстания, не связанные с сектой Чжан Цзио. Восстания вспыхнули в Гуандуне, Сычуани и в других районах. Отряды повстанцев назывались: «Черная гора», «Белая волна», «Желтый дракон», «Великий разлив» и др. Вожди этих отрядов известны по их прозвищам: «Лю-камень», «Цзо-усатый», «Чжан-ласточка» и т. п. Отряды насчитывали от 6—7 тыс. до 20—30 тыс. человек.

Восставшие выпускали из тюрем заключенных, освобождали рабов, захватывали имущество богатых, опустошали склады, убивали чиновников, нападали на города, сжигали правительственные здания.

В 6-м месяце 184 г. н. э. Чжан Цзио умер от болезни, его брат Чжан Лян погиб в бою, второй брат Чжан Бао был захвачен в плен и казнен. Гибель трех братьев — основных руководителей восстания — ослабила силы повстанцев, но не сломила их волю к борьбе. Восставшие выдвигали новых руководителей и продолжали упорно сражаться до 207 г. н. э.

Восстание «Желтых повязок» господствующий класс подавил огромным напряжением сил, прибегая зачастую к поголовному истреблению повстанцев. Источники свидетельствуют, что в одном из сражений было отрублено 7 тыс. голов восставших, в другом — 30 тыс. голов и 50 тыс. человек утонуло в реке, в третьем — отрублено 100 тыс. голов. Из черепов восставших вдоль дорог и населенных пунктов вырастали пирамиды, на южной окраине столицы была сложена башня.

Несмотря на длительную подготовку и огромный размах, восстанию «Желтых повязок» в целом присуща стихийность. Это восстание происходило в отрыве от других. Восставшие выступали против династии Хань, но ясной конечной цели не имели. Они убивали чиновников, аристократов, сжигали дворцы, захватывали имущество богачей. Повстанцы, не имея опыта и знаний, не смогли закрепить свои победы.

Жестокое подавление восстаний привело к гибели значительной части населения страны, запустению земель, разрушению крупных городов (Лоян, Чанан) и ирригационной системы, ослаблению внутренней и внешней торговли, к усилению натурализации хозяйства.

От мощных ударов восстаний пала Вторая династия Хань. Китай в III в. н. э. распался на три самостоятельных царства (Вэй, Шу, У).

(Хроника правления императора Лин-ди (168—189 гг. н. э.)

...в первый год правления Чжунпин (184 г. н. э.), во второй луне, Чжан Цзио, родом из Цзюйлу[1], назвал себя «Желтым небом». Ему подчинилась армия в триста шестьдесят тысяч человек. Все они надели желтые повязки и восстали в один и тот же день. В ответ на их призыв население Аньпина[2] и Ганьлина[3] схватило своих князей. В третьей луне полководец Хэ Цзинь, правитель Хэнани, назначен главнокомандующим. На городские башни собраны войска. Назначены коменданты восьми важнейших застав. Объявлена большая амнистия арестованным ученым, возвращены все сосланные. Только Чжан Цзио не получил амнистии. Объявлен указ всей знати и сановникам выставить коней и самострелы, поднять сыновей и внуков командиров и чиновников, знающих тактику боя, и послать к чиновникам, ведающим вербовкой солдат. Полководец Лу Чжи послан в поход против Чжан Цзио. Полководцы Хуанфу Сун и Чжу Цзюнь посланы в поход в область Инчуань[4] против «Желтых повязок»[5]...

(Вначале — в 184 г. н. э.— повстанцы действовали успешно. Они убивали правителей областей, разбили военачальника Чжу Цзюня. Затем борьба между правительственными войсками и восставшими шла с переменным успехом. В дальнейшем восставшие стали терпеть одно поражение за другим. Чжан Цзио умер через полгода после начала восстания. Его братья погибли в конце 184 г. н. э.)

...Дан указ Хуанфу Суну идти походом на Чжан Цзио. Зимой в десятую луну Хуанфу Сун воевал с «Желтыми повязками» в Гуанцзуне. Захватил младшего брата Чжан Цзио — Чжан Ляна. Чжан Цзио, умершему от болезни, отрезали голову. Хуанфу Суна возвели в сан старшего полководца конницы. В одиннадцатой луне Хуанфу Сун снова разбил «Желтые повязки» в Сяцюйяне[6], казнил младшего брата Чжан Цзио — Чжан Бао. Добыча составила более ста тысяч голов. Хуанфу Сун построил из них башню к югу от города. Чжу Цзюнь захватил город Вань[7] и отрубил голову еще одному командующему «Желтыми повязками» Сунь Ся.

Во втором году правления Чжунпин (185 г. н. э.) в первой луне восстали и грабили разбойники «Черной горы» Чжан Нюцзио и более десятка других...

На пятом году правления Чжунпин (188 г. н. э.) во второй луне оставшийся от «Желтых повязок» разбойник Го Да вместе с другими поднялся в долине «Белой волны» в Сихэ[8]...

---

[1] *Цзюйлу* — уезд на терр. совр. провинции Хэбэй.
[2] *Аньпин* — уезд на терр. совр. провинции Хэбэй.
[3] *Ганьлин* — уезд на терр. совр. провинции Хэбэй.
[4] *Инчуань* — в совр. провинции Хэнань.
[5] «Желтые повязки» ранее ошибочно называли «Желтыми тюрбанами».
[6] *Сяцюйян* — в совр. провинции Хэбэй.
[7] *Вань* — в совр. провинции Хубэй.
[8] *Сихэ* — ныне в провинции Шаньси.

(Хроника правления императора Сяньди (190—219 гг. н. э.)

...в первый год правления Чупин (190 г.) в первой луне разбойники «Белой волны» грабили область Дун.

Во втором году (191 г.) в одиннадцатой луне «Желтые повязки» из Цинчжоу грабили Тайшань[1]. Ин Шао, правитель Тайшани, разбил их. «Желтые повязки» ушли грабить Бохай[2]. Гунсунь Цзянь воевал с ними в Дунгуане[3] и снова сильно разбил их.

В третьем году (192 г.) в первой луне «Желтые повязки» из Цинчжоу убили правителя Яньчжоу[4] Лю Дая в Дунпине. Правитель области Дун — Цао Цао — нанес «Желтым повязкам» большое поражение в Шоучжане[5], и они сдались.

В десятом году (205 г.) в первой луне Цао Цао разбил Юань Таня в Цинчжоу и казнил его. Летом в четвертой луне полководец разбойников «Черной горы» Чжан Ласточка привел свое войско и сдался...

Хрестоматия по истории древнего мира/ Под ред. В. В. Струве.— М., 1950.— Т. I— С. 338—339.

§ 2. ЛИТЕРАТУРА

«Шицзин» — свод песен в основном устного народного творчества разных царств Древнего Китая, в котором содержится материал о важных сторонах жизни древнекитайского общества первой половины I тысячелетия до н. э.

3. Из «Книги песен»

Вышел я из северных ворот

Народная песня царства Вэй. В песне выражено недовольство бесправных бедных людей своим тяжелым положением.

Вышел я из северных ворот,
В сердце боль от скорби и забот —
Беден я, нужда меня гнетет —
Никому неведом этот гнет!
Это так, и этот жребий мой
Создан небом и судьбой самой —
Что скажу, коль это жребий мой?

Службой царскою томят меня,
Многие дела теснят меня,
А приду к себе домой — опять
Все наперебой корят меня.
Это так, и этот жребий мой
Создан небом и судьбой самой —
Что скажу, коль это жребий мой?

Удары звучат далеки, далеки...

Песня царства Вэй. В ней обличается паразитизм эксплуататоров, ведущих праздную жизнь за счет простых тружеников.

Удары звучат далеки, далеки...
То рубит сандал дровосек у реки,
И там, где река омывает пески,
Он сложит деревья свои...
И тихие волны струятся — легки,
Прозрачна речная вода...

Вы ж, сударь, в посев не трудили руки
И в жатву не знали труда —
Откуда ж зерно с трехсот полей
В амбарах ваших тогда?
С облавою вы не смыкались в круг,
Стрела не летела из ваших рук —

[1] *Тайшань* — область, находившаяся в совр. провинции Шаньдун.
[2] *Бохай* — название области в совр. провинциях Хэбэй и Шаньдун.
[3] *Дунгуан* — название уезда в совр. провинции Хэбэй.
[4] *Яньчжоу* — ныне в провинции Хэбэй.
[5] *Шоучжан* — название уезда в совр. провинции Шаньдун.

Откуда ж висит не один барсук
На вашем дворе тогда?
Мы вас благородным могли б считать,
Но долго ли будете вы поедать
Хлеб, собранный без труда?

Большая мышь

В народной песне из царства Вэй угнетатели народа аллегорически изображаются в виде большой мыши, жадно пожирающей все плоды труда земледельцев. Однако в песне чувствуется оптимистическая вера в торжество справедливости, жизнеутверждающая мечта тружеников о «счастливой стране», в которой не будет «жадных мышей».

Ты, большая мышь, жадна,
Моего не ешь пшена.
Мы трудились — ты хоть раз
Бросить взгляд могла б на нас.
Кинем мы твои поля —
Есть счастливая земля,
Да, счастливая земля,
Да, счастливая земля!
В той земле, в краю чужом,
Мы найдем свой новый дом.

Ты, большая мышь, жадна,
Моего не ешь зерна.
Мы трудились третий год —
Нет твоих о нас забот!
Оставайся ты одна —
Есть счастливая страна,
Да, счастливая страна,
Да, счастливая страна!
В той стране, в краю чужом,
Правду мы свою найдем.

На корню не съешь, услышь,
Весь наш хлеб, большая мышь!
Мы трудились столько лет —
От тебя пощады нет.
Мы теперь уходим, знай,
От тебя в счастливый край,
Да, уйдем в счастливый край,
Да, уйдем в счастливый край!
Кто же в том краю опять
Нас заставит так стонать?

Ш и ц з и н.— М., 1957.— С. 53, 135, 137—138.

4. Юэфу

«Юэфу» — сборник народных песен эпохи Хань. Сборник назван по имени музыкальной палаты — «Юэфу», учрежденной императором ханьской династии У-ди (140—87 гг. до н. э.). Палата просуществовала до VII в. н. э. В ее задачу входила подготовка обрядовой музыки на основе мелодий народных песен. Песни собирались особыми чиновниками во всех округах государства и поступали в «Юэфу». До нас дошла небольшая часть песен, собранных «Юэфу». Песни «Юэфу» считаются второй «Книгой песен» древней китайской литературы. Они дают представление о народной музыке, о труде простых людей, о войнах ханьских императоров, отрывавших крестьян от земледелия, о раздумьях солдат и т. д.

К югу от города

...В годы войны подневольных сгоняют
С севера, с юга для тяжких работ.
Хлеб созревает, колосья упруги,—
Жатвы не будет, и голод придет.
Долг свой готовы мы честно исполнить,
Мудрый правитель, подумай о нас!
Войско скорей отозвав из похода,
Много б людей ты от гибели спас!

На востоке заря[1]

Отчего на востоке уже заря,
А в Цаньу[2] все темно и темно?
Преют хлеба и проса запасы зря,
И для войска зерно бесполезно гниет.
Рано утром в тумане идем мы в поход —
На чужбине солдату грустить суждено.

Ю э ф у.— М.— Л., 1959.— С. 3, 11.

---

[1] Песня о походах У-ди против южных народов.
[2] *Цаньу* — совр. г. Учжоу в провинции Гуанси.

Часть третья

ДРЕВНЯЯ ГРЕЦИЯ

История Греции благодаря выдающимся археологическим открытиям конца XIX — начала XX в. начинается с III тысячелетия до н. э. Правда, это не история собственно Греции, а тех племен и народов, которые жили на территории Крита, Балканского полуострова, Малой Азии. Это было время разложения родового строя и формирования первых государств Средиземноморья, которые сложились в конце III — начале II тысячелетия до н. э. В XII в. до н. э. происходит дорийское переселение. После него в Греции XI—IX вв. до н. э. снова наблюдается процесс разложения родового строя. В это время развивается патриархальное рабство, так хорошо описанное Гомером.

Но начиная с VIII в. до н. э., вплоть до V в. до н. э., когда необычайно развиваются ремесло и торговля, все большую роль играет рабство нового античного типа, которое является основой греческого общества. Особенно большого развития эта новая форма рабства достигает в V—IV вв. до н. э. Не надо забывать и того, что Древняя Греция является колыбелью европейской культуры. В нашей повседневной жизни мы постоянно сталкиваемся с теми культурными явлениями, которые возникли в Греции.

Тема I. ДРЕВНЕЙШАЯ ГРЕЦИЯ И ЗАРОЖДЕНИЕ КЛАССОВ У ГРЕКОВ

Около ста лет назад вопрос о древнейшей Греции еще не ставился. Даже поэмы Гомера считались просто литературными произведениями, совершенно не связанными с действительной жизнью. Весь ученый мир того времени склонялся к мнению, что они — соединение различных мифов.

Только археология конца XIX и XX в. открыла не изведанную еще никем эпоху древнейшей Греции.

В 1870 г. Г. Шлиман начал раскопки в Малой Азии на холме Гиссарлык, желая открыть древнюю Трою, в существование которой он верил. Несмотря на ошибку в определении слоя Гомеровской Трои, его раскопки имели большое значение, так как он открыл древнюю культуру Средиземноморья — троянскую культуру.

С 1874 по 1885 г. Г. Шлиман работал на территории Балканского полуострова — в Микенах, Орхомене и Тиринфе. Здесь была открыта так называемая микенская культура древнейшей Греции.

В начале XX в. английский археолог А. Эванс начал свои раскопки на острове Крит, которые он продолжал в дальнейшем. Им была открыта замечательная по своему богатству и художественной ценности критская культура, относящаяся тоже к культуре древнейшей Греции.

Работы на Балканском полуострове были продолжены греко-американской экспедицией под руководством К. Курониотиса и К. Блегена, которые потом в западной части Пелопоннеса, около древнего Пилоса, нашли большой Пилосский дворец.

Как А. Эвансом в Кносском дворце на Крите, так и греко-американской экспедицией в Пилосском дворце были найдены глиняные таблички с неизвестными надписями. Дешифровали крито-микенские надписи в 1952—1953 гг. молодой английский архитектор М. Вентрис и Дж. Чедвик.

§ 1. РАБСТВО (ПО МАТЕРИАЛАМ КРИТО-МИКЕНСКИХ НАДПИСЕЙ)

1. Списки рабов и их детей

В плен брались в это время обычно женщины и их дети. Это особый характер рабства в крито-микенскую эпоху, когда рабов-мужчин, взятых в плен, боялись и предпочитали домашних рабов, выросших в неволе.

Надписи из архива Пилосского дворца

а) *Списки рабынь и их детей*

Мольщиц (женщин) 7, (девочек) 10, (мальчиков) 5.
Чинильщиц (женщин) 12, (девочек) 16, (мальчиков) 8...
Прядильщиц (женщин) 37, (девочек) 26, (мальчиков) 4...
Банщиц (женщин) 38, (девочек)...
Подсобных работниц (женщин) 4, (девочек) 2, (мальчиков) 1...
Служанок (женщин) 32, (девочек) 26, (мальчиков) 15...
В Пилосе (пшеницы) 11
Банщиц (женщин) 37, (девочек) 13, (мальчиков) 15...
Швей (женщин) 38, (девочек) 20, (мальчиков) 19...

б) *Списки сыновей работниц*

В Левктре[1]
сыновей чинильщиц (мужчин) 2, (мальчиков) 1.
В Пилосе
сыновей швей (мужчин) 2.
В Евдевере[2]
сыновей белошвеек (мужчин) 4.
В Пилосе
сыновей банщиц (мужчин) 22, (мальчиков) 11.

Хрестоматия по истории древней Греции/ Под ред. Д. П. Каллистова.— М., 1964.— С. 43, 44.

§ 2. ЗАНЯТИЯ И ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ ГРЕЦИИ XI—IX ВВ. ДО Н. Э.

Главным источником по экономике и общественному строю XI—IX вв. до н. э. являются поэмы Гомера — «Илиада» и «Одиссея». Так называемый «Гомеровский вопрос» (вопрос об авторстве) до сих пор остается неясным, хотя он возник еще в античное время. Теперь имеются три основные теории о происхождении поэм. Во-первых, это теория индивидуального творчества; во-вторых, это теория народного творчества и, в-третьих, различные теории, объединяющие и первый, и второй взгляды.

Ясно только то, что поэмы описывают события микенского времени, но общественный строй дан там тот, который был после дорийского переселения, т. е. конец IX — начало VIII в. до н. э.

---

[1] В *Левктре* — название местности, точно не определяется.
[2] В *Евдевере* — название местности, точно не определяется.

2. Сельское хозяйство

В отрывке из «Илиады» (XVIII, 540—589) дается картина сельского хозяйства — пахота и уборка урожая. Кроме того, здесь имеются данные о виноградарстве и садоводстве. Особенно трудно приходилось пастухам, которые должны были оберегать стадо от хищных зверей.

Мягкую новь он представил на нем, плодородную пашню,
Трижды взрыхленную плугом. И много на ней землепашцев
Гнало парные плуги, ведя их туда и обратно...
Поле, хотя золотое, чернелося сзади пахавших
И походило на пашню — такое он диво представил.
Дальше царский участок представил художник искусный:
Острыми жали серпами поденщики спелую ниву.
Горсти колосьев одни непрерывно там падали наземь,
Горсти другие вязальщики свяслами крепко вязали.
Трое вязальщиков возле стояли. Им мальчики сзади,
Спешно сбирая колосья, охапками их подносили.
На полосе между ними, держа в руке своей посох,
Царь молчаливо стоял с великою радостью в сердце.
Вестники пищу поодаль под тенью готовили дуба:
В жертву быка заколов, вкруг него суетились; а жены
Белое тесто месили к обеду работникам поля.
И виноградник с тяжелыми гроздьями там он представил:
Весь золотой, лишь одни виноградные кисти чернелись.
Из серебра были колья повсюду натыканы густо;
Черный ров по бокам; окружен оловянной оградой
Сад; чрез средину одна пролегает тропинка, которой
Ходят носильщики в пору, когда виноград собирают.
Девы и юноши там в молодом беззаботном веселье
Сладостный плод уносили в прекрасно сплетенных корзинах.
Мальчик, идя между ними, на звонкоголосой форминге,
Всех восхищая, играл, воспевая прекрасного Лина[1]
Нежным голосом. Те же за мальчиком следом спешили
С присвистом, с пеньем и с топотом в лад, непрестанно танцуя.
Сделал потом на щите он и стадо коров пряморогих;
Были одни золотые, из олова были другие;
С громким мычаньем они из загона на луг выходили
К берегу шумной реки, тростником поросшему гибким.
Вместе с коровами этими шли пастухи золотые,
Четверо; девять бежало собак резвоногих за ними.
Спереди два вдруг ужаснейших льва напали на стадо
И повалили быка; ревел и мычал он ужасно,
Львами влекомый; собаки и юноши мчались на помощь;
Оба льва, разорвав на огромном быке его кожу,
Жадно потроха глотали и черную кровь. Пастухи же
Тщетно старались на львов собак натравить резвоногих;
Слушаться их не хотели собаки и львов не кусали;
Близко подскочут, залают и тотчас назад убегают.
Пастбище сделал потом в прекрасной долине художник,
Стадо большое овец белорунных на пастбище этом,
Крытые там шалаши представил, загоны и хлевы.

Там же.— С. 54—55.

3. Ремесло

В следующих отрывках из «Одиссеи» (III, 425—435) описывается труд ремесленников. Они приходят к басилевсам для выполнения тех или иных работ. Упоминаются инструменты, которые приносят с собой ремесленники.

[1] *Лин* — прекрасный юноша, рано погибший, олицетворение сил природы, гибнущей от жары.

В другом отрывке из «Илиады» (XVIII, 468—482) показан сам процесс изготовления бронзы.

Повествование ведется о боге кузнечного дела Гефесте, который работает в своей мастерской.

«Также один пусть прикажет к Лаэрту[1] прийти поскорее
Мастеру дел золотых, чтоб рога у телушки оправил
В золото. Все остальные останьтесь. Скажите тем в доме,
Чтобы рабыни обед поскорее готовили пышный,
Стулья б поставили, дров и блестящей воды принесли бы».

Так он сказал. Сыновья торопливо за дело взялися.
Телка с поля пришла. Пришли с чернобокого судна
Спутники, вместе сюда с Телемаком приплывшие. Медник
С медным пришел инструментом, пособьем в ковальном
искусстве,

Крепкие клещи с собой он принес, наковальню и молот —
Все, чем над золотом нужно работать.

(Производство бронзы и кузнечное ремесло)

Так он сказал и оставил ее, и к мехам обратился.
Их на огонь он направил и действовать дал приказанье.
Сколько их было, все двадцать мехов задышали в горнило
Разнообразнейшим, сильно огонь раздувавшим дыханьем,
Те, помогая, когда он спешил, а другие — иначе.
Как желалось Гефесту[2], чтоб дело закончить получше,
Несокрушимой он меди и олова бросил в горнило,
Ценного золота и серебра. Наковальню большую
Прочно приладил к широкой подставке и в правую руку
Молот огромнейший взял, в левую — крепкие клещи.
В первую очередь выковал щит он огромный и крепкий,
Всюду его изукрасив; по краю же выковал обод
Яркий, тройной и ремень к нему сзади серебряный сделал.
Пять на щите этом было слоев; на них он искусно
Много представил различных предметов, хитро их задумав.

Там же.— С. 56, 57—58.

4. Общественный строй. Продажа свободных людей в рабство

В отрывке из «Илиады» (XXI, 441—457) описывается обращение свободных людей в рабство. Свободные поденщики не только не получают вознаграждения за свой труд, но могут быть искалечены и обращены в рабство.

Это явление характеризуется на примере богов Посейдона (бога морей) и Аполлона (бога света и искусства), которые по приказу Зевса, отца богов, должны были служить троянскому царю Лаомедонту. Повествование ведется от имени Посейдона, который обращается к Аполлону.

...Позабыл ты,
Сколько трудов мы и бед претерпели вокруг Илиона[3].
Мы из бессмертных одни. Повинуяся воле Зевеса,
Здесь Лаомедонту гордому мы, за условную плату,
Целый работали год, и сурово он властвовал нами.
Я обитателям Трои прекрасные стены воздвигнул,
Крепостью и вышиной нерушимую граду защиту.
Ты, Аполлон, у него, как наемник, волов круторогих

[1] *Лаэрт* — отец Одиссея.
[2] *Гефест* — бог кузнечного дела.
[3] *Илион* — одно из греческих названий Трои; *Лаомедонт* — царь Трои.

Пас по долинам холмистым, дубравами венчаной Иды[1].
Но, когда нам условленной платы желанное Время
Срок привело, Лаомедонт жестокий насильно присвоил
Должную плату и нас из пределов с угрозами выслал.
Лютый, тебе он грозил оковать и руки и ноги
И продать, как раба, на остров чужой и далекий.
Нам похвалялся обоим отсечь в поругание уши.
Так удалились мы, на него негодуя душою,
Царь вероломный нас обманул, условье нарушив.

Хрестоматия по истории древнего мира/ Под ред. В. В. Струве.— М., 1951.— Т. 2.— С. 47.

5. Труд поденщиков

В отрывке из поэмы «Одиссея» (XVIII, 357—375) один из женихов Пенелопы — Евримах, видя Одиссея в образе странника, предлагает ему быть его поденщиком. Из этого предложения видно, что поденщики никакой платы за работу не получали; их только кормили, иногда им давали одежду.

...Странник, ты, верно поденщиком будешь согласен наняться
В службу мою, чтоб работать за плату хорошую в поле,
Рвать для забора терновник, деревья сажать молодые;
Круглый год получал от меня ты обильную пищу,
Всякое нужное платье, для ног надлежащую обувь.

Там же.

6. Власть знатных людей

Хотя в эпоху Гомера продолжали существовать народные собрания, которые должны были решать все важнейшие вопросы, фактически их решали цари и знать, но не народ. В отрывке из «Илиады» (II, 205—270) описывается, как простой воин Терсит выступил в народном собрании против царя Агамемнона и как он был посрамлен и жестоко избит царем Одиссеем.

Все успокоились, тихо в местах учрежденных сидели;
Только Терсит меж безмолвными каркал один, празднословный.
В мыслях имея всегда непристойные многие речи...

«Что, Агамемнон[2], ты сетуешь, чем ты еще недоволен?
Кущи твои преисполнены меди, и множество пленниц
В кущах твоих, которых тебе Аргивяне избранных
Первому в рати даем, когда города разоряем.
Жаждешь ли злата еще, чтоб его кто-нибудь из Троянских
Конников славных принес для тебя, в искупление сына,
Коего в узах я бы привел иль другой Аргивянин?
Хочешь ли новой жены, чтоб любовию с ней наслаждаться,
В сень одному заключившися? Нет, недостойное дело,
Бывши главою народа, в беды вовлекать нас, ахеян!
Слабое робкое племя, ахеянки мы, не ахейцы!
В домы свои отплывем, а его мы оставим под Троей
Здесь насыщаться чужими наградами; пусть он узнает,
Служим ли помощью в брани и мы для него, иль не служим.
Он Ахиллеса, сего несравненно храбрейшего мужа,
Днесь обесчестил: похитил награду и властвует ею!
Мало в душе Ахиллесовой злобы: он слишком беспечен;
Или, Атрид, ты нанес бы обиду, последнюю в жизни!»
Так говорил, оскорбляя Атрида, владыку народов,
Буйный Терсит; но внезапно к нему Одиссей устремился.

---

[1] *Ида* — горный хребет в Малой Азии.
[2] *Агамемнон* — царь Микен, предводитель в Троянской войне.

Гневно воззрел на него и воскликнул голосом грозным
«Смолкни, безумноречивый, хотя громогласный, вития!
Смолкни, Терсит, и не смей ты один порицать скиптроносцев...»
Рек и скиптром его по хребту и плечам он ударил.
Сжался Терсит, из очей его брызнули крупные слезы;
Вдруг полоса под тяжестью скиптра златого
Вздулась багровая; сел он, от страха дрожа; и, от боли
Вид безобразный наморщив, слезы отер на ланитах[1].

Там же.— С. 57.

7. Военный совет знати

Прежде чем вынести какой-либо важный вопрос на народное собрание, знать обсуждала его предварительно, чтобы принять определенное решение, которое и должно пройти на народном собрании.

В отрывке из «Илиады» (IX, 89—124; 135—140; 142—148; 158), описывается Совет старейшин у царя Агамемнона. Из речи царя Нестора, обращенной к Агамемнону, можно установить, что в это время суд и законы зависели от царей: «...тебе вручил Олимпиец скиптр и законы, да суд и совет произносишь народу».

В своей речи Нестор уговаривает Агамемнона помириться с Ахиллом, которого он жестоко обидел, отняв у него пленницу Брисеиду — дочь царя Брисея, убитого ахейцами после разорения ее родного города.

Царь Агамемнон старейшин собравшихся ввел к себе в ставку...
Первым из всех меж собравшихся ткать размышления начал
Нестор[2]; который и раньше блистал превосходством советов.
К ним, благомыслия полный, с такой обратился он речью:
«Славою светлой Атрид[3], повелитель мужей Агамемнон!
Слово начну я с тебя и окончу тобою: могучий
Многих народов ты царь, и тебе вручил Олимпиец
Скиптр и законы, да суд и совет произносишь народу.
Более всех ты обязан и сказывать слово и слушать:
Мысль исполнять и другого, если кто, сердцем внушенный,
Доброе скажет; но что предпочесть, от тебя то зависит.
Ныне я вам поведаю, что мне является лучшим,
Думы другой, превосходнее сей, никто не примыслит,
В сердце какую ношу я с давней поры и доныне,
С оного дня, как ты, о божественный, Брисову дочерь[4]
Силой из кущи исторг у пылавшего гневом Пелида[5],
Нашим не вняв убеждениям. Сколько тебя, Агамемнон,
Я отговаривал; но увлекаяся духом высоким,
Мужа храбрейшего в рати, которого чествуют боги,
Ты обесчестил, награды лишив. Но хоть ныне, могучий,
Вместе подумаем, как бы его умолить нам, смягчивши
Лестными сердцу дарами и дружеской ласковой речью».
Быстро ему отвечал повелитель мужей Агамемнон:
«Старец, не ложно мои прегрешенья ты обличаешь:
Так, погрешил, не могу отрекаться я. Стоит народа
Смертный единый, которого Зевс от сердца возлюбит:
Так он сего, возлюбив, превознес, а данаев унизил.
Но как уж погрешил, обуявшего сердца послушав,
Сам я загладить хочу и несметные выдать награды.
Здесь, перед вами, дары знаменитые все и исчислю:

---

[1] *Ланиты* — щеки.
[2] *Нестор* — царь Пилоса, участник Троянской войны.
[3] *Атрид* — сын Атрея — Агамемнон.
[4] *Брисеида* — дочь царя лелегов Брисея, после разорения ее родного города ставшая пленницей Ахилла.
[5] *Пелид* — сын Пелия — Ахилл.

Десять талантов[1] золота, двадцать лоханей блестящих;
Семь треножников новых, не бывших в огне, и двенадцать
Коней могучих, победных, стяжавших награды ристаний[2]...
Все то получит он ныне; еще же когда аргивянам[3]
Трою Приама[4] великие боги дадут ниспровергнуть,
Пусть он и медью и златом корабль обильно наполнит,
Сам наблюдая, как будем делить боевую добычу...
Пусть из Троянских жен изберет по желанию двадцать,
После Аргивской Елены[5] красой превосходнейших в Трое.
Зятем его назову я и честью сравняю с Орестом[6].
С сыном одним у меня, возрастающим в полном довольстве.
Три у меня расцветают в дому благосозданном дщери,
Пусть он, какую желает, любезную сердцу без вена[7]
В отческий дом отведет, а приданое сам я за нею
Славное дам... Пусть примирится...
Пусть мне уступит как следует: я и владычеством высшим,
Я и годов старшинством перед ним справедливо горжусь».
Рек; и Атриду ответствовал Нестор, конник Геренский[8]:
«Сын знаменитый Атрея, владыка мужей Агамемнон!
Нет, дары не презренные хочешь ты дать Ахиллесу.
Благо, друзья, поспешим же нарочных послать, да скорее
Шествуют мужи избранные в сени царя Ахиллеса...
На руки дайте воды, проникнитесь благоговеньем,
И помолимся Зевсу, да ныне помилует нас он!»

Там же.— С. 51—52.

§ 3. РЕЛИГИЯ ДРЕВНИХ ГРЕКОВ

Ниже приводится отрывок из поэмы Гесиода «Теогония», где поэт раскрывает представления греков о происхождении богов и мира.

8. Гесиод «Теогония»

Рея[9], поятая Кроном, детей родила ему светлых — Деву-
Гестию, Деметру и златообутую Геру,
Славного мощью Аида, который живет под землею,
Жалости в сердце не зная, и шумного Энносигея[10],
И промыслителя Зевса, отца и бессмертных и смертных,
Громы которого в трепет приводят широкую землю.
Каждого Крон пожирал, лишь к нему попадал на колени
Новорожденный младенец из матери чрева святого:
Сильно боялся он, как бы из славных потомков Урана[11]
Царская власть над богами другому кому не досталась.

---

[1] *Талант* — крупная вавилонская денежная единица (30 кг серебра).
[2] *Ристания* — состязания колесниц.
[3] *Аргивяне* — жители города Аргоса на Пелопоннесе.
[4] *Приам* — царь Трои.
[5] *Аргивская Елена* — прекраснейшая женщина, из-за которой и происходит Троянская война.
[6] *Орест* — сын Агамемнона.
[7] *Вено* — выкуп за невесту.
[8] *Конник Геренский* — герой празднеств в честь Геры.
[9] *Рея* — богиня земли, жена Кроноса — бога времени, древнейшего доолимпийского бога; *Гестия* — богиня домашнего очага; *Деметра* — богиня плодородия; *Гера* — жена Зевса.
[10] *Аид* — бог подземного царства; *Энносигей* — прозвание бога моря Посейдона.
[11] *Уран* — древнейший доолимпийский бог Неба.

Знал он от Геи-Земли и от звездного Неба-Урана,
Что суждено ему свергнутым быть его собственным сыном,
Как он сам ни могуч — умышленьем великого Зевса,
Вечно на страже ребенка, едва только на свет являлся,
Тотчас глотал он. А Рею брало неизбывное горе.
Но, наконец, как родить собралась она Зевса-владыку,
Смертных отца и бессмертных, взмолилась к родителям Рея,
К Гее великой, Земле и к звездному Небу-Урану,—
Пусть подадут ей совет рассудительный, как бы, родивши,
Спрятать ей милого сына, чтоб мог он отмстить за злодейство
Крону-владыке, детей поглотившему, ею рожденных.
Вняли мольбам дщери возлюбленной Гея с Ураном
И сообщили ей точно, какая судьба ожидает
Мощного Крона-отца и его крепкодушного сына.
В Ликтос послали ее, плодородную критскую область,
Только лишь время родить наступило ей младшего сына,
Зевса-царя. И его восприняла Земля-великанша,
Чтобы на Крите широком владыку вскормить и взлелеять.
Быстрою, черною ночью сначала отправилась в Дикту[1]
С новорожденным богиня и на руки взяла младенца,
Скрыла в божественных недрах земли, в недоступной пещере,
На многолесной Эгейской горе, середь чащи тенистой.
Камень в пеленки большой завернув, подала его Рея
Мощному сыну Урану. И прежний богов повелитель
В руки завернутый камень схватил и в желудок отправил.
Злой нечестивец! Не ведал он в мыслях своих, что остался
Сын невредимым его, в безопасности полной, что скоро
Верх над отцом ему предстояло взять руками и силой,
С трона низвергнуть и стать самому над богами владыкой.
Начали быстро расти и блестящие члены и сила
Мощного Зевса-владыки. Промчались года за годами.
Перехитрил он отца, предписаний послушавшись Геи:
Крон хитроумный обратно, великий, извергнул потомков,
Хитростью сына родного и силой его побежденный.
Первым извергнул он камень, который последним пожрал он.
Зевс на широкодорожной земле этот камень поставил
В Многосвященном Пифоне, в долине под самым Парнасом[2],
Чтобы всегда там стоял он, как памятник, смертным на диво.
Братьев своих и сестер Уранидов[3], которых безумно
Вверг в заключенье отец, на свободу он вывел обратно.
Благодеянья его не забыли душой благодарной
Братья и сестры и отдали гром ему вместе с палящей
Молнией, прежде в себе их скрывала Земля-великанша.
Твердо на них полагаясь, людьми и богами он правит.
Океаниду прекраснолодыжную, деву Климену[4],
В дом свой увел Иапет и всходил с ней на общее ложе.
Та же ему родила крепкодушного сына Атланта[5],
Также Менетия[6], славой затмившего всех Прометея[7]
С хитрым искусным умом и неумного Эпиметея.

---

[1] *Дикта* — местность на Крите.

[2] *Пифон*, или *Пифо* — древнегреческое название области Парнаса в Фокиде, где находились храм и оракул Аполлона Дельфийского; *Парнас* — горный массив в Фокиде, а в мифах — место обитания Аполлона и муз.

[3] *Ураниды* — дети Урана.

[4] *Климена Океанида* — дочь Океана, жена титана Япета и мать титанов Атланта, Эпиметея и Прометея.

[5] *Атлант* — титан, державший на своих плечах весь небесный свод.

[6] *Менетий* — один из аргонавтов, отец Патрокла.

[7] *Прометей* — титан, давший огонь людям и за это прикованный к Кавказской скале по приказу Зевса.

С самого этот начала несчастьем явился для смертных:
Первый от Зевса он девушку, им сотворенную, принял
В жены. Менетия ж наглого Зевс протяженно-гремящий
В мрачный отправил Эреб[1], ниспровергнувши молнией дымной
За нечестивость его и чрезмерную, страшную силу.
Держит Атлант, принужденный к тому неизбежностью мощной,
На голове и руках неустанных широкое небо
Там, где граница земли, где певицы живут Геспериды[2].
Ибо такую судьбу ниспослал ему Зевс-промыслитель.
А Прометея, на выдумки хитрого, к средней колонне
В тяжких и крепких оковах Кронид привязал Громовержец
И длиннокрылого выслал орла: бессмертную печень
Он пожирал у титана, но за ночь она вырастала
Ровно на столько же, сколько орел пожирал ее за день.
Сыном могучим Алкмены[3] прекраснолодыжной — Гераклом,
Был тот орел умерщвлен, а сын Иапета избавлен
От жесточайших страданий и тяжко-мучительной скорби,—
Не против воли высоко царящего Зевса-Кронида:
Ибо желалось Крониду, чтоб сделалась слава Геракла
Фиворожденного больше еще на земле, чем дотоле.
Честью великой решив отличить знаменитого сына,
Гнев прекратил он, который дотоле питал к Прометею
Из-за того, что тягался он в мудрости с Зевсом сверхмощным.

Хрестоматия по античной литературе/ Под ред. Н. Ф. Дератани, Н. А. Тимофеева.— М., 1965.— Т. I.— С. 70—72.

§ 4. ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИЕ МИФЫ

Мифы древних греков возникли в различных частях Греции на рубеже II—I тысячелетий до н. э. Мифические повествования сохранились в дошедших до нас поэмах Гомера («Илиада», «Одиссея»), Гесиода («Теогония»), в произведениях древнегреческих поэтов-лириков (Пиндар и др.), драматургов V в. до н. э. (Эсхил, Софокл, Еврипид), в произведениях римских авторов: Вергилия («Энеида»), Овидия («Метаморфозы», «Героини»), Павсания («Описание Эллады») и т. д.

Древнегреческая мифология представляет собой один из важнейших элементов греко-римской культуры, оказавшей влияние на культуру народов современной Европы. Сказания отражали явления той природной и общественной среды, в которой они создавались. Предания содержат рассказы о племенных вождях, о богах, их вмешательстве в дела отдельных людей и племен, о героях, одаренных сверхъестественной силой, смелостью, ловкостью и т. д.

Изучение мифов помогает выяснить, как древние греки представляли окружающий их мир, их нравственные идеи. Мифы свидетельствуют также о том, что люди были бессильны объяснить многие явления природы и считали, что все в мире происходит по воле богов. Однако появлялись герои, которые осмеливались равняться с богами, восставали против их воли.

9. Посейдон и боги ветров

Греческие поселения располагались близко к морю. Самые отдаленные пункты отстояли от моря не более чем на 100 км. Море в жизни греков имело большое хозяйственное значение. Греки ловили рыбу, добывали соль. Рыба являлась одним из основных продуктов питания населения. Близость к морю способствовала ран-

---

[1] *Эреб* — подземное царство.

[2] *Геспериды* — нимфы — хранительницы золотых яблок.

[3] *Алкмена* — жена Амфитриона — мать Геракла, родоначальница Гераклидов.

нему развитию мореплавания. При гористом рельефе Греции основные пути внешних сношений шли по морю. Греки плавали по морю только днем, летом и осенью вблизи берегов, не теряя из виду землю, что было важно для спасения при приближении бури. Все происходившее на море, по представлениям греков, было по воле бога морей (Посейдон) и богов ветров (Борей, Нот, Евр, Зефир).

Страшно лазурнокудрявой тряхнув головой, он воскликнул:
«Дерзкий! Неужели боги, пока я в земле эфиопян[1]
Праздновал, мне вопреки согласились помочь Одиссею?
Чуть не достиг он земли феакиян[2], где встретить напастей,
Свыше ему предназначенных, должен конец; но еще я
Вдоволь успею его, ненавистного, горем насытить».
Так он сказал и, великие тучи поднявши, трезубцем
Воды взбурлил и бурю воздвиг, отовсюду прикликав
Ветры противные; облако темное вдруг обложило
Море и землю, и тяжкая с грозного неба сошла ночь.
В это мгновенье большая волна поднялась и расшиблась
Вся над головой Одиссея; стремительно плот закружился;
Схваченный, с палубы в море упал он стремглав, упустивши...
Долго его глубина поглощала, и сил не имел он
Выбиться кверху, давимый напором волны и стесненный...
Платьем, богиней Калипсою данным ему на прощанье.
Вынырнул он напоследок, из уст извергая морскую
Горькую воду, с его бороды и кудрей изобильным
Током бежавшую; в этой тревоге, однако, он вспомнил
Плот свой, за ним по волнам погнался, за него ухватился,
Взлез на него и на палубе сел, избежав потопленья;
Плот же бросали туда и сюда взгроможденные волны ...
По морю так беззащитное судно повсюду носили
Ветры; то быстро Борею[3] его перебрасывал Нот[4], то шумящий
Евр[5], им играя, его предавал произволу Зефира[6].

Гомер. Одиссея.— М., 1983.— С. 68, 70.

10. «Подземное царство»

Древние греки верили в существование «подземного царства», в котором правит брат Зевса бог Аид. Это мрачное «царство теней» умерших. «Загробную жизнь» греки считали несчастьем, а «жизнь» в «подземном мире» безрадостной. Учащимся можно предложить сравнить представления древних греков и древних египтян о «загробном мире». Что в них было общего, в чем различия?

Скоро предстал предо мной и Тиресия фивского образ;
Был он с жезлом золотым, и меня он узнал и сказал мне:
«Что, Лаэртид, многохитростный муж, Одиссей благородный,
Что, злополучный, тебя побудило, покинув пределы
Светлого дня, подойти к безотрадной обители мертвых?..»
С сими словами обратно отшедши в обитель Аида,
Скрылась душа прорицателя, мне мой сказавшая жребий.
Я ж неподвижно остался на месте; но ждал я недолго;

---

[1] *Эфиопы* — жители Эфиопии. Эфиопией греки называли страну в Африке, к югу от Египта.

[2] *Феакийцы* — жители острова Схерия. Античные географы полагали, что Схерия — это остров Керкира (ныне Корфу), между Балканским полуостровом и Италией.

[3] *Борей* — название северного ветра.

[4] *Нот* — южный ветер.

[5] *Евр* — восточный ветер.

[6] *Зефир* — западный ветер.

К крови приблизилась мать, напилася[1] и сына узнала.
С тяжким вздохом она мне крылатое бросила слово:
«Как же, мой сын, ты живой мог проникнуть в туманную область
Аида? Здесь все ужасает живущего; шумно бегут здесь
Страшные реки, потоки великие; здесь Океана[2]
Воды глубокие льются; никто переплыть их не может
Сам; то одним кораблям крепкосозданным возможно».
Увлеченный
Сердцем, обнять захотел я отшедшую матери душу;
Три раза руки свои к ней, любовью стремимый, простер я,
Три раза между руками моими она проскользнула...
Ей наконец, сокрушенный, я бросил крылатое слово:
«Милая мать, для чего, из объятий моих убегая,
Мне запрещаешь в жилище Аида прижаться к родному
Сердцу и скорбною сладостью плача с тобой поделиться?..»
Так говорил я; мне мать благородная так отвечала:
«Милый мой сын, злополучнейший между людьми, Персефона,
Дочь громовержца, тебя приводить в заблужденье не мыслит.
Но такова уж судьбина всех мертвых, расставшихся с жизнью.
Крепкие жилы уже не связуют ни мышц, ни костей их;
Вдруг истребляет пронзительной силой огонь погребальный...»
Так, собеседуя, мы говорили...
После того как рассеяться призракам жен Персефона,
Ада царица, велела и все, разлетевшись, пропали —
Тень Агамемнона, сына Атреева, тихо и грустно вышла; и следом за нею
Все тени товарищей, павших с ним вместе, постигнутых роком...
Крови напившись, меня во мгновенье узнал Агамемнон.
Тяжко, глубоко вздохнул он; заплакали очи; простерши
Руки, он ими ко мне прикоснуться хотел, но напрасно:
Руки не слушались: не было в них уж ни сил, ни движенья,
Некогда члены могучего тела его оживлявших.
Слезы я пролил, увидя его; состраданье проникло душу мне...
Так мы, о многом минувшем беседуя, друг подле друга
Грустно сидели, и слезы лились по нашим ланитам...
Души других знаменитых умерших явились; со мною
Грустно они говорили о том, что тревожило сердце каждому...
В аде узрел я Зевесова мудрого сына Миноса;
Скипетр в деснице держа золотой, там умерших судил он,
Сидя; они же его приговора, кто сидя, кто стоя,
Ждали в пространном с вратами широкими доме Аида...

Там же.— С. 147—153.

11. Сизиф

Сизиф — легендарный основатель города Коринфа на Пелопоннесе, хитроумный герой, преступивший волю богов и за это сурово ими наказанный.

Сизиф, сын бога повелителя всех ветров Эола, был основателем города Коринфа, который в древнейшие времена назывался Эфирой.

Никто во всей Греции не мог равняться по коварству, хитрости и изворотливости ума с Сизифом. Сизиф благодаря своей хитрости собрал неисчислимые богатства у себя в Коринфе; далеко распространилась слава о его сокровищах.

---

[1] По представлениям древних греков, мертвец обретал речь, только выпив крови.

[2] *Океан* — легендарная река, вечно текущая по кругу, обтекающая все моря и земли, отделяющая мир живых от мира мертвых.

Когда пришел к нему бог смерти мрачный Танат[1], чтобы низвести его в печальное царство Аида, то Сизиф, уже раньше почувствовав приближение бога смерти, коварно обманул бога Таната и заковал его в оковы. Перестали тогда на земле умирать люди. Нигде не совершались больше пышные похороны; перестали приносить и жертвы богам подземного царства. Нарушился на земле порядок, заведенный Зевсом. Тогда громовержец Зевс послал к Сизифу могучего бога войны Ареса. Он освободил Таната из оков, а Танат исторг душу Сизифа и отвел ее в царство теней умерших.

Но и тут сумел помочь себе хитрый Сизиф. Он сказал жене своей, чтобы она не погребала его тела и не приносила жертвы подземным богам. Послушалась мужа жена Сизифа. Аид и Персефона долго ждали похоронных жертв. Все нет их! Наконец, приблизился к трону Аида Сизиф и сказал владыке царства умерших, Аиду:

— О, властитель душ умерших, великий Аид, равный могуществом Зевсу, отпусти меня на светлую землю. Я велю жене моей принести тебе богатые жертвы и вернусь обратно в царство теней.

Так обманул Сизиф владыку Аида, и тот отпустил его на землю. Сизиф не вернулся, конечно, в царство Аида. Он остался в пышном дворце своем и весело пировал, радуясь, что один из всех смертных сумел вернуться из мрачного царства теней.

Разгневанный Аид, снова послал он Таната за душой Сизифа. Явился Танат во дворец хитрейшего из смертных и застал его за роскошным пиром. Исторг душу Сизифа ненавистный богам и людям бог смерти; навсегда отлетела теперь душа Сизифа в царство теней.

Тяжкое наказание несет Сизиф в загробной жизни за все коварство, за все обманы, которые совершил он на земле. Он осужден вкатывать на высокую, крутую гору громадный камень. Напрягая все силы, трудится Сизиф. Пот градом струится с него от тяжкой работы. Все ближе вершина; еще усилие, и окончен будет труд Сизифа; но вырывается из рук его камень и с шумом катится вниз, подымая облака пыли. Снова принимается Сизиф за работу.

Так вечно катит камень Сизиф и никогда не может достигнуть цели — вершины горы.

Кун Н. А. Легенды и мифы Древней Греции.— М., 1957.— С. 111—112.

12. Ночь, луна, заря и солнце

Медленно едет по небу в своей колеснице, запряженной черными конями, богиня Ночь — Нюкта. Своим темным покровом закрыла она землю. Тьма окутала все кругом. Вокруг колесницы богини Ночи толпятся звезды и льют на землю свой неверный, мерцающий свет — это юные сыновья богини Зари — Эос и Астрея. Много их, они усеяли все ночное темное небо. Вот как бы легкое зарево показалось на востоке. Разгорается оно все сильнее и

[1] *Танат* — бог смерти.

сильнее. Это восходит на небо богиня Луна — Селена. Крутогогие быки медленно везут ее колесницу по небу. Спокойно, величественно едет богиня Луна по небу в своей длинной белой одежде, с серпом луны на головном уборе. Она мирно светит на спящую землю, заливая все серебристым сиянием. Объехав небесный свод, богиня Луна спустится в глубокий грот горы Латма в Карии...

Все ближе утро. Богиня Луна уже давно спустилась с небосклона. Чуть посветлел восток... Все ярче разгорается восток. Вот открыла розоперстая богиня Заря — Эос ворота, из которых скоро выедет лучезарный бог Солнце — Гелиос. В ярко-шафранной одежде, на розовых крыльях взлетает богиня Заря на просветлевшее небо, залитое розовым светом. Льет богиня из золотого сосуда на землю росу, и роса осыпает траву и цветы сверкающими, как алмазы, каплями. Благоухает все на земле, всюду курятся ароматы. Проснувшаяся земля радостно приветствует восходящего бога Солнце — Гелиоса.

На четверке крылатых коней в золотой колеснице, которую выковал бог Гефест, выезжает на небо с берегов Океана лучезарный бог. Верхи гор озаряют лучи восходящего солнца, и они высятся, как бы залитые огнем. Звезды бегут с небосклона при виде бога солнца, одна за другой скрываются они в лоне темной ночи. Все выше поднимается колесница Гелиоса. В лучезарном венце и в длинной сверкающей одежде едет он по небу и льет свои живительные лучи на землю, дает ей свет, тепло и жизнь.

Совершив свой дневной путь, бог солнца спускается к священным водам Океана. Там ждет его золотой челн, в котором он плывет назад к востоку, в страну солнца, где находится его чудесный дворец. Бог солнца ночью там отдыхает, чтобы взойти в прежнем блеске на следующий день.

Там же.— С. 68—69.

13. Нарцисс и Эхо

Миф о самовлюбленном юноше Нарциссе, о происхождении названия цветка нарцисса, об Эхо. Эхо в греческой мифологии — одна из нимф[1]. По одному из мифов Эхо потеряла способность говорить и могла лишь повторять окончания чужих слов в наказание за болтливость. В другом мифе говорится, что она от безответной любви к Нарциссу так иссохла, что стала невидимой и сохранила лишь голос. Эхо — отраженный звук (лесное Эхо). Древние греки не понимали такого природного явления, как эхо, и считали его нимфой.

Но кто не чтит златую Афродиту[2], кто отвергает дары ее, кто противится ее власти, того немилосердно карает богиня любви. Так покарала она сына речного бога Кефиса и нимфы Лаврионы, прекрасного, но холодного, гордого Нарцисса. Никого не любил он, кроме одного себя, лишь себя считал достойным любви.

---

[1] *Нимфы* — юные богини, олицетворяющие явления и силы природы. Нимфы источников и рек — *наяды,* морские — *нереиды,* деревьев — *дриады,* гор — *ореады* и т. д.

[2] *Афродита* — богиня любви, красоты.

Однажды, когда он заблудился в густом лесу во время охоты, увидала его нимфа Эхо. Нимфа не могла сама заговорить с Нарциссом. На ней тяготело наказание богини Геры: молчать должна была нимфа Эхо, а отвечать на вопросы она могла лишь тем, что повторяла их последние слова. С восторгом смотрела Эхо на стройного красавца юношу, скрытая от него лесной чащей. Нарцисс огляделся кругом, не зная, куда ему идти, и громко крикнул:

— Эй, кто здесь?

— Здесь! — раздался громкий ответ Эхо.

— Иди сюда! — крикнул Нарцисс.

— Сюда! — ответила Эхо.

С изумлением смотрит прекрасный Нарцисс по сторонам. Никого нет. Удивленный этим, он громко воскликнул:

— Сюда, скорей ко мне!

И радостно откликнулась Эхо:

— Ко мне!

Протягивая руки, спешит к Нарциссу нимфа из леса, но гневно оттолкнул ее прекрасный юноша. Ушел он поспешно от нимфы и скрылся в темном лесу.

Спряталась в лесной непроходимой чаще и отвергнутая нимфа. Она страдает от любви к Нарциссу, никому не показывается и только печально отзывается на всякий возглас несчастная Эхо.

А Нарцисс остался по-прежнему гордым, самовлюбленным. Он отвергал любовь всех. Многих нимф сделала несчастными его гордость. И раз одна из отвергнутых им нимф воскликнула:

— Полюби же и ты Нарцисс! И пусть не отвечает тебе взаимностью человек, которого ты полюбишь!

Исполнилось пожелание нимфы. Разгневалась богиня любви Афродита на то, что Нарцисс отвергает ее дары, и наказала его. Однажды весной во время охоты Нарцисс подошел к ручью и захотел напиться студеной воды... Нагнулся Нарцисс к ручью, опершись на камень, выступавший из воды, и отразился в ручье весь, во всей своей красе. Тут-то постигла его кара Афродиты. В изумлении смотрит он на свое отражение в воде, и сильная любовь овладевает им. Полными любви глазами смотрит он на свое изображение в воде, он манит его, зовет, простирает к нему руки. Наклоняется Нарцисс к зеркалу вод, чтобы поцеловать свое отражение, но целует только студеную, прозрачную воду ручья. Все забыл Нарцисс; он не уходит от ручья; не отрываясь, любуется самим собой. Он не ест, не пьет, не спит. Наконец, полный отчаяния, восклицает Нарцисс, простирая руки к своему отражению:

— О, кто страдал так жестоко! Нас разделяют не горы, не моря, а только полоска воды, и все же не можем мы быть с тобой вместе. Выйди же из ручья!

Задумался Нарцисс, глядя на свое отражение в воде. Вдруг страшная мысль пришла в голову, и тихо шепчет он своему отражению, наклоняясь к самой воде:

— О, горе! Я боюсь, не полюбил ли я самого себя! Ведь ты — я сам! Я люблю самого себя. Я чувствую, что немного оста-

лось мне жить. Едва расцветши, увяну я и сойду в мрачное царство теней. Смерть не страшит меня; смерть принесет мне конец мукам любви.

Покидают силы Нарцисса, бледнеет он и чувствует уже приближение смерти, но все-таки не может оторваться от своего отражения. Плачет Нарцисс. Падают его слезы в прозрачные воды ручья. По зеркальной поверхности воды пошли круги, и пропало прекрасное изображение. Со страхом воскликнул Нарцисс:

— О, где ты! Вернись! Останься! Не покидай меня, ведь это жестоко. О, дай хоть смотреть на тебя!

Но вот опять спокойна вода, опять появилось отражение, опять, не отрываясь, смотрит на него Нарцисс. Тает он, как роса на цветах в лучах горячего солнца. Видит и несчастная нимфа Эхо, как страдает Нарцисс. Она по-прежнему любит его; страдания Нарцисса болью сжимают ей сердце.

— О, горе! — восклицает Нарцисс.

— Горе! — отвечает Эхо.

Наконец, измученный, слабеющим голосом воскликнул Нарцисс, глядя на свое отражение:

— Прощай!

И еще тише, чуть слышно прозвучал отклик нимфы Эхо:

— Прощай!

Склонилась голова Нарцисса на зеленую прибрежную траву, и мрак смерти покрыл его очи. Умер Нарцисс. Плакали в лесу младые нимфы, и плакала Эхо. Приготовили нимфы юному Нарциссу могилу, но когда пришли за его телом, то не нашли его. На том месте, где склонилась на траву голова Нарцисса, вырос белый душистый цветок — цветок смерти; нарцисс зовут его.

Там же.— С. 54—56.

Мифы о Геракле

Геракл — мифический герой, получеловек-полубог, сын верховного бога громовержца Зевса и смертной женщины Алкмены. Мифы о Геракле появились среди дорийцев — древнегреческих племен. Дорийцы, по преданиям, вели свое происхождение от Геракла. Ему преклонялись как богу солнца. Затем его начали почитать как героя всей Греции. Гераклу воздвигались статуи, посвящались святилища, рощи. О его подвигах была сложена целая серия мифов. Геракл стал одним из наиболее любимых древнегреческих героев. Его образ вошел в античную литературу, искусство, в наши дни является олицетворением силы. Наделенный необычайной силой, Геракл совершил множество подвигов, из которых наиболее известен цикл сказаний о 12 подвигах. Кроме того, Геракл освободил Прометея, победил Антея[1], сражался с кентаврами[2] и т. д. Подвиги героя прославляли труд, силу человека. Геракла почитали наравне со всеми богами и даже больше, так как он стоял ближе к людям, чем боги Олимпа.

Из мифов о подвигах Геракла мы узнаем о борьбе греков с природой, об их занятиях, орудиях труда, оружии, появлении неравенства между людьми, о происхождении названий некоторых городов, об учреждении Олимпийских игр и т. д.

---

[1] *Антей* — великан, сын Посейдона и богини земли Геи.

[2] *Кентавры* — в греческой мифологии лесные или горные демоны, полулюди, полукони.

14. Немейский лев (первый подвиг)

Аполлон велел Гераклу отправиться на родину его предков — в Тиринф[1] и двенадцать лет служить царю Микен Эврисфею. Устами пифии[2] сын Латоны[3] предсказал Гераклу, что он получит бессмертие, если исполнит по повелению Эврисфея двенадцать великих подвигов. Геракл поселился в Тиринфе и стал слугой слабого, трусливого Эврисфея. Эврисфей боялся могучего героя и не пускал его в Микены. Все приказания свои передавал он сыну Зевса в Тиринф через своего вестника — Копрея.

Гераклу недолго пришлось ждать первого поручения царя Эврисфея. Он поручил Гераклу убить немейского льва. Этот лев был чудовищной величины. Он жил около города Немея[4] и опустошал все окрестности. Геракл смело отправился на опасный подвиг. Прибыв в Немею, тотчас отправился он в горы, чтобы разыскать логовище льва. Нигде не видно было ни одной живой души: ни пастухов, ни земледельцев. Все живое бежало из этих мест в страхе перед ужасным львом. Долго искал Геракл по лесистым склонам гор и в ущельях логовище льва, наконец... нашел Геракл в мрачном ущелье логовище; оно находилось в громадной пещере, имевшей два выхода. Геракл завалил один из выходов громадными камнями и стал ждать льва, скрывшись за камнями. Совсем к вечеру, когда уже надвигались сумерки, показался чудовищный лев с длинной косматой гривой. Натянул тетиву своего лука Геракл и пустил одну за другой три стрелы во льва, но стрелы отскочили от его шкуры — она была тверда как сталь. Грозно зарычал лев, рычанье его раскатилось, подобно грому, по горам. Озираясь во все стороны, лев стоял в ущелье и искал горящими яростью глазами того, кто осмелился пустить в него стрелы. Но вот он увидел Геракла и бросился громадным прыжком на героя. Как молния сверкнула палица Геракла и громовым ударом обрушилась на голову льва. Лев упал на землю, оглушенный страшным ударом; Геракл бросился на льва, обхватил его своими могучими руками и задушил. Взвалив на свои могучие плечи убитого льва, Геракл вернулся в Немею, принес жертву Зевсу и учредил в память своего первого подвига немейские игры[5]. Когда Геракл принес убитого им льва в Микены, Эврисфей побледнел от страха, взглянув на чудовищного льва. Царь Микен понял, какой нечеловеческой силой обладает Геракл. Он запретил ему даже приближаться к воротам Микен; когда же Геракл приносил доказательства своих подвигов, Эврисфей с ужасом смотрел на них с высоких микенских стен.

Там же.— С. 137—138.

---

[1] *Тиринф* — город на Пелопоннесе.

[2] *Пифия* — жрица — предсказательница в святилище Аполлона в Дельфах.

[3] *Латона* — богиня, мать Аполлона.

[4] *Немея* — город в Арголиде, на северо-востоке Пелопоннеса.

[5] *Немейские игры* — общегреческие празднества в честь Зевса справлялись в Немейской долине в Арголиде каждые 2 года. Состязались в беге, борьбе, кулачном бою, бросании диска, копья, в беге колесниц.

15. Лернейская гидра (второй подвиг)

После первого подвига Эврисфей послал Геракла убить лернейскую гидру. Это было чудовище с телом змеи и девятью головами дракона. Жила гидра в болоте около города Лерны[1] и, выползая из своего логовища, уничтожала целые стада и опустошала все окрестности. Борьба с девятиголовой гидрой была опасна потому, что одна из голов ее была бессмертна. Отправился в путь к Лерне Геракл с сыном Ификла Иолаем. Прибыв к болоту у города Лерны, Геракл оставил Иолая с колесницей в близлежащей роще, а сам отправился искать гидру. Он нашел ее в окруженной болотом пещере. Раскалив докрасна свои стрелы, стал Геракл пускать их одну за другой в гидру. В ярость привели гидру стрелы Геракла. Она выползла, извиваясь покрытым блестящей чешуей телом, из мрака пещеры, грозно поднялась на своем громадном хвосте и хотела уже броситься на героя, но наступил ей сын Зевса ногой на туловище и придавил к земле. Своим хвостом гидра обвилась вокруг ног Геракла и силилась свалить его. Как непоколебимая скала стоял герой и взмахами своей тяжелой палицы одну за другой сбивал головы гидры. Как вихрь свистела в воздухе палица; слетали головы гидры, но гидра все-таки была жива. Тут Геракл заметил, что у гидры на месте каждой сбитой головы вырастают две новые... Тогда герой призвал на помощь своего друга Иолая. Иолай... зажег часть ближней рощи и горящими стволами деревьев прижигал гидре шеи, с которых Геракл сбивал своей палицей головы. Новые головы перестали вырастать у гидры... Наконец и бессмертная голова слетела у гидры. Чудовищная гидра была побеждена и рухнула мертвой на землю. Глубоко зарыл ее бессмертную голову победитель Геракл... Затем рассек великий герой тело гидры и погрузил в ее ядовитую желчь свои стрелы. С тех пор раны от стрел Геракла стали неизлечимыми. С великим торжеством вернулся Геракл в Тиринф.

Там же.— С. 138—139.

16. Стимфалийские птицы (третий подвиг)

Эврисфей поручил Гераклу перебить стимфалийских птиц. Чуть не в пустыню обратили эти птицы все окрестности аркадского[2] города Стимфала. Они нападали и на животных, и на людей и разрывали их своими медными когтями и клювами. Но самое страшное было то, что перья этих птиц были из твердой бронзы и птицы, взлетев, могли ронять их, подобно стрелам, на того, кто вздумал бы напасть на них. Трудно было Гераклу выполнить это поручение Эврисфея. На помощь ему пришла воительница Афина — Паллада[3]. Она дала Гераклу два медных тимпана[4], их выковал

---

[1] *Лерны* — город в Арголиде.

[2] *Аркадия* — область на Пелопоннесе.

[3] *Афина* — богиня-воительница, богиня мудрости.

[4] *Тимпан* — ударный музыкальный инструмент, имевший форму двух бронзовых чашек.

бог Гефест, и велела Гераклу встать на высоком холме у того леса, где гнездились стимфалийские птицы, и ударить в тимпаны; когда же птицы взлетят — перестрелять их из лука. Так и сделал Геракл. Взойдя на холм, он ударил в тимпаны, и поднялся такой оглушительный звон, что птицы громадной стаей взлетели над лесом и стали в ужасе кружиться над ним. Они дождем сыпали свои острые как стрелы перья на землю, но не попадали перья в стоявшего на холме Геракла. Схватил свой лук герой и стал разить птиц смертоносными стрелами. В страхе взвились за облака стимфалийские птицы и скрылись из глаз Геракла. Улетели птицы далеко за пределы Греции — на берега Эвксинского Понта и больше никогда не возвращались в окрестности Стимфала. Так исполнил Геракл это поручение Эврисфея и вернулся в Тиринф...

Там же.— С. 139—140.

17. Керинейская лань (четвертый подвиг)

Эврисфей знал, что в Аркадии живет чудесная керинейская лань, посланная богиней Артемидой в наказание людям. Лань эта опустошала поля. Ее-то и послал Эврисфей поймать Геракла и велел ему живой доставить ее в Микены... Подобно ветру, носилась она по горам и долинам Аркадии, не зная никогда усталости. Целый год преследовал Геракл керинейскую лань. Она неслась через горы, через равнины, прыгала через пропасти, переплывала реки... Отчаявшись поймать лань, Геракл прибег к своим не знающим промаха стрелам. Он ранил златорогую лань стрелой в ногу, и только тогда удалось ему поймать ее...

Великий сын громовержца Зевса принес живой в Микены керинейскую лань и отдал ее Эврисфею.

Там же.— С. 140—141.

18. Эриманфский кабан (пятый подвиг)

После охоты на медноногую лань, продолжавшейся целый год, недолго отдыхал Геракл. Эврисфей опять дал ему поручение: Геракл должен был убить эриманфского кабана. Этот кабан, обладавший чудовищной силой, жил на горе Эриманфе и опустошал окрестности города Псофиса[1]. Он не давал и людям пощады и убивал их своими огромными клыками. Геракл отправился к горе Эриманфу. Там в густом лесу он нашел грозного кабана и выгнал его криком из чащи. Долго преследовал кабана Геракл и, наконец, загнал его в глубокий снег на вершине горы. Кабан увяз в снегу, а Геракл, бросившись на него, связал его и отнес живым в Микены. Когда Эврисфей увидал чудовищного кабана, то от страха спрятался в большой бронзовый сосуд.

Там же. — С. 141—142.

---

[1] *Псофис* — гора и одноименный с ней город в Аркадии на Пелопоннесе.

19. Скотный двор царя Авгия (шестой подвиг)

В мифе говорится об учреждении Гераклом Олимпийских игр. На время игр во всей Греции объявлялся всеобщий мир. Олимпийские игры проводились раз в четыре года с 776 г. до н. э., пока в 394 г. н. э. их, как несовместимые с христианством, не запретил римский император Феодосий I.

Вскоре Эврисфей дал новое поручение Гераклу. Он должен был очистить от навоза весь скотный двор Авгия, царя Элиды[1], сына лучезарного Гелиоса. Бог солнца дал своему сыну неисчислимые богатства. Особенно многочисленны были стада Авгия. Среди его стад было триста быков с белыми, как снег, ногами, двести быков были красные, как сидонский пурпур, двенадцать быков, посвященные богу Гелиосу, были белые, как лебеди, а один бык, отличавшийся необыкновенной красотой, сиял, подобно звезде. Геракл предложил Авгию очистить в один день весь его громадный скотный двор, если он согласится отдать ему десятую часть своих стад. Авгий согласился. Ему казалось невозможным выполнить такую работу в один день. Геракл же сломал с двух противоположных сторон стену, окружавшую скотный двор, и отвел в него воду двух рек, Алфея и Пенея. Вода этих рек в один день унесла весь навоз со скотного двора, а Геракл опять сложил стены. Когда герой пришел к Авгию требовать награды, то гордый царь не отдал ему обещанной десятой части стад, и пришлось ни с чем вернуться в Тиринф Гераклу.

Страшно отомстил великий герой царю Элиды. Через несколько лет, уже освободившись от службы у Эврисфея, Геракл вторгся с большим войском в Элиду, победил в кровопролитной битве Авгия и убил его своей смертоносной стрелой. После победы собрал Геракл войско и всю богатую добычу у города Писы[2], принес жертвы олимпийским богам и учредил Олимпийские игры, которые и справлялись с тех пор всеми греками каждые четыре года на священной равнине, обсаженной самим Гераклом посвященными богине Афине — Палладе оливами.

Там же. — С. 142—143.

20. Критский бык (седьмой подвиг)

Чтобы выполнить седьмое поручение Эврисфея, Гераклу пришлось покинуть Грецию и отправиться на остров Крит. Ему поручил Эврисфей привести в Микены критского быка. Этого быка царю Крита Миносу, сыну Европы[3], послал колебатель земли Посейдон; Минос должен был принести быка в жертву Посейдону. Но Миносу жалко стало приносить в жертву такого прекрасного быка — он оставил его в своем стаде, а в жертву Посейдону принес одного из своих быков. Посейдон разгневался на Миноса и наслал на

---

[1] *Элида* — область на Пелопоннесе.
[2] *Писа* — город в Элиде на реке Алфей.
[3] *Европа* — дочь царя финикийского г. Сидона, похищенная и перенесенная на Крит превратившимся в быка Зевсом, его жена. Минос — их сын.

вышедшего из моря быка бешенство. По всему острову носился бык и уничтожал все на своем пути. Великий герой Геракл поймал быка и укротил. Геракл сел на широкую спину быка и переплыл на нем через море с Крита на Пелопоннес.

Там же. — С. 143—144.

21. Кони Диомеда (восьмой подвиг)

После укрощения критского быка Гераклу, по поручению Эврисфея, пришлось отправиться во Фракию к царю бистонов, Диомеду. У этого царя были дивной красоты и силы кони. Они были прикованы железными цепями в стойлах, так как никакие путы не могли удержать их. Диомед кормил этих коней человеческим мясом. Он бросал им на съедение всех чужеземцев, которые, гонимые бурей, приставали к его городу. К этому-то фракийскому царю и явился со своими спутниками Геракл. Он завладел конями Диомеда и увел их на свой корабль. На берегу настиг Геракла сам Диомед со своими воинственными бистонами. Поручив охрану коней своему любимцу Абдеру, сыну Гермеса, Геракл вступил в бой с Диомедом. Немного было спутников у Геракла, но все же побежден был Диомед и пал в битве. Геракл вернулся к кораблю. Как велико было его отчаяние, когда он увидел, что дикие кони растерзали его любимца Абдера. Геракл устроил пышные похороны своему любимцу, насыпал высокий холм на его могиле, а рядом с могилой основал город и назвал его в честь своего любимца Абдерой[1]. Коней же Диомеда Геракл привел к Эврисфею, а тот велел выпустить их на волю. Дикие кони убежали в горы Ликейона[2], покрытые густым лесом, и были там растерзаны дикими зверями.

Там же. — С. 144.

22. Пояс Ипполиты (девятый подвиг)

Девятым подвигом Геракла был его поход в страну амазонок за поясом царицы Ипполиты. Этот пояс подарил Ипполите бог войны Арес, и она носила его как знак своей власти над всеми амазонками. Дочь Эврисфея Адмета, жрица богини Геры[3], хотела непременно иметь этот пояс. Чтобы исполнить ее желание, Эврисфей послал за поясом Геракла. Собрав небольшой отряд героев, великий сын Зевса отправился в далекий путь на одном только корабле. Хотя и невелик был отряд Геракла, но много славных героев было в этом отряде, был в нем и великий герой Аттики Тесей.

Далекий путь предстоял героям. Они должны были достигнуть

---

[1] *Абдера* — город в Северной Фракии (область на востоке Балканского полуострова, между Эгейским, Черным и Мраморным морями).

[2] *Горы Ликейона* — на Пелопоннесе.

[3] *Гера* — жена Зевса, царица богов и богинь, покровительница брака.

самых дальних берегов Эвксинского Понта[1], так как там находилась страна амазонок[2] со столицей Фемискирой...

Слава о подвигах сына Зевса давно уже достигла страны амазонок. Поэтому, когда корабль Геракла пристал к Фемискире, вышли амазонки с царицей навстречу герою. Они с удивлением смотрели на великого сына Зевса, который выделялся, подобно бессмертному богу, среди своих спутников-героев. Царица Ипполита спросила великого героя Геракла:

— Славный сын Зевса, скажи мне, что привело тебя в наш город? Мир несешь ты нам или войну?

Так ответил царице Геракл:

— Царица, не по своей воле пришел я сюда с войском, совершив далекий путь по бурному морю; меня прислал властитель Микен, Эврисфей. Дочь его Адмета хочет иметь твой пояс, подарок бога Ареса. Эврисфей поручил мне добыть твой пояс!

Не в силах была ни в чем отказать Гераклу Ипполита. Она была уже готова добровольно отдать ему пояс, но великая Гера, желая погубить ненавистного ей Геракла, приняла вид амазонки, вмешалась в толпу и стала убеждать воительниц напасть на войско Геракла.

— Неправду говорит Геракл,— сказала Гера амазонкам,— он явился к вам с коварным умыслом: герой хочет похитить вашу царицу Ипполиту и увести ее рабыней в свой дом.

Амазонки поверили Гере. Схватились они за оружие и напали на войско Геракла... Побеждены были грозные воительницы, их войско обратилось в бегство, многие из них пали от руки преследовавших их героев. Заключили мир амазонки с Гераклом. Ипполита купила свободу могучей Меланиппы ценой своего пояса, Антиопу же герои увезли с собой. Геракл отдал ее в награду Тесею за его великую храбрость. Так добыл Геракл пояс Ипполиты.

Там же. — С. 147—149.

23. Кербер (одиннадцатый подвиг)

Едва Геракл вернулся в Тиринф, как уже снова послал его на подвиг Эврисфей. Это был уже одиннадцатый подвиг, который должен был совершить Геракл на службе у Эврисфея. Невероятные трудности пришлось преодолеть Гераклу во время этого подвига. Он должен был спуститься в мрачное, полное ужасов подземное царство Аида и привести к Эврисфею стража подземного царства, ужасного адского пса Кербера. Три головы было у Кербера, на шее у него извивались змеи, хвост у него оканчивался головой дракона с громадной пастью. Геракл отправился в Лаконию и через мрачную пропасть у Тэнара[3] спустился во мрак подземного царства.

---

[1] *Понт Эвксинский* — море гостеприимное, так называли греки Черное море.

[2] *Амазонки* — мифические воинственные женщины, жившие в Северном Причерноморье близ Черного моря.

[3] *Тэнар* — мыс, южная оконечность Пелопоннеса.

Долго искал Геракл Кербера по подземному царству. Наконец, он нашел его на берегах Ахеронта (река), Геракл обхватил своими руками, крепкими, как сталь, шею Кербера. Грозно завыл пес Аида; все подземное царство наполнилось воем. Он силился вырваться из объятий Геракла, но только крепче сжимали могучие руки героя шею Кербера. Обвил хвост свой Кербер вокруг ног героя, впилась голова дракона своими зубами ему в тело, но все напрасно. Наконец, полузадушенный пес Аида упал к ногам героя. Геракл укротил его и повел из царства мрака в Микены. Испугался дневного света Кербер; весь покрылся он холодным потом, ядовитая пена капала из трех его пастей на землю; всюду, куда капнула хоть капля пены, вырастали ядовитые травы.

Геракл привел к стенам Микен Кербера. В ужас пришел трусливый Эврисфей при одном взгляде на страшного пса. Чуть не на коленях молил он Геракла отвести обратно в царство Аида Кербера. Геракл исполнил его просьбу и вернул Аиду его страшного стража Кербера.

Там же. — С. 152—153.

24. Яблоки Гесперид (двенадцатый подвиг)

Самым трудным подвигом Геракла на службе у Эврисфея был его последний, двенадцатый подвиг. Он должен был отправиться к великому титану Атласу, который держит на плечах небесный свод, и достать из его садов, за которыми смотрели дочери Атласа Геспериды, три золотых яблока. Яблоки эти росли на золотом дереве... Чтобы совершить этот подвиг, нужно было прежде всего узнать путь в сады Гесперид, охраняемые драконом, никогда не смыкавшим глаз сном.

Никто не знал пути к Гесперидам и Атласу. Долго блуждал Геракл по Азии и Европе, прошел он и все страны, которые проходил раньше по пути за коровами Гериона; всюду Геракл расспрашивал о пути, но никто не знал его. В своих поисках зашел он на самый крайний север, к вечно катящей свои бурные беспредельные воды реке Эридану. На берегах Эридана с почетом встретили сына Зевса прекрасные нимфы и дали ему совет, как узнать путь в сады Гесперид. Геракл должен был напасть врасплох на морского вещего старца Нерея, когда он выйдет на берег из морской пучины, и узнать у него путь к Гесперидам; кроме Нерея, никто не знал этого пути. Геракл напал на морского бога. Трудна была борьба с морским богом. Чтобы освободиться от железных объятий Геракла, Нерей принимал всевозможные виды, но все-таки не выпускал его герой. Наконец, он связал утомленного Нерея, и морскому богу пришлось, чтобы получить свободу, открыть Гераклу тайну пути в сады Гесперид. Узнав эту тайну, сын Зевса отпустил морского старца и отправился в далекий путь.

Опять пришлось ему идти через Ливию. Здесь встретил он великана Антея, сына Посейдона, бога морей и богини земли

Геи... Антей заставлял всех путников бороться с ним и всех, кого побеждал в борьбе, немилосердно убивал. Великан потребовал, чтобы и Геракл боролся с ним. Никто не мог победить Антея в единоборстве, не зная тайны, откуда великан получал во время борьбы все новые и новые силы. Тайна же была такова: когда Антей чувствовал, что начинает терять силу, он прикасался к земле, своей матери, и обновлялись его силы, он черпал их у своей матери, великой богини земли. Но стоило только оторвать Антея от земли и поднять его на воздух, как исчезали его силы. Долго боролся Геракл с Антеем, несколько раз он валил его на землю, но только прибавлялось силы у Антея. Вдруг во время борьбы поднял могучий Геракл Антея высоко на воздух, иссякли силы сына Геи, и Геракл задушил его...

Много еще пришлось встретить Гераклу на пути своем опасностей, пока не достиг он края земли, где стоял великий титан Атлас. С изумлением смотрел герой на могучего титана, державшего на своих широких плечах весь небесный свод.

— О, великий титан Атлас! — обратился к нему Геракл,— я — сын Зевса, Геракл. Меня прислал к тебе Эврисфей, царь богатых золотом Микен. Эврисфей повелел мне достать у тебя три золотых яблока с золотого дерева в садах Гесперид.

— Я дам тебе три яблока, сын Зевса,— ответил Атлас. Ты же, пока я буду ходить за ними, должен встать на мое место и держать на плечах своих небесный свод.

Геракл согласился. Он встал на место Атласа. Невероятная тяжесть опустилась на плечи сына Зевса. Он напряг все свои силы и удержал небесный свод. Страшно давила тяжесть на могучие плечи Геракла. Он согнулся под тяжестью неба, его мускулы вздулись, как горы, пот покрыл все его тело от напряжения, но нечеловеческие силы и помощь богини Афины дали ему возможность держать небесный свод до тех пор, пока не вернулся Атлас с тремя золотыми яблоками. Вернувшись, Атлас сказал герою:

— Вот три яблока, Геракл...

Геракл... вернулся к Эврисфею и отдал ему золотые яблоки.

После своего двенадцатого подвига Геракл освободился от службы у Эврисфея. Теперь он мог вернуться в семивратные Фивы.

Там же. — С. 153—156.

ТЕМА 2. УСТАНОВЛЕНИЕ РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКОГО СТРОЯ И ОБРАЗОВАНИЕ ГОРОДОВ-ГОСУДАРСТВ В ГРЕЦИИ В VIII—VI ВВ. ДО Н. Э.

С конца IX в. до н. э. происходит становление раннего рабовладельческого общества. В это время образуются многие города-государства — полисы. Самые крупные из них — Афины и Спарта.

Материал данной темы представляет собой отрывки из произведений античных

авторов, которые характеризуют экономику и общественный строй Афинского и Спартанского государства в VIII—VI вв. до н. э., а также греческую колонизацию того времени.

§ 1. СОЦИАЛЬНАЯ БОРЬБА И ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СТРОЙ АТТИКИ В VII В. ДО Н. Э.

1. Реформы Солона

Аристотель. Афинская полития

Реформы Солона являются крупной вехой в истории Греции. Важна не только социальная борьба демоса и аристократии, но и торжество частной рабовладельческой собственности над знатностью рода, в связи с этим рост ремесла и торговли, введение новых мер веса, новых денег.

Ф. Энгельс характеризует реформы Солона следующим образом: «Солон... открыл ряд так называемых политических революций, причем сделал это вторжением в отношения собственности»[1].

Аристотель, знаменитый философ и ученый Древней Греции, живший в 384—322 гг. до н. э., написал трактат «Афинская полития», содержащий описание государственного строя Афин. Дело в том, что Аристотель задумал написать работу о государственном устройстве вообще — «Политику». Но он хотел написать это произведение, основываясь на конкретном материале. Поэтому он распределил между своими учениками описания 158 государств Греции, на себя же он взял Афинское государство — «Афинскую политию». Она была потеряна и существовала только в отрывках в произведениях других античных авторов. Но в конце XIX в. она была найдена при постройке Суэцкого канала в песках Египта.

2. ...В течение долгого времени происходили раздоры между знатью и народом (2). Надо иметь в виду, что вообще государственный строй был олигархическим[2], но главное было то, что бедные находились в порабощении не только сами, но также их дети и жены. Назывались они пелатами и шестидольниками, потому что на таких арендных условиях обрабатывали поля богачей. Вся же вообще земля была в руках немногих. При этом, если эти бедняки не отдавали арендной платы, можно было увести в кабалу и их самих, и детей. Да и ссуды у всех обеспечивались личной кабалой вплоть до времени Солона. Он первый сделался простатом народа. Конечно, из тогдашних условий государственной жизни самым тяжелым и горьким для народа было рабское положение. Впрочем, и всем остальным он был тоже недоволен, потому что ни в чем, можно сказать, не имел своей доли.

5. Ввиду того что существовал такой государственный порядок и большинство народа было в порабощении у немногих, народ восстал против знатных. Смута была сильная, и долгое время одни боролись против других; наконец, они избрали сообща посредником и архонтом Солона и поручили ему устройство государства, после того как он сочинил элегию, начинавшуюся словами:

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч.— 2-е изд.— Т. 21.— С. 114—115.
[2] *Олигархия* — власть немногих.

Да, понимаю, и в сердце глубоко кручина запала:
Вижу, как клонится ниц первая прежде страна
Меж Ионийских земель.

В ней он нападает на обе партии, защищая в то же время одну от другой, разбирает весь спор, а после этого убеждает одинаково тех и других прекратить возникший раздор.

(3) По происхождению и по известности Солон принадлежит к первым людям в государстве, по состоянию же и по своему складу жизни — к средним...

И вообще виновниками этой смуты он всегда выставляет богатых. Потому и в начале своей элегии он говорит, что боится «как сребролюбья людей, так и надменности их», значит, предполагает, что из-за этого и возникла вражда.

6. Взяв дела в свои руки, Солон освободил народ и в текущий момент, и на будущее время, воспретив обеспечивать ссуды личной кабалой. Затем он издал законы и произвел отмену долгов, как частных, так и государственных, что называют сисахфией, потому что люди как бы стряхнули с себя бремя. Насчет этого некоторые пытаются клеветать на него. Именно случилось так, что, когда Солон собирался произвести сисахфию, он рассказал об этом некоторым из своих знакомых и после, как говорят демократы, был обманут друзьями; по словам же тех, которые хотят очернить Солона, он и сам принимал в этом участие. Они будто бы, заняв денег, скупили на них много земли, а когда вскоре после этого состоялась отмена долгов, оказались богачами. Вот из их-то среды и вышли, говорят, те люди, которые впоследствии слыли за «исконных богачей». Однако более правдоподобен рассказ демократов. В самом деле, раз во всех отношениях человек оказался настолько умеренным и беспристрастным, что, имея возможность привлечь к себе одну сторону и, таким образом, сделаться тираном в государстве, вместо этого вызвал ненависть к себе обеих сторон и благо и спасение государства предпочел личным выгодам; то неправдоподобно, чтобы этот человек стал марать себя в таких мелких и ничтожных делах.

7. Государственный строй, который установил Солон, и законы, которые он издал, были новые; законы же Драконта перестали применять, за исключением законов об убийствах. Написав эти законы на кирбах, афиняне оставили их в «царском портике», и все поклялись их соблюдать. Девять же архонтов, принося присягу у камня[1], давали обет посвятить золотую статую, если преступят какой-нибудь из законов. Вот почему они и теперь еще дают такую клятву.

(2) Солон установил эти законы на сто лет и дал государству следующее устройство. На основании оценки имущества он ввел разделение на четыре класса, каковое разделение было уже и раньше,— на пентакосиомедимнов, всадников, зевгитов и фе-

[1] Священный камень на городской площади.

тов[1]. Притом все вообще должности он предоставил исполнять гражданам из пентакосиомедимнов, всадников и зевгитов — должности девяти архонтов, казначеев, полетов, одиннадцати колакретов[2]. Каждому классу он предоставил должность сообразно с величиной имущественной оценки, а тем, которые принадлежат к классу фетов, дал участие только в народном собрании и судах.

(4) К пентакосиомедимнам должен был принадлежать всякий, кто со своей земли получает 500 мер в совокупности сухих и жидких продуктов, к всадникам — получающие 300 или, по утверждению некоторых, такие люди, которые могли содержать коня. В доказательство они приводят, во-первых, название этого класса, установившееся будто бы от этого факта, а во-вторых, древние посвящения. На Акрополе, например, стоит изображение, на котором написано следующее:

Дифилов, Анфемион, дар сей богам посвятил,
Как из простых батраков всадником сделался он.

И возле стоит конь, явно свидетельствуя о том, что всаднический ценз имеет в виду этот признак. Впрочем, вернее, что этот класс характеризовался по количеству мер дохода, так же как класс пентакосиомедимнов. К классу зевгитов должны были принадлежать те, которые получали 200 мер того и другого вместе, а остальные — к классу фетов, и эти последние не имели доступа ни к какой государственной должности. Поэтому и теперь, когда председательствующий спросит у человека, который хочет избираться по жребию на какую-нибудь должность, к какому классу он принадлежит, никто не скажет, что к фетам.

8. Высшие должности Солон сделал избирательными по жребию из числа предварительно выбранных, которых намечала каждая из фил. Намечала же в коллегию девяти архонтов каждая из десятерых, и между ними бросали жребий. Вследствие этого еще и теперь остается за филами такой порядок, что каждая избирает по жребию десятерых, а затем из этого числа баллотируют бобами. Доказательством же, что высшие должности Солон сделал выборными по жребию из людей, обладающих цензом, может служить закон о казначеях, который продолжает оставаться в силе еще и теперь: он повелевает избирать казначеев по жребию из пентакосиомедимнов. Вот какие законы издал Солон относительно высших должностей. (В старину совет Ареопага приглашал к себе кандидата и, обсудив в своей среде его кандидатуру, назначал на каждую из должностей подходящего человека на год, после чего отпускал его.)

(3) Что касается фил, то их было четыре, как и раньше, и четыре филобасилевса. Каждая фила разделялась на три триттии

[1] *Пентакосиомедимны* — землевладельцы, которые имеют урожай 500 медимнов со своего участка. *Медимн* — мера вместимости, около 52 л. *Всадники* имели не менее 300 медимнов урожая, *зевгиты*, т. е. владельцы повозки и двух быков,— не менее 200 медимнов, а *феты* — граждане, которые имели урожай менее 200 медимнов.

[2] *Колакреты* в V в. до н. э. ведали финансами.

и, кроме того, на 12 навкрарий. Во главе навкрари стоял «навкрар»; эта должность была установлена для приема поступающих взносов и для ведения текущих расходов. Поэтому и в законах Солона, которые теперь уже вышли из употребления, во многих местах значится: «взыскивать предоставляется навкрарам» и «расход производить из навкрарских сумм».

(4) Далее, он учредил Совет четырехсот, по сто из каждой филы, а совету ареопагитов назначил охранять законы; как и прежде, он имел надзор за государственным порядком, причем он обязан был не только следить вообще за большинством самых важных государственных дел, но, между прочим, и привлекать к ответственности виновных, имея власть налагать взыскания и кары, причем штрафы вносили в «город», не указывая, по какому поводу платится штраф. Наконец, он судил тех, кто составлял заговор для низвержения демократии, в силу того что Солон издал закон о внесении относительно их чрезвычайного заявления.

9. Итак, что касается высших должностей, то дело обстояло таким образом. По-видимому, вот какие три пункта в солоновском государственном устройстве являются наиболее демократичными: первое и самое важное — отмена личной кабалы в обеспечение ссуд; далее — предоставление всякому желающему возможности выступать истцом за потерпевших обиду; третье, отчего, как утверждают, приобрела особенную силу народная масса,— апелляция к народному суду. И действительно, раз народ участвует в голосовании, он становится властелином государства.

(2) Вместе с тем, так как законы не были записаны просто и ясно, но так же как закон о наследствах и наследницах, то неизбежно возникало много споров, и решать все дела — и общественные и частные — приходилось суду. Некоторые думают, что Солон нарочно сделал законы неясными, чтобы решение дел зависело от народа. Однако это предположение неправдоподобно, а скорее этот факт объясняется тем, что он не умел в общей форме выразить наилучшее. Несправедливо, в самом деле, судить о его намерении с точки зрения теперешних условий, но надо рассматривать его на основании всего вообще введенного им государственного порядка.

10. Итак, вот те пункты в законах Солона, которым он, по-видимому, придал демократический характер. Но раньше законодательства он произвел отмену долгов, а после всего этого увеличение мер, весов и монеты.

11. Когда Солон устроил государство таким, как сказано, образом, к нему стали то и дело обращаться с докучливыми разговорами о законах, одни пункты порицая, а другие расспрашивая. Ввиду этого он, не желая ни изменять их, ни навлекать на себя вражды, оставаясь в своем отечестве, предпринял путешествие в Египет отчасти по торговым делам, отчасти из любознательности, сказав, что не вернется в течение 10 лет. Он не считал себя вправе, если бы лично присутствовал, истолковывать законы, но думал, что каждый обязан исполнять написан-

ное. А вместе с тем многие из знати сделались его противниками вследствие отмены долгов. И обе партии переменили свое отношение к нему оттого, что установленный им порядок не оправдал их ожиданий. Именно народ рассчитывал, что он произведет передел всего, а знатные — что он вернет прежний порядок или только немного его изменит. Но Солон воспротивился тем и другим и, хотя имел возможность, вступив в соглашение с любой партией, достичь тирании, предпочел навлечь на себя ненависть тех и других, но зато спасти отечество и дать наилучшие законы.

12. Что это было именно таким образом, об этом все говорят в один голос, да и сам Солон в своих произведениях упоминает в следующих выражениях:

Да, я народу почет предоставил, какой ему нужен,—
Не сократил его прав, не дал и лишних зато.
Также подумал о тех я, кто силу имел и богатством
Славился,— чтоб никаких им не чинилось обид.
Встал я, могучим щитом своим тех и других прикрывая,
И никому посягать не дал на право других.

Так же и об отмене долгов и о людях, порабощенных сначала, а после освобожденных благодаря сисахфии:

Какой ж я из тех задач не выполнил,
Во имя коих я тогда сплотил народ?
О том всех лучше перед Времени судом
Сказать могла б из олимпийцев высшая —
Мать черная Земля, с которой снял тогда
Столбов поставленных я много долговых,
Рабыня прежде, ныне же свободная.
На родину, в Афины, в богоданный град
Вернул я многих, в рабство проданных,
Кто правдой, кто по праву, от нужды иных
Безвыходной бежавших, уж забывших речь
Аттическую — странников таков удел,—
Иных еще, в позорном рабстве бывших здесь
И трепетавших перед прихотью господ,
Всех я освободил. А этого достиг
Закона властью, силу с правом сочетав,
И так исполнил все я, как обещал.
Законы я простому с знатным наравне,
Для каждого прямую правду указав,
Так писал. А если б кто другой, как я,
Стрекало взял — недобрый, алчный человек,—
Народа б не сдержал он? Если б я хотел
Того, что нравилось тогда противникам,
Потом того, что указали б их враги,
Тогда мужей бы многих наш лишился град.
Затем-то, на борьбу все мужество собрав,
Я, точно волк, вертелся среди стаи псов.

Хрестоматия по истории Древней Греции/ Под ред. Д. П. Каллистова. — М., 1964. — С. 140, 143—149.

§ 2. СПАРТАНСКОЕ ГОСУДАРСТВО

Самым сильным государством Греции в эпоху VIII—VI вв. до н. э. являлась Спарта. Она была основана во время дорийского переселения дорийцами, но в ней жило и местное население — ахейцы, которые были порабощены. Местное население называлось илотами и жило фактически в рабской зависимости.

Завоеватели-дорийцы назывались спартиатами и жестоко эксплуатировали илотов. Эта была неразвитая примитивная форма рабства.

Главная задача спартиатов состояла в том, чтобы удержать в повиновении илотов, которых было в несколько раз больше, чем спартиатов. Благодаря этому Спарта была фактически военизированным государством, в котором все было направлено на поддержку военной мощи страны. Этой целью определялась вся жизнь и воспитание спартанцев. Приведенные ниже отрывки из работ античных авторов (Страбона, Плутарха, Ксенофонта) характеризуют классовую борьбу, спартанские учреждения, жизнь и воспитание спартанцев.

2. Происхождение илотов

Знаменитый географ античного мира Страбон (64/63 г. до н. э. — 23/24 г. н. э.) в своей «Географии» описывает не только природу — реки, моря, горы и т. д., но и дает сведения о народах, живущих в различных странах, и об их истории.

VIII. 4. Эфор[1] сообщает, что Гераклиды[2] — Еврисфен и Прокл, захватив Лаконику, разделили ее на шесть частей и заложили в этой области основы городской и государственной жизни... Все периэки подчинялись спартанцам, но пользовались общими законами и принимали участие в государственных делах и учреждениях. Сын Еврисфена Агис[3] лишил их равенства в правах и повелел им платить Спарте подати. Все периэки подчинились этому приказу, гелеи же, во владении которых находился Гелос (и называются они илоты), подняли восстание; их захватили и обратили в рабов, правда, с некоторыми ограничениями: владелец не мог ни освободить их, ни продать за границу. Эта война была названа войной против илотов. Илотию установили Агис и его сподвижники, и просуществовала она вплоть до римского завоевания. Спартанцы имели в лице илотов род общественных рабов, отведя им поселения и определив повинности...

Там же. — С. 118—119.

3. Реформы Ликурга[4]

Плутарх. Ликург, V

Греческий писатель и философ Плутарх жил в 46—127 гг. н. э. Особенно он прославился своими параллельными биографиями, где на основании исторических источников описал жизнь выдающихся лиц: одного из греческой истории, другого — из римской. Ниже приведены отрывки из жизнеописания Ликурга.

Из многочисленных нововведений Ликурга первым и самым главным был Совет старейшин. В соединении с горячечной и воспаленной, по слову Платона, царской властью, обладая равным с ней правом голоса при решении важнейших дел, этот Совет стал залогом благополучия и благоразумия. Государство, которое носилось из стороны в сторону, склоняясь то к тирании, когда победу одерживали цари, то к полной демократии, когда верх брала

---

[1] *Эфор* — известный историк IV в. до н. э. Его произведения не сохранились, они дошли до нас только в отрывках.

[2] *Гераклиды* — дорийский род, по легенде происходивший от героя Геракла.

[3] *Агис* — мифический спартанский царь, правивший примерно в VIII—VII вв. до н. э.

[4] *Ликург* — государственный деятель и законодатель Спарты, многие считают его вымышленной личностью.

толпа, положив посредине, точно балласт в трюме судна, власть старейшин, обрело равновесие, устойчивость и порядок: двадцать восемь старейшин теперь постоянно поддерживали царей, оказывая сопротивление демократии, но в то же время помогали народу хранить отечество от тирании.

Плутарх. Сравнительные жизнеописания в трех томах. — М., 1961. — Т. I. — С. 57.

4. Криптии

Плутарх, Ликург, XXVIII

Вот как происходили криптии. Время от времени власти отправляли бродить по окрестностям молодых людей, считавшихся наиболее сообразительными, снабдив их только короткими мечами и самым необходимым запасом продовольствия. Днем они отдыхали, прячась по укромным уголкам, а ночью, покинув свои убежища, умерщвляли всех илотов, каких захватывали на дорогах. Нередко они обходили и поля, убивая самых крепких и сильных илотов. Фукидид в «Пелопонесской войне» рассказывает, что спартанцы выбрали отличившихся особою храбростью илотов и те, с венками на голове, словно готовясь получить свободу, посещали храм за храмом, но немного спустя все исчезли,— а было их более двух тысяч,— и ни тогда, ни впоследствии никто не мог сказать, как они погибли. Аристотель особо останавливается на том, что эфоры, принимая власть, первым делом объявляли войну илотам, дабы узаконить убийство последних. И вообще спартанцы обращались с ними грубо и жестоко. Они заставляли илотов пить несмешанное вино, а потом приводили их на общие трапезы, чтобы показать молодежи, что такое опьянение. Им приказывали петь дрянные песни и танцевать смехотворные танцы, запрещая развлечения, подобающие свободному человеку.

Там же. — С. 74.

5. Воспитание спартиатов

Плутарх. Ликург, XVI

Кормилицы были заботливые и умелые, детей не пеленали, чтобы дать свободу членам тела, растили их неприхотливыми и не разборчивыми в еде, не боящимися темноты или одиночества, не знающими, что такое своеволие и плач. Поэтому иной раз даже чужестранцы покупали кормилиц родом из Лаконии... Между тем спартанских детей Ликург запретил отдавать на попечение купленным за деньги или нанятым за плату воспитателям, да и отец не мог воспитывать сына, как ему заблагорассудится. Едва мальчики достигали семилетнего возраста, Ликург отбирал их у родителей и раздавал по отрядам, чтобы они вместе жили и ели, приучаясь играть и трудиться друг подле друга. Во главе отряда он ставил того, кто превосходил прочих сообразительностью и был храбрее всех в драках. Остальные равнялись на него, исполняли его приказы и молча терпели наказания, так что главным следствием такого образа жизни была привычка повиноваться. За играми

детей часто присматривали старики и постоянно ссорили их, стараясь вызвать драку, а потом внимательно наблюдали, какие у каждого от природы качества — отважен ли мальчик и упорен ли в схватках. Грамоте они учились лишь в той мере, в какой без этого нельзя было обойтись, в остальном же все воспитание сводилось к требованиям беспрекословно подчиняться, стойко переносить лишения и одерживать верх над противником. С возрастом требования делались все жестче: ребятишек коротко стригли, они бегали босиком, приучались играть нагими. В двенадцать лет они уже расхаживали без хитона, получая раз в год по гиматию, грязные, запущенные; бани и умащения были им незнакомы — за весь год лишь несколько дней они пользовались этим благом. Спали они вместе, по илам и отрядам, на подстилках, которые сами себе приготовляли, ломая голыми руками метелки тростника на берегу Эврота.

Там же. — С. 66.

6. Ксенофонт о быте спартиатов

По своим политическим убеждениям Ксенофонт (ок. 430—355/354 гг. до н. э.) был сторонником аристократии, идеализировал спартанский государственный строй.

5. Какой образ жизни Ликург предписал для каждого возраста, сказано уже достаточно. Теперь я попытаюсь рассказать, какой образ жизни он предписал всем спартанским гражданам. Заметив, что тот порядок, который он застал у спартанцев, когда они, как все остальные эллины, питались у себя, ведет к изнеженности и беззаботности. Ликург ввел совместные трапезы. Он заставил питаться на глазах у всех, полагая, что при этом будет меньше нарушений предписанных законов. Он установил такое количество продовольствия, чтобы оно не вело к излишествам, но и не было бы недостаточным. К этому часто добавляется охотничья добыча, богатые иногда заменяют хлеб пшеничным. Таким образом, когда спартанцы совместно обедают в палатках, стол у них никогда не бывает ни лишенным яств, ни роскошным. Что касается напитков, то Ликург, запретив чрезмерные попойки, расслабляющие душу и тело, разрешил спартанцам пить лишь для утоления жажды, считая, что напиток тогда безвреднее и всего приятнее. Как при совместном питании можно было нанести вред себе и своему хозяйству пьянством и чревоугодием? В остальных государствах люди большей частью проводят время со своими сверстниками, так как с ними они чувствуют себя свободнее. Ликург же смешал в Спарте все возрасты, считая, что молодые могут многому научиться на опыте старших. На филитиях было принято рассказывать о подвигах, совершенных в государстве, так что в Спарте чрезвычайно редко встречается заносчивость, пьяные выходки, позорные поступки и сквернословие. Питание вне дома приносит еще и такую пользу: люди, возвращающиеся домой, вынуждены совершать прогулку: они должны думать о том, чтобы не напиться

пьяным, зная, что не могут оставаться там, где обедали. Им известно, что придется идти в темноте, как днем, без фонаря, так как тем, кто несет военную службу, нельзя ходить при свете факела. Ликург обратил внимание на то, что при одинаковом питании люди, занимающиеся физическими упражнениями, имеют хороший цвет лица, рост и сложение, а бездельники становятся одутловатыми, слабыми и уродливыми. Ликург не оставил этого без внимания; он также заметил, что те, кто трудится охотно и в свое удовольствие, имеет здоровое тело. Поэтому он предписал старшему из находящихся в гимнасии следить, чтобы упражнения посещавших его всегда соответствовали их питанию. Мне кажется, что в этом вопросе он не ошибся.

Хрестоматия по истории Древней Греции/ Под ред. Д. П. Каллистова. — М., 1964. — С. 135—136.

§ 3. КОЛОНИЗАЦИЯ ГРЕКАМИ МОРСКИХ ПОБЕРЕЖИЙ

Великая греческая колонизация, как ее обычно называют, происходила в VIII—VI вв. до н. э. Правда, некоторые колонии были основаны и позже, но именно в это время она носила массовый характер. О ее причине К. Маркс писал следующее: «Недостаточное развитие производительных сил ставило права гражданства в зависимость от определенного количественного соотношения, которое нельзя было нарушать. Единственным спасением была вынужденная эмиграция»[1].

Обычно люди, желающие ехать на новые места, объединялись и, выбрав руководителя — ойкиста, отправлялись на кораблях основывать колонию. Приходилось испытывать ряд трудностей: морские бури, подозрительное, а иногда и враждебное отношение местных племен и др. Но зато колония, которую основывали, была совершенно самостоятельным городом-государством.

Колонизация сначала шла по берегам Средиземного моря — на Пиренейский полуостров, на северные берега Африки, а затем на северные берега Эгейского моря, в Мраморное и Черное моря. На территории Северного Причерноморья также было основано много греческих колоний: Тира, Ольвия, Керкинитида, Херсонес, Пантикапей, а на Кавказском побережье — Фанагория, Кепы, Патрей, Горгиппия, Баты, Питиус, Диоскуриада и Фасис.

Основание колоний способствовало эллинизации разных племен и народов.

7. Фукидид о причинах эллинской колонизации

...В Аттике же при скудости ее почвы очень долго не было гражданских междоусобиц, и в этой стране всегда жило одно и то же население. И вот одно из важнейших проявлений того, что в других областях Эллады из-за переселений[2] число жителей возрастало неодинаково по сравнению с Аттикой: самые могущественные изгнанники из всей Эллады стекались в Афины, где они чувствовали себя в безопасности. Получая права гражданства, эти пришельцы настолько увеличили уже с древних времен население города, что афиняне впоследствии высылали поселения даже в Ионию[3], поскольку сама Аттика была недостаточно обширна, чтобы вместить такое множество народа.

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч.— 2-е изд.— Т. 8.— С. 567—568.
[2] Здесь подразумевается дорийское переселение.
[3] *Иония* — западное побережье Малой Азии.

I. 12. Лишь постепенно, на протяжении долгого времени установилось прочное спокойствие, так как насильственные переселения прекратились и эллины стали высылать колонии в заморские страны. Так, афиняне заселили Ионию и множество островов, Италию же и Сицилию — большей частью пелопоннесцы, так же как и некоторые области в остальной Элладе. Все эти поселения были основаны уже после Троянской войны.

Фукидид. История. — Л., 1981. — С. 6—10.

8. Взаимоотношения Ольвии и Милета

Ольвия была основана Милетом. В документе приводится пример взаимоотношений метрополии и основанной ею колонии. Надпись датируется между 334—325 гг. до н. э.

Следующие отчие обычаи у ольвиополитов и милетцев: милетец в городе Ольвии, как ольвиополит, да приносит жертвы на тех же самых алтарях, и да имеет доступ в те же самые святилища на тех же самых основаниях, как ольвиополиты, да будут права свободы от налогов у милетцев на тех же основаниях, как и прежде были. Если же он пожелает отправлять государственные должности, да явится он на совет, и, записавшись, да отправляет (их), и да будет он повинен налогом, как и остальные граждане...

...Если же будет у милетца тяжба в Ольвии, да пользуется он правосудием и да получает решение в пятидневный срок в отделении суда, где разбираются дела граждан. Да будут свободны от податей все милетцы, кроме тех, которые имеют права гражданства в другом городе и принимают участие в управлении и в судах. На тех же (условиях) и ольвиополиты в Милете да будут свободны от налогов, и да пользуются ольвиополиты остальным таким же образом в Милете, как и милетцы в городе Ольвии.

Хрестоматия по истории древнего мира/ Под ред. В. В. Струве. — М., 1951. — Т. 2. — С. 311—312.

ТЕМА 3. РАЗВИТИЕ РАБСТВА В ГРЕЦИИ И ВОЗВЫШЕНИЕ АФИН В V В. ДО Н. Э.

В первой половине V в. до н. э. Греция отстаивала свою самостоятельность в упорной и напряженной борьбе с самым крупным и сильным государством того времени — Персией.

Эта борьба и победа Греции показали ее полное превосходство (экономическое, политическое и военное) над своим, казалось бы, непобедимым противником.

Но вместе с тем эта победа важна для дальнейшего развития греческой экономики и культуры. Это развитие, а затем расцвет базировались на античной форме рабства. Труд рабов начал широко использоваться как в сельском хозяйстве, так и в ремесле. В каждой мастерской работали свободные и рабы, выполнявшие главным образом те операции, которые требовали большой физической силы: они заготовляли топливо, месили глину и т. д. Иногда,

впрочем, они выполняли и квалифицированную работу, например, расписывали вазы. Широко применялся труд рабов в сельском хозяйстве и особенно в горном деле.

Юридически раб рассматривался как вещь, принадлежащая своему хозяину, человеком он не считался. Судебное показание раб мог давать только под пыткой. Тем не менее, как ни жестоко было рабство (особенно античной формы), но, как пишет Энгельс: «Только рабство сделало возможным в более крупном масштабе разделение труда между земледелием и промышленностью...»[1]. Именно на основе рабства происходит экономический, а затем и политический подъем Греции в V в. до н. э.

После греко-персидских войн из греческих государств особого расцвета достигли Афины; Афинский демос (т. е. свободные простые люди — ремесленники, матросы, мелкие земледельцы и т. д.) получил большое влияние в государстве и создал афинскую демократию (т. е. такую форму государства, где главную роль играл демос). Конечно, это была демократия рабовладельческая, но все же афинская демократия являлась самым передовым государством в рабовладельческом обществе. Главные вопросы решались народным собранием афинских граждан.

В этой теме даются отрывки из произведений античных авторов о греко-персидских войнах, об античном рабстве V в. до н. э. и афинской демократии.

§ 1. ГРЕКО-ПЕРСИДСКИЕ ВОЙНЫ

Греко-персидские войны являются героической эпопеей в истории Греции. Ведь эта борьба за свою самостоятельность маленькой Греции с могущественной Персией, которая покорила весь Передний Восток. Победа была завоевана благодаря патриотизму греков, их организованности, превосходству общественного и государственного строя Греции над персидским.

1. Марафонская битва

Геродот. История, VI

102. После подчинения Эретрии персы простояли там несколько дней и затем отплыли дальше к Аттике. Они загоняли афинян в теснины, полагая, что те поступят так же, как эретрийцы. Наиболее удобным местом для действий конницы в Аттике был Марафон, к тому же находившийся ближе всего к Эретрии. Туда и вел их Гиппий[2], сын Писистрата.

103. Узнав об этом, афиняне также двинулись к Марафону. Во главе их войска стояло десять стратегов. Десятый был Мильтиад...

105. Находясь еще в походе, стратеги прежде всего отправили в Спарту глашатаем афинянина Фидиппида, который был скороходом...

106. Итак, посланный стратегами из Афин, этот Фидиппид (по дороге, как он говорил, ему явился Пан) на второй день прибыл в Спарту. Там он предстал перед властями и сказал вот что: «Лакедемоняне! Афиняне просят вас помочь им и не допустить порабощения варварами древнейшего города в Элладе. Ведь Эретрия

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч.— 2-е изд.— Т. 20.— С. 185.
[2] *Гиппий* — свергнутый тиран Афин, продавшийся персам.

уже несет ярмо рабства, и Эллада стала беднее одним знаменитым городом». Так Фидиппид исполнил данное ему поручение; лакедемоняне же решили помочь афинянам. Тотчас же они, однако, не могли этого сделать, не желая нарушить закон. Это ведь был как раз девятый день первой половины месяца, а в девятый день, говорили они, нельзя выступать в поход, если луна будет неполной...

108. ...К афинянам же у священной рощи Геракла подошли на помощь со всем своим ополчением платейцы[1]...

109. Между тем мнения афинских стратегов разделились: одни высказывались против битвы с мидийским войском, так как афиняне были слишком малочисленны; другие же (в том числе Мильтиад), напротив, советовали принять бой...

112. Окончив боевое построение после того, как выпали счастливые предзнаменования, афиняне быстрым шагом по данному сигналу устремились на варваров. Расстояние же между обоими противниками было не меньше 8 стадий. При виде подходящих быстрым шагом врагов персы приготовились отразить атаку. Поведение афинян персам казалось безумным и даже роковым, так как врагов было немного и притом они устремились на персов бегом без прикрытия конницы и лучников. Так думали варвары. Афиняне бросились на врагов сомкнутыми рядами врукопашную и бились мужественно. Ведь они первыми из всех эллинов, насколько мне известно, напали на врагов и не устрашившись вида мидийского одеяния и воинов, одетых по-мидийски. До сих пор даже ведь одно имя мидян приводило в страх эллинов.

113. Битва при Марафоне длилась долго. В центре боевой линии, где стояли сами персы и саки[2], одолевали варвары. Здесь победители прорвали ряды афинян и стали преследовать их прямо в глубь страны. Однако на обоих крыльях одерживали верх афиняне и платейцы. После победы афиняне не стали преследовать обратившихся в бегство врагов, но, соединив оба крыла, сражались с врагами, прорвавшими центр. И здесь также победили афиняне. Затем они начали преследовать и рубить бегущих персов, пока не достигли моря. Здесь они старались напасть на корабли и поджечь их...

115. Семь кораблей захватили таким образом афиняне. На остальных же варвары снова вышли в море. Затем, захватив с собой оставленных на острове пленников в Эретрии, персы стали огибать Суний[3], стремясь прибыть к Афинам раньше афинского войска. Афиняне подозревали, что персы задумали этот (маневр) по коварному наущению Алкмеонидов[4]: говорили, что Алкмеониды,

---

[1] *Платейцы* — жители города Платеи — единственные греки, помогавшие афинянам в Марафонском бою.

[2] *Саки* — один из народов Средней Азии.

[3] *Суний* — мыс в южной части Аттики.

[4] *Алкмеониды* — аристократический род в Аттике, который считался проклятым, так как представители этого рода обманули сторонников вождя демократии Килона (VII в. до н. э.). Последние заперлись в Афинском Акрополе и страдали от голода. Алкмеониды обещали сторонникам Килона жизнь и свободу, если они уйдут из Акрополя. Демократы поверили им и вышли из Акрополя, но Алкмеониды убили всех их поодиночке, нарушив свою клятву.

условившись с персами, когда те уже были на кораблях, дали им сигнал щитом.

116. Пока персы огибали Суний, афиняне со всех ног спешили на защиту родного города и успели прибыть туда раньше варваров. И как они прибыли от святилища Геракла в Марафоне, так теперь остановились и разбили стан у другого Гераклова святилища, что в Киносарге. Варварский же флот появился и стал против Фалера (тогда это была гавань афинян); затем простояв на якоре в открытом море выше Фалера, варвары отплыли назад в Азию.

Геродот. История в девяти книгах. Л., 1972. — С. 301—305.

2. Битва при Фермопилах

Геродот. История, VII

212. Во время этих схваток царь, как рассказывают, наблюдал за ходом сражения и в страхе за свое войско трижды вскакивал со своего трона. Так они бились в тот день, но и следующий день не принес варварам удачи. Варвары нападали в расчете на то, что при малочисленности врагов они все будут изранены и не смогут уже сопротивляться. Эллины же стояли в боевом строю по племенам и родам оружия, и все сражались, сменяя друг друга, кроме фокийцев. Фокийцы же были отосланы на гору охранять горную тропу. А персы, увидев, что дело идет не лучше вчерашнего, вновь отступили.

213. Между тем царь не знал, что делать дальше. Тогда явился к нему некий Эпиальт, сын Евридема, малиец. Надеясь на великую царскую награду, он указал персам тропу, ведущую через гору в Фермопилы, и тем погубил бывших там эллинов...

219. Эллинам же в Фермопилах первым предсказал на заре грядущую гибель прорицатель Мегистий, рассмотрев внутренности жертвенного животного. Затем прибыли перебежчики с сообщением об обходном движении персов. Это случилось еще ночью. Наконец, уже на рассвете, спустившись бегом с вершины, явились «дневные стражи» [с такой же вестью]. Тогда эллины стали держать совет, и их мнения разделились. Одни были за то, чтобы не отступать со своего поста, другие же возражали. После этого войско разделилось: часть его ушла и рассеялась, причем каждый вернулся в свой город; другие же и с ними Леонид решили остаться.

220. Рассказывают также, будто сам Леонид отослал союзников, чтобы спасти их от гибели. Ему же самому и его спартанцам не подобает, считал он, покидать место, на защиту которого их как раз и послали...

222. Итак, отпущенные союзники ушли по приказу Леонида. Только одни феспийцы и фиванцы остались с лакедемонянами... Теперь же эллины бросились врукопашную уже вне прохода, и в этой схватке варвары погибали тысячами. За рядами персов стояли начальники отрядов с бичами в руках и ударами бичей подгоняли воинов все вперед и вперед. Много врагов падало в море и там погибало, но гораздо больше было раздавлено своими же. На

погибающих никто не обращал внимание. Эллины знали ведь о грозящей им верной смерти от руки врага, обошедшего гору. Поэтому-то они и проявили величайшую боевую доблесть и бились с варварами отчаянно и с безумной отвагой.

224. Большинство спартанцев уже сломало свои копья и затем принялось поражать персов мечами. В этой схватке пал также и Леонид после доблестного сопротивления и вместе с ним много других знатных спартанцев. Имена их, так как они заслуживают хвалы, я узнал. Узнал я также и имена всех трехсот спартанцев...

225. ... За тело Леонида началась жаркая рукопашная схватка между персами и спартанцами, пока наконец отважные эллины не вырвали его из рук врагов (при этом они четыре раза обращали в бегство врага). Битва же продолжалась до тех пор, пока не подошли персы с Эпиальтом. Заметив приближение персов, эллины изменили способ борьбы. Они стали отступать в теснину и, миновав стену, заняли позицию на холме — все вместе, кроме фиванцев. Холм этот находился у входа в проход (там , где ныне стоит каменный лев в честь Леонида). Здесь спартанцы защищались мечами, у кого они еще были, а затем руками и зубами, пока варвары не засыпали их градом стрел, причем одни, преследуя эллинов спереди, обрушивали на них стену, а другие окружили со всех сторон...

228. Погребены же они на том месте, где они пали. Им и павшим еще до того, как Леонид отпустил союзников, поставлен там камень с надписью, гласящей:

Против трехсот мириад здесь некогда бились
Пелопоннесских мужей сорок лишь сотен всего.

Эта надпись начертана в честь всех павших воинов, а лакедемонянам особая:

Путник, пойди возвести нашим гражданам в Лакедемоне,
Что, их заветы блюдя, здесь мы костьми полегли.

Там же. — С. 370—374.

3. Битва при Саламине в поэтическом изложении современника

Эсхил. Персы

Эсхил — великий драматург-трагик Древней Греции (525—456 гг. до н. э.) жил в эпоху расцвета афинской демократии.

Интересна его трагедия «Персы», где описываются греко-персидские воины. Сам он участвовал в них в качестве простого воина, в 480 г. до н. э. сражался в знаменитой битве при Саламине, которую описывает чрезвычайно ярко и реалистично.

...начало всем бедам
Бог-мститель дал иль демон злой, явившись
Откуда-то из войска афинян.
Пришел какой-то эллин к нам и Ксерксу
Сказал, что, только ночи мрак настанет,
Как эллины, за весла ухватившись.
Спасая жизнь, все в бегство устремятся,
И тайно все разъедутся оттуда.
А он, едва услышав эту речь,

Коварства эллина не заподозрив,
О зависти богов совсем забыв,
Такой приказ начальникам дает:
Как перестанет солнце землю жечь,
Небесное ж пространство мгла обнимет,
То пусть суда поставят в три ряда
Стеречь проходы и пути морские.
Другими ж окружать Аякса остров[1]:
Коль эллины злой участи избегнут,
Нашедши путь для бегства на судах,
То все вожди должны лишиться жизни!
Сказал он так, в душе надежды полный,
Не зная, что ему судили боги...
Безропотно приказу повинуясь,
Вожди судов устраивали ужин,
Гребцы же весла к кольцам прикрепляли.
Но вот угас последний солнца луч.
И ночи мрак настал; тогда гребцы
С солдатами взошли на корабли.
И с строем строй судов перекликался...
Плывут они, храня порядок свой...
Всю ночь вожди в порядок расставляли
Войска на мореходных кораблях,
Кончалась ночь, а эллинское войско
Нигде тайком бежать и не пыталось;
И едущий на белых лошадях
Уж ясный день объял собой всю землю,—
Вдруг шумный крик от эллинов пронесся,
Как песни звук, и громко в то же время
Им эхо скал откликнулось в ответ.
И страх тогда всех варваров объял,
В надежде обманувшихся: не к бегству
Готовясь, пели эллины пеан
Священный, но стремясь отважно в бой.
Труба у них всех к битве побудила!
И дружно вдруг они морские волны
Ударом весел вспенили своих,
И скоро всех их видеть мы могли.
Их правое крыло шло впереди,
Порядок соблюдая, а за ним
Весь флот спешил, и слышен в то же время
Был громкий крик: «Вперед, сыны Эллады!
Спасайте родину, спасайте жен,
Детей своих, богов отцовских храмы,
Гробницы предков: бой теперь — за все!»
Навстречу им неслись и персов крики,
И медлить дальше было невозможно:
Один корабль ударил медным носом
В другой, и начал эллинский корабль
Сраженье, сбивши с судна финикийцев
Все украшенья... Всюду бой кипел.
Сперва стояло твердо войско персов;
Когда же скучились суда в проливе,
Дать помощи друг другу не могли
И медными носами поражали
Своих же — все тогда они погибли,
А эллины искусно поражали
Кругом их... И тонули корабли,
И под обломками судов разбитых,
Под кровью мертвых — скрылась гладь морская.

[1] *Остров Аякса* — Саламин.

Покрылись трупами убитых скалы
И берега, и варварское войско
В нестройном бегстве все отплыть спешило.
И как тунцов или другую рыбу,
Их эллины остатками снастей,
Обломками от весел били: стон
С рыданьями стоял над гладью моря,
Пока всего не кончил мрак ночной.
Но если б даже целых десять дней
О бедах я рассказывал, не мог бы
Я перечислить всех тебе. Но знай,
Что никогда еще не умирало
В один лишь день число людей такое!

Хрестоматия по истории Древней Греции/ Под ред. Д. П. Каллистова. — М., 1964. — С. 196—198.

§ 2. РОСТ РАБОВЛАДЕНИЯ В ГРЕЦИИ

В отрывках из древних авторов приводятся данные о труде и положении рабов в V в. до н. э.

4. Теоретическое обоснование рабства

Аристотель. Политика, 1252 в—1254 б

Точно так же в целях взаимного самосохранения необходимо объединяться попарно существу, в силу своей природы властвующему, и существу, в силу своей природы подвластному. Первое благодаря своим интеллектуальным свойствам способно к предвидению, и потому оно уже по природе своей существо властвующее и господствующее; второе, так как оно способно лишь своими физическими силами исполнять полученные указания, по природе своей существо подвластное и рабствующее. В этом отношении и господином и рабом в их взаимном объединении руководит общность интересов...

1253а. Во всех ремеслах... нужны бывают соответствующие для них инструменты... и из этих инструментов одни являются неодушевленными, другие — одушевленными... раб же является в известной степени одушевленной частью собственности...

Если б каждый инструмент мог выполнять свойственную ему работу сам... если бы ткацкие челноки сами ткали... господам не нужны были бы рабы.

1254а. ...Кто по природе принадлежит не самому себе, а другому и при этом все-таки человек, тот по своей природе раб. Человек же принадлежит другому в том случае, если он, оставаясь человеком, становится собственностью... Уже непосредственно с момента своего рождения некоторые существа... предназначены к подчинению, другие — к властвованию...

Те люди, которые в такой сильной степени отличаются от других людей, в какой душа отличается от тела, а человек от животного.., те люди по своей природе рабы...

1254б. ...Природа устроила так, что и физическая организация свободных людей отлична от физической организации рабов: у последних тело мощное, пригодное для выполнения необходи-

мых физических трудов, свободные же люди держатся прямо и не способны для выполнения подобного рода работ, зато они пригодны для политической жизни.., одни люди по своей природе свободные, другие — рабы, и этим последним быть рабами и полезно и справедливо.

Там же. — С. 310—311.

5. Труд рабов в рудниках

Ксенофонт. О доходах

Никий, сын Никерата, владел в рудниках тысячью рабов: он их отдавал внаем фракийцу Сесии под условием, чтобы тот платил ему за каждого раба ежегодно по одному оболу[1] чистого дохода и потом сдал обратно то же самое число рабов. У Гиппонника было 600 рабов, которых он отдавал внаем на таких же условиях; его рабы приносили ему ежегодно по одной мине[2] чистого дохода. У Филомонида было 300 рабов, приносивших ему полмины дохода, у других также были такие рабы, насколько им позволяло их состояние.

Хрестоматия по истории древнего мира / Под ред. В. В. Струве. — М., 1951. — Т. 2 — С. 191.

6. Рабы в составе имущества

Демосфен. XXVII. Против Афоба

Демосфен (384—322 г. до н. э.) — знаменитый оратор, сторонник демократической партии в Афинах. Его речи являются прекрасным источником как по экономике IV в. до н. э., так и по борьбе партий в Афинах. В отдельных речах Демосфена содержатся сведения о применении труда рабов в производстве, об их положении.

13. Тотчас же после смерти отца Афоб поселился в нашем доме, куда он вошел согласно завещанию отца. Он взял драгоценности матери и оставленные отцом кубки, всего на 50 мин. Кроме того, он взял у Фериппида и Демофонта деньги, вырученные за проданных рабов, так что всего он получил 80 мин...

18. Отец оставил эргастерий[3] с доходом в 30 мин. Так как они (опекуны) продали половину рабов, они должны были уплатить мне из расчета 15 мин годового дохода. Фериппид, который ведал рабами 7 лет, показал в отчете 11 мин дохода в год, т. е. на 4 мины меньше, чем следовало за каждый год. Афоб же, в чьем ведении рабы были первые два года, вообще ничего не включил в счет, отговариваясь то тем, что эргастерий бездействовал, то тем, что не сам он ведал рабами, а распоряжался ими управляющий Милиас, наш вольноотпущенник, у которого и следует просить отчета.

Хрестоматия по истории Древней Греции / Под ред. Д. П. Каллистова. — М., 1964. — С. 317.

---

[1] *Обол* — мелкая монета.

[2] *Мина* — денежная единица — 100 аттических драхм. *Драхма* = 4,37 г, затем 4,26 г серебра.

[3] *Эргастерий* — ремесленная мастерская.

7. Допросы рабов под пыткой. Побои рабов

Демосфен, LIII. Против Никострата

22. ...Они предложили дать мне этих рабов для допроса под пыткой... Я ответил им при свидетелях, что готов пойти с ними в совет и допросить рабов вместе с членами совета или с одиннадцатью. Я сказал, что если бы моя тяжба с ними была частной, я взял бы (для допроса) предложенных ими рабов, но поскольку иск касается государственного имущества и рабы принадлежат полису, их нужно пытать публично...

24. Я полагал, что не подобает мне, частному лицу, пытать государственных рабов: ведь я не вправе руководить пыткой и нехорошо, чтобы я судил о том, что скажут эти люди. Я считал, что должностные лица или избранные советом люди должны возбудить дело и показания, данные рабами под пыткой, в запечатанном виде передать в дикастерий...

Там же. — С. 318.

8. Цены на рабов

Из аттических стел. Надписи, содержащие списки конфискованного и проданного имущества лиц, осужденных за совершение преступлений против религии (415—413 гг. до н. э.)

Стела[1], столбец 1

...Кефисидора, метека[2] в Пирее.

165 драхм[3] — фракиянка	144 драхмы — скиф
135 драхм — фракиянка	121 драхма — иллириец
170 драхм — фракиец	153 драхмы — колх
240 драхм — сириец	174 драхмы — мальчик-кариец
105 драхм — кариец	72 драхмы — ребенок из Карии
161 драхм — иллириец	301 драхма — сириец
220 драхм — фракиянка	151 драхма — мелитенянин
115 драхм — фракиец	60 драхм — лидиянка

Фролов Э. Д. Социально-политическая борьба в Афинах в конце V в. до н. э. (Материалы и документы). — Л., 1964. — С. 93.

9. Восстание илотов в 464—459 гг. до н. э.

Диодор. Историческая библиотека, XI, 63—64

С расцветом рабовладения в V в. до н. э. связано усиление классовой борьбы против рабовладельцев. Но в Афинах эта борьба носила еще пассивный характер: порча орудий труда, бегство рабов и т. д. В Спарте илоты жили вместе в отдельных поселениях. Поэтому там были возможны восстания.

Сильное землетрясение произошло в Спарте и разрушило до основания дома лакедемонян, которых погибло более двадцати

[1] *Стела* — мраморная доска, на которой сделана надпись.

[2] *Метек* — иностранец, человек свободный, имевший право на владение движимым и недвижимым имуществом, но не афинский гражданин: права участвовать в политической жизни Афин у метеков не было.

[2] *Драхма* — мелкая денежная монета.

тысяч человек. Город сотрясался непрерывно в течение долгого времени, стены домов разрушались, и под их обломками погибали живые люди; землетрясение уничтожило немалое количество и накопленного в домах имущества. Это бедствие они восприняли как кару, ниспосланную им каким-то разгневанным божеством, но в связи с этим им пришлось испытать и другие напасти уже со стороны людей. Именно враждебно настроенные против лакедемонян, илоты и мессенцы[1] сперва держались спокойно, боясь могущества и силы Спарты. Когда же они увидели, что землетрясение погубило большую их часть, они с пренебрежением стали смотреть на оставшихся в незначительном числе живых и, объединившись между собой, начали войну против лакедемонян. Но царь лакедемонян Архидам благодаря своей предусмотрительности спас многих граждан из-под развалин и смело выступил на войну против нападающих. В то время, когда город подвергался ужасам землетрясения, он первый из всех лакедемонян, захватив полное вооружение, выбежал из города на открытое место и приказал гражданам сделать то же самое. Те спартанцы, которые его послушались, избежали опасности и остались в живых. Царь Архидам собрал их в боевой строй и приготовился к войне с повстанцами.

Мессенцы, соединившись с илотами, сначала двинулись на Спарту, рассчитывая захватить ее вследствие того, что у нее осталось мало защитников. Когда же они услыхали, что спасшиеся от землетрясения вместе с царем Архидамом построены в боевой строй и готовы к борьбе за родину, отказались от своего первоначального намерения, но, заняв в Мессении укрепленное место, стали делать вылазки и разорять Лаконию. Спартанцы обратились за помощью к афинянам и получили от них вспомогательное войско. Получив таким же образом военную помощь и от других союзников, они выравняли свои силы и с силами противников. Сначала они даже немного превосходили их своими силами, но потом, когда у них зародилось подозрение, что афиняне склоняются на сторону мессенцев, они отказались от их помощи, говоря, что у них достаточно других союзников для отражения опасности... Таким образом, лакедемоняне вторглись тогда со своими союзниками в Мессению и осадили Итому[2]. Тогда илоты в полном составе отложились от лакедемонян, вступили в военный союз с мессенцами и то одерживали в войне победу, то терпели неудачи. Нанося все время друг другу поражения, противники затянули войну и не могли ее окончить в течение десяти лет.

Хрестоматия по истории древнего мира /Под ред. В. В. Струве. — М., 1951. — Т. 2. — С. 147—148.

---

[1] *Мессенцы* — жители области Пелопоннеса к западу от Лаконии, находившиеся в рабской зависимости, как илоты.

[2] *Итома* — гора в Мессении.

10. Бегство рабов из Афин во время Декелейской войны[1]

Фукидид. История, VII, 27

(3) Декелея[2] сначала была укреплена (именно за это лето) всем союзным пелопоннесским войском, а потом ее занимали для набегов на поля гарнизоны союзных городов, сменявшиеся время от времени. Эти набеги наносили большой вред афинянам: материальный ущерб и потери в людях глубоко подрывали мощь афинской державы.

(4) Прежние вторжения были непродолжительны и не препятствовали жителям в промежутке между ними собирать урожаи. Теперь же, когда неприятели прочно укрепились в Аттике, набеги производились непрерывно — то сильными отрядами, то постоянный гарнизон, когда у него возникала такая надобность, разорял страну. Наконец, лично прибывший царь лакедемонян Агис весьма энергично руководил военными действиями. Афиняне терпели большие бедствия. (5) Ведь вся страна их теперь была целиком во власти неприятеля, более 20 000 рабов (в большинстве своем ремесленники) бежало к врагам.

Фукидид. История. — Л., 1981. — С. 322.

§ 3. АФИНСКАЯ РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ

На основе развития рабовладельческой системы, подъема ремесла и торговли, победы демократии в Афинах возникает более прогрессивная форма государства — афинская рабовладельческая демократия.

Старые аристократические учреждения или теряют свое значение, или перестают существовать. Наоборот, демократические учреждения, такие, как народное собрание — гелиэя (суд присяжных), совет пятисот, приобретают главное значение в государстве.

Афинским гражданам предоставлялись большие права. Каждый афинский гражданин независимо от своего имущественного положения участвовал в народном собрании, мог быть избранным на любую должность, получал деньги на театральные представления и т. д.

Афинская демократия была самым передовым государством рабовладельческого общества. К. Маркс писал: «Высочайший внутренний расцвет Греции совпадает с эпохой Перикла...»[3].

В то же время афинская демократия была ограниченной. Во-первых, она была рабовладельческой и рабы были совершенно бесправны. Во-вторых, даже свободные не все могли быть афинскими гражданами, а только те, у которых и отец и мать были афинянами. Метеки — по своему происхождению из других греческих городов, сколько бы они ни жили в Афинах, афинского гражданства не получали. Женщины вообще не пользовались политическими правами.

В последующих отрывках из античных авторов описываются афинские государственные учреждения, права граждан и вождь афинской демократии — Перикл.

---

[1] *Декелейская война* — последний период Пелопоннесской войны (413—404 гг. до н. э.).

[2] *Декелея* — местечко в Северной Аттике.

[3] Маркс К., Энгельс Ф. Соч.— 2-е изд.— Т. 1.— С. 98.

11. Аристотель об афинской демократии

Аристотель. Афинская полития

...В течение по крайней мере семнадцати лет после мидийских войн государство оставалось под главенством совета Ареопага, хотя и клонилось понемногу к упадку. Когда же сила народа стала возрастать, простатом[1] его сделался Эфиальт, сын Софонида, пользовавшийся репутацией человека неподкупного и справедливого в государственных делах; он-то и стал нападать на этот совет...(2) Прежде всего он добился устранения многих ареопагитов[2], привлекая их к ответственности за действия, совершенные при отправлении обязанностей. Затем при архонте[3] Кононе он отнял у этого совета все дополнительно приобретенные им права, в силу которых в его руках сосредоточивалась охрана государственного порядка, и передал их частью Совету пятисот, частью народу и судам.

(3) Он произвел это при содействии Фемистокла, который, хотя и принадлежал к числу ареопагитов, должен был судиться за сношения с мидянами (персами). Фемистокл, желая добиться упразднения этого совета, стал говорить Эфиальту, будто совет собирается его арестовать, ареопагитам же, что укажет некоторых лиц, составляющих заговор для ниспровержения государственного строя. Он привел особо избранных для этого членов совета к месту, где жил Эфиальт, чтобы показать собирающихся заговорщиков, и стал оживленно разговаривать с пришедшими. (4) Как только Эфиальт увидел это, он испугался и в одном хитоне сел к алтарю[4]. Все были в недоумении от случившегося, и, когда после этого собрался Совет пятисот, Эфиальт и Фемистокл выступили там с обвинением против ареопагитов, а потом таким же образом в Народном собрании, пока у ареопагитов не была отнята сила. Тогда... но и Эфиальт спустя немного времени был коварно убит рукой Аристодика из Танагры...

27. После этого в качестве демагога[5] выступил Перикл. Он впервые получил известность, будучи молодым, когда обвинял Кимона при сдаче им отчета по должности стратега. Тогда государственный строй стал еще более демократичным. Перикл отнял некоторые права у ареопагитов и особенно решительно настаивал на развитии у государства морской силы. Благодаря ей простой народ почувствовал свою мощь и старался уже все политические права сосредоточить в своих руках.

(2) Затем на 49-й год после битвы при Саламине при архонте Пифодоре началась война с пелопоннесцами, во время которой народ, запертый в город и привыкший на военной службе

---

[1] *Простат* — заступник, покровитель.

[2] *Ареопагиты* — члены Ареопага.

[3] *Архонт* — высшая аристократическая должность.

[4] Человек садился к алтарю в случае большой опасности, отдавая себя под защиту богов.

[5] *Демагог* — буквально водитель демоса, слово употреблялось в значении вождя народа.

получать жалованье, отчасти сознательно, отчасти по необходимости, стал проявлять более решительности, чтобы управлять государством самому.

(3) Также и жалованье в судах ввел впервые Перикл, употребляя демагогический прием в противовес богатству Кимона[1]. Дело в том, что Кимон, имея чисто царское состояние, первое время исполнял блестящим образом только общественные литургии[2], затем стал давать содержание многим из своих демотов[3]. Так, всякому желающему из лакиадов[4] можно было каждый день приходить к нему и получать скромное довольствие. Кроме того, его поместья были все неогороженные, чтобы можно было всякому желающему пользоваться плодами. (4) Перикл, не имея такого состояния, чтобы соперничать с ним в щедрости, воспользовался советом Димонида из Эи (этого Димонида считали во многих делах советником Перикла, потому и подвергли его впоследствии остракизму[5]). Совет этот состоял в том, что раз Перикл не обладает такими же личными средствами, как Кимон, то надо давать народу его же собственные средства. Из этих соображений Перикл и ввел жалованье для судей. На этом основании некоторые считают его виновником нравственного разложения, так как об избрании всегда хлопочут не столько порядочные люди, сколько случайные. (6) Начался после этого и подкуп, причем первый подал пример этого Анит, после того как был стратегом в походе под Пилос. Будучи привлечен некоторыми к суду за потерю Пилоса, он подкупил суд и добился оправдания.

28. Пока Перикл стоял во главе народа, государственные дела шли сравнительно хорошо; когда же он умер, они пошли значительно хуже. Тогда впервые народ взял себе в качестве простата человека, не пользовавшегося уважением среди порядочных людей, между тем как в прежнее время демагогами всегда бывали люди достойные.

Хрестоматия по истории Древней Греции/ Под ред. Д. П. Каллистова. — М., 1964. — С. 214—216.

12. Характеристика афинской демократии у Фукидида

Фукидид. История, II, 36—41

В данном отрывке из «Истории» Фукидида приводится речь Перикла на могиле первых павших афинских воинов в начале Пелопоннесской войны в 431 г. до н. э.

[1] *Кимон* — сын Мильтиада, победителя при Марафоне — вождь аристократической партии.

[2] *Литургии* — государственные повинности в Афинах, выполнявшиеся состоятельными гражданами.

[3] *Демот* — житель того же дема — мелкого подразделения филы (родоплеменные объединения, преобразованные затем в округа).

[4] *Лакиады* — жители дема лакиадов.

[5] По реформе Клисфена, для предотвращения тирании происходило голосование в Народном собрании, где решался вопрос, кто из граждан опасен государству. Тот гражданин, против которого было подано 6000 голосов, изгонялся из Афин на 10 лет.

II. 37. Для нашего государственного устройства мы не взяли за образец никаких чужеземных установлений. Напротив, мы скорее сами являем пример другим, нежели в чем-нибудь подражаем кому-либо. И так как у нас городом управляет не горсть людей, а большинство народа, то наш государственный строй называется народоправством. В частных делах все пользуются одинаковыми правами по законам. Что же до дел государственных, то на почетные государственные должности выдвигают каждого по достоинству, поскольку он чем-нибудь отличился не в силу принадлежности к определенному сословию, но из-за личной доблести. Бедность и темное происхождение или низкое общественное положение не мешают человеку занять почетную должность, если он способен оказать услуги государству. (2) В нашем государстве мы живем свободно и в повседневной жизни избегаем взаимных подозрений: мы не питаем неприязни к соседу, если он в своем поведении следует личным склонностям, и не высказываем ему хотя и безвредной, но тягостно воспринимаемой досады. (3) Терпимые в своих частных взаимоотношениях, в общественной жизни не нарушаем законов, главным образом из уважения к ним и повинуемся властям и законам, в особенности установленным в защиту обижаемых, а также законам неписаным, нарушение которых все считают постыдным.

38. Мы ввели много разнообразных развлечений для отдохновения души от трудов и забот, из года в год у нас повторяются игры и празднества. Благопристойность домашней обстановки доставляет наслаждение и помогает рассеять заботы повседневной жизни. (2) И со всего света в наш город, благодаря его величию и значению, стекается на рынок все необходимое, и мы пользуемся иноземными благами не менее свободно, чем произведениями нашей страны.

39. В военных попечениях мы руководствуемся иными правилами, нежели наши противники. Так, например, мы всем разрешаем посещать наш город и никогда не препятствуем знакомиться и осматривать его и не высылаем чужестранцев из страха, что противник может проникнуть в наши тайны и извлечь для себя пользу. Ведь мы полагаемся главным образом не столько на военные приготовления и хитрости, как на наше личное мужество. Между тем как наши противники при их способе воспитания стремятся с раннего детства жестокой дисциплиной закалить отвагу юношей, мы живем свободно, без суровости, и тем не менее ведем отважную борьбу с равным нам противником...

40. Мы развиваем нашу склонность к прекрасному без расточительности и предаемся наукам не в ущерб силе духа. Богатство мы ценим лишь потому, что употребляем его с пользой, а не ради пустой похвальбы. Признание в бедности у нас ни для кого не является позором, но больший позор мы видим в том, что человек сам не стремится избавиться от нее трудом. (2) Одни и те же люди у нас одновременно бывают заняты делами и частными, и общественными. Однако и остальные граждане, несмотря на то что каждый

занят своим ремеслом, также хорошо разбираются в политике. Ведь только мы одни признаем человека, не занимающегося общественной деятельностью, неблагонамеренным гражданином, бесполезным обывателем. Мы не думаем, что открытое обсуждение может повредить ходу государственных дел. Напротив, мы считаем неправильным принимать нужное решение без предварительной подготовки при помощи выступлений с речами за и против. (3) В отличие от других, мы, обладая отвагой, предпочитаем вместе с тем сначала основательно обдумывать наши планы, а потом уже рисковать, тогда как у других невежественная ограниченность порождает дерзкую отвагу, а трезвый расчет — нерешительность...

41. Одним словом, я утверждаю, что город наш — школа всей Эллады, и полагаю, что каждый из нас сам по себе может с легкостью и изяществом проявить свою личность в самых различных жизненных условиях...

Фукидид. История.— Л., 1981.— С. 80—81.

13. Оценка афинского государственного строя олигархически настроенным автором

Псевдо-Ксенофонт. Афинская полития

Политический памфлет, который называют «Полития Псевдо-Ксенофонта», написан между 444—430 гг. до н. э. каким-нибудь противником демократического строя — олигархом, но установить, кем именно, невозможно.

I. (1) Что касается государственного устройства афинян, то, если они выбрали свой теперешний строй, я не одобряю этого по той причине, что, выбрав себе его, они тем самым избрали такой порядок, чтобы простому народу жилось лучше, чем благородным. Вот за это-то и я не одобряю его. Но уж раз у них это было принято в таком виде, я постараюсь доказать, что они удачно сохраняют свое государственное устройство и вообще заводят у себя такие порядки, которые представляются ненормальными с точки зрения остальных греков.

(2) Итак, прежде всего я скажу, что в Афинах справедливо бедным и простому народу пользоваться преимуществом перед благородными и богатыми по той причине, что народ-то как раз и приводит в движение корабли и дает силу государству.., вот эти-то люди и сообщают государству силу в гораздо большей степени, чем гоплиты, и знатные, и благородные. И раз дело обстоит так, то считается справедливым, чтобы все имели доступ к государственным должностям как при теперешних выборах по жребию, так и при избрании поднятием рук и чтобы представлялась возможность высказываться всякому желающему из граждан. (3) Затем таких должностей, которые приносят спасение, если заняты благородными людьми, и подвергают опасности весь вообще народ, если заняты неблагородными,— этих должностей народ вовсе не добивается; он не находит нужным получать по жребию должности ни стратегов, ни гиппархов[1].

[1] *Гиппарх* — начальник конницы.

И правда, народ понимает, что получает больше пользы, если эти должности не исправляет сам, а предоставляет их исправлять наиболее могущественным людям. Зато он стремится занимать те должности, которые приносят в дом жалованье и доход...

(4) Далее, если некоторые удивляются, что афиняне во всех отношениях отдают предпочтение простым и бедным, и вообще демократам перед благородными, то этим самым, как сейчас выяснится, они и сохраняют демократию. (5) Во всякой земле лучший элемент является противником демократии, потому что лучшие люди очень редко допускают бесчинство и несправедливость, но зато самым тщательным образом стараются соблюдать благородные начала, тогда как у народа — величайшая необразованность, недисциплинированность и низость. Действительно, людей простых толкают на позорные дела скорее бедность, необразованность и невежество — качества, которые у некоторых происходят по недостатку средств...

(14) Что же касается союзников, то у них толпа, очевидно, тоже преследует злостными клеветами и ненавистью благородных; а так как афиняне понимают необходимость того, чтобы подчиненный ненавидел своего повелителя, и, с другой стороны, знают, что если в государстве силу будут иметь богатые и благородные, то в Афинах власть очень недолго будет оставаться в руках народа, ввиду этого они благородных лишают там гражданской чести, отнимают имущество, изгоняют из своих владений и убивают, а простых поддерживают. Благородные из афинян защищают благородных в союзных государствах, понимая, что им самим выгодно защищать всегда в государствах людей лучших...

(16) По мнению некоторых, народ афинский делает ошибку также и в том, что заставляет союзников ездить для судебных дел в Афины. Но афиняне возражают на это, исчисляя, сколько заключается в этом преимуществ для афинского народа: во-первых, из судебных пошлин он получает целый год жалованье; затем, сидя дома и не выезжая на кораблях, он распоряжается в союзных государствах и при этом людей из народа поддерживает в судах, а противников уничтожает. Между тем, если бы все вели свои процессы у себя на родине, то, будучи недовольными афинянами, старались бы уничтожить тех из своей среды, которые наиболее сочувствуют афинской демократии... (18), а при теперешних условиях вынужден угождать народу афинскому каждый в отдельности из союзников, так как каждый сознает, что ему предстоит, придя в Афины, подвергнуться наказанию или получить удовлетворение не перед кем-либо иным, но перед народом, как этого требует в Афинах закон. И он бывает вынужден умолять на судах, бросаясь на колени, и хватать за руку всякого входящего. Вот поэтому-то союзники еще в большей степени стали рабами народа афинского...

(12) Может быть, кто-нибудь возразит, что, видно, никто не подвергся в Афинах несправедливо лишению гражданской чести.

Я же утверждаю, что есть некоторые, которые лишены прав несправедливо, но это лишь некоторые, немногие...

Хрестоматия по истории Древней Греции / Под ред. Д. П. Каллистова. — М., 1964. — С. 217—220, 223—224.

ТЕМА 4. РАСЦВЕТ ЭЛЛИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ В V—IV ВВ. ДО Н. Э.

Греческая культура явилась истоком современной европейской культуры. Греческая письменность была родоначальницей письменности многих славянских народов, в том числе и русского.

Греческая литература дала много форм, которые были потом приняты всей мировой литературой. Трагедии и комедии, которые шли в греческом театре, до сих пор ставятся в наших театрах и служат образцами драматической литературы.

Без греческой архитектуры немыслима современная архитектура. Она дала нам непревзойденные шедевры, такие, как Парфенон, Эрехтейон, храм в Пестуме и многие другие.

В Греции впервые появился театр.

Греческая скульптура до сих пор является непревзойденной, без ее изучения не может работать ни один скульптор. А великие творения греческого искусства, такие, как Гермес Праксителя, Ника Пеония, Афродита Милосская и многие другие, остаются бессмертными произведениями искусства и теперь доставляют эстетическое наслаждение.

К. Маркс писал: «Трудность состоит в том, что они еще продолжают доставлять нам художественное наслаждение и в известном отношении служить нормой и недосягаемым образцом... Обаяние, которым обладает для нас их искусство, не находится в противоречии с той неразвитой общественной ступенью, на которой оно выросло. Наоборот, оно является ее результатом и неразрывно связано с тем, что незрелые общественные условия, при которых оно возникло, и только и могло возникнуть, никогда не могут повториться снова»[1].

Родоначальницей нашей науки была также греческая наука. Мы и теперь изучаем теорему Пифагора, геометрию Евклида, законы о жидкости Архимеда. Не менее выдающимся явлением была греческая философия. «... В многообразных формах греческой философии,— писал Ф. Энгельс,— уже имеются в зародыше, в процессе возникновения, почти все позднейшие типы мировоззрений»[2].

§ 1. ГРЕЧЕСКАЯ ТРАГЕДИЯ

1. Отрывок из трагедии Эсхила «Прометей Прикованный»

Титан Прометей дал людям огонь против воли отца богов — Зевса. Разгневанный Зевс приказывает богу-кузнецу Гефесту приковать Прометея к Кавказской скале. Зевс подвергает Прометея страшной казни: каждое утро будет прилетать орел и клевать печень Прометея. Каждый вечер орел должен улетать, но за ночь печень у Прометея отрастает, и орел клюет ее снова. Гефест приковывает Прометея к скале и удаляется. Прометей рассказывает хору о том, что он дал людям.

Прометей

Но тяжко и молчать, и говорить
Об участи моей. Ведь я, злосчастный,

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч.— 2-е изд.— Т. 12.— С. 737—738.
[2] Там же.— Т. 20.— С. 369.

Страдаю за благодеянья смертным.
Божественное пламя я похитил,
Сокрыв в стволе пустого тростника...
Не думайте, что гордость заставляет
Меня молчать. Но я терзаюсь сердцем
При зрелище позора моего.
Кто, как не я, богам всем этим новым
Распределил почетные дары?
Но замолчу о том, что всем известно,
А про страданья смертных расскажу.
Ведь я их сделал, глупых, как дитя,
Разумными, способными к мышленью.
Я не в упрек им это говорю,
Но объяснить хочу вам все значенье
Моих благодеяний. Раньше люди смотрели
И не видели и, слыша,
Не слышали, в каких-то грезах сна
Влачили жизнь; не знали древоделья,
Не строили домов из кирпича,
Ютились в глубине пещер подземных,
Бессолнечных, подобно муравьям.
Они тогда еще не различали
Примет зимы, весны — поры цветов —
И лета плодоносного; без мысли
Свершали все. Я им и показал
Восходы и закаты звезд небесных.
Я научил их первой из наук,
Науке числ и грамоте; я дал им
И творческую память, матерь муз.
И первый я поработил ярму,
Животных диких; облегчая людям
Тяжелый труд телесный, я запряг
В повозки лошадей вожжелюбивых,
Излюбленную роскошь богачей.
Не кто, как я, бегущие по морю
Льнокрылые измыслил корабли.
И это все изобретя для смертных,
Я не могу для самого себя
Придумать средство вырваться из бедствий...
Еще меня послушай, подивись
Искусствам хитрым, мной изобретенным.
Вот что всего важнее: если кто
Заболевал, он не имел целящих
Ни мази, ни питья, но погибал
За недостатком помощи врачебной;
Я научил их смешивать лекарства,
Чтоб ими все болезни отражать...
А кто дерзнет сказать,
Что до меня извлек на пользу людям
Таившиеся под землей: железо,
И серебро, и золото, и медь?
Никто, конечно, коль не хочет хвастать.
А кратко говоря, узнай, что все
Искусства у людей от Прометея.

Хрестоматия по античной литературе / Сост. Н. Ф. Дератани. — М., 1937. — Т. 1. — С. 63—64.

2. Отрывок из трагедии Еврипида «Ифигения в Авлиде»

Еврипид (родился 406 г. до н. э.) — младший современник Эсхила, Софокла. Из написанных им более 90 трагедий, дошли 17.

В трагедии «Ифигения в Авлиде» Еврипид проводит идею служения отечеству и самопожертвования ради родины. Отсутствие попутного ветра не позволяет войску ахейцев во главе с Агамемноном отплыть на кораблях из Авлиды к Трое для борьбы с троянцами. Чтобы подул попутный ветер, греки должны принести в жертву богине Артемиде дочь Агамемнона Ифигению. Узнав о необходимости своей смерти ради интересов Эллады, Ифигения соглашается умереть.

О, в душе пережила я много-много, мать. Послушай.
Я умру — не надо спорить ...
На меня теперь Эллада; вся великая Эллада
Жадно смотрит; в этой жертве ...
Все для наших: и попутный ветер и победа в брани;
За глумленье над Еленой, за нечестие Париса —
В ней и кара для фригийцев и урок для их потомства,
Чтоб не смел надменный варвар красть замужнюю гречанку...
Разве ты меня носила для себя, не для отчизны?
Иль, когда Эллада терпит, и без счета сотни сотен
Их мужей встает, и каждый взять весло, щитом закрыться
Жаждет и врага повергнуть, а не дастся пасть убитым,—
Мне одной за жизнь цепляясь, им мешать?.. О, нет, родная.
Что же правде я отвечу?..
О, я готова...

Хрестоматия по античной литературе / Сост. Н. Ф. Дератани, Н. А. Тимофеева.— М., 1947.— Т. 1.— С. 308—309.

§ 2. ГРЕЧЕСКАЯ КОМЕДИЯ

Большую роль в общественной жизни греков играла комедия, возникшая из шуточных песен и представлений на рынках.

Выдающимся представителем греческой комедии V в. до н. э. был Аристофан. Из его комедий особенно хороши «Всадники», «Лягушки», «Облака». Комедии Аристофана ставятся до сих пор.

3. Всадники (отрывок)

Для характеристики Афин конца V в. до н. э. интересна комедия «Всадники».

Содержание комедии следующее: афинский народ представлен в виде дряхлого беспомощного старика Демоса. У него два раба: Никий и Демосфен. В их лицах изображаются известные полководцы Афин с теми же именами. Они горюют о своем бесправном положении у Демоса, который предпочитает им пронырливого пафлагонца Клеона (вождя афинской демократии в это время). Желая избавиться от Клеона, Никий и Демосфен хотят найти такого человека, который своей наглостью затмил бы Клеона и получил расположение Демоса. Такой человек находится — это колбасник Агоракрит. Этот мелкий плут и жулик побеждает Клеона, и, таким образом, Клеон заменяется еще худшим демагогом.

Но народ — Демос — гонит от себя всех демагогов и становится из дряхлого старика снова молодым и сильным.

Пролог

Демосфен

(К зрителям) Итак, начну!
Хозяин с ним один у нас —
...брюзга сварливый, привередливый,
Народ афинский, старикашка глухонький.
На рынке прошлом он себе раба купил,

Кожевника, рожденьем пафлагонца[1]. Тот,
Пройдоха страшный, негодяй отъявленный,
Нрав старика тотчас же раскусить сумел,
Кожевник наш, и ну ему поддакивать,
Подкармливать словечками лукавыми,
Подмасливать и льстить: «О государь Народ!
Одной довольно тяжбы, отдохни теперь!
Поешь, попей, а вот тебе обола три[2],
Сварить прикажешь ужин?» Дерзко выхватив,
Еду, что мы хозяину состряпали,
Ему он преподносит. Вот недавно так
Крутую кашу заварил я в Пилосе[3],
Лаконскую. Негодник подскочил, схватил
И господину всю мою стряпню поднес.
Нам не дает прислуживать, всех гонит прочь,
А сам овчину держит над хозяином,
Как опахало, чтоб ей отмахивать
Ораторов. И все поет пророчества.
Старик совсем помешан. Отупел совсем.
А тот и рад. Всех нас оклеветал кругом,
Под розги подведет, а после бегает
По дворне и орет и взяток требует:
«Видали вы, как Гила нынче высекли
Из-за меня? Послушными не будете,—
Помрете все!» И мы даем, и как не дать!
Не то такого влепит подзатыльника
Хозяин, что в овчинку свет покажется. *(Никию)*
Ну вот, теперь, дружочек, вновь подумаем,
Каким путем и где искать убежища.

Часть вторая

Первое полухорие

Ода

Мерзкий, ненавистнейший, бесстыднейший
Крикун! Твоих дерзких дел
Белый свет полон весь, полон Пникс.
Все суды, все ряды,
Лавки все, рынки все,
Пугало горластое!
Город возмутил ты наш.
Все перевернул вверх дном.
Ты ведь светлые Афины ревом оглушил своим,
Дань союзников, как рыбу, сторожишь ты со скалы.

Клеон

Знаю, знаю я подкладку вашей брани и угроз!

---

[1] *Пафлагонец* — житель Пафлагонии — области на южном берегу Черного моря.
[2] По предложению Клеона во время народного собрания каждому участнику выдавалось по три обола.
[3] Намек на победу Демосфена в Пилосе на западном побережье Пелопоннеса.

Колбасник

Коль не знать тебе подкладок, значит, фарша мне не знать!
Мастер ты гнилую кожу за добротную продать
Простакам, селянам, срезав вкось ее по-плутовски.
Только суток не проносишь, глядь, разлезся весь сапог.

Демосфен

И со мной недавно шутку он такую же сыграл.
И друзья, и домочадцы на смех подняли меня:
До Пергас я не добрался, а уж в стоптанных поплыл.

Первое полухорие

Разве ты с первых дней
Не был груб, не был глуп?
Нет стыда, чести нет
У таких крикунов.
Грабишь жатву чужеземцев, а. в театре первым ты.
Сын же бедный Гипподама[1] жмется, сидя наверху.
Все ж нам на радость нашелся другой теперь,
Много подлей тебя, много хитрее.
Он управится с тобой, это ясно уж теперь.
Бесстыден и бесчестен он
И на выдумки силен.

Аристофан. Комедии.— М., 1983.— Т. 1.— С. 77—78, 93—94.

ТЕМА 5. ОБРАЗОВАНИЕ ГРЕКО-МАКЕДОНСКИХ ГОСУДАРСТВ В ВОСТОЧНОМ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ

§ 1. УПАДОК ГРЕЦИИ И ПОДЧИНЕНИЕ ЕЕ МАКЕДОНИЕЙ В IV В. ДО Н. Э.

1. Разорение Аттики после Пелопоннесской войны

Отрывок из речи Лисия

Лисий (ок. 459—380 гг. до н. э.) — афинский оратор. По отрывку из речи Лисия можно судить о степени опустошения[2] Аттики во время Пелопоннесской войны, распространения продажи и отдачи в аренду земельных участков их владельцами, прежде всего крестьянами.

4—9. Этот участок принадлежал Писандру. Когда имущество Писандра было конфисковано, этот участок получил в дар от народа Аполлодор из Мегары. Он обрабатывал его все время; но незадолго до правления Тридцати[3] его купил у него Антикл и сдал в аренду; а я купил у Антикла уже в мирное время.

[1] *Гипподам* — известный архитектор, не получивший прав афинского гражданства.

[2] Во время войны были вырублены деревья маслин, культура которых имела большое хозяйственное значение и находилась под государственным контролем. Порубка их каралась изгнанием, конфискацией имущества.

[3] Правление Тридцати тиранов установилось в Афинах в 404 г. до н. э.

Поэтому, члены Совета, я считаю своей задачей доказать лишь то, что, когда я приобрел этот участок, на нем не было ни целого оливкового дерева, ни поврежденного. Что же касается более раннего времени, то, я думаю, было бы несправедливо меня наказывать, если бы в старое время их были там целые тысячи: если они вырыты по моей вине, то меня не должно за преступления других привлекать к суду в качестве ответчика.

Вы знаете все, что война, наделавшая нам много разных бед, была причиной, между прочим, и того, что отдаленные части страны опустошали спартанцы, а в ближайших местах грабили свои. Так справедливо ли мне теперь нести наказание за причиненный тогда ущерб государству? А так как и этот участок, как конфискованный во время войны, оставался непроданным с лишком три года, то нет ничего мудреного, что на нем рубили священные маслины в такие времена, когда мы и свое-то собственное имущество не в силах были охранять. Но, как известно вам, члены Совета, особенно тем из вас, которые имеют надзор за такими участками, в то время во многих местах были целые рощи маслин частных и священных; теперь большая часть их вырублена, и земля стоит пустою. Если владельцами этих мест и в мирное и в военное время были одни и те же лица, вы считаете незаконным наказывать их ввиду того, что порубки были сделаны другими. Но если вы признаете невиновными тех хозяев, которые все время владели землею, то и подавно вы не должны наказывать владельцев, купивших землю уже в мирное время.

О том, что было прежде, члены Совета, я мог бы сказать еще много, но думаю, достаточно и того, что уже сказал. А когда я получил в свою собственность этот участок, я, менее чем через пять дней после покупки, сдал его в аренду Каллистрату в год архонтства Пифодора. Каллистрат два года обрабатывал его, но на нем не было ни одной маслины, ни частной, ни священной,— ни целой, ни поврежденной. На третий год работал на нем в течение целого года Деметрий, здесь находящийся налицо; на четвертый я сдал его в аренду вольноотпущеннику Антисфена Алкию, которого теперь уже нет в живых; затем при таком же положении дел его держал в аренде и Протей в продолжение трех лет.

Хрестоматия по истории древнего мира / Под ред. В. В. Струве. — М., 1956. — С. 201—202.

2. Рост крупных владений богачей

Отрывок из речи Демосфена, XXVII, 4—5, 9—11

Демосфен (ок. 384—322 гг. до н. э.) — афинский оратор.

Отец, господа судьи, оставил две мастерские, каждую с немалым производством, 32 или 33 оружейных мастера, стоящих по 5 и по 6 мин, других, стоящих не менее 3 мин и дававших в год 30 мин чистого дохода, еще кроватных мастеров числом 20, отданных ему в залог за 40 мин и приносивших 12 мин чистого

дохода, кроме того, серебра около таланта, отданного в ссуду из расчета одной драхмы, так что за год получалось процентов более 7 мин. И когда он оставил это имущество, оно приносило именно такой доход, как это подтвердят и сами они. Это составляет основного капитала 4 таланта[1] и 5000 драхм, а процентов с них 50 мин ежегодно. Кроме того, слоновой кости и железа, пущенного в обработку, и дерева кроватного ценностью до 80 мин, чернильного ореха и меди было закуплено на 70 мин; затем дом стоимостью в 3000 драхм, движимости, кубков, золота и платьев, нарядов матери, всего в общем ценностью до 10 тысяч драхм, серебра в доме 80 мин. И это все он оставил в доме, а в морских предприятиях 70 мин, отданных в ссуду Ксуфу, 2400 драхм в трапезе у Пасиона, 600 в трапезе у Пилада, 1600 у Демомела, сына Демона, денег, розданных в долг разным лицам, по 200 и по 300 драхм — в общем около таланта. И эти деньги в итоге составляют опять-таки более 8 талантов и 50 мин. Все же, если исследуете, найдете до 14 талантов.

Хрестоматия по истории древнего мира / Под ред. В. В. Струве. — М., 1951. — Т. 2. — С. 211.

3. Положение в Греции в IV в. до н. э.

Исократ. Панегирик, 115—117

Исократ (436—338 гг. до н. э.) — афинский оратор, публицист, выражал интересы рабовладельцев, написал в 480 г. до н. э. панегирик (хвалебную речь) Афинам, в котором, описывая бедствия своего времени, призывает эллинов к объединению.

... Морские разбойники хозяйничают на море, наемники[2] захватывают города, а граждане, вместо того чтобы воевать с другими за свою родину, сражаются между собой внутри своих городских стен... вследствие частых перемен управления жители городов находятся в более смутном настроении, чем наказанные изгнанием, так как первые непрестанно боятся за свое будущее, а последние утешаются надеждами на возвращение. И все так далеки от свободы и политической самостоятельности, что одни государства находятся под властью тиранов, другими владеют гармосты[3], некоторые разорены, над другими господами стали варвары[4].

Хрестоматия по истории древнего мира / Под ред. В. В. Струве. — М., 1951. — Т. II. — С. 205—206.

4. Вступление афин в войну с Филиппом

Дидим. Схолии к X и XI речам Демосфена

Дидим Александрийский (I в. до н. э. — I в. н. э.) составлял схолии — комментарии ко многим литературным произведениям античности. Схолии к речам

---

[1] Талант равен 60 минам — 6000 драхмам (талант эгинский — 37 кг, эвбейский — 26,296 кг, аттический — 25,92 кг).

[2] Отряды наемных воинов из числа разорившихся рабовладельцев.

[3] *Гармосты* — спартанские военные командиры, наместники в завоеванных Спартой городах.

[4] *Варвары* — персы.

Демосфена нашли в 1901 г. в Египте. В отрывке идет речь о причинах, побудивших афинян начать войну с Филиппом в 339 г. до н. э.

Война афинян против македонянина вспыхнула из-за тех обид, которые Филипп причинил Афинам, делая при этом вид, что он намерен сохранить мир. Но главной причиной войны был поход царя на Византий и Перинф. Поход Филиппа имел целью принудить эти города к сдаче по двум причинам. Прежде всего, чтобы лишить афинян доставки хлеба, а также для того, чтобы приморские города не могли предоставить афинскому военному флоту надежных убежищ во время войны с ним. Тогда же Филипп совершил противозаконнейшее дело, захватив находившиеся в Гиероне суда купцов: по свидетельству Филохора — 230, по свидетельству Феопомпа — 180. От продажи этих судов он получил 500 талантов. Это он сделал раньше[1].

Хрестоматии по истории Древней Греции / Под ред. Д. П. Каллистова. — М., 1964. — С. 424.

5. Силы Афинского государства и Македонии перед битвой при Херонее (338 г. до н. э.)

Демосфен. Речи, XVIII

В речи Демосфен останавливается на трудностях, с которыми он столкнулся при подготовке войны с Филиппом.

(234) Так вот, что касается сил нашего государства, то их составляли жители островов — не всех, а наиболее слабых, так как ни Хиос, ни Родос, ни Керкира[2] не были с нами; денежное обложение у нас доходило до 45 талантов, да и оно было уже собрано вперед; гоплитов же и всадников не было, кроме своих собственных, ни одного. Но страшнее всего для нас и наиболее на руку врагам было то, что эти люди[3] внушили всем окрестным жителям скорее враждебные, чем дружественные, чувства к нам — именно мегарцам, фиванцам, эвбейцам.

(235) В таком положении были дела нашего государства, и никто не мог бы ничего возразить против этого. А посмотрите, как было у Филиппа, с которым у нас шла борьба. Во-первых, он распоряжался своими подчиненными сам полновластно, а это в делах войны — самое важное из всего. Затем его люди никогда не выпускали из рук оружия. Далее, денежные средства у него были в избытке, и делал он то, что сам находил нужным, причем не объявлял об этом наперед... не судился по обвинению в противозаконии, никому не должен был давать отчета — словом, был сам над всем господином, вождем и хозяином.

(236) Ну, а я, поставленный один на один против него (справедливо разобрать и это), над чем имел власть? Ни над чем! Ведь, прежде всего, само это право выступать с речами перед

---

[1] Раньше — до объявления войны афинянами Филиппу.

[2] После Союзнической войны 357—355 гг. до н. э. Афины были вынуждены признать независимость Хиоса, Родоса, Коса и Керкиры.

[3] Сторонники Филиппа

народом, единственное, что было в моем распоряжении, вы мне предоставляли в такой же степени, как и людям, состоявшим на жалованье у него, и в чем им удалось одержать верх надо мной (а такие случаи бывали часто и по любому поводу), это самое вы и постановили на пользу своим врагам, перед тем как разойтись из Собрания. Но все-таки, несмотря на такие невыгоды в нашем положении, я привлек к союзу с вами эвбейцев, ахейцев, коринфнян, фиванцев, мегарцев, левкадян, керкирцев — у них у всех удалось набрать в общем пятнадцать тысяч наемников и две тысячи всадников, помимо гражданских сил; денег я постарался собрать насколько мог больше.

Там же. — С. 425—426.

6. Битва при Херонее

Диодор. Историческая библиотека, XVI, 85—86

... Филиппу не удалось заключить союз с беотийцами. Тем не менее он решил выступить и против афинян, и против беотийцев. Дождавшись некоторых запоздавших союзников, он явился в Беотию более чем с 30 тыс. пехоты и не менее чем с 2 тыс. всадников. Хотя обе стороны хорошо приготовились к битве и в отношении предусмотрительности, воодушевления, да и по военной доблести не уступали друг другу, все же численностью войск и талантом военачальника превосходил царь. Побывав во многих разнообразных боях и в большинстве сражений одержав победу, он имел большую опытность в военном деле. Между тем со стороны афинян лучшие из полководцев, каковы Ификрат, Хабрий и Тимофей, умерли, а лучший из оставшихся, Харет, по способности быть вождем и по предусмотрительности ничем не отличался от любого из простых солдат. С рассветом обе стороны стали выстраиваться. На одном крыле Филипп поставил сына своего Александра, юношу возрастом, отличавшегося выдающейся храбростью и пылкой решительностью; рядом с ним поставил и наиболее видных из полководцев; а сам, имея при себе отборный отряд, взял под свое командование другую часть и находившиеся здесь роты искусно расставил применительно к обстоятельствам. Афиняне расставили войска по народностям; вверив одну часть фронта беотийцам, они оставили за собой командование остальным фронтом. Битва была жаркая и длилась долгое время. С обеих сторон было много павших, и в течение некоторого времени ход боя не подавал решительных надежд на победу ни одной из сторон. Наконец, Александр, стремясь показать перед отцом свою личную храбрость, не уступая ему в чрезмерном честолюбии и подстрекаемый в то же время тем, что рядом с ним сражалось и много доблестных людей, первым прорвал сомкнутую линию неприятеля и, многих сразив, теснил выстроенные против него отряды. Когда то же сделали и стоявшие рядом с ним, фронт войска греков все более разбивался. Трупы валились грудами, и находившиеся под начальством Александра отряды первые осилили и обратили в бегство своих противников. После этого и сам царь, сражаясь с опасностью для жизни и не уступая честь

победы даже самому Александру, сначала оттеснил атакой стоявших против него, а потом обратил их в бегство и благодаря этому явился виновником победы. Из афинян пало в сражении более тысячи и не менее двух тысяч попало в плен. Равным образом и из беотийцев многие были перебиты, немало было и взято живыми. Филипп поставил после битвы трофей, разрешил хоронить трупы, принес богам победную жертву и наградил по заслугам отличившихся.

Там же. — С. 426—427.

7. Мирный договор Филиппа и греческих городов (337 г. до н. э.)

Надпись на стеле в Афинах на Акрополе

На мраморной стеле текст клятвы делегатов всех греческих городов (кроме Спарты) — участников Коринфского конгресса. Греки обязывались не вести междоусобных войн, не изменять существующее государственное устройство. Был создан союз греческих городов во главе с союзным советом. Руководителем внешней политики Греции был объявлен Филипп.

Клятва. Я клянусь Зевсом, Геей, Гелиосом, Посейдоном, Афиной, Аресом, всеми богами и богинями. Я останусь верен миру и не нарушу того договора, который был заключен с Филиппом Македонским.

Я не выступлю походом ни на суше, ни на море и не причиню вреда тем, кто останется верен клятвам.

Я не захвачу какой-либо хитростью или уловками для военных целей ни города, ни укрепления, ни гавани, принадлежащие участникам мирного договора.

Я не посягну на царскую власть Филиппа и его потомков, а также на государственное устройство, существовавшее у каждого государства, когда приносились клятвы о мире.

Я сам не сделаю ничего противоречащего этому договору и не позволю никому другому по мере сил. Если кто-либо сделает что-нибудь нарушающее этот договор о мире, я окажу тем, кому будет причинен вред, такую помощь, какую они попросят. Я буду воевать с нарушителем общего мира в соответствии с решением союзного совета и приказом вождя[1] и не оставлю... (текст обрывается)[2].

Там же. — С. 428.

§ 2. ОБРАЗОВАНИЕ И РАСПАД ДЕРЖАВЫ АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКОГО

8. Юность Александра

Плутарх. Александр

IV...Еще в детские годы обнаружилась его воздержность: будучи во всем остальном неистовым и безудержным, он был равнодушен

[1] То есть Филиппа.

[2] Далее следует перечисление греческих государств — участников союза с указанием числа голосов, принадлежащих каждому из этих государств в союзном совете.

к телесным радостям и предавался им весьма умеренно; честолюбие же Александра приводило к тому, что его образ мыслей был не по возрасту серьезным и возвышенным. Он любил не всякую славу и искал ее не где попало, как это делал Филипп, подобно софисту хваставшийся своим красноречием и увековечивший победы своих колесниц в Олимпии изображениями на монетах. Однажды, когда приближенные спросили Александра, отличавшегося быстротой ног, не пожелает ли он состязаться в беге на Олимпийских играх, он ответил: «Да, если моими соперниками будут цари!» Вообще Александр, по-видимому, не любил атлетов: он устраивал множество состязаний трагических поэтов, флейтистов, кифаредов и рапсодов, а также различные охотничьи соревнования и бои на палках, но не проявлял никакого интереса к кулачным боям или к панкратию и не назначал наград их участникам.

V. Когда в отсутствие Филиппа в Македонию прибыли послы персидского царя, Александр, не растерявшись, радушно их принял; он настолько покорил послов своей приветливостью и тем, что не задал ни одного детского или малозначительного вопроса, а расспрашивал о протяженности дорог, о способах путешествия в глубь Персии, о самом царе — каков он в борьбе с врагами, а также о том, каковы силы и могущество персов, что они немало удивлялись и пришли к выводу, что прославленные способности Филиппа меркнут перед величием замыслов и стремлений этого мальчика. Всякий раз, как приходило известие, что Филипп завоевал какой-либо известный город или одерживал славную победу, Александр мрачнел, слыша это, и говорил своим сверстникам: «Мальчики, отец успеет захватить все, так что мне вместе с вами не удастся совершить ничего великого и блестящего». Стремясь не к наслаждению и богатству, а к доблести и славе, Александр считал, что, чем больше получит он от своего отца, тем меньше сможет сделать сам. Возрастание македонского могущества порождало у Александра опасения, что все великие деяния будут совершены до него, а он хотел унаследовать власть, чреватую не роскошью, удовольствиями и богатством, но битвами, войнами и борьбою за славу.

Само собой разумеется, что образованием Александра занимались многочисленные воспитатели, наставники и учителя, во главе которых стоял родственник Олимпиады Леонид, муж сурового нрава; хотя сам Леонид и не стыдился звания воспитателя и дядьки, звания по существу прекрасного и достойного, но из уважения к нему и его родственным связям все называли его руководителем и наставником Александра. Дядькой же по положению и по званию был Лисимах, акарнанец родом. В этом человеке не было никакой утонченности, но лишь за то, что он себя называл Фениксом, Александра — Ахиллом, а Филиппа — Пелеем, его высоко ценили и среди воспитателей он занимал второе место...

VII. Филипп видел, что Александр от природы упрям, а когда рассердится, то не уступает никакому насилию, но зато разумным словом его легко можно склонить к принятию правильного решения;

поэтому отец старался больше убеждать, чем приказывать. Филипп не решался полностью доверить обучение и воспитание сына учителям музыки и других наук, входящих в круг общего образования, считая, что дело это чрезвычайно сложное и, как говорит Софокл,

Кормило нужно тут и твердая узда.

Поэтому царь призвал Аристотеля, самого знаменитого и ученого из греческих философов, а за обучение расплатился с ним прекрасным и достойным способом: Филипп восстановил им же самим разрушенный город Стагиру, откуда Аристотель был родом, и возвратил туда бежавших или находившихся в рабстве граждан. Для занятий и бесед он отвел Аристотелю и Александру рощу около Миезы, посвященную нимфам, где и поныне показывают каменные скамьи, на которых сидел Аристотель, и тенистые места, где и гулял со своим учеником. Александр, по-видимому, не только усвоил учения о нравственности и государстве, но приобщился и к тайным более глубоким учениям, которые философы называли «устными» и «скрытыми» и не предавали широкой огласке. Находясь уже в Азии, Александр узнал, что Аристотель некоторые из этих учений обнародовал в книгах, и написал ему откровенное письмо в защиту философии, текст которого гласит: «Александр Аристотелю желает благополучия! Ты поступил неправильно, обнародовав учения, предназначенные только для устного преподавания. Чем же будем мы отличаться от остальных людей, если те самые учения, на которых мы были воспитаны, сделаются общим достоянием? Я хотел бы превосходить других не столько могуществом, сколько знаниями о высших предметах. Будь здоров». Успокаивая уязвленное честолюбие Александра, Аристотель оправдывается, утверждая, что эти учения хотя и обнародованы, но вместе с тем как бы и не обнародованы. В самом деле, сочинение о природе было с самого начала предназначено для людей образованных и совсем не годится ни для преподавания, ни для самостоятельного изучения.

VIII. Мне кажется, что и любовь к врачеванию Александру более, чем кто-либо другой, внушил Аристотель. Царь интересовался не только отвлеченной стороной этой науки, но, как можно заключить из его писем, приходил на помощь заболевшим друзьям, назначая различные способы лечения и лечебный режим. Вообще Александр от природы был склонен к изучению наук и чтению книг. Он считал и нередко говорил об этом, что изучение «Илиады»— хорошее средство для достижения военной доблести. Список «Илиады», исправленный Аристотелем и известный под названием «Илиада из шкатулки», он всегда имел при себе, храня его под подушкой вместе с кинжалом, как об этом сообщает Онесикрит. Так как в глубине Азии Александр не имел под рукой никаких иных книг, Гарпал по приказу царя прислал ему сочинение Филиста, многие из трагедий Эврипида, Софокла и Эсхила, а также дифи-

рамбы Телеста и Филоксена. Александр сначала восхищался Аристотелем и, по его собственным словам, любил учителя не меньше, чем отца, говоря, что Филиппу он обязан тем, что живет, а Аристотелю тем, что живет достойно. Впоследствии царь стал относиться к Аристотелю с подозрительностью, впрочем не настолько большою, чтобы причинить ему какой-либо вред, но уже самое ослабление его любви и привязанности к философу было свидетельством отчуждения. Однако врожденные и привитые ему с детства рвение и страсть к философии не угасли в душе Александра...

Плутарх. Сравнительные жизнеописания в трех томах. — М., 1963. Т. II. — С. 397—400.

9. Битва при Гавгамелах

Битву при Гавгамелах описывает Арриан, греческий историк II в. н. э. О походе Александра Македонского он написал работу «Анабасис». Это произведение — наиболее точное описание похода, так как Арриан широко использовал свидетельства современников — его участников — Птолемея, Аристобула и Клитарха, а также журнал-дневник, который специально вели при дворце Александра.

11. Войско Дария[1] всю ночь оставалось в том же порядке, в каком и было первоначально поставлено, потому что лагерь не был у них обведен надежным укреплением, а кроме того, они боялись ночного нападения. (2) Персам, между прочим, очень повредило тогда и это долгое стояние в полном вооружении, и страх, обычный ввиду грозной опасности, но не тот, который возникает сразу, внезапно, а тот, который уже задолго овладевает душой и порабощает ее.

13. Когда войска сошлись, стало видно, что Дарий со своим окружением: персами, «носителями айвы», индами, албанами, карийцами-«выселенцами» и лучниками-мардами стоит против Александра и царской илы. Александр двинул вправо свое правое крыло, а персы двинули на него свое левое крыло, которое заходило дальше Александрова правого фланга. (2) Уже скифские всадники подъезжали вплотную к передовым отрядам Александра, но Александр продолжал идти вправо и уже почти выходил за пределы того пространства, которое расчистили перед своим строем персы. Дарий испугался, как бы македонцы не вышли на пересеченную местность, где его колесницы окажутся ни к чему, и приказал всадникам, выстроенным перед левым крылом, объехать неприятельское правое, которое вел Александр, и не дать ему возможности вести свое крыло дальше. (3) В ответ на это Александр приказал Мениду бросить на них находившуюся под его командой наемную конницу. Скифские всадники и бактрийцы, которые были к ним приданы, устремились на нее и отогнали назад, так как значительно превосходили числом маленький отряд Менида. Александр приказал бросить на скифов отряд Ареты, пеонов и чужеземцев; (4) варвары дрогнули. Другой отряд бактрийцев, подойдя ближе к пеонам

[1] *Дарий III* — царь Персии (336—330 гг. до н. э.).

и чужеземцам, заставил своих беглецов повернуть обратно; завязалась упорная конная схватка. Воинов Александра пало больше: варвары подавляли своей численностью, а кроме того, и сами скифы, и лошади их были тщательно защищены броней. Несмотря на это, македонцы выдерживали натиск за натиском и, нападая отрядами, расстроили ряды врагов.

(5) В это время варвары пустили на Александра свои колесницы с косами, рассчитывая в свою очередь привести в расстройство его фалангу. Тут они совершенно обманулись. Одни колесницы агриане и люди Балакра, стоявшие впереди конницы гетайров, встречали градом дротиков, как только они приближались; на других у возниц вырывали вожжи, их самих стаскивали вниз, а лошадей убивали. (6) Некоторым удалось пронестись сквозь ряды: солдаты расступились, как им и было приказано, перед мчавшимися колесницами. В этом случае чаще всего и сами колесницы оставались целы, и неприятелю, на которого неслись, вреда не причиняли. Их, впрочем, захватили конюхи Александрова войска и царские щитоносцы.

14. Когда Дарий вывел всю свою пехоту, тогда Александр велел Арете ударить на конницу, объезжавшую его правое крыло с намерением его окружить. (2) Сам он вел пока своих солдат вытянутым строем, но, когда на его правое крыло, которому угрожало окружение, пришли всадники и смяли линию варваров, Александр, повернув в сторону прорыва и построив клином гетайров и выстроенную здесь пехоту, бегом с боевым кличем устремился на самого Дария. (3) В течение короткого времени сражение шло врукопашную; когда же конница Александра во главе с самим Александром решительно насела на врага, тесня его и поражая в лицо своими копьями, когда плотная македонская фаланга, ощетинившись сариссами[1], бросилась на персов, Дария, которому давно уже было страшно, обуял ужас, и он первый повернул и обратился в бегство. Испугались и персы, обходившие правое крыло македонцев, так как на них решительно бросился отряд Ареты.

(4) Тут началось повальное бегство персов; македонцы преследовали их и убивали бегущих. Симмий со своим полком не мог вместе с Александром броситься за убегающим врагом; он остался стоять на том же месте и не прекращал боя, так как ему донесли, что македонцам на левом крыле приходится плохо. (5) Их линия была здесь прорвана: через прорыв часть индов и персидской конницы пробилась к обозу македонцев. Здесь завязалось горячее дело. Персы храбро нападали на людей, в большинстве своем невооруженных и не ожидавших, что можно проникнуть к ним, прорезав двойной строй. Пленные варвары присоединились к персам и вместе с ними напали на македонцев. (6) Как только о случившемся узнали предводители отрядов, стоявших за первой линией, они, как и было им приказано,

---

[1] *Сариссы* — длинные македонские копья, достигавшие 5 м длины.

зашли в тыл персам, многих убили тут же, пока они дрались с обозниками, остальные дрогнули и обратились в бегство. На правом крыле у персов еще не знали о бегстве Дария, и всадники, объехав вокруг левого Александрова крыла, напали на воинов Пармениона.

15. Так как сначала положение македонцев казалось сомнительным, то Парменион спешно послал к Александру донесение, что он в тисках и нуждается в помощи. Александр, получив это донесение, прекратил преследование и, повернув с конницей гетайров, вскачь понесся к правому крылу варваров. Сначала он напал на бегущую вражескую конницу, на парфян, часть индов и на самые многочисленные и сильные отряды персов. (2) Начался конный бой — самое жаркое дело во всей этой битве. Варвары, построенные в глубину отрядами, повернулись и напали на воинов Александра, стоя против них лицом к лицу; они не брались за дротики, не кружились, как это обычно в конном бою: каждый поражал того, кто был перед ним, видя в этом единственное для себя спасение. Второпях поражали они и падали сами; жалости не было ни у тех, ни у других: сражались уже не ради чужой победы, а ради собственного спасения. Около 60 гетайров пало здесь; ранены были сам Гефестион, Кен и Менид; но и тут одолел Александр.

(3) Те, кто пробился сквозь ряды Александровых воинов, обратились в неудержимое бегство. Александр готов был напасть на правое крыло неприятеля, но фессалийская конница сражалась так блистательно, что Александру нечего было тут делать: варвары с правого крыла уже обратились в бегство, когда Александр напал на них, так что он повернул и устремился опять преследовать Дария. Он преследовал его, пока было светло. (4) Парменион со своими воинами двигался, преследуя разбитого ими врага. Александр, перейдя реку Лик, остановился лагерем, чтобы дать немного передохнуть людям и лошадям. Парменион захватил лагерь варваров, их обоз, слонов и верблюдов.

Хрестоматия по истории Древней Греции / Под ред. Д. П. Каллистова. — М., 1964. — С. 447—451.

10. Выборы царя после смерти Александра и начало распада его державы

Квинт Курций Руф. История Александра, X, 8—10

Квинт Курций Руф — римский автор «Истории Александра» в 10 книгах, из которых две первые потеряны. Время его жизни точно неизвестно. Возможно он жил в середине I в. н. э. Созданная силой оружия империя Александра распалась после его смерти на эллинистические государства, в которых власть принадлежала полководцам Александра и их потомкам.

7... Воины упорно кричали, что не потерпят никакого царя, кроме законного наследника, и требовали пригласить Арридея.

(7) Враждебно настроенный к Пердикку[1] Мелеагр[2] поспешно приводит Арридея[3] во дворец, и солдаты приветствуют его и провозглашают царем под именем Филиппа.

(8) Впрочем, это был голос простонародья, вожди придерживались другого мнения... (12) Долго не могли принять определенного решения: то раскаивались в своем намерении, то сожалели о самом раскаянии. В конце концов преданность царю победила, и они приняли решение в пользу его потомства. (13) Арридей, устрашенный авторитетом знати, удалился из собрания, и с его уходом воодушевление солдат лишь притихло, но не ослабело. Поэтому его пригласили снова. Арридей облекается в одежду брата, ту самую, которая была положена на троне. (14) Мелеагр, телохранитель нового царя, надев панцирь, берет оружие. За ним следует фаланга, стуча копьями о щиты, жаждущая крови тех, кто домогался царской власти, не имея на нее никаких прав... (16) Пердикк в испуге приказывает запереться в покоях, в которых лежало тело Александра. С Пердикком было 600 человек, на деле доказавших свою доблесть. К нему присоединились также Птолемей и «царская когорта» юношей[4]. (17) Но многотысячная толпа воинов без труда разбила запертые двери. Вместе с толпой в покои ворвался и царь, окруженный толпой телохранителей во главе с Мелеагром. (18) Разгневанный Пердикк отзывает тех, которые хотели защитить тело Александра. Несмотря на это, ворвавшиеся стали бросать копья в Пердикка. Многих ранили. Наконец более пожилые, сняв шлемы, чтобы лучше быть узнанными, обратились к сподвижникам Пердикка с просьбой отказаться от распри и уступить царю и большинству. (19) Пердикк первым сложил оружие, остальные последовали его примеру...

8. ...Царский двор сохранял прежний вид, царь принимал послов, при нем находились военачальники, в передней толпились телохранители и воины. (9) Однако глубокое уныние доказывало безнадежность положения...

9. Судьба толкала македонцев к междоусобиям, ибо многие добивались царской власти... (7) ...Пердикк видел свое спасение только в гибели Мелеагра... (11) Решено было подвергнуть войско очищению по обычаю предков, и случай казался подходящим, так как были прекращены раздоры. (12) Обряд очищения воинов македонские цари справляли следующим образом. На поле, куда выводилось войско, по обоим его краям бросали внутренности разрубленной собаки; в промежутке между брошенными внутренностями ставили воинов: с одной стороны — всадников, с другой — фалангу. (13) В назначенный для этого священного обряда день царь со всадниками и слонами расположился против пехоты, которой командовал Мелеагр... (15) Войска сходились, и расстояние,

---

[1] *Пердикка* — телохранитель и военачальник Александра, регент Македонии с 323—321 гг. до н. э.

[2] *Мелеагр* — военачальник Александра.

[3] *Арридей* — сводный брат Александра.

[4] *«Царская когорта» юношей* — отряд телохранителей Александра.

разделяющее оба фронта, было невелико. (16) Тут царь с отрядом всадников, подскакав к пехоте, потребовал по наущению Пердикка выдачи на казнь зачинщиков раздора, которых он, казалось, должен был бы оберегать. В случае отказа царь грозил повести на пехоту всю конницу и слонов. (17) Пехота остолбенела от неожиданного несчастья. И сам Мелеагр подобно своим сподвижникам растерялся и потерял мужество... (18) Тогда Пердикк, увидев, что они ошеломлены и совершенно растеряны, отделил от остальных около 300 человек и поставил перед слонами. Это были те, кто последовал за Мелеагром, когда он покинул первую сходку воинов, состоявшуюся после смерти Александра. Всех их потоптали слоны, причем Филипп не запрещал этого, хотя и не поощрял... (20) Поздно разгадав вероломство Пердикка, Мелеагр оставался тогда спокойно в строю, потому что насилие не было обращено против него непосредственно. (21) Вскоре, потеряв надежду на спасение и видя, что враги готовят ему гибель от имени человека, которого он сам же возвел в цари, Мелеагр бежал в храм и там был убит...

10. Отведя войско в город, Пердикк созвал предводителей на совет, где решили так разделить управление государством, чтобы царь получил верховную власть, Птолемей был сделан сатрапом Египта и правил подвластными племенами Африки; (2) Лаомедонту дана была Сирия с Финикией, Киликия была назначена Филоту, Антигону было поручено занять Ликию с Памфилией и Великой Фригией; в Карию был послан Кассандр, в Лидию — Менандр; Малую Фригию, прилегающую к Геллеспонту, отдали в управление Леоннату. (3) Каппадокия с Пафлагонией отошла к Евмену: ему было поручено охранять эту страну вплоть до Трапезунта и вести войну с Ариаратом[1]; последний один только отказывался подчиниться. (4) Питону была поручена Мидия, Лисимаху[2] — Фракия[3] и соседние с ней области у Понта. Во главе народов Индии, Бактрии, Согдианы, а также побережья Океана и Красного моря были оставлены те, кто управлял этими областями прежде. Пердикк состоял при царе и командовал войском, сопровождавшим царя.

(5) Некоторые полагали, что такое распределение областей сделано по завещанию самого Александра, но, хотя сведения об этом исходят от ученых, они, как нам известно, ни на чем не основаны.

(6) После раздела государства каждый сам мог бы благоразумно укрепить свое могущество, если бы когда-либо существовали границы необузданным страстям... (8) Трудно было довольствоваться тем, что доставил случай: ничтожным кажется уже приобре-

---

[1] *Ариарат* — персидский сатрап северо-восточной части Малой Азии.

[2] *Птолемей, Лаомедонт, Филот, Антигон, Кассандр, Менандр, Леоннат, Евмен, Питон, Лисимах* — военачальники Александра.

[3] *Киликия, Ликия, Памфилия, Кария, Лидия, Фригия, Кападокия, Пафлагония* — области в Малой Азии; *Фракия* — область на Балканах.

тенное, когда возникает надежда на большее. Поэтому всем казалось более заманчивым расширять свои царства, чем прежде получать их.

Хрестоматия по истории Древней Греции / Под ред. Д. П. Каллистова. — М., 1964. — С. 468—470.

11. Александрия Египетская

Страбон. География. XVII, 7—9

Город Александрия основан в 332—331 гг. до н. э. Александром Македонским на берегу Средиземного моря в Египте. При Птолемеях (305—30 гг. до н. э.) — столица Египта и центр эллинистической культуры, порт, центр торговли в Восточном Средиземноморье.

... Кроме тех богатств, которые привозят в гавань с обеих сторон, здесь замечательна мягкость воздуха,... которая является последствием омывания области двумя морями и благотворного разлития Нила; между тем другие города, построенные на озерах, имеют в летнюю жару тяжелый и удушливый воздух, потому что на краях озер образуются вследствие испарений от солнечного жара болота; из болот поднимается грязная влага, люди дышат испорченным воздухом, причиняющим заразные болезни. В Александрии, напротив, Нил, наполняясь с началом лета, наполняет и озеро, не допуская образования болот, которые могли бы произвести вредные испарения. Вместе с тем дуют там в то же время и пассатные ветры, благодаря чему александрийцы очень приятно проводят лето... Весь город пересечен улицами, удобными для верховых лошадей и экипажей; две самые широкие улицы, футов в сто, пересекают одна другую под прямым углом. В городе есть прекраснейшие общественные святилища и царские дворцы, покрывающие четвертую или даже третью часть всего занимаемого городом пространства. Действительно, каждый из царей старался прибавить какое-нибудь украшение к общественным памятникам и в то же время каждый из них строил для себя особый дворец, увеличивая число существовавших до него... Все дворцы соединены между собой, с гаванью и со всем, что за пределами последней. Часть царских зданий составляет и Мусей[1], содержащий в себе место для гулянья, залу для заседаний и большое помещение, где находится столовая состоящих при Мусее ученых. Коллегия эта пользуется государственным содержанием и имеет жреца, начальника Мусея, назначаемого некогда царями, а теперь цезарем. Другое отделение царского дворца составляет так называемое Сема, помещение для царских гробниц и для Александра... Труп Александра Птолемей перевез в Александрию, похоронил его в том месте, где он лежит и теперь, хотя и не в том самом гробе; теперешний гроб стеклянный, а Птолемей положил его в золотой... Перед большой гаванью у входа в нее с правой стороны находится

[1] *Мусей* — от греч. muséion — храм муз, совокупность научных и учебных учреждений, один из главных центров науки и культуры. Основан в начале III в. до н. э., ликвидирован римским императором Аврелиáном в III в. н. э. Здесь работали и жили ученые, писатели. При нем была самая крупная библиотека в древности.

остров и башня Фарос, с другой стороны — подводные скалы и мыс Лохиада с царским замком. С левой стороны для въезжающего в гавань находятся соединяющиеся с мысом Лохиадой внутренние царские жилища, в которых имеется множество разнообразных жилых комнат и садов; ниже их находится вырытая замкнутая гавань, собственность царей, и островок Антиродос, лежащий перед вырытой гаванью, имеющий царский дворец и небольшую гавань. Островок так назван потому, что он был как бы соперником Родоса. Над ним стоит здание театра, потом находится Посейдий изгиб, идущий от так называемого Эмпория[1], с храмом Посейдона... Дальше следует Цезарий (храм Цезаря), Эмпорий и товарные склады; за этим следуют корабельные верфи до Гептастадия.

Хрестоматия по истории древнего мира / Под ред. В. В. Струве. — М., 1951. — Т. II. — С. 259—260.

---

[1] *Эмпорий* — торговая набережная.

Часть четвертая

ДРЕВНИЙ РИМ

История Древнего Рима — последний этап в развитии древнего мира, охватывает время с начала I тысячелетия до н. э. до конца V в. н. э. Во всемирно-историческом развитии история Древнего Рима дает образец рабовладельческого способа производства, позволяющий проанализировать сущность рабовладельческой общественно-экономической формации в ее наиболее законченном виде, проследить рабовладельческие отношения со времени их зарождения до разложения рабовладельческого общества и государства. Если ранней республике были свойственны первоначальные формы рабства, то для периода поздней республики, гражданских войн, характерно значительное увеличение численности рабов, проникновение рабского труда в различные сферы экономической жизни государства. Расцвет классических рабовладельческих отношений продолжался в начале ранней Римской империи. В последние века ее существования наблюдалось разложение рабовладельческого строя. Рабство стало тормозом дальнейшего развития.

К концу III в. до н. э., после образования сильнейшей Римской средиземноморской рабовладельческой державы, сложилось римское общество, отличавшееся большим многообразием и многозначностью классово-сословной структуры. Основные общественные классы не были едины и монолитны. Например, класс рабовладельцев распадался на два сословия: сенаторы и всадничество. Класс рабов также делился на отдельные группы: рабы, занятые в сельском хозяйстве, в ремесле, рабы — «служащие» государственного аппарата и пр. Следует отметить, что понятия «класс» и «сословие» не всегда совпадали. В римском обществе, разделенном на враждующие классы и сословия, классовые и социальные противоречия достигали такой остроты, которая не наблюдалась ранее. Они привели в конце II в. до н. э. к мощному подъему аграрного движения (гракханское движение), в котором приняло участие разорившееся римское крестьянство, а в начале I в. до н. э., в годы Союзнической войны, крестьянство всей Италии. Во II в. до н. э. произошли восстания рабов в Сицилии и в I в. до н. э. грандиозное восстание рабов под руководством Спартака в Италии. Таким образом, в напряженной классовой и социальной борьбе, охватившей Римскую республику во II—I вв. до н. э., наблюдались две раздельно существующие, неперекрещивающиеся линии борьбы: плебейско-крестьянская и рабская.

Материал римской истории дает возможность продолжить и завершить изучение основных понятий, уже начатое в курсе Древнего Востока и Древней Греции: классы, классовое общество, формы государства и т. д.

В истории Рима следует выделить определенные периоды. В VIII—III вв. до н. э. происходил процесс становления раннего римского рабовладельческого общества; в III в. до н. э. — II в. н. э. имеет место его дальнейшее развитие из маленькой общины на Тибре в сильнейшую италийскую и затем средиземноморскую державу. Для III в. н. э. характерно наступление экономического, социального, политического кризиса Римского государства, который в IV—V вв. н. э. сменился периодом продолжительного упадка.

Ознакомление с богатым культурным наследием Древнего Рима, которое явилось результатом синтеза и дальнейшего развития культурных достижений

народов древности (Древнего Востока и Древней Греции), дает возможность глубже понять основы европейской цивилизации, показать новые аспекты в освоении античного наследия, установить живые связи между античностью и современностью, глубже понять современность.

Документы помогут учителю дать учащимся яркое и доступное им представление об основных исторических событиях, фактах, составить характеристики выдающихся людей Древнего Рима — государственных деятелей, вождей крестьянских и рабских движений, полководцев.

ТЕМА 1. ОБРАЗОВАНИЕ РИМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ И ЗАВОЕВАНИЕ РИМОМ ИТАЛИИ

§ 1. ДРЕВНЕЙШИЙ РИМ И УСТАНОВЛЕНИЕ В НЕМ РЕСПУБЛИКИ

Ранняя история Рима, содержащая много нерешенных вопросов, представлена большим фрагментом из сочинений Тита Ливия. В нем дано изложение канонической легенды об основании «вечного» города. Многие ученые считали, что легенда об основании Рима, связывающая начало его истории с гибелью Трои, с именем троянского героя Энея, могла возникнуть не ранее III в. до н. э., когда римляне уже подчинили греческие города Южной Италии и стремились внести в римское общество греческую государственность и культуру. Однако некоторые археологические данные подтверждают, что легенда сложилась в более раннее время. Сведения Дионисия Галикарнасского имеют значение для характеристики римского общества в период складывания классовых отношений.

На протяжении V—III вв. до н. э. в условиях почти непрерывных войн, которые вел Рим, завоевывая Италию, сложилась римская военная организация. Данные Полибия позволяют ярко представить особенности построения римского войска, его вооружение, умение строить знаменитые походные лагеря-крепости и т. п.

1. Легенда о возникновении города Рима

Тит Ливий. Римская история от основания города

Тит Ливий (59 г. до н. э. — 17 г. н. э.) — римский историк, написал хорошо известный труд «Римская история от основания города» в 142 книгах. Полностью дошли до нас 35 книг. Большинство ученых утверждало, что едва ли он верил всему, что писал, в частности легендам об основании города Рима. Однако современная наука, опираясь на данные археологии, позволяет уточнить хронологию возникновения Рима и подтвердить ряд сведений, которые ранее считались легендарными. Например, по-видимому, достоверны традиционная дата основания Рима — 753 г. до н. э., правление этрусской династии, царствование Тарквиния Гордого и другие положения.

I. 3. Но сила оказалась выше воли отца и права старшинства: прогнав брата, воцарился Амулий; к одному злодеянию он присоединил другое, умертвив сына брата; дочь же брата — Рею Сильвию — он лишил надежды на потомство, сделав ее под видом почести весталкой[1]...

4. Но, я полагаю, столь сильный город и государство, уступающее лишь могуществу богов, обязано было своим возникно-

---

[1] *Весталка* — жрица богини Весты (божество домашнего очага и огня). Весталки были обязаны поддерживать вечный огонь в храме Весты. Они давали обет безбрачия.

вением соизволению судьбы. Когда весталка родила близнецов, то она объявила отцом этого безвестного потомства Марса или потому, что верила в это, или считала более почетным выставить бога виновником своего преступления. Однако ни боги, ни люди были не в силах защищать ее и детей от жестокости царя: жрица в оковах была брошена в темницу, а детей было приказано выбросить в реку.

Но по воле рока Тибр выступил из берегов и образовал болота, так что нигде нельзя было подойти к его настоящему руслу; вместе с тем посланные надеялись, что дети потонут и в стоячей воде. Итак, считая себя исполнившими повеление царя, они бросили детей в ближайшую лужу, где теперь находится Руминальская смоковница (говорят, что она называлась Ромуловой)[1]. В тех местах был тогда обширный пустырь. Существует предание, что, когда плавающее корыто, в котором были выброшены мальчики, после спада воды осталось на сухом месте, волчица, шедшая из окрестных гор, направилась на плач детей; она с такой кротостью припала к ним и кормила их грудью, что старший царский пастух, называвшийся, по преданию, Фаустулом, нашел ее лижущей детей. Фаустул принес их домой и отдал на воспитание жене своей Ларенции...

Так они родились и так воспитались; когда же подросли, то, не оставаясь без дела в хижине пастуха или около стад, они, охотясь, бродили по лесам. Укрепившись среди таких занятий телом и духом, они не только преследовали зверей, но нападали и на разбойников, обремененных добычей, делили награбленное ими между пастухами и с этой со дня на день увеличивавшейся дружиной занимались и делом и забавами... И вот, когда они предавались играм, разбойники, раздраженные потерей добычи, устроили им засаду; Ромул отбился, а Рема они захватили, немедленно доставили к царю Амулию и сами же еще стали его обвинять. Основное обвинение состояло в том, что братья нападают на поля Нумитора и с шайкой юношей угоняют оттуда скот, точно враги. Поэтому Рем был передан для наказания Нумитору. Фаустул уже с самого начала подозревал, что у него воспитываются царские дети; он знал, что они выброшены по повелению царя; совпадало и время, когда он их нашел; но, не будучи окончательно уверенным, он не хотел открывать этого, разве выпадет случай или принудит необходимость. Необходимость явилась раньше! И вот под влиянием страха он все открывает Ромулу. Случайно и Нумитор, содержа под стражей Рема и слыша о братьях-близнецах, вспомнил о внуках, сопоставляя их возраст и характер пленника, совсем не похожего на раба. Путем расспросов он пришел к тому же выводу и почти признал Рема. Таким образом, против царя (Амулия) со всех сторон куются козни. Ромул, не считая возможным действо-

---

[1] *Руминальская смоковница* посвящена Румине, покровительнице молодых стад. По преданию, под нею волчица вскормила Ромула и Рема.

вать силой открыто, нападает на царя не с шайкой юношей, а приказывает каждому пастуху к определенному времени своей дорогой явиться ко дворцу. Рем же, подготовивший другой отряд, является на помощь со стороны жилища Нумитора.

Так они убивают царя. В начале смятения Нумитор, заявляя, что в город вторглись враги и напали на дворец, отозвал альбанскую молодежь для защиты акрополя; когда же увидел, что братья, умертвив царя, идут к нему с приветствием, созывает тотчас же собрание, сообщает о преступлении против него брата, указывает на происхождение внуков, как они родились, как воспитывались, как были узнаны, как затем убит тиран, и объявляет, что он виновник этого. Юноши, выступив стройно на середину собрания, провозгласили деда царем, а последовавшие единодушные восклицания толпы закрепили за ним царское звание и власть.

Предоставив альбанское царство Нумитору, Ромул и Рем пожелали основать город в тех местах, где были выброшены и воспитаны. К тому же был избыток в альбанском и латинском населении; к ним присоединились пастухи, а это все вместе, естественно, давало надежду, что и Альба и Лавиний будут малы в сравнении с тем городом, который собирались основать. Но затем в этом деле сказалось вредное влияние дедовского зла — страсти к царской власти, следствием чего был позорный бой, возникший из-за довольно маловажного повода. Так как братья были близнецами и нельзя было решить дело на основании предпочтения старшинству, то Ромул избирает Палатинский, а Рем — Авентинский холм для гадания, чтобы боги, покровители тех мест, указали знамениями, кому дать имя новому городу и управлять им.

Рассказывают, что знамение — 6 коршунов — явилось ранее Рему и оно уже было возвещено, как Ромулу явилось двойное число; и вот того и другого окружающая толпа приветствовала царем; одни требовали царской власти для своего вождя, основываясь на времени (появления птиц), другие — на числе их. Поднялась брань, а вызванное ею раздражение привело к схватке, во время которой в толпе был убит Рем. Более распространено, однако, предание, что Рем, смеясь над братом, перепрыгнул через новые стены: разгневанный этим Ромул убил его, воскликнув: «Так (будет со всяким), кто перепрыгнет через мои стены». Таким образом, Ромул один завладел царством, а основанный город был назван именем основателя.

Хрестоматия по истории Древнего Рима / Под ред. С. Л. Утченко. — М., 1962. — С. 43—45.

§ 2. РИМСКАЯ РЕСПУБЛИКА В V—III ВВ. ДО Н. Э.

2. Патриции и плебеи

Дионисий Галикарнасский. Римские древности

Дионисий Галикарнасский — греческий историк, современник Тита Ливия, написал труд «Римские древности», состоявший из 20 книг (дошли первые 10,

остальные известны в отрывках). Дионисий пытался дать обзор римской истории с легендарных времен до 264 г. до н. э. (до начала первой Пунической войны). Значение его сочинения в том, что он, использовав произведения ранних историков-анналистов, дал сведения, отличающиеся от сообщений Ливия.

...Ромул, отделив низших от высших, дал законы и установил, что кому из них надлежит делать: патрициям[1] — отправлять магистратуры и жреческие должности, плебеям[2] — возделывать землю, кормить скот и заниматься доходными ремеслами. Он поручил патрициям народ, разрешив каждому избрать кого он захочет себе патроном[3], назвав это патронатом. Он установил следующее право патроната: патрициям следует толковать своим клиентам[4] законы, присутствовать и помогать им на суде, если они претерпели несправедливость и если они обвинены. Клиентам же надлежит помогать патронам при выдаче замуж дочерей, если родителям недостает средств, выкупать их у врагов, если они сами или их дети взяты в плен, а также платить за них как убытки от частных тяжб, так и штрафы государству, если они будут осуждены. Вообще же по божескому и человеческому праву те и другие не могли друг друга обвинять, выступать друг против друга свидетелями или подавать голос за неблагоприятное (для тех или других) решение. Если же кто-либо оказывался замешанным в такого рода злодеяния, то по закону о предательстве, который санкционировал Ромул, он подлежал ответственности, а будучи осужден, мог быть кем угодно убит как посвященный подземному Зевсу.

Ромул дал царю такие права: чтобы он возглавлял священнодействия и жертвоприношения, чтобы хранил законы и нравы отцов, более важные преступления разбирал сам, а более легкие поручал сенату; собирал сенат и созывал народ и имел высшую власть во время войны. Собранию сената он дал такую власть, чтобы оно обсуждало и подавало голоса по всякому делу, которое ему доложит царь. Народу же он предоставил эти три (права): выбирать магистратов, санкционировать законы и решать о войне, когда царь к нему обратится. Но голоса подавал не сразу весь народ, но созванный по куриям.

Там же. — С. 48—49.

---

[1] *Патриции* — класс-сословие ранней Римской республики, состоящий из полноправных граждан, входящих в родовые объединения. К концу IV — началу III в. до н. э. происходит слияние высших чинов патрициев и плебеев в единое привилегированное сословие — нобилей. *Магистратуры* — выборные должности.

[2] *Плебеи* — класс-сословие ранней Римской республики, состоящий из покоренных латинян и добровольно поселившихся в городе выходцев из соседних территорий. В родовые организации римлян они не входили и первоначально были политически бесправны.

[3] *Патрон* — покровитель (защитник). Под его защитой во время ранней республики находились некоторые плебеи, в период поздней республики — целые области и провинции.

[4] *Клиенты* (верный, послушный) — зависимые от патрона люди. Вступая в род патрона, они обязаны были выполнять различного рода повинности в пользу патрона.

3. Первая сецессия плебеев и установление народного трибуната[1]

Тит Ливий. Римская история от основания города, II, 23—24; 32—33

В начале V в. до н. э. плебеи составляли основную часть римского войска. Используя это положение, они вели борьбу за свои права, угрожая уйти из Рима и основать новый город. Уход плебеев из Рима называют сецессией (от лат. secessio — уход, удаление). Во время серьезных военных осложнений плебеи предъявляли патрициям свои требования и удалялись на «Священную гору».

Но, с одной стороны, грозила война с вольсками, с другой — внутри государства царило несогласие вследствие непримиримой ненависти между патрициями и плебеями, преимущественно связанных долговыми обязательствами. Последние громко роптали, что, сражаясь в чужих краях за свободу и власть, они находятся в плену и угнетении у сограждан, что свобода плебеев в меньшей опасности на войне, чем во время мира, и среди врагов, чем среди сограждан; и это раздражение, которое само по себе было готово прорваться каждую минуту, разожгло крайне несчастное положение одного человека. Какой-то старик, на котором видны были его страдания, бросился на форум; одежда была запачкана грязью, еще более жалкий вид имело тело его, по бледности и худобе похожее на скелет; отросшая борода и волосы делали выражение лица его диким. Но при всем таком безобразии его можно было узнать; говорили, что он был ротным командиром, упоминали со страданием и о других его военных отличиях; сам он показывал раны на груди, свидетельствовавшие о нескольких доблестных сражениях. Когда окружавшая его толпа, очень похожая на народное собрание, спрашивала, откуда эта одежда и этот безобразный вид, он ответил, что задолжал, служа в сабинскую войну, так как вследствие опустошения поля потерял урожай, мало того, пожар истребил его дом, все имущество было расхищено, скот угнан и в это тяжелое время потребован был взнос на военные потребности. Увеличившийся от процентов долг сперва лишил его отцовской и дедовской земли, затем и остального имущества, а наконец, точно тля, добрался и до тела: кредитор не только взял его в рабы, но отвел на работы в подземелье и предал на мучения. При этом он показал спину, обезображенную следами от недавно полученных ударов. Видя это и слыша его рассказ, народ поднимает страшный крик. И шум уже не ограничивается форумом, а распространяется по всему городу. Должники в оковах и без оков вырываются отовсюду на улицу и взывают к квиритам о защите. Всюду являются готовые следовать за мятежниками; везде многочисленные толпы по всем улицам с криком бегут на форум. Случайно находившиеся на форуме сенаторы, подвергаясь большой опасности, попали в эту толпу; и она дала бы волю рукам, если бы консулы П. Сервилий и Ап. Клавдий не поспешили явиться для подавления мятежа. Тогда толпа обратилась

[1] 494 г. до н. э.— традиционная дата удаления плебеев на «Священную гору». Установление народного трибуната.

на них и начала указывать на оковы и обезображенный вид свой; ссылаясь на службу в разных местах, они говорили, что вот-де до чего дослужились. Гораздо более угрожая, чем прося, они требуют созвания сената и окружают курию, собираясь сами решать и руководить общественным советом. Лишь очень немногие сенаторы, случайно подвернувшиеся, были собраны консулами; прочие боялись показаться не только в курии, но и на форуме, и по малочисленности сената не могло быть никакого совещания. Тогда народ решил, что над ним насмехаются и затягивают дело; не явившиеся сенаторы отсутствуют-де не случайно и не из страха, а чтобы затормозить дело; сами консулы отстраняются и, несомненно, издеваются над их бедственным положением. И дело было уже близко к тому, что даже высокое звание консулов не сдержит раздражения толпы, как наконец сенаторы собираются, не зная, что рискованнее: медлить или идти; когда же наконец собрание курии было многолюдно, то ни сенаторы, ни даже консулы не могли прийти к соглашению между собой: Аппий, муж крутого нрава, полагал, что следует воспользоваться консульской властью: схватить одного-другого, и все успокоятся; Сервилий, более склонный к кротким мерам, считал и более безопасным и более легким успокоить, а не сокрушить возбужденный народ.

Тем временем появилась другая, бóльшая гроза: прискакали латинские всадники с страшной вестью, что вольски двигаются с армией осаждать город. Это известие произвело совершенно противоположное впечатление на патрициев и плебеев: так резко разделило несогласие одно государство на две партии! Плебеи радовались, говоря, что боги являются карателями гордости патрициев, подстрекали друг друга не записываться в войско: лучше вместе погибать, чем поодиночке; пусть патриции служат, пусть берутся за оружие, чтобы одни и те же подвергались опасности войны и пользовались выгодами от нее! Между тем сенаторы, опечаленные и напуганные двойной опасностью — со стороны граждан и со стороны врагов, стали просить консула Сервилия, который лучше умел ладить с народом, спасти государство, обуреваемое столь великими опасностями. Тогда консул, распустив сенат, является в народное собрание. Здесь он сообщает, что сенат озабочен улучшением положения народа; но обсуждению вопроса хоть и о большей, но все же о части государства помешал страх за все государство. Да и невозможно, так как неприятель почти у ворот города, предпринять что-нибудь прежде войны; вместе с тем если бы и последовало с этой стороны какое-нибудь облегчение, то и для плебеев не было бы почетно, что они взяли оружие за отечество лишь по получении награды, да и для патрициев неприлично, что они позаботились о бедственном положении своих сограждан под давлением страха, а не после, по доброй воле. Доверие к своей речи он вызвал эдиктом, которым запрещал кому бы то ни было держать римского гражданина в оковах или заключении, лишая его тем возможности записаться у консулов в войско и владеть или продавать имущество воина, или докучать его детям или внукам,

пока он находится в лагере. По издании этого распоряжения и бывшие налицо записывались в войско, и отовсюду со всего города бежали на форум для принесения присяги узники, вырывавшиеся из домов, так как право держать их было отнято у кредиторов. Таким образом составился большой отряд, и доблесть и усердие его в войне с вольсками выделялись более всех других. Консул выводит войска против неприятеля и разбивает лагерь на небольшом расстоянии от него...

Затем патрициями овладел страх, как бы в случае распущения войска не начались опять тайные сходки и совещания. И вот, полагая, что так как воины давали присягу консулам, то она для них обязательна и теперь, хотя набор произведен был диктатором, они приказали вести войска из города под предлогом возобновления эквами военных действий. Это распоряжение ускорило мятеж. И сперва, говорят, шла речь об убиении консулов, чтобы освободиться от присяги; но, узнав, что никакое религиозное обязательство не уничтожается преступлением, они по совету некоего Сициния без позволения консулов ушли на Священную гору (она находится за Аниеном в 3000 шагов от города; это предание более распространено, чем сообщаемое Пизоном, что удаление последовало на Авентинский холм); здесь без всякого вождя, укрепив лагерь валом и рвом, забирая [с полей] лишь необходимое для пропитания, они держались несколько дней спокойно, никем не задеваемые и не задевая никого. В городе распространилась сильная паника, и обоюдный страх держал всех в напряженном состоянии: покинутые своими, плебеи опасались ярости патрициев, патриции боялись оставшихся в городе плебеев, не зная, чего лучше желать: чтобы они оставались или уходили? Долго ли ушедшая толпа будет спокойна? Далее, что́ будет, если тем временем разразится какая-нибудь внешняя война? Тут, конечно, остается надежда лишь на согласие граждан! Правдой или неправдой, но его надо восстановить в государстве! Ввиду этого решено было отправить к плебеям посредником Менения Агриппу, человека, обладавшего даром слова и приятного плебеям, из среды которых он сам происходил. Сравнивая, как похоже возмущение членов человеческого тела на раздражение плебеев против патрициев, он изменил настроение умов.

Затем начались переговоры о примирении и дано было согласие на выставленное плебеями условие, чтобы у них были свои неприкосновенные[1] магистраты, которые имели бы право подавать помощь против консулов, и чтобы никто из патрициев не мог занимать эту должность. Таким образом, были избраны два народных трибуна — Г. Лициний и Л. Альбин. Они избрали себе трех товарищей; в числе их был и Сициний, виновник удаления; кто были два остальные, о том существует разногласие. Некоторые утверж-

[1] Посягнувший на трибуна считался вместе со всем имуществом посвященным богу подземного царства; становясь вне покровительства законов, он мог быть безнаказанно убит каждым.

дают, что на Священной горе было выбрано только два трибуна и там проведен закон о неприкосновенности их.

Хрестоматия по истории Древнего Рима / Под ред. С. Л. Утченко. — М., 1962. — С. 54—58.

4. Организация римского войска

Полибий. Всеобщая история, IV, 19—42

Полибий (ок. 201—120 гг. до н. э.) — современник III Македонской войны, видный деятель Ахейского союза, долго (около 16 лет) жил в Риме. Знаменитый историк, считая «что надо больше доверять своим глазам, чем ушам», много путешествовал, видел гибель Карфагена в 146 г. до н. э., осаду Нуманции[1] в Испании в 133 г. до н. э. Являясь, таким образом, непосредственным свидетелем длительных победоносных войн Рима до II в. н. э., Полибий дал яркое, достоверное, конкретное описание римской армии.

...Когда в назначенный день новобранцы соберутся, самых молодых из них и беднейших трибуны зачисляют в легковооруженные, следующих за ними — в так называемые hastati, людей наиболее цветущего возраста — в principes, а старейших — в triarii[2]. Таковы у римлян и в таком числе деления каждого легиона, различающиеся не только по названиям и возрастам, но и по роду оружия. Распределение солдат производится таким образом: старейших, так называемых триариев, полагается шестьсот человек, principes — тысяча двести, столько же hastati, а прочие, наимладшие, образуют разряд легковооруженных. Если число солдат превышает четыре тысячи, соответственно изменяется распределение солдат по разрядам, за исключением триариев, число которых всегда остается неизменным.

Самым юным из солдат трибуны предписывают вооружаться мечом, дротиками и легким щитом. Щит сколочен крепко и для обороны достаточно велик. По виду он круглый и имеет три фута в поперечнике. Легковооруженные, кроме того, носят на голове гладкую шапку, иногда волчью шкуру или что-нибудь в этом роде как для прикрытия головы, так и для того, чтобы дать отдельным начальникам возможность отличать по этому знаку храбрых в сражениях от нерадивых. Древко дротика имеет обыкновенно в длину два локтя[3] и в толщину один дюйм. Наконечник его длиною в пядень и так тонок и заострен, что непременно гнется после первого же удара, и потому противник не может метать его обратно; иначе дротиком пользовались бы обе стороны.

Воинам второго возраста, так называемым hastati, отдается

---

[1] *Нуманция* — город в Испании. В 133 г. до н. э. после длительной осады был взят римлянами.

[2] *Гастаты* — копейщики, молодые легковооруженные воины, составлявшие первую боевую линию войска; *принцепсы* (первые, главные) — 1200 тяжеловооруженных воинов более зрелого возраста — составляли вторую боевую линию; *триарии* — тяжеловооруженные опытные воины, составлявшие третью боевую линию.

[3] *Локоть* — мера длины, равная приблизительно 0,5 м.

приказание носить полное вооружение. В состав его прежде всего входит щит шириною в выпуклой части в два с половиной фута, а длиною в четыре фута; щит большого размера на одну пядень длиннее. Он сколочен из двух досок, склеенных между собой бычьим клеем и снаружи обтянутых сначала холстом, потом телячьей кожей. Далее, по краям сверху и снизу щит имеет железные полосы, которые защищают его от ударов меча и позволяют воину ставить его наземь. Щит снабжен еще железною выпуклостью, охраняющей его от сильных ударов камней, сарисс и всякого рода опасных метательных снарядов. Кроме щита, в состав вооружения входит меч, который носят у правого бедра и называют иберийским[1]. Он снабжен крепким, прочным клинком, а потому и колет превосходно, и обеими сторонами наносит тяжелый удар. К этому нужно прибавить два метательных копья, медный щит и поножи. Копья различаются на тяжелые и легкие. Круглые тяжелые копья имеют в поперечнике пядень, четырехгранные — столько же в каждой стороне. Легкое копье походит на рогатину средней величины, и его носят вместе с тяжелым. Длина древка в копьях обоего рода около трех локтей. Каждое древко снабжено железным наконечником с крючком такой же длины, как и древко. Наконечник соединяется с древком очень прочно и для дела весьма удобно, потому что его запускают в дерево до середины и укрепляют множеством заклепок, поэтому связь частей не нарушается от употребления никогда, разве изломается железо; между тем толщина наконечника в основании, там, где он соединяется с древком, всего полтора пальца. Вот какое внимание обращают римляне на связь частей копья. Помимо всего сказанного, они украшают шлем султаном, состоящим из трех прямых перьев красного или черного цвета почти в локоть длиною. Утвержденные на верхушке шлема перья вместе с остальным вооружением как будто удваивают рост человека и придают воину красивый и внушительный вид. Большинство воинов носят еще медную бляху в пядень ширины и длины, которая прикрепляется на груди и называется нагрудником. Этим и завершается вооружение. Те из граждан, имущество коих определяется цензорами более чем в десять тысяч драхм, прибавляют к остальным доспехам вместо нагрудника кольчугу. Совершенно так же вооружены principes и triarii, с той только разницей, что triarii имеют копья вместо дротиков...

Лагерь римляне устраивают следующим образом: всякий раз, как только площадь для лагеря выбрана, под консульскую палатку отводится место, наиболее удобное как для наблюдения за всем лагерем, так равно для отдачи приказаний. Водрузивши знамя там, где должна быть поставлена консульская палатка, вокруг знамени отмеривают четырехугольное пространство, при-

---

[1] *Меч иберийский* — здесь — испанский. Иберия — древнейшее название Испании.

чем каждая сторона его отстоит от знамени на сто футов, а отмеренная поверхность площади имеет четыре плефра[1]. Всегда вдоль одной из сторон этого четырехугольника, той именно, с которой ожидается вернейшее обеспечение лагеря водою и припасами, римские легионы располагаются в таком порядке: в каждом легионе, как мы только что сказали, имеется по шести трибунов, а каждому из двух консулов подначальны всегда у римлян два легиона; ясно отсюда, что консула сопровождают в поход непременно двенадцать трибунов[2]. Итак, все палатки трибунов ставят по прямой линии, параллельной отмеченной выше стороне четырехугольника и отстоящей от нее на пятьдесят футов, дабы иметь достаточно места для лошадей, вьючного скота и для прочих запасов трибунов. Упомянутая выше фигура находится позади палаток, которые обращены к наружной стороне четырехугольника; ее-то раз навсегда мы и будем считать и называть лицевой стороной всего лагеря. Палатки трибунов находятся на равном расстоянии одна от другой и непременно на таком протяжении, что захватывают римские легионы во всю ширину.

Далее отмеривается еще пространство в сто футов на всем протяжении палаток трибунов впереди их и начиная от прямой линии, которая ограничивает эту широкую площадь и идет параллельно палаткам трибунов, возводятся стоянки легионов, причем поступают таким образом: намеченную выше прямую разделяют пополам, в точке деления проводят линию под прямым углом, вдоль которой по обеим сторонам размещают конницу двух легионов, одну против другой на расстоянии пятидесяти футов, причем отвесная линия проходит как раз посредине промежутка...

При таком расположении весь лагерь имеет вид равностороннего четырехугольника, а проложенные в нем улицы и прочее устройство уподобляют его городу. Палатки со всех сторон удалены от вала на двести футов. Это свободное пространство доставляет большие и разнообразные удобства. Так, оно весьма пригодно для вступления в лагерь войск и выступления из него, ибо отдельные части, каждая своей улицей, выходят к этому свободному пространству, и потому солдаты не сталкиваются на одной дороге, не опрокидывают и не топчут друг друга. Сюда же римляне уводят захваченный скот, сносят взятую у неприятеля добычу, что и находится здесь под верной охраной в ночную пору. Но — что самое важное — благодаря этому к солдатам, за весьма редкими исключениями, не долетают при ночных нападениях ни огонь, ни метательные снаряды: все это на значительном расстоянии от палаток не причиняет солдатам почти никакого вреда.

...Трусостью и позором для солдата римляне почитают про-

[1] *Плефр* (или плетр) — 1) греческая мера площадей, равная 0,095 га; 2) мера длины, равная приблизительно 30,83 м.

[2] *Двенадцать трибунов* — здесь идет речь о военных трибунах.

ступки вот какого рода: если кто ради получения отличия ложно припишет себе перед трибунами доблестный подвиг, потом, если кто по трусости покинет пост, на который он поставлен, или тоже по трусости бросит какое-либо оружие в пылу битвы. Вот почему иные солдаты, стоя на посту, обрекают себя на верную смерть и в виду гораздо более многочисленного неприятеля не решаются покидать свои посты из страха наказания, которое ждет их по возвращении с поля битвы. Другие, потерявшие в сражении щит, или меч, или какое-нибудь иное оружие, кидаются, как безумные, в ряды неприятелей или в надежде обрести потерянное, или в сознании, что только смерть может избавить их от неизбежного позора и обид от своих же товарищей.

Там же. — С. 100—102, 104—105, 107, 112, 113.

ТЕМА 2. ПРЕВРАЩЕНИЕ РИМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В СИЛЬНЕЙШУЮ РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКУЮ ДЕРЖАВУ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ

В данной теме приведены документы, содержащие сведения о важнейших событиях истории Римской республики в период ее наибольшего расцвета от начала Пунических войн (264 г. до н. э.) до спартаковского восстания включительно (74—71 гг. до н. э.).

§ 1. ЗАВОЕВАТЕЛЬНЫЕ ВОЙНЫ РИМА В III—II ВВ. ДО Н. Э.

К середине III в. до н. э. острые противоречия между сильнейшими государствами Западного Средиземноморья — Карфагенской державой и Римской рабовладельческой конфедерацией привели к началу Пунических войн. И Карфаген, и Рим боролись за гегемонию над Западным Средиземноморьем. Каждый из них проводил агрессивную внешнюю политику. Определяя сущность первых двух Пунических войн, В. И. Ленин писал: «Империалистические войны тоже бывали и на почве рабства (война Рима с Карфагеном была с обеих сторон империалистской войной), и в средние века, и в эпоху торгового капитализма. Всякую войну, в которой *обе* воюющие стороны угнетают чужие страны или народности, воюя из-за раздела добычи, из-за того, «кому больше угнетать или грабить», нельзя не назвать империалистской»[1].

Вторая Пуническая война (218—201 гг. до н. э.) по своим масштабам, размаху и историческому значению была одной из крупнейших войн древности. В хрестоматии приведены документы, характеризующие основные вехи военных действий. Сочинения Тита Ливия дают яркую характеристику Ганнибала, главнокомандующего карфагенской армией, содержат впечатляющий рассказ о знаменитом 33-дневном переходе карфагенян через Альпы, подробное описание битвы при Каннах (216 г. до н. э.), одной из самых значительных битв в истории древнего мира.

В результате захватнических войн, которые вели римляне в бассейне Средиземного моря в течение более чем ста лет, сложилась мировая держава. Страны, завоеванные Римом и превращенные им в провинции, подверглись беспощадному грабежу и эксплуатации.

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 34.— С. 364.

1. Тит Ливий. Римская история от основания города

Тит Ливий о Ганнибале

XXI. 1. Рассказывают даже, что когда Гамилькар[1], окончив африканскую войну, собирался переправить войско в Испанию и приносил по этому случаю жертву богам, то его девятилетний сын Ганнибал с детской лаской стал просить отца взять его с собой; тогда, говорят, Гамилькар велел ему подойти к жертвеннику и, коснувшись его рукой, произнести клятву, что он будет врагом римского народа, как только это ему дозволит возраст...

3. Относительно преемника Гасдрубала[2] никаких сомнений быть не могло. Тотчас после его смерти воины по собственному почину понесли молодого Ганнибала в палатку главнокомандующего и провозгласили его полководцем; этот выбор был встречен громкими сочувственными возгласами всех присутствующих, и народ впоследствии одобрил его.

4. ... Итак, Ганнибал был послан в Испанию. Одним своим появлением он обратил на себя взоры всего войска. Старым воинам показалось, что к ним вернулся Гамилькар, каким он был в лучшие свои годы: то же мощное слово, тот же повелительный взгляд, то же выражение, те же черты лица! Но вскоре он достиг того, что его сходство с отцом сделалось наименее значительным из тех качеств, которые располагали к нему воинов. Никогда еще душа одного и того же человека не была столь равномерно приспособлена к обеим, столь разнородным обязанностям, повелеванию и повиновению; трудно было поэтому различить, кто им более дорожил — полководец ли или войско. Никого Гасдрубал не назначал охотнее начальником отряда, которому поручалось дело, требующее отваги и стойкости; но и воины ни под чьим начальством не были более самоуверенны и более храбры. Насколько он был смел, бросаясь в опасность, настолько же был он осмотрителен в самой опасности. Не было такого труда, при котором он устал бы телом или падал духом. И зной, и мороз он переносил с равным терпением; ел и пил столько, сколько требовала природа, а не в удовольствие; распределял время для бодрствования и сна, не обращая внимания на день и ночь, он уделял покою те часы, которые у него оставались свободными от работы; притом он не пользовался мягкой постелью и не требовал тишины, чтобы легче заснуть; часто его видели, как он, завернувшись в военный плащ, спал среди воинов, стоящих на карауле или в пикете. Одеждой он ничуть не отличался от ровесников; только по вооружению да по коню его можно было узнать. Как в коннице, так и в пехоте

---

[1] *Гамилькар* Барка — знаменитый полководец и дипломат Карфагена. Во время 1-й Пунической войны руководил обороной Сицилии. Погиб в Испании в войне с иберами в 225 г. до н. э.

[2] *Гасдрубал* — карфагенский полководец, зять Гамилькара. После его смерти продолжал завоевание Испании.

он далеко оставлял за собою остальных; первым устремлялся в бой, последним после сражения оставлял поле. Но в одинаковой мере с этими высокими достоинствами обладал он ужасными пороками. Его жестокость доходила до бесчеловечности, его вероломство еще превосходило пресловутое «пуническое» вероломство. Он не знал ни правды, ни добродетели, не боялся богов, не соблюдал клятвы, не уважал святыни. Будучи одарен этими хорошими и дурными качествами, он в течение своей трехлетней службы под начальством Гасдрубала с величайшим рвением исполнял все, наблюдал над всем, что только могло развить в нем зачатки великого полководца.

Переход через Альпы

32. Ганнибал же, перешедши Друенцию[1], отправился вверх по лугам, не встречая никаких препятствий со стороны населявших эту местность галлов, пока не приблизился к Альпам. Здесь, однако, воины, хотя они и были заранее подготовлены молвой, обыкновенно преувеличивающей то, о чем человек не имеет ясного понятия, все-таки были вторично поражены ужасом, видя вблизи эти громадные горы, эти ледники, сливающиеся почти с небесным сводом, эти безобразные хижины, разбросанные по скалам, эту скотину, которой стужа, казалась, даже расти не давала, этих людей, обросших волосами и одетых в лохмотья. Вся природа как одушевленная, так и неодушевленная казалась окоченевшей от мороза, все производило на очевидцев удручающее впечатление, не поддающееся описанию...

35. ... Слоны очень замедляли шествие, когда их приходилось вести по узким и крутым дорогам, но зато они доставляли безопасность той части войска, в которой они шли, так как враги, никогда этих животных не видевшие, боялись подходить к ним близко. На девятый день достигли они альпийского перевала, часто пролагая себе путь по непроходимым местностям и несколько раз сбиваясь с дороги; то их обманывали проводники, то они сами, не доверяя им, наугад выбирали путь и заходили в глухие долины. В продолжение двух дней они стояли лагерем на перевале; воинам, утомленным работами и битвами, было дано время отдохнуть; а несколько вьючных животных, скатившихся было со скал, ступая по следам войска, пришли в лагерь. Воины все еще были удручены столькими несчастьями, обрушившимися на них, как вдруг, к их ужасу, в ночь заката Плеяд (7.XI) выпал снег. На рассвете лагерь был снят и войско лениво двинулось вперед по дороге, на всем протяжении занесенной снегом; у всех на лице лежал отпечаток тоски и отчаяния. Тогда Ганнибал, опередив знамена, велел воинам остановиться на горном выступе, откуда можно было обозревать широкое и далекое пространство, и показал им Италию

[1] *Друенция* — левый приток Родана (Роны). В древности судоходная река.

и расстилающуюся у подножия Альп равнину По. «Теперь вы переходите,— сказал он им,— стены не только Италии, но и Рима. Отныне все пойдет, как по ровному, отлогому склону; одна или много две битвы отдадут в наши руки и нашу власть кремль и столицу Италии».

Отсюда войско пошло дальше в таком бодром настроении, что даже враги не посмели тревожить его и ограничивались маленькими грабительскими вылазками. Надобно, однако, заметить, что спуск был гораздо затруднительнее восхождения, так как альпийские долины почти повсеместно на италийской стороне короче и круче. Почти на всем протяжении тропинка была крута, узка и скользка, так что воину трудно было не поскользнуться, а раз, хотя и слегка, поскользнувшись — сохранить в падении свое место. Таким образом, одни падали на других, животные на людей.

36. Но вот они дошли до скалы, где тропинка еще более суживалась, а крутизна была таковой, что даже воин налегке только после долгих усилий мог бы спуститься, цепляясь руками за кусты и выдающиеся там и сям корни. Скала эта и раньше по природе своей была крута; теперь же вследствие недавнего обвала она обрывалась отвесной стеной на глубину тысячи приблизительно футов. Пришедши к этому месту, всадники остановились, не видя далее перед собой тропинки, и, когда удивленный Ганнибал спросил, зачем эта остановка, ему сказали, что перед войском недоступная скала. Тогда он сам отправился осматривать местность и пришел к заключению, что, несмотря на крупную трату времени, следовало повести войско в обход по местности, где не было ни тропинки, ни следа человеческих ног. Но этот путь оказался решительно невозможным. Сначала, пока старый снег был покрыт достаточно толстым слоем нового, ноги идущих легко находили себе опору в нем вследствие его рыхлости и умеренной глубины. Но когда под ногами стольких людей и животных его не стало, им пришлось ступать по гололедице и жидкой гуще полурастаявшего снега. Страшно было смотреть на их усилия: нога даже следа не оставляла на скользком льду и при покатости места совсем не могла держаться на нем, а если кто, упав, старался подняться, опираясь на руки или колено, то и эта опора скользила, и он вторично падал. Не было кругом ни колод, ни корней, о которые они могли бы опереться ногой или рукой; в своей беспомощной борьбе они ничего вокруг себя не видели, кроме голого льда и тающего снега. Животные подчас вбивали свои копыта даже в нижний слой; они тогда падали и, усиленно работая копытами, чтобы подняться, вовсе его пробивали, так что многие из них оставались на месте, завязши в твердом и насквозь обледеневшем снегу, как в капкане.

37. Убедившись наконец, что и животные, и люди только понапрасну истощали свои силы, Ганнибал опять велел разбить лагерь на перевале, с трудом расчистив для этого место: столь-

ко снегу пришлось срыть и вынести за окопы. На следующий день он повел воинов пробивать тропинку по скале — единственному месту, где можно было пройти. А так как для этого нужно было ломать камень, то они срубают и обрубают огромные деревья, которые росли недалеко, и строят небывалых размеров костер. Обождав затем появления сильного и благоприятного для разведения огня ветра, они зажигают костер, а затем, когда он выгорел, заливают раскаленный камень уксусом, превращая его этим в рыхлую массу. После этого они, обрабатывая железными орудиями растрескавшуюся от действия огня скалу, делают ее доступной, смягчая серпантинами умеренного наклона чрезмерную ее крутизну, так что могли спуститься не только вьючные животные, но и слоны. Всего у этой скалы было проведено четыре дня, причем животные едва не издохли от голода; действительно, верхние склоны гор почти везде состоят из голых скал, а если и есть какой корм, то его заносит снегом. В низовьях долины, напротив, есть и согреваемые солнцем холмы, и ручьи, окаймляющие рощи, и вообще места, заслуживающие быть жилищем человека. Здесь лошадей пустили пастись, а людям, утомленным от сооружения тропинки, был дан отдых. Отсюда они через три дня достигли равнины; чем дальше, тем мягче делался и климат страны, и нравы жителей.

38. Таким-то образом Ганнибал совершил путь в Италию, употребив, по мнению некоторых историков, пять месяцев на шествие от Нового Карфагена до подножия Альп и 16 дней на переход через Альпы. Сколько было войска у Ганнибала после его прихода в Италию,— относительно этого пункта источники совершенно не согласны друг с другом: самая высокая цифра — 100 тысяч пехоты и 20 тысяч конницы, и самая низкая — 20 тысяч пехоты и 6 тысяч конницы. Более всех поверил бы я Л. Цинцию Алименту[1], который, по его собственному признанию, был взят в плен Ганнибалом; он не дает определенной цифры численности пунического войска, а прибавляет к нему галлов и лигуров[2] и говорит, что включая их, Ганнибал привел — я думаю скорее, что эти силы соединились с Ганнибалом уже в Италии, как то и сообщают некоторые источники — 80 тысяч пехоты и 10 тысяч конницы; сверх того, он прибавляет, что Ганнибал, по его собственным словам, со времени своего перехода через Рону потерял 36 тысяч человек и несметное число лошадей и других вьючных животных.

Битва при Каннах (216 г. до н. э.)

Подробное описание Титом Ливием битвы при Каннах имеет значение для ознакомления с военным искусством древности. Тит Ливий дал сведения о расположении военных сил Рима и Карфагена перед началом битвы, о ее

---

[1] *Цинций* Алимент, Луций — один из старейших анналистов, жил во время 2-й Пунической войны. Написал «Анналы», из которых до нас дошли только некоторые фрагменты.

[2] *Лигуры* — древнейшее население Апеннинского полуострова.

дальнейшем развитии. Он показал, каким образом Ганнибал смог полностью окружить и разгромить римское войско. Однако победа Ганнибала в битве при Каннах не решила исхода войны. Его определило римское крестьянство, которое в течение последующих 12 лет войны успешно сражалось против Ганнибала.

XXII. 45. ... На следующий день (консул) Варрон, которому был черед командовать, совсем не посоветовавшись с товарищем, дал сигнал и переправил через реку выстроенные в боевой порядок войска. Павел последовал за ним, потому что он мог только не одобрять его решение, но не мог оставить его без помощи. Переправившись через реку, они присоединяют к себе и те войска, которые были в меньшем лагере, и выстраиваются в боевой порядок следующим образом: на правом фланге — он был ближе к реке — помещают римских всадников, затем пехотинцев; левый фланг заняли на самом краю всадники союзников, ближе стояла пехота, примыкавшая в центре к римским легионам. Передовой отряд составляли пращники вместе с прочими легковооруженными вспомогательными войсками. Консулы начальствовали над флангами: Теренций (Варрон) — левым, Эмилий (Павел) — правым; центр боевой линии был поручен команде Гемина Сервилия.

46. На рассвете, отправив вперед балеарцев и другие легковооруженные силы, Ганнибал переправился через реку, и, по мере того как воины переходили реку, он выстраивал их в боевой порядок; галльских и испанских всадников он поместил на левом фланге близ берега против римской конницы, правый фланг был назначен нумидийским[1] всадникам, причем центр был подкреплен пехотою, так что оба фланга состояли из африканцев, а между ними располагались галлы и испанцы. Африканцев можно было принять за римский отряд, так как они были вооружены оружием, отнятым у римлян при Требии[2], но главным образом при Тразимене[3]. У галлов и испанцев щиты были почти одной и той же формы, мечи же различные и не похожие одни на другие, у галлов весьма длинные и без острия на конце, у испанцев, привыкших скорее колоть, чем рубить при нападении на неприятеля, короткие, а потому удобные и остроконечные. Правда, и в других отношениях эти племена были страшны как громадностью роста, так и всей своей наружностью: галлы были обнажены до пояса, а испанцы были одеты в полотняные туники, затканные пурпуром, замечательной белизны и блеска. Число всех пехотинцев, находившихся тогда в строю, было 40 тысяч, всадников — 10 тысяч. Флангами командовали полководцы: левым — Гасдрубал, правым — Магарбал; центр строя удерживал за собой сам Ганнибал с братом Магоном. Нарочно ли карфагеняне так были помещены или случайно так стояли,

---

[1] *Нумидийцы* — население области Нумидия в Северной Африке.

[2] *Требия* — правый приток Пада. Здесь в 218 г. до н. э. Ганнибал одержал первую победу над римлянами.

[3] У Тразименского озера в Восточной Этрурии в 217 г. до н. э. Ганнибал разбил римлян.

но солнце весьма кстати освещало ту и другую часть их косыми лучами, так как они были обращены лицом к северу, римляне — к югу; ветер — обитатели той области называют его Вултурном — дул прямо против римлян и, неся массу пыли как раз в лицо им, лишал их возможности смотреть вперед.

47. Подняв воинский крик, выбежали вперед вспомогательные войска и завязали сражение сначала легковооруженные; затем левый фланг, состоявший из галльских и испанских всадников, сошелся с правым римским флангом, причем бой вовсе не похож был на конное сражение, ибо всадникам приходилось сражаться лицом к лицу, так как с одной стороны их запирала река, а с другой стороны — отряд пехоты, и не оставалось никакого пространства, чтобы делать обходные движения. Таким образом, движение происходило все в прямом направлении; когда же лошади стали и были сбиты в кучу, то воины обхватывали друг друга и сталкивали с коней. Поэтому сражение стало уже большей частью пешим; однако оно было не столь продолжительно, как ожесточенно, и пораженная римская конница обратила тыл. Под конец кавалерийского сражения началась битва пехотинцев, сначала равная и по силам, и по храбрости, пока держались ряды испанцев и галлов; наконец, после продолжительных и многократных усилий, римляне своим плотным строем, представлявшим косую линию, сломили выдававшуюся из остального строя неприятельскую фалангу, которая была редка, а потом весьма слаба. Затем, когда пораженные враги в страхе попятились назад, римляне стали наступать на них и, двигаясь через толпу беглецов, потерявших от ужаса голову, разом проникли сперва в середину строя и, наконец, не встречая никакого сопротивления, добрались до вспомогательных отрядов африканцев, которые по отступлении обоих флангов остались в центре, значительно выдававшемся и занятом прежде галлами и испанцами. Когда воины, составлявшие этот выступ, были обращены в бегство, и таким образом линия фронта сперва выпрямилась, а затем вследствие дальнейшего отступления образовала в середине еще изгиб, то африканцы уж выдвинулись вперед по бокам и окружили флангами римлян, которые неосмотрительно неслись в центр врагов. Вытягивая фланги далее, карфагеняне скоро заперли врагов и с тыла. С этого момента римляне, окончив бесполезно одно сражение и оставив галлов и испанцев, задние ряды которых они сильно били, начинают новую битву с африканцами, неравную не только потому, что окруженные сражались с окружавшими, но также и потому, что уставшие боролись с врагом, силы которого были свежи и бодры,

48. Уже и на левом фланге римлян, где стояли союзнические всадники против нумидийцев, завязалось сражение, сначала вялое, в котором карфагеняне начали действовать коварным образом. Почти 500 нумидийцев, имея, кроме обыкновенного оружия и стрел, скрытые под панцирями мечи, под видом перебежчиков со щитами за спиной подъехали от своих к римлянам,

вдруг соскочили с коней и, бросив к ногам врагов щиты и стрелы, были приняты в центр строя, затем отведены в арьергард и получили приказание расположиться там в тылу. И пока сражение завязывалось со всех сторон, они оставались спокойными; но после того как внимание и взоры всех сосредоточены были на битве, нумидийцы, схватив щиты, валявшиеся повсюду между грудами мертвых тел, напали сзади на римский отряд и, поражая римлян в спины и рубя их колени, причинили страшный урон и произвели еще большую панику и смятение. В то время как в одном месте происходило бегство испуганных римлян, а в другом — отчаянная борьба, хотя уже с плохой надеждой на успех, Гасдрубал, который командовал тою частью, вывел из центра строя нумидийцев, так как они вяло сражались со стоявшими против них римлянами, и послал их преследовать повсюду бегущих римлян, а испанских и галльских всадников присоединил к африканцам, которые уже почти изнемогали не столько от сражения, сколько от резни.

49. На другой стороне поля битвы консул Павел, в самом начале сражения тяжело раненный пращою, тем не менее с густою толпою воинов неоднократно наступал на Ганнибала и в некоторых местах восстановлял сражение; его прикрывали римские всадники, под конец оставившие лошадей, так как у консула не стало хватать сил даже управлять конем. Тогда, говорят, Ганнибал, получив известие, что консул приказал всадникам спешиться, сказал: «Мне было бы еще приятнее, если бы он передал мне их связанными!» Спешившиеся всадники сражались так, как сражаются, когда победа врагов уже не подлежит сомнению: побежденные предпочитали умереть на месте, чем бежать, победители, раздраженные задержкою победы, рубили тех, кого не могли принудить к отступлению. Однако, когда римлян оставалось уже немного и они изнемогли от усталости и ран, тогда они были обращены в бегство, затем все рассеялись и, кто мог, старались найти своих лошадей, чтобы бежать. ...Тогда римляне бросились со всех сторон врассыпную, 7 тысяч человек прибежало в меньший лагерь, 10 тысяч — в больший, а почти 2 тысячи — в самую деревню Канны; эти последние немедленно были окружены Карфалоном и его всадниками, так как деревня Канны не была защищена никакими укреплениями. Другой консул, случайно ли или намеренно, не присоединился ни к одному отряду беглецов, но приблизительно с 50 всадниками бежал в Венузию[1]. Говорят, что было перебито 45 тысяч 500 пехотинцев, 2 тысячи 700 всадников и притом почти столько же граждан, сколько и союзников...

50. Таково было сражение при Каннах, столь же известное, как и поражение при Алии[2], впрочем, насколько по последствиям оно менее важно, потому что враг бездействовал, настолько

[1] *Венузия* — италийский город на границе Апулии и Лукании.

[2] *Алия* — приток Тибра. 18 июля 390 г. до н. э. галлы у Алии разбили римские войска.

более тяжко и позорно вследствие избиения войска. Ибо бегство при Алии, предав город, спасло войско; при Каннах же за бежавшим консулом последовало едва 50 человек, почти все остальное войско принадлежало другому консулу, погибшему вместе с ним...

51. Когда все полководцы, окружив победителя Ганнибала, поздравляли его и советовали, чтобы он после такого сражения остальную часть дня и следующую ночь дал отдых себе и усталым воинам, предводитель конницы Магарбал, считая неуместным медлить, сказал: «Напротив, чтобы ты знал результат этого сражения, я заявляю тебе, что на пятый день ты будешь пировать победителем в Капитолии; последуй за мной: я пойду вперед со всадниками, чтобы враги прежде узнали о моем приходе, чем о намерении прийти». Ганнибалу этот совет показался чересчур блестящим и слишком величественным, чтобы сразу уразуметь его; поэтому он похвалил желание Магарбала, но заявил, что для обсуждения его предложения необходимо время. Тогда Магарбал сказал: «Не все, конечно, боги дают одному человеку: ты, Ганнибал, умеешь побеждать, но не умеешь пользоваться победою». Все признают, что бездействие этого дня послужило спасением для города и для Римского государства.

На следующий день, лишь только рассвело, карфагеняне усердно принялись собирать военную добычу и обозревать место избиения римлян, отвратительное даже для врагов. Римляне лежали тысячами, пехотинцы и всадники вперемежку, кого с кем соединил случай, или сражение, или бегство. Некоторые, приведенные в чувство, вызванною утренним холодом болью ран, окровавленные, приподнимались из груды трупов, но враги их добивали. Других карфагеняне нашли еще живыми, лежащими с перерубленными бедрами и коленями; они обнажали шею и горло и просили лишить их последней крови. Третьих нашли с закопанными в землю головами; очевидно было, что они сами вырывали для себя ямы и, засыпая лицо валившейся сверху землею, душили себя.

54. В Рим пришло известие, что... вся армия окончательно истреблена вместе с двумя консулами и уничтожены все военные силы. Никогда, пока Рим был цел, в стенах его не было такого ужаса и смятения...

Тит Ливий. Римская история от основания города.— М., 1896.— Т. III.— Кн. XXI—XXII.

2. Ограбление провинций

Марк Туллий Цицерон. Речь против Гая Верреса

Марк Туллий Цицерон (106—43 гг. до н. э.) — блестящий оратор, юрист, писатель, государственный деятель (был претором в 66 г. до н. э., консулом в 63 г. до н. э.). Его речи, письма, трактаты дают ценный материал для изучения самых различных сторон жизни римского общества в наиболее сложный,

полный драматическими событиями период падения Римской республики. Речи Цицерона позволяют судить о политической борьбе, политических партиях и группировках, создававшихся во время гражданских войн. В письмах и речах Цицерона есть сведения об экономическом состоянии Римского государства. Его философские трактаты служат ценным источником для характеристики интеллектуальной жизни Рима.

Речь Цицерона против Гая Верреса, управлявшего Сицилией с 73 до 71 г. до н. э., обличает неограниченный произвол наместника провинции, беззастенчивое ограбление им народа провинции в целях собственного обогащения. Ее содержание является прекрасным материалом для показа хищнической провинциальной политики римских магистратов.

IV. ... Но самые многочисленные и самые важные доказательства и следы всех своих пороков он оставил в провинции Сицилии, которую он в течение трех лет так истерзал и разорил, что ее совершенно невозможно восстановить в ее прежнем состоянии, и она лишь через много лет и с помощью неподкупных преторов в конце концов, видимо, сможет хоть сколько-нибудь возродиться (13). В бытность Верреса претором для сицилийцев не существовало ни их собственных законов, ни постановлений нашего сената, ни общечеловеческих прав. В Сицилии каждому принадлежит только то, что ускользнуло от безмерной алчности и произвола этого человека,— потому ли, что он упустил это из вида, или же потому, что был уже пресыщен.

V. В течение трех лет ни одно судебное дело не решалось иначе, как по мановению его бровей; не было ни одного имущества, унаследованного от отца или деда, которое не было бы отчуждено судебным приговором по повелению Верреса. Огромные деньги были взысканы с земледельцев на основании введенных им новых, преступных правил; наши преданнейшие союзники были отнесены к числу врагов, римские граждане были подвергнуты пыткам и казням, словно это были рабы; преступнейшие люди были за деньги освобождены от судебной ответственности, а ...уважаемые и бескорыстнейшие, будучи обвинены заочно, без слушания дела были осуждены и изгнаны; прекрасно укрепленные гавани и огромные, надежно защищенные города были открыты пиратам и разбойникам; сицилийские матросы и солдаты, наши друзья и союзники, были обречены на голодную смерть; прекрасный, крайне нужный нам флот, к великому позору для римского народа, был потерян нами и уничтожен.

(14) Этот же пресловутый претор разграбил дочиста все древнейшие памятники, часть которых была получена от богатейших царей, желавших украсить ими города, часть — также и от наших императоров, которые после своих побед либо даровали, либо возвратили их городским общинам Сицилии. И он поступил так не только со статуями и украшениями, принадлежавшими городским общинам; он ограбил все храмы, предназначенные для свершения священных обрядов; словом, он не оставил сицилийцам ни одного изображения божеств, если оно, по его мнению, было сделано достаточно искусно и притом рукой старинного мастера.

Цицерон Марк Туллий. Речи.— М., 1962.— Т. I.— С. 46—47.

3. Организация хозяйства и использование труда рабов в Риме во II—I вв. до н. э.

Марк Порций Катон. Земледелие

Марк Порций Катон (234—149 гг. до н. э.) — видный государственный деятель, оратор и историк, автор исторического труда «Начала» и трактата «Земледелие», полностью дошедшего до нас. Наиболее почетным занятием для римского гражданства Катон считал сельское хозяйство. В трактате «Земледелие» он дал описание образцовой виллы средней величины, типичной для центральной Италии, новых средств ведения хозяйства, обеспечивающих быстрое обогащение владельца, советы, как рационально эксплуатировать рабов, организовать надзор за ними, наиболее выгодно использовать вилика. Фактически Катон пытался определить норму рабочей выработки на единицу площади, еще не делая различия между рабом и свободным.

Труд Катона имеет большое значение для изучения характера рабовладельческого поместья в различных аспектах: организации сельского хозяйства, аграрных отношений, положения рабов, форм наиболее выгодного использования труда рабов, вилика. «Рабы должны работать всегда, даже по праздникам и в дождливые дни»,— писал Катон.

1. ...Если ты меня спросишь, какое имение самое лучшее, то я скажу так: сто югеров[1] с самой разнообразной почвой, в самом лучшем месте; во-первых, с виноградником, если вино хорошее и если вина много; во-вторых, с поливным огородом; в-третьих, с ивняком; в-четвертых, с масличным садом; в-пятых, с лугом; в-шестых, с хлебной нивой; в-седьмых, с лесом, где можно резать листья на корм скоту; в-восьмых, с виноградником, где лозы вьются по деревьям; в-девятых, лес с деревьями, дающими желуди.

2. Хозяин, придя в усадьбу и помолившись домашнему лару[2], должен обойти поместье, если можно, в тот же самый день, а если не в тот же самый день, то на следующий.

Когда он увидел, как поместье обработано, какие работы сделаны и какие не сделаны, он должен на следующий день позвать вилика и спросить, что из работ сделано, что остается; выполнены ли работы достаточно своевременно, может ли он выполнить остальные, а также сколько получено вина, хлеба и всего прочего. Когда он это узнает, ему следует заняться расчетом уроков и дней. Если он не видит работы, а вилик говорит, что рабы сбежали, что они повинности исполняли, то, когда он привел эти причины и множество других, верни его к расчету работ и дневных уроков. Если стояла дождливая погода, то вот работы, которые можно делать и в ливень: мыть долии[3] и осмаливать их, прибирать усадьбу, переносить хлеб, выносить навоз наружу, устраивать навозную кучу, очищать зерно, починять веревки, плести новые; рабам надлежало в это же время заняться починкой своих одеял и плащей. По праздникам можно было чистить старые канавы, прокладывать общественную дорогу, вырезать колючие кусты, вскапывать огород, обкашивать

[1] *Югер* — римская мера площади, около 0,25 га.
[2] *Лары* — римские божества, охранявшие дом, семью, улицы города.
[3] *Долий* — большой тыквообразный сосуд для вина.

луга, резать веники, вырывать колючую траву, обталкивать полбу, наводить чистоту...

Когда хозяин с полным спокойствием обо всем разузнает, он должен позаботиться, чтобы остальные работы были выполнены; подвести счет деньгам, хлебу, тому, что приготовлено на корм скотине, вину, маслу; подсчитать, что он продал, что взыскано, что остается, что есть на продажу. Надежные обеспечения и следует принять как надежные; все остальное привести в ясность. Чего на год не хватит, то купить; чего есть излишек, то продать; что нужно сделать с подряда, то сдать. Хозяин должен распорядиться и оставить запись о том, какие работы он хочет сделать своими силами и какие хочет сдать с подряда.

Он должен осмотреть скот; устроить распродажу: продать масло, если оно в цене; вино, лишний хлеб продать, состарившихся волов, порченую скотину, порченых овец, шерсть, шкуры, старую повозку, железный лом, дряхлого раба, болезненного раба, продать вообще все лишнее. Хозяину любо продавать, а не покупать.

5. Вот обязанности вилика. Он должен завести хороший порядок, соблюдать праздники; чужого в руки не брать; свое охранять тщательно. Он разбирает споры рабов; если кто в чем провинился, он хорошенько наказывает виновного, смотря по проступку.

Рабам не должно быть плохо: они не должны мерзнуть и голодать. У вилика они всегда в работе: так он их легче удержит от дурного и воровства. Если вилик не захочет, чтобы рабы вели себя плохо, они себя плохо вести не будут. Если же он это будет терпеть, хозяин не должен оставлять этого безнаказанным. За заслугу он благодарит, чтобы и остальным хотелось вести себя правильно. Вилик не должен слоняться без дела; он всегда трезв и никуда не ходит на обед. Рабы у него в работе; он следит за тем, чтобы удалось то, что приказал хозяин. Пусть он не считает себя умнее хозяина. Друзей хозяина он считает друзьями себе; слушается того, кого приказано. Жертвоприношения он совершает только в Компиталии[1], на перекрестке или на очаге. Без приказа хозяина он никому не поверит в долг; что поверил хозяин, то он истребует. Семян для посева, съестных припасов, полбы, вина и масла он никому не одолжит. У него есть два-три хозяйства, где он может попросить, что ему нужно, и которым он сам дает в долг, но больше никого.

...Если он будет работать, он будет знать, что у рабов на уме, и они будут покладистее в работе. Если он будет так делать, ему не захочется слоняться без дела; он будет здоровее и будет лучше спать. Он первым встанет с постели и последним ляжет в постель. Сначала посмотрит, заперта ли усадьба, лежит ли каждый на своем месте и дан ли корм животным...

---

[1] *Компиталии* — религиозные римские праздники в честь ларов — хранителей улиц. Алтари ларам ставились на перекрестках улиц..

Содержание рабов

Паек рабам. Тем, кто работает в поле: зимой — по 4 модия[1] пшеницы, а летом — по $4^1/_2$; вилику, ключнице, смотрителю, овчару — по 3 модия. Колодникам зимой — по 4 фунта хлеба; летом, как станут вскапывать виноградник, по 5 — до той самой поры, как появятся винные ягоды. Тогда опять вернись к 4 фунтам.

Вино рабам. По окончании сбора винограда пусть они три месяца пьют ополоски; на четвертый месяц они получают по гемине[2] на день, т. е. по $2^1/_2$ конгия[3] в месяц; на пятый шестой, седьмой и восьмой (месяц) в день по секстарию[4], т. е. в месяц по 5 конгиев; на девятый, десятый, одиннадцатый и двенадцатый в день по три гемины, т. е. в месяц по амфоре[5]. Сверх того, в Сатурналии[6] и в Компиталии — по $3^1/_2$ конгия на каждого человека. Всего вина на каждого человека в год 7 квадранталов[7]. Колодникам прибавляй в соответствии с работой, какую они делают; если каждый из них в год выпьет по 10 квадранталов, это не слишком много.

Приварок рабам. Заготовь впрок как можно больше палых маслин. Потом заготовь зрелых — таких, откуда можно получить совсем мало масла. Береги их, чтобы они тянулись как можно дольше. Когда маслины будут съедены, давай hallex[8] и уксусу. Масла давай на месяц каждому по секстарию; модия соли хватит каждому на год.

Одежда рабам. Туника[9] весом в $3^1/_2$ фунта и плащ через год. Всякий раз, когда будешь давать тунику или плащ, возьми сначала старую одежду на лоскутные одеяла. Хорошие деревянные башмаки следует давать через год.

К а т о н Марк Порций. Земледелие. — М. — Л., 1950.— С. 8, 9, 11, 12, 39, 40.

4. Варрон. О сельском хозяйстве, 1—2, 16—19, 29—53; II, введение, 10

Варрон (116—28 гг. до н. э.) — римский ученый. Сравнивая данные Варрона и Катона, можно выявить изменения в организации хозяйства, в развитии техники, использовании труда рабов, степень развития агрономических знаний в Риме во II—I вв. до н. э., связь хозяйства с городским рынком, виды сельскохозяйственных культур и их доходность и т. д.

---

[1] *Модий* — мера сыпучих тел, равная 8,75 л.

[2] *Гемина* — мера жидкостей, равная 0,274 л.

[3] *Конгий* — мера жидкостей, равная 3,283 л.

[4] *Секстарий* — мера жидкостей, равная 0,547 л.

[5] *Амфора* — мера жидкостей, равная 8 конгиям, или 26,265 л.

[6] *Сатурналии* — римские празднества в честь Сатурна — бога посевов. Римляне считали, что Сатурн ввел земледелие, виноградарство. Золотой век Сатурна — время всеобщего равенства, изобилия. В эти дни с 17 декабря работы прекращались. Рабы и господа садились за один стол.

[7] *Квадрантал* — мера жидкости, равная 0,136 л.

[8] Hallex — рыбный рассол.

[9] *Туника* — нательная одежда типа рубашки.

Все, что полезно [для людей], не только родится в Италии, но и достигает там превосходства. Какой ячмень я сравню с кампанским? Какую пшеницу с апулийской? Какое вино с фалернским? Какое масло с венафрским? Разве не засажена Италия деревьями так, что вся кажется фруктовым садом?.. В какой земле один югер приносит десять и пятнадцать мехов вина, как в некоторых районах Италии?.. Разве не то же самое и на фавентинской земле, где потому виноградники называются «трехсотенными», что югер дает 300 амфор?..

На вилле... следует предусмотреть место, где будет проводить время [рабская] фамилия, когда она истомлена работой, голодом или жарой, и где она может наиболее удобно восстановить свои силы отдыхом. Хижина вилика должна быть как можно ближе к воротам, чтобы он знал, кто входит или выходит ночью или что несет; это особенно важно, если нет привратника.

...Остается рассмотреть то, что вне имения, окружение которого вследствие его близости оказывает большое влияние на земледелие. Условия [этого окружения] следующие: [во-первых], безопасен ли соседний район, [во-вторых], нет ли препятствий для вывоза наших продуктов или ввоза того, что нужно, в-третьих, имеются или отсутствуют дороги или реки для провоза, в-четвертых, есть ли что-нибудь такое по соседству с имением, что полезно или вредно для наших полей. Из этих четырех условий очень важно первое, [а именно]: безопасен или нет район. Многие превосходные земли невозможно обрабатывать из-за разбоя соседей... Те имения, которые имеют поблизости удобные средства перевоза, так что можно вывозить на продажу то, что там рождается, и ввозить то, что потребно в имении, вследствие этого доходны. Действительно, многие должны ввозить в имения зерно, или вино, или иное, что [там] отсутствует. С другой стороны, немало таких, которые могут кое-что вывозить. Так, например, вблизи Рима очень выгодно обрабатывать огороды, а также иметь сады, засаженные фиалками и розами, и вообще производить то, что потребляет Рим, тогда как в отдаленном имении, где [такие продукты] нельзя продать, подобные культуры невыгодны. Также если по соседству имеются города, или села, или даже обильные поля и виллы богачей, где можно недорого купить необходимое для имения и продать излишнее,— как, например, подпорки, столбы, тростник,— то имение более доходно, чем если приходится [все необходимое] ввозить издалека. А иногда [покупать по соседству даже выгоднее], чем производить у себя... В-третьих, то же имение становится доходным благодаря дорогам, по которым легко могут проехать повозки, или близлежащим рекам, годным для навигации. Мы знаем, что многие имения по этим путям ввозят и вывозят. Четвертое, что также определяет величину дохода,— культура на пограничном поле соседа. Ибо если на границе он имеет дубовую рощу, то ты не можешь около этого леса посадить оливы, так как природа [дуба и маслины] настолько различна, что де-

ревья не только будут меньше приносить плодов, но даже будут отклоняться в сторону имения, как это обычно делает виноградная лоза, растущая около овощей. Так же как и дуб, большие и частые орешники по соседству с имением делают его бесплодным.

Теперь я буду говорить, какими средствами обрабатываются поля. Эти средства некоторые делят на две части: на людей и орудия труда; без этих средств обработка невозможна. Другие делят инвентарь на три части: обладающий членораздельной речью, издающий нечленораздельные звуки и немой. Первый род [инвентаря] включает рабов, второй — быков, третий — повозки. Все поля возделываются рабами, или свободными, или теми и другими. Свободные или сами возделывают [поля], как огромное большинство бедняков со своими детьми, или это батраки и поденщики, выполняющие важнейшие работы, как сбор винограда или сенокос, а также и те, которые у нас именуются кабальными должниками и до сих пор многочисленны в Азии, Египте и Иллирике. Обо всех их я скажу так: нездоровые участки полезнее возделывать с помощью батраков, чем рабов, а также [применять труд батраков] на здоровых участках при выполнении важнейших сельскохозяйственных работ, как при сборе винограда и жатве. О том, каковы должны быть [работники], Кассий писал так: следует обеспечить себе работников не моложе 22 лет, способных к земледелию, которые могут переносить труд. Заключение об этом можно сделать, приказав им выполнить разные работы и расспросив новичков, что они делали у прежнего господина. Рабы не должны быть ни робкими, ни необузданными. Стоящие во главе должны быть грамотны и несколько образованы, дельны и старше, чем те работники, о которых я говорил, так как им легче повинуются, чем более молодым. Кроме того, во главе должны стоять такие, которые опытны в сельском хозяйстве, ибо они должны не только приказывать, но и действовать, дабы подавать пример, и чтобы каждый знал, что они начальствуют потому, что превосходят остальных знанием и опытностью. Не следует дозволять поставленному во главе обуздывать подчиненных больше ударами, чем словами, если это не вызвано необходимостью. Не следует приобретать много рабов той же национальности, так как по этой причине чаще всего возникают домашние столкновения. Рвение начальствующих следует возбуждать наградами, давать им средства, чтобы они обладали пекулием[1], и сожительниц-рабынь, чтобы они имели от них детей. Это делает их более преданными и привязанными к имению. Так, например, вследствие подобных родственных связей эпирские рабы ценятся дороже и на них большой спрос. Для поддержания бодрости у начальствующих они должны иметь некоторые почетные отличия; с работниками,

[1] *Пекулий* — имущество, передаваемое главой семьи в распоряжение члена семьи или раба с условием выплаты определенной части дохода с этого имущества в виде оброка. Собственником имущества оставался глава семьи.

стоящими во главе других, следует советоваться о том, какие должны быть произведены работы. Когда поступают таким образом, они полагают, что господин их не очень презирает и считается с ними. С прилежными [рабами] следует обходиться мягче, давать им больше пищи, одежды, освобождать от работы, дозволять им пасти в имении какой-либо скот из их пекулия и тому подобное. Таким же образом следует поступать с теми, кому приказано сделать что-либо трудное, или теми, кто подвергся наказанию, чтобы их утешить и чтобы восстановить их рвение и расположение к господину.

О рабской фамилии[1]: Катон, [рассчитывая, сколько в имении должно быть рабов], руководствуется двумя соображениями — размером участка и родом культуры, беря за основу оливковые рощи и виноградники. В одном случае он указывает, как следует оборудовать оливковую рощу в 240 югеров. Катон говорит, что для такого участка необходимо иметь 13 рабов... Он пишет также о 100 югерах виноградника, для которых следует иметь 15 рабов... Сазерна пишет, что для 8 югеров достаточно одного человека, который должен вскопать их за 45 дней. Хотя каждый югер можно возделать за 4 рабочих дня, но он оставляет еще 13 дней на болезнь, ненастье, лень, попустительство. Из этих [авторов] ни один не оставил нам достаточно ясного предписания... Поэтому следует обратиться к другому методу расчета числа рабов разных категорий, и в этом смысле следует более одобрить Сазерну, который говорил, что для обработки одного югера достаточно 44 рабочих дня одного работника. Но если этого было достаточно для имения Сазерны в Галлии, то такой [расчет] не может применяться в гористой земле Лигурии. Таким образом, о нужном количестве рабов и остального инвентаря ты гораздо лучше сможешь судить, если обратишь внимание на три обстоятельства: каков характер соседних имений, их величина и сколькими людьми каждое из них возделывается; и насколько улучшится или ухудшится обработка с прибавлением или уменьшением того или иного числа рабочих рук. Ибо природа дала нам два пути для обработки земли — опыт и подражание... главное, на что следует обращать внимание,— чтобы расход не превышал доход.

...И так как теперь хозяева потихоньку пробрались в городские стены и, оставив серп с плугом, предпочли работать руками в театре и цирке, а не на ниве и не в винограднике, то мы и ввели на пшеницу откупа, чтобы нам из Африки и Сардинии привозили насущное пропитание, а в корабли убирали виноград с острова Коса и с Хиоса...

Хрестоматия по истории Древнего Рима / Под ред. С. Л. Утченко.— М.,— 1962.— С. 355—361.

---

[1] *Фамилией* называлась совокупность рабов одного господина или рабов, обслуживавших одно из принадлежавших господину имений, один из его домов, предприятий и т. п.

§ 3. БОРЬБА РИМСКОЙ БЕДНОТЫ ЗА ЗЕМЛЮ ВО II В. ДО Н. Э.

Начало крупных социальных переворотов и потрясений в римской истории во II—I вв. до н. э. связано с широким демократическим движением, в котором приняли участие массы разорившихся римских крестьян. Оно известно под именем движения братьев Гракхов, возглавивших борьбу за аграрное законодательство в 133—122 гг. до н. э. Законы, предложенные старшим братом Тиберием, должны были восстановить крестьянское землевладение, поскольку крестьянство являлось основой военной силы Рима, и возродить его военное могущество. Выступление Гая Гракха, более решительное и революционное, было направлено против сената. Он провел ряд законов в интересах беднейшего городского населения и всадников. Движение Гракхов за аграрную реформу оказалось неудачным, но оно послужило началом большого движения уже всего италийского крестьянства за землю, политические права, дальнейшую демократизацию, развернувшегося в годы Союзнической войны.

5. Характеристика Тиберия и Гая Гракхов

II. ...Эти юноши одинаково храбрые, воздержанные, бескорыстные, красноречивые, великодушные, в поступках своих и делах правления обнаружили с полной ясностью немалые различия, о чем мне кажется нелишним сказать в самом начале. Во-первых, выражение лица, взгляд и жесты у Тиберия были мягче, сдержаннее, у Гая резче и горячее, так что, и выступая с речами, Тиберий скромно стоял на месте, а Гай первым среди римлян стал во время речи расхаживать по ораторскому возвышению и срывать с плеча тогу, как афинянин Клеон... Далее, Гай говорил грозно, страстно и зажигательно, а речь Тиберия радовала слух и легко вызывала сострадание. Наконец, слог у Тиберия был чистый и старательно отделанный, у Гая захватывающий и пышный. Так же различались они и образом жизни в целом: Тиберий жил просто и скромно, Гай в сравнении с остальными казался воздержанным и суровым, но рядом с братом — легкомысленным и расточительным.

Несходству в речах отвечало и несходство нрава: один был снисходителен и мягок, другой колюч и вспыльчив настолько, что нередко во время речи терял над собою власть и, весь отдавшись гневу, начинал кричать, сыпать бранью, так что в конце концов сбивался и умолкал. Чтобы избавиться от этой напасти, он прибег к услугам смышленого раба Лициния. Взяв в руки инструмент, который употребляют учителя пения, Лициний всякий раз, когда Гай выступал, становился позади и, замечая, что он повысил голос и уже готов вспыхнуть, брал тихий и нежный звук; откликаясь на него, Гай тут же убавлял силу и чувства, и голоса, приходил в себя и успокаивался.

III. Таковы были различия между братьями, что же касается отваги перед лицом неприятеля, справедливости к подчиненным, ревности к службе, умеренности в наслаждениях... они не расходились нисколько. Тиберий был старше девятью годами, поэтому они выступили порознь на государственном поприще, что нанесло огромный ущерб их делу, ибо в разное время достиг каждый

из них своей вершины и слить силы воедино они не могли. А такая совместная сила была бы громадной и неодолимой.

Плутарх. Сравнительные жизнеописания. — М., 1964. — Т. III. — С. 112—113.

6. Реформы Тиберия Гракха

VII. ...Тиберий начал предлагать новые законы — и вот по каким причинам.

VIII. Земли, завоеванные у соседних народов, римляне частью распродавали, частью обращали в государственное имущество и раздавали в пользование малоимущим гражданам за небольшую плату. Когда богатые стали повышать арендную плату и вытеснять таким образом бедных с их участков, был издан закон, не дозволяющий никому иметь в своем пользовании более 500 югеров земли. Закон этот на некоторое время положил предел корыстолюбию богатых и помог бедным удержаться на арендуемых ими участках и сохранить те доли, которые достались им при первоначальной разверстке. Но вскоре богатые стали переводить на себя аренду с помощью подставных лиц и в конце концов открыто закрепили за собой большую часть земель. Вытесненные с участков бедняки не хотели нести военную службу, не могли растить своих детей, так что вскоре в Италии стало заметно, как уменьшается число свободных граждан и, напротив, растет число рабов-варваров, которые обрабатывали для богатых отнятую у граждан землю...

...Брат его же Гай упоминает в своих записках, что Тиберий, отправляясь в Нуманцию и проезжая через Этрурию, увидел пустынную страну, где пашут землю и пасут стада одни чужеземцы и варвары. Тогда-то и зародились у него те политические планы, осуществление которых причинило братьям столько бед. Но в действительности сильнее всего пробудил в нем честолюбивые стремления и решимость сам римский народ, призывавший Тиберия надписями на портиках, стенах и памятниках отнять у богатых государственные земли для раздачи их неимущим.

...Притом и самый закон, если сопоставить его с той великой несправедливостью и корыстолюбием, против которых он был направлен, отличался мягкостью и умеренностью: людям, которых следовало бы отдать под суд за неповиновение законам и лишить противозаконно захваченного имущества с наложением штрафа, закон Тиберия повелевал лишь отказаться, притом за выкуп, от незаконного владения в пользу нуждающихся граждан. Как ни умеренна была эта реформа, народ готов был удовлетвориться ею и забыть прошлое, лишь бы оградить себя от несправедливостей в будущем. Но богачи и крупные собственники из корыстолюбивых побуждений ополчились против закона, из упорства же и озлобления — против самого законодателя. ...Однако они ничего этим не достигли. Тиберий защищал благое и справедливое дело с таким красноречием, что мог бы и худшее представить в выгодном свете. Страшным для врагов

и непобедимым казался он, когда, стоя перед народом, толпившимся вокруг его трибуны, говорил в защиту обездоленных. И дикие звери в Италии, говорил он, имеют логова и норы, куда они могут прятаться, а люди, которые сражаются и умирают за Италию, не имеют ничего, кроме воздуха и света, и, лишенные крова, как кочевники, бродят повсюду с женами и детьми. Полководцы обманывают солдат, когда на полях сражений призывают их защищать от врагов гробницы и храмы. Ведь у множества римлян нет ни отчего алтаря, ни гробниц предков, и они сражаются и умирают за чужую роскошь, чужое богатство. Их называют владыками мира, а у них нет и клочка земли.

На такие слова, произносимые с воодушевлением и истинной страстью и восторженно встречаемые народом, не мог возражать ни один из противников. Но, отказавшись от споров, богатые обратились к одному из трибунов Марку Октавию, молодому человеку, известному своей скромной жизнью и строгими нравами. Октавий был товарищем и другом Тиберия и сначала уклонялся от борьбы из уважения к нему. Но затем под давлением настойчивых просьб со стороны многих влиятельных лиц он, как бы уступая насилию, выступил против Тиберия и отклонил закон. В коллегии трибунов решающим является всегда мнение голосующего против, согласие всех остальных не имеет уже никакой силы. Тиберий, раздраженный неудачей, взял обратно свой умеренный проект и внес другой, более благоприятный для народа и более жесткий для обидчиков; новый закон повелевал им немедленно освободить земли, которыми они владели вопреки старым законам. Это повело к ежедневно возобновлявшейся борьбе на трибуне между Тиберием и Октавием, но и в самый разгар ожесточенной борьбы они не сказали друг о друге ни одной резкости, у них не вырвалось ни одного враждебного слова: врожденная порядочность и хорошее воспитание обуздывают ум, как видно, не только в вакхических оргиях, но и в порывах честолюбия и гнева. Так как Тиберий видел, что новый закон может затронуть собственные интересы Октавия, имевшего большие государственные земли, он обратился к своему противнику с просьбой отказаться от спора и выразил при этом готовность возместить ему стоимость его земель из собственных, хотя и не очень больших средств. Октавий не пошел на это предложение...

...Когда же наступил день народного собрания и Тиберий созвал народ на голосование, оказалось, что богачи похитили все избирательные урны, это событие вызвало большое смятение... И вот Тиберий, не имея возможности провести иным способом свой закон, обращается к средству предосудительному и незаконному, а именно — к отстранению Октавия от власти. Начал он, однако, с увещаний: дружески касаясь его рук, он просил Октавия уступить и удовлетворить справедливые требования народа, который довольствуется столь малой наградой за все

свои великие труды и перенесенные опасности. Но Октавий ответил отказом, и тогда Тиберий заявил, что раз два трибуна, имеющие одинаковую власть, расходятся во взглядах на важные вопросы, то дело не может обойтись без вооруженной борьбы, и что он видит единственный выход из затруднения в том, чтобы один из них был отрешен от власти; пусть Октавий первый поставит на голосование вопрос о смещении его, Тиберия, и он тотчас же вернется к жизни частного человека, если того пожелает народ. Октавий отклонил и это предложение, после чего Тиберий объявил ему, что в таком случае он предложит проголосовать вопрос о смещении его, Октавия, если последний, подумав, не изменит решения. Вслед за тем он распустил собрание.

На следующий день, как только собрался народ, Тиберий поднялся на трибуну и вновь попытался убедить Октавия, но тот оставался непреклонным. Тогда Тиберий предложил принять постановление об отстранении Октавия от трибуната и тут же поставил этот вопрос на голосование. Триб[1] насчитывалось в Риме тридцать пять. Из них семнадцать проголосовали против Октавия, так что, если бы к ним присоединилась хоть одна триба, Октавию пришлось бы вернуться к частной жизни. Тут Тиберий приказал приостановить голосование и, обратясь к Октавию, поцеловал его перед всем народом и долго умолял не подвергать себя бесчестию, а его, Тиберия, не принуждать к столь суровым и крайним мерам. Октавий, говорят, выслушал эти просьбы, не выказывая непреклонности и упорства; глаза его наполнились слезами, и он долго молчал; но когда взор его упал на стоявших толпой богачей и собственников, он, по-видимому, устыдившись и боясь опозориться в их глазах, смело решился претерпеть все до конца и заявил, что Тиберий может поступить с ним, как захочет. Таким образом, постановление было принято, и Тиберий приказал одному из своих вольноотпущенников (он всегда пользовался этими людьми как ликторами[2]) силой свести Октавия с трибуны...

...Итак, он в тот раз распустил собрание; но, чувствуя, что в поступке его с Октавием не только знать, но и народ видит проявление чрезмерного усердия (им казалось, что достоинство римского трибуна, до того дня сохранявшееся во всем его величии и блеске, теперь попрано и погублено), он обратился к народу с речью, из которой будет уместно привести некоторые доводы, дающие представление об убедительности и содержательности его слов. «Народный трибун,— говорил Тиберий,— есть лицо священное и неприкосновенное, ибо деятельность его посвящена народу и защите его интересов. Но если трибун, отвратившись

---

[1] *Триба* — территориальный округ. В середине III в. до н. э. в Риме было 35 триб.

[2] *Ликторы* — служители высших римских должностных лиц. Они несли перед ними фасцы (пучок прутьев с воткнутой в него секирой) — символ высшей власти.

от народа, причиняет ему вред, умаляет его власть, препятствует ему голосовать, то он сам отрешает себя от должности, так как не исполняет своего долга. Пусть он разрушил бы Капитолий, поджег арсенал — и такого трибуна можно было бы в крайности терпеть. Поступая так, он был бы дурным трибуном; но тот, кто ниспровергает власть народа, уже не трибун. Терпимо ли, что трибун может изгнать даже консула, а народ не имеет права лишить власти трибуна, которой он злоупотребляет народу же во вред. Ведь народ выбирает одинаково и консула и трибуна. ...Итак, недопустимо и то, чтобы трибун, погрешивший против народа, сохранил неприкосновенность, полученную от того же народа, ибо он подрывает ту самую силу, которая его возвысила. Если за трибуна подали свои голоса большинство триб, то это значит, что он получит трибунат по всей справедливости; так не будет ли еще более справедливым отнять у него трибунат, если против него голосовали все трибы... Так и власть трибуна народ имеет право перенести с одного человека на другого... Не может эта власть считаться неприкосновенной и несменяемой: ведь люди, облеченные ею, сами нередко от нее отказываются».

...Затем Муций стал снова собирать голоса по трибам, но не мог ничего добиться, так как противники, проталкиваясь вперед, беспорядочно мешаясь, теснимые и тесня других, произвели невероятную суматоху. В это время сенатор Фульвий Флакк, не надеясь быть услышанным в суматохе, стал на видном месте и сделал знак рукою, показывая этим, что имеет нечто сообщить Тиберию наедине. Тиберий приказал толпе раздаться, и Флакк, с трудом поднявшись и подойдя к Тиберию, сообщил ему, что на заседании сената богатые после безуспешных попыток привлечь на свою сторону консула сговорились между собою убить его, Тиберия, и имеют для этого наготове большое число вооруженных рабов и друзей.

Как только Тиберий сообщил близстоящим об этом заговоре, те тотчас же опоясали свои тоги, разломали жерди, с помощью которых ликторы оттесняли толпу, и вооружились этими обломками, готовясь защищаться в случае нападения. В задних же рядах люди удивлялись происходившему и спрашивали, в чем дело. Тогда Тиберий, голос которого они не могли слышать, коснулся рукою головы, желая дать понять, что ему угрожает опасность. Но враги, увидев этот жест, тотчас побежали в сенат с вестью, будто Тиберий требует короны; прикосновение к голове, говорили они, служит верным тому знаком. Все пришли в смятение, и Назика стал требовать от консула, чтобы тот спас Рим и казнил тирана. Но консул мягко ответил, что он не положит начала насилию и никого из граждан не предаст смерти без суда, а если бы народ, уступив убеждениям Тиберия или насилию с его стороны, вынес какое-нибудь противозаконное постановление, то он, консул, такого постановления не утвердил бы. Тогда Назика, вскочив с места, сказал: «Так как высший представитель власти предает республику, то предлагаю всем,

кто хочет помочь мне сохранить законность, следовать за мною». С этими словами Назика, подняв край одежды и прикрыв им голову, устремляется к Капитолию. За ним спешат другие, обернув руку тогой и расталкивая встречных; все уступают дорогу столь знатным людям и разбегаются, тесня друг друга.

Люди, окружавшие сенаторов, вооружились принесенными из дому дубинами и палками, а сами сенаторы — обломками и ножками разбитых толпою скамеек, и все они двинулись на Тиберия, нанося удары тем, кто защищал его; тут началось избиение и повальное бегство. Побежал и Тиберий, но кто-то схватил его за одежду; он же, сбросив тогу, бежал в одном хитоне, но споткнулся и упал на людей, упавших ранее, а когда он поднялся, то Публий Сатурей, один из трибунов, нанес ему по голове на виду у всех первый удар ножкою скамейки. Второй удар приписывал себе Люций Руф, хвастаясь этим, как каким-то прекрасным подвигом. Всего было убито более трехсот человек дубинами и камнями, железом же — ни один.

...Тем не менее народ все еще был удручен смертью Тиберия, и видно было, что он ждет лишь подходящего момента, чтобы отомстить.

Хрестоматия по истории Древнего Рима / Под ред. С. Л. Утченко. — М., 1962. — С. 211—221.

7. Реформы Гая Гракха

Из законов, внесенных Гаем на пользу народа и для ослабления власти сената, один закон, земельный, предусматривал наделение беднейших граждан землей, другой, военный, повелевал, во-первых, снабжать солдат одеждою за счет государства без уменьшения их жалованья и, во-вторых, не зачислять в солдаты граждан, не достигших семнадцати лет, третий закон касался союзников и предоставлял всем италикам право голоса наравне с римскими гражданами, четвертый, хлебный, снижал для бедных граждан цены на хлеб и, наконец, пятый закон, касавшийся судопроизводства, лишал сенаторов большей части их силы. Ведая всеми судебными делами, сенаторы держали в страхе народ и всадников. Гай же присоединил к сенаторам-судьям, которых было триста, столько же всадников и таким образом учредил общий суд из шестисот судей. Проведению этого закона Гай, говорят, придавал особое значение: до него все ораторы говорили, становясь лицом к сенату и так называемому комицию, а Гай впервые тогда стал говорить, обернувшись к сенату спиной, а лицом к площади, и с тех пор так всегда и поступал. Так Гай одним лишь простым поворотом сделал важное дело: он этим как бы придал аристократическому строю демократический характер, заставив ораторов обращаться в речах к народу, а не к сенату.

...В дальнейшем им были выработаны постановления о выводе колоний, о постройке дорог и устройстве общественных амбаров для хлеба. Руководить и распоряжаться всеми этими

работами взялся он сам, причем не только не терял бодрости посреди стольких важных забот, но все удивлялись, с какой быстротою и трудоспособностью он справлялся со всяким делом, как будто это было его единственной заботой. Люди, относившиеся к нему с ненавистью или со страхом, и те изумлялись его распорядительности и умению. Народ же восхищался, видя его, окруженного толпой подрядчиков, ремесленников, послов, магистратов, солдат и ученых, когда он приветливо разговаривал с каждым, при всей своей обходительности никогда не теряя собственного достоинства; с каждым умел он обойтись и этим показал, как клеветали на него те, кто отзывался о нем как об опасном, всегда грубом, способном к насилию человеке. Так в сношениях с людьми и практических делах он был еще более сильным народным вождем, чем в речах, произносимых с трибуны.

...Тогда сенаторы вернулись в курию и постановили поручить консулу спасти город любыми мерами и истребить тиранов. Приняв поручение, Опимий приказал сенаторам вооружиться и оповестил всадников, чтобы на следующий день с рассветом каждый из них привел с собою двух вооруженных рабов. Фульвий, в свою очередь, приготовился к защите и собрал вокруг себя многочисленную толпу, а Гай, уходя с площади, остановился перед статуей своего отца, долго молча смотрел на нее и удалился, горько плача и вздыхая. Многие, кто это видел, были глубоко тронуты его горем, они стали корить себя за то, что покинули и предали такого человека, затем последовали за Гаем до его дома и провели ночь на страже у его дверей...

...Гай не захотел вооружаться и вышел из дому, надев тогу, как он обычно делал, идя на форум, и с маленьким кинжалом на поясе.

Когда он выходил, жена упала в дверях перед ним на колени, обняв рукой его, а другой маленького сына. «Не на трибуну, как прежде, провожаю я тебя, Гай, народного вождя и законодателя,— говорила она,— и не в славный поход, где ты, быть может, и пал бы наряду с другими, но оставил бы мне в утешение почетный траур; в руки убийц Тиберия отдаешь ты себя и идешь безоружный, с сознанием своей правоты и готовый скорее все претерпеть, чем поднять на кого-нибудь руку. Но твоя смерть не принесет никакой пользы твоей родине. Зло взяло верх и творит суд железом и насилием. Если бы брат твой пал на полях Нуманции, то враги, заключив мир, отдали бы нам его тело. А мне, должно быть, суждено молить какую-нибудь реку или море отдать твой труп, ими сокрытый. Разве после смерти Тиберия можно полагаться на законы и на самих богов?» Так говорила Лициния со слезами, но Гай отвел ее руку и молча вышел в сопровождении друзей. Пытаясь удержать его за край одежды, Лициния упала на пол и долгое время молчала, заглушая в себе рыдания, пока ее, лежавшую без чувств, рабы не подняли и не отнесли к ее брату Крассу.

...Никто не видел, чтобы Гай сражался. Глубоко потрясенный, он удалился в храм Дианы[1]. Он решил покончить с собой, но ему помешали в этом верные его друзья Помпоний и Лициний, которые вырвали у него из рук меч и уговорили бежать. Тогда, говорят, Гай, опустившись на колени, простер руки к богине и молил ее о том, чтобы римский народ был наказан за неблагодарность и предательство вечным рабством, ибо народ явно изменил ему, как только было возвещено освобождение от наказания.

Враги преследовали бежавшего Гая и настигли его у деревянного моста, но те же двое друзей заставили его бежать дальше, а сами, повернувшись лицом к врагам, вступили с ними в бой и задержали их перед мостом до тех пор, пока оба не пали мертвыми. Раб Гая, по имени Филократ, бежал вместе с ним. Встречавшиеся им по дороге люди только подбодряли беглецов, словно на каком-то состязании, но ничем не пытались ему помочь, и даже никто из них не дал Гаю коня, о чем он очень просил, видя, что враги его догоняют. Наконец, Гай забежал в небольшую рощу, посвященную Фуриям[2], и тут добровольно принял смерть от руки своего верного раба Филократа, который, убив господина, сам лишил себя жизни. Но другие рассказывают, будто они оба попали в руки врагов еще живыми, причем Филократ так крепко обнял своего господина, что никто из напавших не мог убить Гая, пока не убили его раба. Рассказывают также, что какой-то человек нес голову Гая, подняв ее на копье, но приятель Опимия, некий Септимулей, отнял ее, помня обещание консула, оглашенное еще до начала битвы, выдать тем, кто принесет головы Гая и Фульвия, равное им по весу количество золота. Голова Гая была принесена на острие копья к Опимию. Положенная на весы, она вытянула $17^{1}/_{2}$ фунта, так как Септимулей и тут сплутовал, вынув из головы мозг и положив в нее свинец. Но люди, принесшие голову Фульвия (они были из простонародья), не получили ничего.

Тела Гая и Фульвия вместе с другими трупами — а убитых оказалось до трех тысяч — были брошены в реку; имущество их было конфисковано в пользу государственной казны, женам их было запрещено совершать траурный обряд, а у Лицинии, сверх того, отняли и приданое. ...А народ, который во время самих событий был принижен и подавлен, в скором времени показал, как глубоко скорбил он о смерти Гракхов и как дорога ему память о них. В одной из лучших частей города братьям были поставлены статуи, а места их гибели обратились в святилища, где народ чтил их память приношением первых по временам года плодов, а многие совершали им жертвоприношения и падали ниц, как бы приходя в храм богов.

Там же. — С. 222—231.

---

[1] *Диана* — богиня света и жизни. Богиня родов, охоты, луны.

[2] *Фурии* — богини мщения, обитавшие в подземном царстве.

§ 4. УСИЛЕНИЕ КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ РАБОВ С РАБОВЛАДЕЛЬЦАМИ. ВЕЛИКОЕ ИТАЛИЙСКОЕ ВОССТАНИЕ РАБОВ ПОД РУКОВОДСТВОМ СПАРТАКА (74—71 ГГ. ДО Н. Э.)

В данном параграфе представлены отдельные выдержки из сочинений Аппиана и Плутарха, содержащие сведения о великом италийском восстании рабов в 74—71 гг. до н. э., которое отличалось особой организованностью и массовостью. Сочинения Аппиана и Плутарха позволяют проследить причины восстания, охарактеризовать состав его участников, проследить его ход, воссоздать исторический облик вождя восстания. Четко показана основная цель — освободить рабов в Италии. Следует обратить внимание на оценку личности Спартака, данную К. Марксом и В. И. Лениным. Маркс, читая Аппиана, писал: «Спартак в его изображении предстает самым великолепным парнем во всей античной истории. Великий полководец (не чета Гарибальди), благородный характер, истинный представитель античного пролетариата»[1]. В. И. Ленин считал, что «...Спартак был одним из самых выдающихся героев одного из самых крупных восстаний рабов около двух тысяч лет тому назад»[2].

8. Аппиан о восстании Спартака

Аппиан. Гражданские войны

Аппиан (род. ок. 90 г. н. э.) — уроженец Александрии, грек, римский гражданин, был зачислен в сословие всадников и стал крупным чиновником. В преклонном возрасте он написал «Римскую историю», в которой изложил события от основания города до первых десятилетий II в. н. э. Автор хотел доказать закономерность и правомочность римского господства над народами, населявшими земли Римского государства. Возвышение Римского государства Аппиан объяснял особыми качествами римлян (доблесть, выдержанность, твердость, мудрость).

«Римская история» построена своеобразно. Каждая из 24 ее книг представляет историю того или иного народа. Большинство книг (8—24) до нас не дошло.

Аппиан, отрицательно относясь к демократическим движениям как к «пустым волнениям», враждебно к рабским восстаниям, тем не менее освещает их довольно полно. Для Аппиана восстание рабов — «страшная война», «дело тягостное и серьезное». Историк подчеркивает военный талант и личную храбрость Спартака, который, геройски сражаясь, пал на поле боя.

...В это самое время в Италии среди гладиаторов[3], которые обучались в Капуе[4] для театральных представлений, был фракиец Спартак. Он раньше воевал с римлянами, попал в плен и был продан в гладиаторы. Спартак уговорил около семидесяти своих товарищей пойти на риск ради свободы, указывая им, что это лучше, чем рисковать своей жизнью в театре. Напав на стражу, они вырвались на свободу и бежали из города. Вооружившись дубинами и кинжалами, отобранными у случайных путников, гладиаторы удалились на гору Везувий[5]. Отсюда,

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. — Т. 30. — С. 126.

[2] Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 39.— С. 77.

[3] *Гладиаторы* (от лат. gladius — меч) — осужденные преступники, военнопленные, рабы, сражавшиеся на аренах цирка. Зрелища боев гладиаторов пользовались большой популярностью.

[4] *Капуя* — большой город в Кампании (Средняя Италия).

[5] Вулкан *Везувий* во времена восстания Спартака не действовал.

приняв в состав шайки многих беглых рабов и кое-кого из сельских свободных рабочих, Спартак начал делать набеги на ближайшие окрестности. Помощниками у него были гладиаторы Эномай и Крикс. Так как Спартак делился добычей поровну со всеми, то скоро у него собралось множество народа. Сначала против него был послан Вариний Глабр, а затем Публий Валерий. Но так как у них было войско, состоявшее не из граждан, а из всяких случайных людей, набранных наспех и мимоходом,— римляне еще считали это не настоящей войной, а простым разбойничьим набегом,— то римские полководцы при встрече с рабами потерпели поражение. У Вариния даже коня отнял сам Спартак. До такой опасности дошел римский полководец, что чуть не попался в плен к гладиаторам. После этого к Спартаку сбежалось еще больше народа, и войско его достигло уже 70 000. Мятежники ковали оружие и собирали припасы. Римляне выслали против них консулов с двумя легионами. Одним из них около горы Гаргана[1] был разбит Крикс, командовавший 30-тысячным отрядом. Сам Крикс и две трети его войска пали в битве. Спартак же быстро двигался через Апеннинские горы к Альпам, а оттуда к кельтам. Один из консулов опередил его и закрыл путь к отступлению, а другой догонял сзади. Тогда Спартак, напав на них поодиночке, разбил обоих. Консулы отступили в полном беспорядке, а Спартак, принеся в жертву павшему Криксу 300 пленных римлян, со 120 000 пехоты поспешно двинулся на Рим. Он приказал сжечь весь лишний обоз, убить всех пленных и перерезать вьючный скот, чтобы идти налегке. Перебежчиков, во множестве приходивших к нему, Спартак не принимал. В Пицене[2] консулы снова попытались оказать ему противодействие. Здесь произошло второе большое сражение, и снова римляне были разбиты. Но Спартак переменил решение идти на Рим. Он считал себя еще не равносильным римлянам, так как войско его далеко не все было в достаточной боевой готовности: ни один италийский город не примкнул к мятежникам; это были рабы, перебежчики и всякий сброд. Спартак занял горы вокруг Фурий[3] и самый город. Он запретил купцам, торговавшим с его людьми, платить золотом и серебром, а своим — принимать их. Мятежники покупали только железо и медь за дорогую цену и тех, которые приносили им эти металлы, не обижали. Приобретая так нужный материал, мятежники хорошо вооружились и часто выходили на грабеж. Сразившись снова с римлянами, они победили их и, нагруженные добычей, вернулись к себе.

Третий год длилась эта страшная война, над которой вначале смеялись и которую сперва презирали как войну с гладиаторами. Когда в Риме были назначены выборы других командующих,

---

[1] *Гаргана* в Апулии на берегу Адриатического моря.

[2] *Пицен* — область в Средней Италии, расположенная по побережью Адриатического моря.

[3] *Фурии* — город на берегу Тарантинского залива (юг Италии).

страх удерживал всех, и никто не выставлял своей кандидатуры, пока Лициний Красс[1], выдающийся среди римлян своим происхождением и богатством, не принял на себя командования. С шестью легионами он двинулся против Спартака. Прибыв на место, Красс присоединил к своей армии и два консульских легиона. Среди солдат этих последних, как потерпевших неоднократные поражения, он велел немедленно кинуть жребий и казнил десятую часть. Другие полагают, что дело было не так, но что после того, как все легионы были соединены вместе, армия потерпела поражение, и тогда Красс по жребию казнил каждого десятого легионера, нисколько не испугавшись числа казненных, которых оказалось около 4000. Но, как бы там ни было, Красс оказался для своих солдат страшнее побеждавших их врагов. Очень скоро ему удалось одержать победу над 10 000 спартаковцев, где-то стоявших лагерем отдельно от своих. Уничтожив две трети их, Красс смело двинулся против самого Спартака. Разбив и его, он чрезвычайно удачно преследовал мятежников, бежавших к лагерю с целью переправиться в Сицилию. Настигнув их, Красс запер войско Спартака, отрезал его рвом, валами и палисадом. Когда Спартак был принужден попытаться пробить себе дорогу в Самниум[2], Красс на заре уничтожил около 6000 человек неприятелей, а вечером еще приблизительно столько же, в то время как из римского войска было только трое убитых и семь раненых. Такова перемена, происшедшая в армии Красса благодаря введенной им дисциплине. Эта перемена вселила в нее уверенность в победе. Спартак же, поджидая всадников, коеоткуда прибывших к нему, больше уже не шел в бой со всем своим войском, но часто беспокоил осаждавших мелкими стычками; он постоянно и неожиданно нападал на них, набрасывал пучки хвороста в ров, зажигал их и таким путем делал осаду чрезвычайно трудной. Он приказал повесить пленного римлянина в промежуточной полосе между обоими войсками, показывая тем самым, что ожидает его войско в случае поражения. В Риме, узнав об осаде и считая позором, если война с гладиаторами затянется, выбрали вторым главнокомандующим Помпея[3], только что вернувшегося тогда из Испании. Теперь-то римляне убедились, что восстание Спартака — дело тягостное и серьезное. Узнав об этих выборах, Красс, опасаясь, что слава победы может достаться Помпею, старался всячески ускорить дело и стал нападать на Спартака. Последний, также желая предупредить прибытие Помпея, предложил Крассу вступить в переговоры. Когда тот с презрением отверг это предложение, Спартак решил пойти на риск и, так как у него уже было достаточно всадников, бросился со всем войском

[1] *Красс* Марк Лициний — всадник, богатейший человек Рима, видный политический деятель: консул 72 г. до н. э., триумвир 55 г. до н. э. Погиб в 53 г. до н. э. во время войны с парфянами при г. Каррах.

[2] *Самний* (Самниум) — гористая область в Средней Италии.

[3] *Помпей* Гней (106—48 гг. до н. э.) — крупный политический деятель, полководец, консул 70, 55, 52 гг. до н. э.

через окопы и бежал по направлению к Брундизию. Красс бросился за ним. Но когда Спартак узнал, что в Брундизии находится и Лукулл, возвратившийся после победы над Митридатом, он понял, что все погибло, и пошел на Красса с большой тогда своей армией. Произошла грандиозная битва, чрезвычайно ожесточенная вследствие отчаяния, охватившего такое большое количество людей. Спартак был ранен в бедро дротиком; опустившись на колено и выставив вперед щит, он отбивался от нападавших, пока не пал вместе с большим числом окружавших его. Остальное его войско, находясь в полном беспорядке, было изрублено. Говорят, что число убитых и установить было нельзя. Римлян пало около 1000 человек. Тело Спартака не было найдено. Большое число спартаковцев еще укрылось в горах, куда бежало после битвы. Красс двинулся на них. Разделившись на четыре части, они отбивались, пока не погибли все, за исключением 6000, которые были схвачены и повешены вдоль дороги из Капуи в Рим.

9. Плутарх о восстании Спартака

Плутарх. Марк Красс, 8—11

Плутарх оставил подробное описание начала спартаковского восстания: бегство гладиаторов из Капуи, битву у горы Везувий. Он, как и Аппиан, четко определил цель, преследуемую Спартаком в начале движения,— перейти через Альпы и таким образом дать каждому возможность вернуться домой — иным во Фракию, другим в Галлию; сообщил некоторые данные о разногласиях между участниками восстания, о дальнейших походах Спартака, дал красочное описание его гибели. Плутарх, подобно Аппиану, признал особые выдающиеся личные качества вождя восстания, отмечая, что «он был скорее эллином, чем человеком своего племени».

...Восстание гладиаторов, сопровождавшееся разграблением всей Италии и известное также под названием спартаковской войны, было вызвано следующими обстоятельствами.

Некий Лентул Батиат содержал в Капуе школу гладиаторов, большинство которых были родом галлы и фракийцы, попавшие в школу не за какие-нибудь преступления, но исключительно вследствие несправедливости хозяина, насильно заставившего их учиться ремеслу гладиаторов. Двести из них сговорились бежать; заговор был раскрыт по доносу, но семьдесят восемь человек, заранее узнавшие об этом, все же успели убежать, запасшись захваченными где-то кухонными ножами и вертелами. По пути они встретили несколько повозок, которые везли в другой город гладиаторское снаряжение, расхитили груз и вооружились. Заняв затем укрепленное место, гладиаторы выбрали себе трех предводителей. Первым из них был Спартак, по своему происхождению из кочевых племен Фракии — человек, который отличался не только выдающейся отвагой и физической силой, но по уму и доброте душевной стоял выше своего положения и судьбы; он был скорее эллином, чем человеком своего племени.

Рассказывают, что однажды, когда Спартак был впервые приведен в Рим на продажу, видели, что вокруг лица спящего Спартака обвилась змея. Жена Спартака, его единоплеменница, пророчествовавшая и одержимая дионисическим исступлением[1], объявила, что это знак предуготовленной ему великой и грозной власти, которая приведет его к злополучному концу. Она и теперь была с ним, сопровождая его в бегстве.

Прежде всего гладиаторы отбросили отряды, пришедшие из Капуи, и, захватив большое количество воинского снаряжения, с радостью заменили им свое оружие гладиаторов, которое и бросили как позорное и варварское. После этого для борьбы с ними был послан из Рима претор Клавдий с трехтысячным отрядом. Клавдий осадил их на горе, взобраться на которую возможно было только по одной узкой и чрезвычайно крутой тропинке, ее Клавдий приказал стеречь; с других же сторон гору окружали отвесные, гладкие скалы, густо заросшие сверху диким виноградом. Нарезав подходящих для этого лоз, гладиаторы сплели из них прочные лестницы такой длины, чтобы они доставали с вершины скалы до подножия, и затем безопасно спустились все, кроме одного, оставшегося наверху с оружием. Когда же прочие оказались внизу, он спустил к ним все оружие и напоследок спасся и сам. Римляне этого не заметили, а гладиаторы, обойдя их с тыла, пораженных неожиданностью врагов обратили в бегство и захватили их лагерь. Тогда к ним присоединились многие из местных пастухов — народ все крепкий и проворный; одним из них гладиаторы дали тяжелое вооружение, других использовали как разведчиков и легковооруженных. Вторым был послан против гладиаторов претор Публий Валерий. Вступив сначала в бой с его помощником, неким Фурием, имевшим три тысячи человек, они обратили его в бегство, а затем Спартак подстерег явившегося с большими силами советника Вариния и его товарища по должности Коссиния, в то время как этот последний купался близ местечка Салины[2], и едва не взял его в плен. Лишь с величайшим трудом Коссинию удалось спастись; Спартак же, захватив его обоз, преследовал его по пятам и после кровопролитного боя захватил и его лагерь. В битве погиб сам Коссиний.

Вскоре Спартак разбил в нескольких сражениях самого претора, наконец взял в плен его ликторов и завладел его конем. Теперь Спартак стал уже великой и грозной силой, но он, разумеется, понимал, что ему нечего надеяться сломить могущество римлян, и повел свое войско к Альпам, рассчитывая перейти через горы и таким образом дать каждому возможность вернуться

---

[1] *Дионисии* — греческие празднества в честь бога Диониса — бога растительности, покровителя виноградарства. Диониса сопровождали женщины-вакханки, одетые в шкуры животных, в венках из плюща, с тирсами в руках. Они принимали участие в мистериях (тайный религиозный обряд), включавших торжественные шествия, музыку, пляски, часто переходившие в оргии.

[2] *Салина* в Кампании.

домой — иным во Фракию, другим в Галлию. Но люди его, слишком полагаясь на свою силу и разумение, не послушались и пошли через Италию, опустошая ее на своем пути.

Раздражение, вызванное в сенате позором восстания и чувством оскорбленного достоинства, уступило место страху и сознанию опасности, и сенат отправил против восставших, как на одну из труднейших и величайших войн, обоих консулов. Один из них, Геллий, неожиданно напав на отряд германцев, из высокомерия и заносчивости отделившихся от Спартака, уничтожил его целиком. Другой, Лентул, окружил самого Спартака с большими силами, но последний, неожиданно перейдя в наступление против его легатов, разбил их и захватил у них весь обоз. Отсюда он двинулся к Альпам, навстречу же ему выступил Кассий, претор Цизальпинской Галлии[1], во главе десятитысячного войска; в этом сражении претор был разбит наголову, понес огромные потери в людях, а сам едва спасся бегством.

Узнав обо всем этом, возмущенный сенат приказал консулам не трогаться с места и поставил во главе римских сил Красса. За Крассом же последовали многие из представителей знати, увлеченные его славой и из личной к нему дружбы. Сам он расположился у границы Пицена, рассчитывая захватить направлявшегося к этому месту Спартака, а легата[2] своего Муммия послал во главе двух легионов в обход с приказанием следовать за неприятелем, не ввязываясь, однако, в сражение и избегая даже мелких стычек. Но Муммий при первом же случае, подавшем ему надежду на успех, вступил в бой и потерпел поражение, причем многие из его людей были убиты, многие же бежали, побросав оружие. Красс, сурово встретив Муммия, вновь вооружил разбитые части, но потребовал от них ручательства в том, что оружие свое они впредь будут беречь. Отобрав затем из них пятьсот человек — главных виновников бегства и разделив их по десять человек, он приказал предать смерти по одному из каждых десяти, на кого укажет жребий. Красс возобновил, таким образом, бывшее в ходу у древних и уже с давних пор не применявшееся наказание; этот вид казни сопряжен с позором и сопровождается на глазах у всех жуткими и мрачными обрядами. Восстановив порядок в войсках, Красс повел их на врагов.

В это же время Спартак отступил через Луканию[3] и вышел к морю. Встретив в проливе киликийских пиратов[4], он

---

[1] *Галлия Цизальпинская* — область между рекой По и Альпами. *Галлия Трансальпинская* — область между Альпами, Средиземным морем, Пиренеями и Атлантическим океаном.

[2] *Легат* — посол Римского государства, помощник римского полководца, наместника провинции. Во времена Империи военачальник или наместник в императорских провинциях.

[3] *Лукания* — область в Южной Италии.

[4] *Киликия* — юго-восточная гористая прибрежная часть Малой Азии. С конца II в. до н. э. там обосновываются пираты, образовавшие в I в. до н. э. свое государство. Помпей разгромил их в 67 г. до н. э. С 64 г. до н. э. Киликия — римская провинция.

решил перебраться с их помощью в Сицилию, высадить на острове две тысячи человек и снова разжечь восстание сицилийских рабов, затухшее было незадолго перед тем; немного надо было, чтобы оно вспыхнуло с новой силой. Но киликийцы, условившись со Спартаком относительно перевозки и приняв дары, обманули его и ушли из пролива. Вынужденный отступить от побережья Спартак расположил свое войско на Регийском полуострове. Сюда же подошел и Красс.

Сама природа этого места подсказала ему, что надо делать. Он решил отрезать сообщение через перешеек, желая одновременно занять солдат на время вынужденного безделья и вместе с тем лишить врагов подвоза продовольствия. Велика и трудна была эта работа, но Красс выполнил ее до конца и, сверх ожидания, в короткий срок.

Поперек перешейка, от одного моря до другого, вырыл он ров длиною в триста стадий, шириною и глубиною в пятнадцать футов, а вдоль всего рва вывел стену, поражавшую своей высотой и прочностью. В первое время сооружения эти мало заботили Спартака, относившегося к ним с полным пренебрежением, но когда припасы подошли к концу и нужно было перейти в другое место, он увидел себя запертым на полуострове, где ничего нельзя было достать. Тогда Спартак, дождавшись снежной и бурной зимней ночи, засыпал небольшую часть рва землей, хворостом и древесными ветвями и перевел через него таким образом третью часть своего войска.

Красс испугался; его встревожила мысль, как бы Спартак не вздумал двинуться прямо на Рим. Вскоре, однако, он ободрился, узнав, что среди восставших произошли раздоры и что многие из них, отпав от Спартака, расположились отдельным лагерем у Луканского озера...

Напав на этот отряд, Красс прогнал его от озера, но был лишен возможности преследовать и истребить его, так как внезапное появление Спартака остановило бегство.

Раньше Красс писал сенату о необходимости вызвать Лукулла из Фракии и Помпея из Испании, но теперь он передумал и спешил окончить войну до прибытия этих полководцев, так как предвидел, что весь успех будет приписан не ему, Крассу, а тому из них, кто явится к нему на помощь. По этим соображениям он решил немедля напасть на те неприятельские части, которые, отделившись, действовали самостоятельно под предводительством Гая Канниция и Каста.

Чтобы занять один из окрестных холмов, он отправил шесть тысяч человек, приказав им пробраться как можно незаметнее. Стараясь ничем себя не обнаружить, люди эти закрыли ветками свои шлемы. Тем не менее их увидели две женщины, приносившие жертвы, и отряд оказался бы в опасном положении, если бы Красс не подоспел вовремя и не дал врагам сражения, самого кровопролитного за всю войну. Положив на месте двенадцать тысяч триста неприятелей, он нашел среди них только двоих

раненых в спину, остальные же все пали, оставаясь в строю и сражаясь против римлян.

За Спартаком, отступавшим после поражения к Петелийским горам[1], следовали по пятам один из легатов Красса, Квинт, и квестор Скрофа. Но когда Спартак повернул против римлян, они обратились в неудержимое бегство и с трудом спаслись, едва успев выхватить из битвы раненого квестора. Этот успех и погубил Спартака, вскружив голову беглым рабам. Они теперь и слышать не хотели об отступлении и не только отказывались повиноваться своим начальникам, но, окружив их на дороге, с оружием в руках принудили их вести войско назад через Луканию против римлян, тем самым они шли навстречу намерениям Красса.

До него стали доходить вести о приближавшемся Помпее; да и в дни комиций многие говорили, что победа над врагами должна быть делом того же Помпея; стоит ему только явиться, и с войной будет покончено. Итак, Красс, желая возможно скорее сразиться с врагами, расположился лагерем с ними рядом и начал рыть ров. В то время как его люди были заняты этой работой, их тревожили нападениями подбегавшие рабы. С той и другой стороны стали подходить все большие подкрепления, и Спартак был наконец поставлен в необходимость выстроить все свое войско. Перед началом боя ему подвели коня, но он выхватил меч и убил его, говоря, что в случае победы ему достанется много хороших коней от врагов, в случае же поражения он не будет нуждаться и в своем. С этими словами он устремился на самого Красса, пробиваясь сквозь оружие, и не замечал ран; однако он не добрался до Красса, хотя и убил двух столкнувшихся с ним центурионов. Наконец покинутый своими соратниками, бежавшими с поля, он стоял один, окруженный врагами, и, сражаясь, пал под их ударами.

Красс же не пытался сам требовать большого триумфа, но даже и предоставление ему пешего триумфа, называемого овацией, было сочтено неуместным и несоответствующим достоинству войны с рабами.

Там же. — С. 254—259.

ТЕМА 3. **ПАДЕНИЕ РЕСПУБЛИКИ В РИМЕ. РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ В ПЕРИОД СВОЕГО МОГУЩЕСТВА**

В данной теме большое место занимают документы, характеризующие отдельные аспекты деятельности Цезаря, диктатура которого имела большое значение для последующего установления империи. Античные писатели дают много конкретных сведений об агрессивной внешней политике Цезаря, сообщают о завоевании Галлии, в результате которого в его руках оказались огромная добыча и преданное ему боеспособное войско. Плутарх и Светоний рассказывают

---

[1] *Петелийские горы* расположены в восточной части Бруттия (Южная Италия).

о великом галльском восстании против римлян, разорении галльских городов, опустошении страны, которое, как отмечает Светоний, проводилось «чаще ради добычи, чем в наказание». Он видит в некоторых чертах диктатуры Цезаря (зависимость народного собрания, сената, должностных лиц от воли пожизненного диктатора) определенные признаки тяготения его к монархии. Власть Цезаря казалась его современникам безграничной.

Ранняя Римская империя представлена документами, различными по типу и характеру. (Анкирская надпись, так называемые «Деяния божественного Августа», фрагменты из сочинений Светония, Диона Кассия и Дигест[1].) Они позволяют раскрыть социальную сущность и особенности принципата[2]. Октавиан Август, соединяя в своих руках военную и гражданскую власть, обладая огромными материальными ресурсами, боялся повторения судьбы Цезаря. Он содействовал установлению государственного строя, который фактически был монархией, скрывавшейся под видом республики.

§ 1. ЗАХВАТ ЦЕЗАРЕМ ВЛАСТИ В РИМЕ. ДИКТАТУРА ЦЕЗАРЯ

1. Плутарх о Цезаре

Биография Плутарха «Цезарь» является ценным и интересным источником. Привлекает внимание историческая характеристика Цезаря-полководца, писателя, государственного деятеля. Также имеет значение рассказ Плутарха о великом галльском восстании (54—52 гг. до н. э.) под руководством вождя галльского племени арвернов — Верцингеторига против войск Цезаря. Плутарх дал яркое, полное драматизма описание осады галльской крепости Алезии, ее падения, сдачи Верцингеторига на милость победителя. Вождь восстания был в цепях отведен в Рим и казнен во время одного из триумфов Цезаря.

Плутарх о Цезаре

III. ...Цезарь, как сообщают, и от природы был в высшей степени одарен способностями к красноречию на государственном поприще и ревностно упражнял свое дарование, так что, бесспорно, ему принадлежало (после Цицерона) второе место в этом искусстве, однако первенствовать в красноречии он отказался, заботясь больше о том, чтобы стать первым благодаря власти и силе оружия; будучи занят военными и гражданскими предприятиями, с помощью которых он подчинил себе государство, он не дошел в ораторском искусстве до того предела, который был ему указан природой.

IV. ...В самом Риме Цезарь благодаря своим красноречивым защитительным речам в судах добился блестящих успехов, а своей вежливостью и ласковой обходительностью стяжал любовь простонародья, ибо он был более внимателен к каждому, чем можно было ожидать в его возрасте. Да и его обеды, пиры и вообще блестящий образ жизни содействовали постепенному росту его влияния в государстве. Сначала завистники Цезаря не обращали на это внимания, считая, что он будет забыт сразу же

---

[1] *Дигесты* — юридические сборники.

[2] *Принципат* — политический строй Рима в I—II вв. н. э. При нем сохраняются органы республики, но власть принадлежит принцепсу — первому сенатору, первому человеку в государстве.

после того, как иссякнут его средства. Лишь когда было поздно, когда эта сила уже так выросла, что ей трудно было что-либо противопоставить, и направилась прямо на ниспровержение существующего строя, они поняли, что нельзя считать незначительным начало ни в каком деле. То, что не пресечено в зародыше, быстро возрастает, ибо в самом пренебрежении оно находит условия для беспрепятственного развития. Цицерон, как кажется, был первым, кто считал подозрительной и внушающей опасения деятельность Цезаря, по внешности спокойную, подобно гладкому морю, и распознал в этом человеке смелый и решительный характер, скрывающийся под маской ласковости и веселости. Он говорил, что во всех помыслах и образе действия Цезаря он усматривает тиранические намерения. «Но,— добавлял он,— когда я вижу, как тщательно уложены его волосы и как он почесывает голову одним пальцем, мне всегда кажется, что этот человек не может замышлять такое преступление, как ниспровержение римского государственного строя». Но об этом позже.

XI. ...Рассказывают, что, когда Цезарь перевалил через Альпы и проезжал мимо бедного городка с крайне немногочисленным варварским населением, его приятели спросили со смехом: «Неужели и здесь есть соревнование из-за должностей, споры о первенстве, раздоры среди знати?» «Что касается меня,— ответил им Цезарь с полной серьезностью,— то я предпочел бы быть первым здесь, чем вторым в Риме».

В другой раз, уже в Испании, читая на досуге что-то из написанного о деяниях Александра, Цезарь погрузился на долгое время в задумчивость, а потом даже прослезился. Когда удивленные друзья спросили его о причине, он ответил: «Неужели вам кажется недостаточной причиной для печали то, что в моем возрасте Александр уже правил столькими народами, а я до сих пор еще не совершил ничего замечательного!»

XVII. ...Любовь его к опасностям не вызывала удивления у тех, кто знал его честолюбие, но всех поражало, как он переносил лишения, которые, казалось, превосходили его физические силы, ибо он был слабого телосложения, с белой и нежной кожей, страдал головными болями и падучей, первый припадок которой, как говорят, случился с ним в Кордубе[1]. Однако он не использовал свою болезненность как предлог для изнеженной жизни, но, сделав средством исцеления военную службу, старался беспрестанными переходами, скудным питанием, постоянным пребыванием под открытым небом и лишениями победить свою слабость и укрепить свое тело. Спал он большей частью на повозке или на носилках, чтобы использовать для дела и часы отдыха. Днем он объезжал города, караульные отряды и крепости, причем рядом с ним сидел раб, умевший записывать за ним, а позади один воин с мечом. Он передвигался с такой быстротой,

---

[1] *Кордуба* — город, совр. Кордова.

что в первый раз проделал путь от Рима до Родана[1] за восемь дней. Верховая езда с детства была для него привычным делом. Он умел, отведя руки назад и сложив их за спиной, пустить коня во весь опор. А во время этого похода он упражнялся еще и в том, чтобы, сидя на коне, диктовать письма, занимая одновременно двух или даже, как утверждает Оппий, еще большее число писцов. Говорят, что Цезарь первым пришел к мысли беседовать с друзьями по поводу неотложных дел посредством писем, когда величина города и исключительная занятость не позволяли встречаться лично...

Плутарх о великом галльском восстании (54—52 гг. до н. э.)

XXV. ...Но вскоре обнаружились первые признаки самой большой и опасной войны, какая когда-либо велась в Галлии. Замысел ее давно уже созрел втайне и распространялся влиятельнейшими людьми среди самых воинственных племен. В их распоряжении были и многочисленные вооруженные силы, и большие суммы денег, собранные для войны, и укрепленные города, и труднопроходимые местности. А так как по причине зимнего времени реки покрылись льдом, леса — снегом, долины были затоплены, тропы в одних местах исчезли под толстою снежной пеленой, в других сделались ненадежны из-за болот и разлившихся вод, то казалось совершенно очевидным, что Цезарь не сможет ничего сделать с восставшими. Поднялось много племен, но очагом восстания были земли арвернов и карнутов...[2].

XXVII. Между тем большинство варваров из числа уцелевших в сражении скрылось со своим царем в городе Алезии[3]. Во время осады этого города, казавшегося неприступным из-за высоких стен и многочисленности осажденных, Цезарь подвергся огромной опасности, ибо отборные силы всех галльских племен, объединившихся между собой, прибыли к Алезии в количестве трехсот тысяч человек, в то время как число запершихся в городе было не менее ста семидесяти тысяч. Стиснутый и зажатый меж двумя столь большими силами Цезарь был вынужден возвести две стены: одну — против города, другую — против пришедших галлов, ибо было ясно, что если враги объединятся, то ему конец. Борьба под Алезией пользуется заслуженной славой, так как ни одна другая война не дает примеров таких смелых и искусных подвигов. Но более всего удивительно, как Цезарь, сразившись с многочисленным войском за стенами города и разбив его, проделал это незаметно не только для осажденных, но даже и для тех римлян, которые охраняли стену, обращенную к городу. Последние узнали о победе не раньше, чем услышали доносящийся из Алезии плач и рыдания мужчин и женщин, которые увидели, как римляне с противоположной стороны несут

---

[1] *Родан* — совр. река Рона.

[2] *Арверны* и *карнуты* — галльские племена, жившие по верхнему течению рек Лауры и Сены.

[3] *Алезия* — галльский город, расположенный недалеко от истоков Сены.

в свой лагерь множество щитов, украшенных серебром и золотом, панцирей, залитых кровью, множество кубков и галльских палаток. Так мгновенно, подобно сну или призраку, была уничтожена и рассеяна эта несметная сила, причем большая часть варваров погибла в битве. Наконец сдались и защитники Алезии — после того, как причинили немало хлопот и Цезарю и самим себе. Верцингеториг, руководитель всей войны, надев самое красивое вооружение и богато украсив коня, выехал из ворот. Объехав вокруг возвышения, на котором сидел Цезарь, он соскочил с коня, сорвал с себя все доспехи и, сев у ног Цезаря, оставался там, пока его не заключили под стражу, чтобы сохранить для триумфа.

Плутарх о завоевании Галлии

XV. ...Ибо за те неполные десять лет, в течение которых он вел войну в Галлии, он взял штурмом более восьмисот городов, покорил триста народностей, сражался с тремя миллионами людей, из которых один миллион уничтожил во время битв и столько же захватил в плен.

Плутарх. Сравнительные жизнеописания. — В 3-х т.— М., 1963. Т. II.— С. 451, 452, 457, 459, 466, 467.

2. Итоги внешних завоеваний Цезаря

Гай Светоний Транквилл. Божественный Юлий

Гай Светоний Транквилл (ок. 70—160 гг. н. э.) — адвокат, секретарь императора Адриана, написал труд «Жизнеописание двенадцати Цезарей», в котором дал биографии римских императоров от Цезаря до Домициана Флавия. Его сведения неравноценны. Пользуясь императорским архивом, Светоний оставил много интересных данных, но одновременно с ними он уделял внимание малозначительным фактам, анекдотам. Представляют интерес сообщения Светония об итогах завоевания Галлии, характере военной диктатуры Цезаря, о росте недовольства диктатором народа Рима и ряда сенаторов, считавших его тираном.

54. Бескорыстия он не обнаружил ни на военных, ни на гражданских должностях. Проконсулом в Испании.., как нищий, выпрашивал у союзников деньги на уплату своих долгов, а у лузитанов[1] разорил, как на войне, несколько городов, хотя они соглашались на его требования и открывали перед ним ворота. (2) В Галлии он опустошал капища и храмы богов, полные приношений, и разорял города чаще ради добычи, чем в наказание. Оттого у него и оказалось столько золота, что он распродавал его по Италии и провинциям на вес, по три тысячи сестерциев за фунт[2]. (3) В первое свое консульство он похитил из капитолийского храма три тысячи фунтов золота, положив вместо него столько же позолоченной меди. Он торговал союзами и царствами: с одного Птолемея[3] он получил около шести

[1] *Лузитаны* — племена, обитавшие на юго-западе Пиренейского полуострова.
[2] Обычная цена золота в то время — 4000 сестерциев за фунт.
[3] *Птолемей* XI Авлет, царь Египта, изгнан из Египта в 58 г. до н. э., за большие деньги был восстановлен римлянами в 55 г. до н. э.

тысяч талантов за себя и за Помпея. А впоследствии лишь неприкрытые грабежи и святотатства[1] позволили ему вынести издержки гражданских войн, триумфов и зрелищ.

76. Однако все это перевешивают его слова и дела иного рода: поэтому даже считается, что он был повинен в злоупотреблении властью и убит заслуженно. Мало того, что он принимал почести сверх всякой меры: бессменное консульство, пожизненную диктатуру, попечение о нравах, затем имя императора, прозвание отца отечества, статую среди царских статуй, возвышенное место в театре, он даже допустил в свою честь постановления, превосходящие человеческий предел: золотое кресло в сенате и суде, священную колесницу и носилки при цирковых процессиях, храмы, жертвенники, изваяния рядом с богами, место за угощением для богов, жреца, новых луперков[2], название месяца по его имени; и все эти почести он получал и раздавал по собственному произволу. (2) В свое третье и четвертое консульство он был консулом лишь по имени, довольствуясь одновременно предложенной ему диктаторской властью; в замену себе он каждый раз назначал двух консулов, но лишь в последние три месяца, так что в промежутке даже народные собрания не созывались, кроме как для выбора народных трибунов и эдилов: ибо и преторов он заменил префектами, которые вели городские дела в его отсутствие. Когда один консул внезапно умер накануне нового года, он отдал освободившееся место одному соискателю на несколько оставшихся часов. (3) С таким же своевластием он вопреки отеческим обычаям назначал должностных лиц на много лет вперед, даровал десяти бывшим преторам консульские знаки отличия, ввел в сенат граждан, только что получивших гражданские права, и в их числе несколько полудиких галлов. Кроме того, заведовать чеканкой монеты... он поставил собственных рабов, а управление и начальство над оставленными в Александрии тремя легионами передал своему любимчику Руфину, сыну своего вольноотпущенника.

77. Не менее надменны были и его открытые высказывания, о каких сообщает Тит Амний: «Республика — ничто, пустое имя без тела и облика»; «Сулла не знал и азов, если отказался от диктаторской власти»; «С ним, Цезарем, люди должны разговаривать осторожнее и слова его считать законом». Он дошел до такой заносчивости, что когда гадатель однажды возвестил о несчастном будущем — зарезанное животное оказалось без сердца,— то он заявил: «Все будет хорошо, коли я того пожелаю; а в том, что у скотины нету сердца, ничего удивительного нет».

78. Но величайшую, смертельную ненависть навлек на себя вот каким поступком. Сенаторов, явившихся в полном составе

---

[1] Имеется в виду конфискация неприкосновенных средств государственного казначейства в 49 г. до н. э.

[2] *Луперки* — жрецы на культовом празднестве Луперкалии. Луперкалии — празднество в Древнем Риме в честь бога Луперка, защитника пастухов и стад (15 февраля). Луперк — одно из прозвищ Фавна — бога стад.

поднести ему многие высокопочтеннейшие постановления, он принял перед храмом Венеры[1]-Прародительницы сидя...

79. Безмерно оскорбив сенат своим открытым презрением, он прибавил к этому и другой, еще более дерзкий проступок. Однажды, когда он возвращался после жертвоприношения на Латинских играх, среди небывало бурных народных рукоплесканий, то какой-то человек из толпы возложил на его статую лавровый венок, перевитый белой перевязью, но народные трибуны Эпидий Марулл и Цезетий Флав приказали сорвать перевязь с венка, а человека бросить в тюрьму. Цезарь, в досаде на то ли, что намек на царскую власть не имел успеха, на то ли, что у него, по его словам, отняли честь самому от нее отказаться, сделал трибунам строгий выговор и лишил их должности. (2) Но с тех пор он уже не мог стряхнуть с себя позор стремления к царскому званию, несмотря на то, что однажды он ответил плебею, величавшему его царем: «Я Цезарь, а не царь», а в другой раз, когда на Луперкалии перед ростральной трибуной[2] консул Антоний несколько раз пытался возложить на него диадему, он отверг ее и отослал в Капитолий, в храм Юпитера Благого и Величайшего. (3) Более того, все чаще ходили слухи, будто он намерен переселиться в Александрию или в Илион и перевести туда все государственные средства, обескровив Италию воинскими наборами, а управление Римом поручив друзьям, и будто на ближайшем заседании сената квиндецемвир[3] Луций Кота внесет предложение провозгласить Цезаря царем, так как в пророческих книгах[4] записано, что парфян может победить только царь.

80. Это и заставило заговорщиков ускорить задуманные действия, чтобы не пришлось голосовать за такое предложение.

Уже происходили тут и там тайные сходки, где встречались два-три человека: теперь все слилось воедино. Уже и народ не был рад положению в государстве: тайно и явно возмущаясь самовластием, он искал освободителей. (2) Когда в сенат были приняты иноземцы, появились подметные листы с надписью: «В добрый час! Не показывать новым сенаторам дорогу в сенат!» А в народе распевали так:

Цезарь галлов вел в триумфе,
Галлов Цезарь ввел в сенат:
Сняв штаны, они одели тогу с пурпурной каймой.

(3) Когда Квинт Максим, назначенный консулом на три месяца, входил в театр, и ликтор, как обычно, всем предложил его приветствовать, отовсюду раздались крики: «Это не консул!» После удаления от должности трибунов Цезетия и Марулла на

---

[1] *Венера* — богиня любви и красоты.

[2] *Ростральная трибуна* — ораторская кафедра с окружающей ее частью форума.

[3] *Квиндецемвир* — член коллегии из 15 человек.

[4] *Пророческие книги* — сборник древних прорицаний, приписываемых пророчице Сивилле Кумской.

ближайших выборах было подано много голосов, объявлявших их консулами. Под статуей Луция Брута кто-то написал: «О если бы ты был жив!», а под статуей Цезаря:

Брут, изгнав царей из Рима, стал в нем
первым консулом.
Этот, консулов изгнавший, стал царем в конце
концов.

(4) В заговоре против него участвовало более шестидесяти человек; во главе его стояли Гай Кассий, Марк Брут и Децим Брут. Сперва они колебались, убить ли его на Марсовом поле, когда на выборах он призовет трибы к голосованию,— разделившись на две части, они хотели сбросить его с мостков, подхватить и заколоть — или же напасть на него на Священной дороге или при входе в театр. Но когда было объявлено, что в иды[1] марта сенат соберется на заседание в курию Помпея, то все охотно предпочли именно это время и место.

82. Он сел, и заговорщики окружили его, словно для приветствия. Тотчас Тиллий Цимбр, взявший на себя первую роль, подошел к нему ближе, как будто с просьбой, и, когда тот, отказываясь, сделал ему знак подождать, схватил его за тогу выше локтей. Цезарь кричит: «Это уже насилие!» — и тут один Каска, размахнувшись сзади, наносит ему рану пониже горла. (2) Цезарь хватает Каску за руку, прокалывает ее грифелем, пытаясь вскочить, но второй удар его останавливает. Когда же он увидел, что со всех сторон на него направлены обнаженные кинжалы, он накинул на голову тогу и левой рукой распустил ее складки ниже колен, чтобы пристойнее упасть укрытым до пят; и так был он поражен двадцатью тремя ударами, только при первом испустил не крик даже, а стон, хотя некоторые и передают, что бросившемуся на него Марку Бруту он сказал: «И ты, дитя мое?» (3) Все разбежались; бездыханный, он остался лежать, пока трое рабов, взвалив его на носилки со свисающей рукой, не отнесли его домой. И среди стольких ран только одна, по мнению врача Антистия, оказалсь смертельной — вторая, нанесенная в грудь. (4) Тело убитого заговорщики собирались бросить в Тибр, имущество конфисковать, законы отменить, но не решились на это из страха перед консулом Марком Антонием и начальником конницы Лепидом.

Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати Цезарей.— М., 1966.— С. 22, 29—32.

§ 2. УСТАНОВЛЕНИЕ ИМПЕРИИ

3. Надпись из Анкиры, так называемые «Деяния божественного Августа»

Надпись, представляющая автобиографию императора Августа, дошла до нашего времени в трех копиях. Наиболее известна Анкирская надпись —

[1] *Иды* — в римском календаре название дня в середине месяца. В марте, мае, июле и октябре иды приходились на 15-й день, в остальные месяцы — на 13-й.

копия на латинском и греческом языках, обнаруженная в 1555 г. на стене античного храма в г. Анкаре — столице Турции. Две другие копии найдены в городах Аполлонии и Антиохии. Надпись является очень ценным источником для изучения особенностей политической организации Римской империи и характеристики социальной политики принцепса. Анкирская надпись дает пространные сведения о том, каким путем Октавиан Август, опираясь главным образом на крупных рабовладельцев Рима и Италии, армию, затем плебс, лавируя между ними, смог стать единоличным правителем государства. Однако содержание «Деяний» в высшей степени односторонне и тенденциозно. Поэтому необходимо его сопоставление с сочинениями поздних историков — Светония и Диона Кассия, раскрывающих более полно режим Августа. Октавиан Август восхваляет все стороны своей деятельности, подчеркивает свое послушание воле сената, народному собранию (т. е. органам республики), хотя они фактически повиновались распоряжениям принцепса.

§ 1. Девятнадцати лет от роду по собственному своему решению и на частные свои средства я собрал войско, при помощи которого вернул свободу республике, угнетенной бандой заговорщиков[1]. Во имя этого сенат почетным декретом принял меня в свое сословие в консульство Гая Пансы и Авла Гирция, предоставив мне право подавать свое мнение вместе с консулярами, и дал мне военную власть (imperium). Сенат поручил мне в качестве пропретора вместе с консулами блюсти безопасность республики; народ же в том самом году (43 г. до н. э.), когда пали на войне оба консула, избрал меня в консулы и триумвиры по переустройству государства.

§ 2. Тех, кто был убийцами моего родителя, я отправил в изгнание, отплатив им за их злодеяния приговором на основании законов, и впоследствии, когда они пошли войной против республики, дважды разбил их в строю[2].

§ 3. Я вел много войн во всем мире, на суше и на море, гражданских и внешних, и в качестве победителя оказывал милость всем гражданам, просившим ее. Чужие народы, которым было безопасно дать прощение, я предпочитал сохранять, а не истреблять. Римских граждан, принесших мне присягу, было около пятисот тысяч. Из них я вывел в колонии или отпустил по окончании службы в их муниципии несколько больше трехсот тысяч, и всех их я наделил землей или наградил деньгами за военную службу. Я захватил шестьсот кораблей, не считая тех, которые были мельче трирем.

§ 5. Диктатуру, предложенную всем народом и сенатом в консульство Марка Марцелла и Люция Арунтия мне лично и в мое отсутствие, я не принял. При крайнем недостатке хлеба я не отказался от заботы о продовольствии, которым я управлял так, что в несколько дней при помощи моих собственных средств освободил весь народ от страха и угрожавшей ему опасности (голода). Консульскую власть, предложенную мне тогда сроком на год и бессрочно, я не принял.

§ 8. Будучи по приказанию народа и сената консулом в пятый

[1] Имеются в виду сторонники Марка Антония.
[2] В битве при Филиппах в 42 г. до н. э.

раз, я увеличил число патрициев. Состав сената я проверял трижды. Во время шестого консульства я провел цензуру вместе с Марком Агриппой. Перепись была произведена после промежутка в сорок два года[1]. По этой переписи оказалось римских граждан четыре миллиона шестьдесят три тысячи. Вторую перепись я произвел один, обладая консульскими полномочиями, в консульство Гая Цензорина и Гая Азиния. По этой переписи оказалось четыре миллиона и двести тридцать три тысячи римских граждан. Третью перепись, обладая консульскими полномочиями, я произвел вместе с сыном моим Тиберием Цезарем в консульство Секста Помпея и Секста Аппулея[2]. По этой переписи римских граждан было насчитано четыре миллиона девятьсот тридцать семь тысяч.

§ 13. Храм Януса-Квирина[3], который предки наши решались закрывать лишь после того, как во всей державе римского народа победами на суше и на море бывал упрочен мир, и который от основания города до моего рождения, как об этом хранится в памяти людей, закрывался всего дважды, за время моего управления по постановлению сената закрывался три раза.

§ 15. Римскому плебсу, согласно завещанию моего отца, я роздал по триста сестерциев[4] на человека и от своего имени в пятое мое консульство я выдал по четыреста сестерциев на человека из военной добычи; еще раз в десятое свое консульство я отсчитал из собственного своего имущества по четыреста сестерциев на человека в подарок, и в одиннадцатое свое консульство я двенадцать раз раздавал продовольствие хлебом, купленным на мои частные средства, и, когда я был в двенадцатый раз трибуном, я в третий раз роздал по четыреста сестерциев на человека. Эти мои раздачи никогда не охватывали меньше двухсот пятидесяти тысяч человек. Когда я был восемнадцатый раз трибуном и двенадцатый раз консулом, я роздал тремстам двадцати тысячам городского плебса по шестьдесят денариев[5] на человека. В колониях моих солдат я в пятое мое консульство роздал из военной добычи по тысяче сестерциев на человека; получили этот триумфальный подарок в колониях около ста двадцати тысяч человек. В тринадцатое свое консульство я роздал по шестидесяти денариев плебсу, который получал тогда государственный хлебный паек. Таких было немного — более двухсот тысяч человек.

---

[1] Первая перепись Августа произведена в 28 г. до н. э., предшествующая — в 70/69 г. до н. э.

[2] Вторая перепись была проведена Августом в 8 г. до н. э., третья — в 14 г. н. э. Результаты ее были опубликованы за 100 дней до смерти Августа.

[3] *Янус* — древнее италийское божество. Первоначально бог света и солнца. Открывал небесные ворота, впуская на землю день, вечером запирал. Храм Януса-Квирина был закрыт в 235 г. до н. э. При Августе закрывался в 29 г. до н. э.— после битвы при Акциуме, в 25 г. до н. э.— после победы над кантабрами (племена, обитавшие в Испании). Неизвестно, когда храм был закрыт третий раз.

[4] *Сестерций* — римская монета.

[5] *Денарий* = 4 сестерциям.

§ 16. Деньги за земли, которыми я наделял солдат в четвертое мое консульство, а потом в консульство Марка Красса и Гнея Лентула, авгура, я уплатил муниципиям[1]. Это составило сумму в шестьсот миллионов сестерциев, которую я отсчитал за земли в Италии, и сумму в двести шестьдесят миллионов, которую я заплатил за земли в провинциях. Так поступил я первый и единственный из всех, кто на памяти моего века выводил колонии ветеранов в Италию или в провинции...

§ 17. Четыре раза я своими частными средствами поддерживал государственное казначейство тем, что передал стоявшим во главе его сто пятьдесят миллионов сестерциев. В консульство Марка Лепида и Люция Аррунтия в военное казначейство, которое было основано по моему совету, чтобы выдавать наградные солдатам, прослужившим двадцать и более лет, я внес из своего личного имущества сто семьдесят миллионов сестерциев...

§ 25. Я очистил море от разбойников. В той борьбе с рабами, которые убежали от своих господ и взялись за оружие против республики, я, захватив почти тридцать тысяч беглецов, передал их владельцам для предания казни[2]. Вся Италия добровольно принесла мне присягу и потребовала, чтобы я был вождем в той войне, в которой я одержал победу при Акции. Такую же присягу принесли мне провинции: Галлия, Испания, Африка, Сицилия и Сардиния.

§ 28. Колонии ветеранов я вывел в Африку, Сицилию, Македонию, в обе Испании, в Ахайю, Малую Азию, Сирию, Нарбоннскую Галлию и Писидию. В Италии находятся двадцать восемь колоний, выведенных под моими ауспициями[3], разросшихся при моей жизни и достигших процветания.

§ 34. В шестое и седьмое консульство, после того как я потушил гражданские войны, пользуясь по всеобщему согласию высшей властью, я передал государство из своей власти в распоряжение сената и народа. За эту мою заслугу постановлением сената я был назван Августом (36 г. до н. э.), двери дома моего публично были украшены лаврами, гражданская корона была пригвождена над моей дверью и в курии Юлия был поставлен золотой щит, подаренный мне, как об этом гласит надпись на нем, сенатом и римским народом за мужество, милосердие, справедливость и благочестие. После этого я превосходил всех своим «авторитетом», власти же у меня было не более, чем у тех, кто были моими коллегами по магистратуре.

Хрестоматия по истории древнего мира / Под ред. В. В. Струве.— М., 1953.— Т. III.— С. 194—196.

---

[1] *Муниципии* — покоренные или сдавшиеся Риму общины, имели внутреннее самоуправление. После Союзнической войны (90—88 гг. до н. э.) получили полные права римского гражданства.

[2] Это относится к войне триумвиров с Секстом Помпеем, которая была окончена в 36 г. до н. э.

[3] *Ауспиции* — предзнаменования, гадания по полету птиц. Наблюдения производились магистратами с участием авгуров (жреческая коллегия в Риме).

4. Характеристика Августа

Гай Светоний Транквилл. Божественный Август. Кн. II.

Светоний в биографии «Божественный Август» дает некоторые сведения, показывающие необоснованность ряда положений Анкирской надписи. Если в «Деяниях» Август говорит о милостивом отношении к гражданам, участникам гражданских войн, то Светоний рассказывает о жестокости принцепса. Также интересно объяснение причин сокращения хлебных раздач, данное Светонием.

27. Триумвиром для устроения государства он был в течение десяти лет. В этой должности он сперва противился коллегам и пытался предотвратить проскрипции: но когда проскрипции были все же объявлены, он превзошел жестокостью их обоих. Тех еще многим удавалось умилостивить мольбами и просьбами — он один твердо стоял на том, чтобы никому не было пощады.

35. Сенат давно уже разросся и превратился в беспорядочную толпу — в нем было больше тысячи членов, и среди них люди самые недостойные, принятые после смерти Цезаря по знакомству или за взятку, которых в народе называли «замогильными» сенаторами.

40. (3). Особенно важным считал он, чтобы римский народ оставался непорочен и чист от примеси чужеземной или рабской крови. Поэтому римское гражданство он жаловал очень скупо, а отпуск рабов на волю ограничил... (4) А для рабов он поставил множество препятствий на пути к свободе и еще больше на пути к полноправной свободе: он тщательно предусмотрел и количество, и положение, и состояние отпускаемых и особо постановил, чтобы раб, хоть раз побывавший в оковах или под пыткой, уже не мог получить гражданства ни при каком отпущении.

42 (3). ...Однажды во время сильного неурожая, от которого трудно было найти средства, он выселил из Рима всех работорговцев с их рабами и ланист с гладиаторами, всех иноземцев, кроме врачей и учителей, и даже часть рабов. Когда же снабжение наладилось, он, по его собственным словам, собрался навсегда отменить хлебные выдачи, так как из-за них приходило в упадок земледелие; но он оставил и эту мысль, понимая, что рано или поздно какой-либо честолюбец снова мог бы их восстановить. Однако после этого он умерил свои выдачи так, чтобы соблюсти выгоды не только горожан, но и землепашцев и зерноторговцев.

Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати Цезарей.— М., 1966.— С. 45, 49, 51, 52.

5. Дион Кассий о разделении управления между принцепсом и сенатом

Дион Кассий Коккеян (около 155—235 гг. н. э.), уроженец города Никеи (провинция Вифиния), принадлежал к знатной семье римского сенатора, правителя Киликии и Далмации. Во время правления императора Коммода получил права сенатора, занимал государственные должности, управлял провинциями.

Дион Кассий написал «Римскую историю», представляющую еще одну попытку изложить историю Римского государства от основания города до 229 г. н. э. Из 80 книг до нас дошли полностью только 36—60, охватывающие период с 67 г. до н. э. по 46—47 гг. н. э. Прочие книги известны только в сокращениях более поздних писателей и историков. Особый интерес представляют главы, относящиеся к истории Римской империи, лучше известной автору, и сведения по военной истории Рима.

Дион Кассий очень трезво оценивал провинциальную политику Августа, вскрывал истинные причины, благодаря которым он отдал мирные невоинственные провинции сенату.

...Он всю заботу и управление всеми делами, требующими какого-либо особого попечения, взял на себя и сказал, что будет управлять не всеми народами, да и теми, которые берет себе, будет править не все время; именно: более покорные, мирные и невоинственные он передал сенату, наоборот, более сильные, ненадежные и опасные и, мало того, имеющие внутри себя враждебные силы или сами по себе способные на мятежные действия он оставил за собой. На словах он сделал так для того, чтобы сенат мог пользоваться наилучшими плодами управления безопасно, а чтобы все трудности и опасности управления пришлись на его долю, на деле же он сделал так для того, чтобы под этим предлогом сенатские провинции оставались невооруженными и неподготовленными к военным действиям и чтобы только он один имел в своем распоряжении оружие и подготовлял военные силы.

...Желая отвлечь их от мысли, что он, как Цезарь, помышляет о монархическом образе правления, он ограничил десятью годами управление всеми переданными ему провинциями и обещал за этот срок установить в них прочный порядок и даже смальчишествовал, заявив, что если укротит их за более короткий срок, то и вернет управление их народу раньше времени. И с этих пор прежде всего он поставил во главе управления самих членов сената у каждого народа, кроме египтян[1], и только у них одних так называемого всадника. Затем, согласно сказанному мною, он распорядился, чтобы они все имели полномочия на один год и чтобы они избирались по жребию.

Хрестоматия по истории древнего мира / Под ред. В. В. Струве. — М., 1953. — Т. III. — С. 188—189.

6. Меры, принятые Августом по укреплению рабовладения

Ульпиан. Дигесты, XXIV, 51

Внутренняя политика Августа носила ярко выраженный классовый характер. Он принял жестокие меры по укреплению рабовладения. Им был восстановлен в 10 г. до н. э. древний суровый закон, по которому в случае убийства рабовладельца казни подлежали все рабы и вольноотпущенники, находившиеся в доме во время убийства.

---

[1] Египет был личным владением Августа. Префект Египта назначался обычно из всадников.

Так как не может быть в безопасности ни один дом, если рабы под страхом смерти не будут вынуждены охранять господ от опасности, (угрожающей) их жизни как со стороны домашних, так и посторонних, то введены были сенатские постановления о предании казни рабов убитых (господ). Господами считаются и те, кто имеет право собственности (на рабов), даже если пользуется (рабами) другой... Господами считаются и другие свободные, находящиеся под властью главы семьи... Если был убит муж, отвечают рабы жены, и наоборот... Если кто покончит с собой, то наказываются те рабы, которые, будучи поблизости, могли помешать (этому) и не помешали... Этот сенатусконсульт[1] карает тех, кто были под одной кровлей (с убитыми), тех же, кто были не под одной кровлей, но в том же районе,— лишь в случае их соучастия. Как понять «под одной кровлей»?.. Секст считает, что это те, кто находились на таком расстоянии, что могли слышать голос (господина). Божественный Адриан писал, что рабы, когда могут помочь господам, не должны предпочитать свою безопасность господской и искать для себя выгоды в опасности, (которой подвергаются) господа... Если господин был убит в пути, караются те, кто были с ним...

Хрестоматия по истории Древнего Рима / Под ред. С. Л. Утченко. — М., 1962. — С. 428.

7. Культ Августа

По мере того как Римское государство превращалось в мировую державу, республиканский строй уступал место монархии, римский император превращался в монарха, сверхчеловека. Культ императора установлен со времен Августа. После смерти Август был причислен к богам, его культ получил еще более широкое распространение. В честь Августа сооружались храмы, алтари, статуи, устраивались трапезы для народа. Самой священной официально стала считаться клятва Юпитером и Августом или его гением. В каждом районе города Рима в часовне, посвященной ларам, находился гений Августа.

Гай Светоний. Божественный Август.

58. Почетный титул «отца отечества» был поднесен ему всем народом по единодушному согласию, возникшему как-то внезапно... По общему поручению он (Валерий Мессала) обратился к Августу с такими словами: «Да будет во спасение и благое поспешение тебе и твоему дому, Цезарь Август! Это то же, что пожелать вечного благополучия республике и радости этому городу; сенат в согласии с народом римским приветствует тебя как отца отечества».

59. Некоторые отцы семейств в завещаниях предписали наследникам отвести на Капитолий жертвенных животных и, согласно обету, заколоть их там в благодарность богам за то, что Август их пережил; при этом перед жертвенными животными должны были нести плакаты с оповещением о происходящем. Некоторые города Италии стали вести счет годов с того дня,

---

[1] *Сенатусконсульт* — решение римского сената, имевшее силу закона. Вырезалось на камне или на меди.

когда он впервые посетил их. Многие из провинций, помимо храмов и алтарей, почти в каждом городе учредили в его честь игры, празднуемые через каждые пять лет.

60. Каждый из дружественных и союзных Риму царей основал в своем царстве город Цезарею, а все вместе постановили на общие средства достроить храм Зевса Олимпийского в Афинах, начатый в отдаленной древности, и посвятить его гению Августа. Часто эти цари, покинув свои владения, сопровождали его не только в Риме, но и в поездках по провинциям, и, сняв свои царские регалии, в простых тогах, ежедневно оказывали ему различные услуги, словно его клиенты.

Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати Цезарей. М.— Л., 1966.— С. 159—160.

8. Отношение жителей провинций к Риму

Тацит[1], Агрикола, 30; 31

Захват римлянами новых территорий продолжался и в период империи. Завоеванные страны становились римскими провинциями, население которых проявляло недовольство господством римлян. Об этом можно судить по речи одного племенного вождя британских повстанцев Калгака.

...Надменности римлян нельзя избегнуть послушанием и покорностью. Грабители мира, когда им, все обшаривающим, не достает земель, обшаривают и море; если враг их богат, они корыстолюбивы, если беден, честолюбивы,— люди, которых не может насытить ни Восток, ни Запад. Они одни из всех с одинаковой жадностью накидываются на богатство и бедность. Похищать, убивать, грабить — это на их лживом языке называется управлением, а когда все обратят в пустыню, называют это миром... Достояние и богатство обращается в дань, годовая жатва — в хлебную подать, тела самые и руки истощаются в проложении дорог через леса и болота под ударами бича и среди поношения.

Хрестоматия по истории Древнего Рима / Под ред. С. Л. Утченко. — М., 1962. — С. 553.

ТЕМА 4. КУЛЬТУРА И БЫТ РИМА В КОНЦЕ РЕСПУБЛИКИ — НАЧАЛЕ ИМПЕРИИ

Установление мира и прекращение гражданских войн во время принципата Августа содействовали расцвету культуры Рима. К концу I в. до н. э. Рим, воспринявший художественное наследие Греции, становится не только экономическим, политическим, но и культурным центром огромной рабовладельческой Средиземноморской державы. Живопись, архитектура и поэзия свидетельствуют о высоком развитии изобразительных искусств и литературы. Замечательные мыслители и поэты, жившие во время «золотого века» (приблизительно I в. до н. э. — I в. н. э.) римской литературы,— Вергилий, Гораций, Овидий, Лукреций Кар написали лучшие произведения латинской поэзии.

Творчество поэтов «золотого века» послужило образцом для литературы более позднего времени.

[1] *Тацит* — римский историк (ок. 58 — ок. 117).

§ 1. РИМСКАЯ ПОЭЗИЯ И ФИЛОСОФСКО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ

1. Тит Лукреций Кар

Тит Лукреций Кар (ок. 98 г. — 55 г. до н. э.) создал замечательную философскую поэму «О природе вещей», отличавшуюся высокими художественными достоинствами. Лукреций, убежденный последователь античного греческого атомизма, представленного в учении Эпикура, изложил в поэме материалистическое учение о природе и обществе. Он утверждал, что материя вечна и бесконечна. Все, писал поэт, состоит из неделимых начал — атомов, которые не могут быть созданы или уничтожены. Лукреций пытался дать научное объяснение происхождения человека и общества и освободить людей от религиозных суеверий и страха. Поэма Лукреция оказала большое влияние на последующее развитие философской мысли.

Книга I (931—934)

Ибо, во-первых, учу я великому знанью, стараясь
Дух человека извлечь из тесных тенет суеверий,
А, во-вторых, излагаю туманный предмет совершенно
Ясным стихом, усладив его Муз обаянием всюду.

Книга V (146—152)

Также поверить никак невозможно и в то, что святые
Где-то жилища богов обретаются в мира пределах,
Ибо природа богов настолько тонка и от чувства
Нашего столь далека, что едва ли умом постижима.
Если ж она осязанью рукой и толчкам недоступна,
То и сама не должна осязать то, что мы осязаем:
То, что нельзя осязать, и само осязанию чуждо.

Книга I (149—158; 262—264)

...За основание тут мы берем положенье такое:
Из ничего не творится ничто по божественной воле,
И оттого только страх всех смертных объемлет, что много
Видят явлений они на земле и на небе нередко,
Коих причины никак усмотреть и понять не умеют,
И полагают, что все это божьим веленьем творится.
Если же будем мы знать, что ничего не способно возникнуть
Из ничего, то тогда мы гораздо яснее увидим
Нами заданный предмет: и откуда являются вещи,
И каким образом все происходит без помощи свыше...
Словом, не гибнет ничто, как будто совсем погибая,
Так как природа всегда возрождает один из другого
И ничего не дает без смерти другого родиться.

Книга I (615—626)

Из бесконечных частей состоит и мельчайшее тело:
У половины всегда найдется своя половина,
И для деления нигде не окажется вовсе предела.
Чем отличишь ты тогда наименьшую вещь от вселенной?
Ровно, поверь мне, ничем. Потому что, хотя никакого
Нет у вселенной конца, но ведь даже мельчайшие вещи
Из бесконечных частей состоять одинаково будут.

Здравый, однако же, смысл отрицает, что этому верить
Может наш ум, и тебе остается признать неизбежно
Существование того, что совсем неделимо, являясь
По существу наименьшим.

Лукреций. О природе вещей. — М., 1958. — С. 29, 32, 42—43, 51, 52, 167.

2. Публий Вергилий Марон

Вергилий (70—19 гг. до н. э.) — крупнейший поэт периода принципата — «золотого века» римской литературы, старший из членов литературного кружка, находившегося под покровительством близкого к Августу Мецената. Он воспевал мирную жизнь, установившуюся с приходом Августа к власти, принцепса, древнюю простоту нравов. Крупным произведением поэта являются «Буколики» — сборник пастушеских песен, в которых воспеваются сельская жизнь, любовь и тишина. Другое произведение — «Георгики» также посвящено сельским занятиям: хлебопашеству, виноградарству, скотоводству. Наиболее прославленным творением поэта была «Энеида», эпическая поэма о странствованиях и подвигах Энея — героя Троянской войны, легендарного основателя Римского государства, божественного предка рода Юлиев. Вергилий, подражая Гомеру, в звучных, сильных стихах писал о величии Рима, принцепса, заявлял о праве главенства римлян над другими народами. В древнем Риме «Энеида» получила всеобщее признание. Данте. Шекспир, Шиллер неоднократно обращались к творчеству Вергилия.

Книга I (1, 10—20)

Битвы и мужа пою, кто в Италию первым из Трои —
Роком ведомый беглец — к берегам приплыл Лавинийским[1].
...Неужель небожителей гнев так упорен?
Город древний стоял — в нем из Тира выходцы жили,
Звался он Карфаген — вдалеке от Тибрского устья,
Против Италии; был он богат и в битвах бесстрашен.
Больше всех стран, говорят, его любила Юнона,
Даже и Самос забыв; здесь ее колесница стояла,
Здесь и доспехи ее. И давно мечтала богиня,
Если позволит судьба, средь народов то царство возвысить.
Только слыхала она, что возникнет от крови троянской
Род, который во прах ниспровергнет тирийцев твердыни.
Царственный этот народ, победной гордый войною,
Ливии гибель неся, придет: так Парки судили...

Книга II (1, 10—60, 145—152, 195—265)

Смолкли все, со вниманьем к нему лицом обратившись.
Начал родитель Эней, приподнявшись на ложе высоком . . .
Хоть и страшится душа и бежит той памяти горькой,
Я начну. Разбиты в войне, отвергнуты роком,
Стали данайцев вожди, когда столько уж лет пролетело,
Строить коня, подобье горы, Искусством Паллады
Движимы дивным, его обшивают распиленной елью,—
Лживая бродит молва — по обету ради возврата.
Сами же прячут внутри мужей, по жребию избра́нных.
Наглухо стену забив и в полной утробе громады

[1] *Лавинийские берега* — западный берег Италии Вергилий называет по имени города Лавиния. Его, по преданию, основал Эней и назвал в честь своей жены Лавинии.

Тайно замкнувши отряд отборных бойцов снаряженных.
Остров лежит Тенедо́с близ Трои. Богат, изобилен
Был он и славен, доколь стояло Приамово[1] царство.
Ныне там бухта одна — кораблей приют ненадежный.
Враг, отплывши туда, на пустынном скрылся прибрежье;
Мы же верим: ушли, корабли устремили в Микены!
Тотчас долгую скорбь позабыла тевкров[2] держава.
Настежь створы ворот: как сладко выйти за стены,
Видеть брошенный стан дорийцев и берег пустынный.
Здесь — долопов[3] отряд, там — Ахилл кровожадный стояли,
Здесь был вражеский флот, а там два войска сражались.
Многих дивит погибельный дар безбрачной Минерве
Мощной громадой своей; и вот Тимет предлагает —
С умыслом злым иль Трои судьба уж так порешила —
В город за стены ввести коня и в крепость поставить.
Капис и те, кто судил осмотрительней и прозорливей,
В море низвергнуть скорей подозрительный дар предлагают,
Или костер развести и спалить данайские козни,
Или отверстье пробить и тайник в утробе разведать.
Шаткую чернь расколов, столкнулись оба стремленья...
Тут, нетерпеньем горя, несется с холма крепостного
Лаокоонт впереди толпы многолюдной сограждан,
Издали громко кричит: «Несчастные! Все вы безумны!
Верите вы, что отплыли враги? Что быть без обмана
Могут данайцев дары? Вы Улисса не знаете, что ли?
Либо ахейцы внутри за досками этими скрылись,
Либо враги возвели громаду эту, чтоб нашим
Стенам грозить, дома наблюдать и в город проникнуть.
Тевкры, не верьте коню: обман в нем некий таится!
Чем бы он ни был, страшусь и дары приносящих данайцев».
Молвил он так и с силой копье тяжелое бросил
В бок огромный коня, в одетое деревом чрево.
Пика впилась, задрожав, и в утробе коня, потрясенной
Гулом, отдался удар, загудели полости глухо...
Если б не воля богов и не разум наш ослепленный,
Он убедил бы взломать тайник аргосский железом,—
Троя не пала б досель и стояла твердыня Приама.
Вдруг мы видим: спешат пастухи дарданские с криком,
Прямо к царю незнакомца ведут: связав ему руки,
Хоть и вышел он к ним и по собственной воле им сдался.
Так подстроил он все, чтобы Трою открыть для ахейцев...
Жизнь мы даруем ему, хитреца слезам сострадая.
Первым Приам приказал от тесных пут ему руки
Освободить и к нему обратился с приветливой речью:
«Кто бы ты ни был, теперь забудь покинутых греков.
Нашим ты будешь. Но мне ответь на вопрос мой правдиво:
Этот чудовищный конь для чего возведен? Кем построен?
Что стремились создать,— орудье войны иль святыню?». . .
Лживыми клятвами нас убедил Синон вероломный:
Верим его лицемерным слезам, в западню попадают
Те, кого ни Тидид, ни Ахилл, ни многие сотни
Вражьих судов, ни десять лет войны не сломили.
Новое знаменье тут — страшней и ужаснее прежних —
Нашим явилось очам и сердца слепые смутило:
Лаокоонт, что Нептуна жрецом был по жребию избран,
Пред алтарем приносил быка торжественно в жертву.

---

[1] *Приамово* царство — Троянское царство, названо по имени царя Приама.
[2] *Тевкры* — одно из названий троянцев.
[3] *Долопы* — фессалийское греческое племя.

Вдруг по глади морской, изгибая кольцами тело,
Две огромных змеи (и рассказывать страшно об этом)
К нам с Тенедоса плывут и стремятся к берегу вместе:
Тела верхняя часть поднялась над зыбями, кровавый
Гребень торчит из воды, а хвост огромный влачится,
Влагу взрывая и весь извиваясь волнистым движеньем.
Стонет соленый простор; вот на берег выползли змѐи,
Кровью полны и огнем глаза горящие гадов,
Лижет дрожащий язык свистящие страшные пасти.
Мы, без кровинки в лице, разбежались. Змеи же прямо
К Лаокоонту ползут и двоих сыновей его, прежде
В страшных объятьях сдавив, оплетают тонкие члены,
Бедную плоть терзают, язвят, разрывают зубами;
К ним отец на помощь спешит, копьем потрясая,—
Гады хватают его и огромными кольцами вяжут,—
Дважды вкруг тела ему и дважды вкруг горла обвившись
И над его головой возвышаясь чешуйчатой шеей.
Тщится он разорвать узлы живые руками,
Яд и черная кровь повязки жреца заливает,
Вопль, повергающий в дрожь, до звезд подъемлет несчастный,—
Так же ревет и неверный топор из загривка стремится
Вытрясти раненый бык, убегая от места закланья.
Оба дракона меж тем ускользают к высокому храму,
Быстро ползут напрямик к твердыне Тритонии грозной,
Чтобы под круглым щитом у ног богини укрыться.
Новый ужас объял потрясенные души троянцев:
Все говорят, что не зря заплатил за свое злодеянье
Лаокоонт, который посмел копьем нечестивым
Тело коня поразить, заповедный дуб оскверняя.
Люди кричат, что в город ввести нужно образ священный,
Нужно богиню молить.
Брешь пробиваем в стене, широкий проход открываем.
Все за дело взялись: катки подводят громаде
Под ноги, шею вокруг обвивают пеньковым канатом,
Тянут. Конь роковой тяжело подвигается к стенам,
Вражьим оружьем чреват. Вокруг невинные девы,
Мальчики гимны поют и ликуют, коснувшись веревки.
Все приближается конь, вступает в город с угрозой...
Мы же стоим на своем, в ослепленье разум утратив,
Ставим, на гóре себе громаду в твердыне священной.
Нам предрекая судьбу, уста отверзла Кассандра,—
Тевкры не верили ей, по веленью бога, и раньше.
Храмы богов в этот день, что для нас, несчастных, последним
Был,— словно в праздник, листвой зеленой мы украшаем.
Солнце меж тем совершило свой путь, и ночь опустилась,
Мраком окутав густым небосвод, и землю, и море,
Козни данайцев сокрыв. Разбрелись по городу тевкры,
Смолкли все, и сон объял усталые члены.
Тою порой аргивян суда, построясь фалангой,
От Тенедоса в тиши, под защитой луны молчаливой,
К берегу вновь знакомому шли. И лишь только взметнулось
Пламя на царской корме,— Синон, хранимый враждебной
Волей богов, сосновый затвор тайком открывает
Скрытым в утробе бойцам. И конь выпускает наружу
Запертых греков . . .
Тотчас на город напав, в вине и во сне погребенный,
Стражей убив, встречают они в отворенных воротах
Новых соратников, слив соумышленных оба отряда.

Книга IX (445)

...Счастье вам, други! Коль есть в этой песне некая сила,

Слава о вас никогда не сотрется из памяти века,
Капитолийским доколь нерушимым утесом владеет
Род Энея, и власть вручена родителю римлян.

Вергилий. Буколики, Георгики, Энеида.— М., 1979.— С. 137, 157—158, 161, 162—164, 318.

3. Квинт Гораций Флакк

Квинт Гораций Флакк (65—8 гг. до н. э.) — сын вольноотпущенника, член кружка Мецената, создал лучшие лирические стихи в латинской поэзии. В изящных, совершенных по форме сатирах, одах, посланиях мы находим различные сюжеты. Подобно Анакреонту, он писал о любви, радостях дружбы, быстротечности бытия, прелестях сельской жизни. Творчеству Горация, певцу принципата, были свойственны политические мотивы. Поэт сурово порицал гражданские войны, гибельные для римского народа (стихотворение «К римскому народу»), тревожился о судьбе государства, которое сравнивал с кораблем, зависящим от бушующей морской стихии («К республике»). Гораций придавал высокое общественное значение творчеству поэта. Его стихотворение «Памятник» вызвало много подражаний.

Памятник

Создал памятник я, бронзы литой прочней,
Царственных пирамид выше поднявшийся.
Ни снедающий дождь, ни Аквилон[1] лихой
Не разрушат его, не сокрушит и ряд
Нескончаемых лет, время бегущее.
Нет, не весь я умру, лучшая часть меня
Избежит похорон. Буду я вновь и вновь
Восхваляем, доколь по Капитолию
Жрец верховный ведет деву безмолвную[2].
Назван буду везде — там, где неистовый
Авфид[3] ропщет, где Давн[4], скудный водой, царем
Был у грубых селян. Встав из ничтожества,
Первым я приобщил песню Эолии[5]
К италийским стихам. Славой заслуженной,
Мельпомена, гордись и, благосклонная,
Ныне лаврами Дельф мне увенчай главу.

Гораций к римскому народу[6]

Куда, куда вы валите, преступные,
Мечи в безумье выхватив?!
Неужто мало полей, и волн морских
Залито кровью римскою —
Не для того, чтоб Карфагена жадного
Сожгли твердыню римляне,
Не для того, чтобы британец сломленный
Прошел по Риму скованным,
А для того, чтобы, парфянам на руку,
Наш Рим погиб от рук своих?
Ни львы, ни волки так нигде не злобствуют,
Враждуя лишь с другим зверьем!
Ослепли ль вы? Влечет ли вас неистовство?

---

[1] *Аквилон* — северный ветер.
[2] *Дева безмолвная* — старшая из жриц-весталок, молившая Юпитера о благе Рима.
[3] *Авфид* — река в Апулии (юг Италии).
[4] *Давн* — легендарный царь Апулии.
[5] *Эолия* — область в Малой Азии. «Песню Эолии» — т. е. перенес греческую лирику на римскую почву.
[6] Стихотворение вызвано событиями гражданской войны.

Иль чей-то грех? Ответствуйте!
Молчат... И лица все бледнеют мертвенно,
Умы — в оцепенении...
Да! Римлян гонит лишь судьба жестокая
За тот братоубийства день,
Когда лилась кровь Рема неповинного,
Кровь, правнуков заклявшая[1].

Античная лирика.— М., 1968.— С. 410—411, 423.

4. Публий Овидий Назон

Публий Овидий Назон (43 г. до н. э. — 18 г. н. э.) — выдающийся римский поэт. Свои ранние, жизнерадостные элегии (amores) он посвятил любовным мотивам. В 8 г. н. э. по неизвестной причине Август сослал Овидия в отдаленный от Рима город Томы, расположенный на западном побережье Черного моря. Там Овидий, тоскуя по родине, родным и друзьям, написал прекрасные, полные скорби послания, справедливо причисленные к лучшим произведениям мировой поэзии.

Тристии[2]

Если в столице у вас об изгнаннике помнят — Назоне,
Если живет без меня в городе имя мое,
Там, далеко, далеко, где и звезды в море не сходят,
Там обретаюсь во тьме варварства — варварских орд.
Дики кругом племена: сарматы, да бессы, да геты...
Сборище темных имен — мне ли, поэту, под стать?
В пору тепла мы живем под широкой защитой Дуная:
Волн бурливый разлив — вражьим набегам рубеж.
Лету на смену зима угрюмые брови насупит.
В белый, как мрамор, покров землю оденет мороз,
В дни, пока дует Борей и свиреп снегопадами Север,
Терпит покорно Дунай дрожь громыхающих арб.
Снег да метель. Ни дожди, ни солнце тот снег не растопят.
Крепче и крепче его в броню сбивает Борей.
Прежней еще не смело́, а новый все валит и валит,
Так и лежит кое-где век от зимы до зимы.
Тут ураган налетит,— ударит и с грохотом рушит
Башни, ровняя с землей, кровлю рванул — и унес.
Кутают тело в меха, в шаровары из шкур, когда люто
За душу стужа берет: только лицо на ветру.
Льдинки звенят при ходьбе, свисая с волос и качаясь,
И от мороза бела, заледенев, борода.
Здесь замерзает вино, сохраняя форму сосуда;
Вынут из кадки — не пьют; колют, глотая куском.
Высказать вам, как ручьи промерзают до дна от морозов,
Как из озер топором ломкую воду берут?
Равен Дунай шириной папирусоносному Нилу.
Многими устьями он в мощный втекает залив.
Вод синеокую даль он, ветрами сковав, замыкает
И под броней ледяной к морю сокрыто скользит.
Там, где сверкало весло, пешеходы ступают, и звонко
Режет копыто коня гладь затвердевшую волн.

---

[1] Ромул убил своего брата Рема. Отсюда как бы начинается междоусобная борьба.
[2] *Тристии* — «Скорбные стихотворения», написаны во время изгнания.

По новозданным мостам, над скользящими водами цугом
Варварский тащат обоз шеи сарматских быков.
Верьте — не верьте, но нет мне корысти враньем пробавляться,
И очевидцу не грех полную веру давать...
Вижу ледовый настил, уходящий в безбрежные дали,
Скользкая сверху кора сжала безмолвие вод.
Мало увидеть — иду: я по твердому морю шагаю,
И под стопой у меня влага не влажной была.
Будь твой пролив роковой, Леандр, таким же когда-то,
Мы не вменяли б ему юноши гибель в вину.
Ныне дельфинам невмочь, изогнувшись, мелькнуть над волною.
Пусть попытаются: лед сломит игривую прыть.
Пусть, свирепея, Борей гремит, порывая крылами,
Воды не дрогнут: тиха в сжатой пучине вода.
Сдавлены льдами, стоят корабли в этом мраморе моря,
И не разрезать веслом оцепенелый простор.
Вижу в прозрачности льдов застывших рыб вереницы,
Меж замороженных див есть и немало живых.
Только, бывало, скует свирепая сила Борея
Воды морские иль рек вольнолюбивый порыв,
Только прогладят Дунай Аквилоны досуха, тотчас
Варвар на резвом коне хищный свершает набег.
Варвар! Силен он конем и далеко летящей стрелою:
Опустошит широко землю соседей сосед.
Жители — в бегство: беда!.. В полях, никем не хранимых,
Хищники дикой ордой грабят покинутый скарб,
Скудное грабят добро — и скот, и скрипучие арбы —
Все, чем сыт и богат наш деревенский бедняк.
Кто не укрылся, того, заломив ему за спину руки,
Прочь угоняют: прости, дом и родные поля.
Прочие жалко падут под зубчатыми стрелами. Варвар
Жало крылатой стрелы в капельный яд обмакнул.
Все, что врагу унести или угнать не по силам, он губит:
И пожирает огонь скромные избы селян.
Даже в дни мира дрожат, трепеща перед зимним набегом,
И не взрывает никто плугом упорной земли.
Здесь или видят врага, иль боятся, когда и не видят,
И пребывает земля в дебрях степных целиной.
Здесь под сенью листвы виноградная гроздь не свисает.
Пенистым суслом по край не заполняется кадь.
Яблоко здесь не растет...

. . . .

Голые степи кругом: ни деревьев, ни зелени — голо.
Не для счастливых людей гиблые эти места.
Да, до чего широко раскинулись мир и держава!
Мне в наказанье дана именно эта земля.

Там же. — С. 447—448.

§ 2. БЫТ БОГАЧЕЙ И БЕДНЯКОВ В РИМЕ

Рим в императорский период был украшен великолепными форумами, общественными зданиями — театрами, термами, амфитеатрами. Роскошные императорские дворцы и дома римской знати, портики и базилики составляли стройные архитектурные ансамбли, украшенные скульптурами и рельефами. Гораций с

горечью писал об исчезновении былой простоты и скромности, присущей ранее древним римлянам (Гораций. О римской роскоши). Однако бедное население Рима жило в наемных помещениях, четырехэтажных или пятиэтажных инсулах[1], ветхих, обваливавшихся и часто подвергавшихся пожару. Ювенал дал зарисовки жизни бедняков, постоянно терпящих унижения, страдания от дороговизны жизни в столице мира. Он же с горячим сочувствием писал о приниженном, несчастном положении грамматика (учителя), который начинает свой труд «спозаранку, когда не проснулись и мастеровые», и должен безропотно согласиться на «платы убыток».

5. Гораций. О римской роскоши

Земли уж мало плугу оставили
Дворцов громады; всюду виднеются
Пруды, лукринских вод обширней,
И вытесняют платан безбрачный.
Лозы подспорье — вязы; душистыми
Цветов коврами с миртовой порослью
Заменены маслины рощи,
Столько плодов приносившей прежде;
И лавр густою перенял зеленью
Весь жар лучей... Не то заповедали
Нам Ромул и Катон суровый,—
Предки другой нам пример давали.
Скромны доходы были у каждого,
Но умножалась общая собственность;
В своих домах не знали предки
Портиков длинных, лицом на север,
Простым дерном умели не брезговать
И дозволяли камень обтесанный
Лишь в государственных постройках
Да при убранстве священных храмов.

Там же. — С. 395.

6. Ювенал. Сатиры

Децим Юний Ювенал, римский сатирик (ок. 60—127 гг. н. э.) в гневных стихах обличал пороки своего времени: деспотизм власти императора, развращенность римской аристократии, разбогатевших вольноотпущенников, общее падение нравов. Его сатиры полны сочувствия беднякам, страдающим от дороговизны жизни в Риме, презрения окружающих их людей. Ювенал пишет с горечью об унизительном, бедственном положении представителей интеллигентных профессий — учителей, адвокатов, поэтов, получающих ничтожную плату за свой труд. Сатиры Ювенала являются ярким и ценным источником для изучения быта различных социальных слоев римского общества I—II вв. н. э.

Сатира III (147—155, 160—178)

...Что ж, когда этот бедняк действительно служил предлогом
К шуткам для всех? Накидка его и худа, и дырява,
Тога уже не чиста, башмак запросил уже каши,
Много заплат на заштопанной рвани открыто для взоров,
С нитками новыми здесь, а там уж покрытыми салом...
Хуже всего эта бедность несчастная тем, что смешными
Делает бедных людей. «Уходи,— говорят,— коли стыд есть,

[1] *Инсула* — в Древнем Риме 3—6-этажный кирпичный жилой дом с комнатами или квартирами для сдачи внаем.

Кресла очисти для всадников, раз у тебя не хватает
Ценза».
Разве здесь нравится зять, если он победнее невесты,
С меньшим приданым? Бедняк разве здесь бывает наследник?
Разве его на совет приглашают эдилы? Когда-то
Бедным квиритам пришлось выселяться целой толпою.
Тот, кому доблесть мрачат дела стесненные, трудно.
Снова всплывает наверх; особенно трудны попытки
В Риме: ведь здесь дорога и квартира, хотя бы дрянная,
И пропитанье рабов, и самая скромная пища;
С глиняной плошкой здесь скверно и есть...

Сатира VII (215—232; 237—243)

Вот так и блюди суровый науки обычай,
Что учителя долг — языком в совершенстве владея,
Помнить историю всю, и авторов литературных
Знать, как свои пять пальцев всегда...
. . . .
Пусть, мол, наставник оформит рукой еще мягкий характер,
Лепит из воска лицо, как скульптор; пусть своей школе
Будет отцом, чтобы питомцы его не шалили позорно,
Не предавались порокам...
. . . .
...А кончится год, получай-ка,
Сколько за день собирает с толпы победитель из цирка.

Ювенал. Сатиры.— М.— Л., 1937.— С. 17—18, 59—60.

7. Федр. Белый раб и Эзоп.

Федр — римский поэт (по-видимому, вольноотпущенник), живший в начале I в. н. э. известный баснописец. Он затрагивал социальные мотивы — показывал тяжелую участь бедняков, обманутых и обиженных богатыми, ничтожными людьми. Федр часто заимствовал сюжеты у Эзопа. В басне «Беглый раб и Эзоп» автор с сочувствием изобразил трудную, полуголодную жизнь раба. Однако Федр отговаривал его от попытки к бегству и призывал к терпению.

Бежавший раб от господина строгого
Эзопу повстречался, с ним знакомому.
«Чем ты напуган?» — «Расскажу, отец, тебе —
Ведь ты достоин впрямь такого имени
За то, что ты внимаешь каждой жалобе. —
Меня и много бьют, и мало есть дают;
Гоняют на виллу без пайка дорожного;
Пирушка ль дома — стой ночами целыми,
В гостях ли — до зари лежи на холоде.
Седой, давно уж я свободу выслужил:
Ведь если бы виновен был я в чем-нибудь,
Я не роптал бы, верь. Всегда я голоден,
Всегда терплю хозяйские жестокости,—
Вот почему (и по другому многому)
Решил я убежать, куда глаза глядят».
«Не совершив дурного,— говорит Эзоп,—
Ты вот какие, значит, терпишь бедствия?
А провинишься — что ж с тобою сделают?»
И этим отклонил его от замысла.

Федр, Бабрий. Басни. — М., 1962. — С. 65.

ТЕМА 5. **УПАДОК И ГИБЕЛЬ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ**

В первом параграфе темы приведены отдельные, наиболее характерные выдержки из сочинений Колумеллы и Дигест. Они позволяют показать конкретные признаки разложения рабовладельческой системы. Хозяйства, основанные на рабском труде, становились все более и более нерентабельны. Труд рабов изживал себя. Дигесты сообщают, что рабы могли иметь пекулий, т. е. собственное имущество: земельный участок, ремесленную мастерскую или торговое предприятие.

Документы содержат сведения о развитии колонатных отношений, получивших во втором веке широкое распространение. Следует обратить внимание на преимущества труда колона: колон более бережно, чем раб, относился к орудиям труда; колон был заинтересован в результатах трудового процесса, так как хозяин получал только часть продукта. Но именно колонат, создавший предпосылки для новой более совершенной формы хозяйства, явился признаком кризиса рабовладельческого общества.

Во втором параграфе подобраны документы о ранних христианах, критике христианства, организации христиан. В третьем параграфе помещены свидетельства о движении багаудов, а также отрывок из «Истории» Аммиана Марцеллина. Последний документ позволяет характеризовать внешние причины падения Римского государства — усиление «натиска» варваров на Римскую империю. Аммиан Марцеллин оставил выразительное описание вторжения готов, знаменитой битвы при Адрианополе (378 г. н. э.) между римлянами и готами, в которой римляне потерпели поражение.

§ 1. РАБСТВО — ТОРМОЗ РАЗВИТИЯ ХОЗЯЙСТВА. КОЛОНЫ

1. Колумелла. О сельском хозяйстве, I, 1—9; II, 12; III, 3

Луций Юний Модерат Колумелла (середина I в. н. э.), уроженец Испании, долго жил в Италии и хорошо знал особенности развития италийского сельского хозяйства, занятие которым он считал наиболее почетным для римского гражданина. Колумелла написал трактат «О сельском хозяйстве». В нем он отметил отрицательные последствия расширения своих владений римскими землевладельцами — плохую обработку почвы, отказ от культивирования высших сортов винограда, оливковых деревьев, низкое качество труда рабов. Колумелла считал, что труд колонов является для владельца имения более выгодным, чем труд рабов. В его сочинении отмечены первые признаки наступающего кризиса рабовладельческого способа производства.

...Единственный чистый и благородный способ увеличить свое состояние — сельское хозяйство... Теперь мы пренебрегаем самостоятельным ведением хозяйства у себя в имениях и не придаем никакого значения тому, чтобы поставить виликом (управляющим) человека опытного, а если уж и несведущего, то очень энергичного, который скоро ознакомится с тем, что ему неизвестно... В приобретении земель, как и во всяком деле, должна быть тоже мера. Иметь в своем владении следует столько, сколько нужно, чтобы производить впечатление людей, которые купили землю для того, чтобы стать ее господами, а не взваливать бремя на себя самих и вырывать у других возможность пользоваться этой землей. Так делают обычно вельможи, владеющие целыми странами, которых они не могут даже обойти и которые

оставляют на вытаптывание стадам и опустошение диким зверям или держат там обязанных им граждан и рабов-колодников.

...Когда все таким образом устроено, требуется, чтобы господин проявлял наибольшую заботу обо всем, и особенно о людях. Последние — или колоны, или рабы, свободные от оков, или закованные. Пусть он будет добр и сговорчив с колонами. Пусть более строго требует работы, чем платежей, что и менее обременительно (для колона) и в общем более полезно. В самом деле, там, где поле тщательно возделывается, обычно оно приносит доход и никогда — если не вмешивается стихийное бедствие или насилие грабителя — убыток, и колон не смеет просить отсрочки. Но и господин в каком-нибудь деле, в котором обязал колона, не должен упорно настаивать на своем праве, как, например, на дне платежа, в требовании дров и других мелких поставок, забота о которых отнимает у сельских жителей больше забот, чем расходов. Не подобает нам быть слишком требовательными, ибо древние считали наивысшую законность наибольшей пыткой. С другой стороны, не следует во всем уступать... На нашей памяти старый консуляр и богатейший человек Л. Волузий утверждал, что наиболее хорошо для владельца то имение, колоны которого в нем и родились и с колыбели привязаны к нему долгой привычкой, как бы к отцовским владениям. Также и, по-моему, плохое дело — частая сдача имения в аренду, но еще хуже это колон-горожанин, который обрабатывает землю не сам, а через своих рабов. По словам Сазерны, такой человек приносит не платежи, а тяжбу. Поэтому следует стараться удержать колонов оседлых и сельских уроженцев, если нам самим при посредстве наших рабов обработка земли невыгодна, но это имеет место лишь в тех районах, где климат нездоров и земля бесплодна. Когда же климат относительно здоров и земля неплоха, каждый сам и даже его вилик тщательнее обрабатывает свою землю, чем колоны, если только не помешает из ряда вон выходящая небрежность или вороватость раба. Оба эти порока, несомненно, возникают или процветают обычно по вине господина, которому надлежит или не ставить такого (раба) во главе дела, или позаботиться снять его с занимаемой должности.

В отдельных имениях, куда владельцу трудно наведываться, все категории земли будут в лучшем состоянии, если обрабатывают (ее) свободные колоны, чем вилики-рабы, особенно же хлебные поля, которые гораздо меньше, чем виноградники и деревья, деградируют от хозяйничанья колонов и наиболее терпят ущерб от рабов, которые сдают на сторону быков, рабы плохо пасут их и прочий скот, не переворачивают тщательно землю, указывают гораздо больший расход зерна, чем они его действительно засеяли, не ухаживают за посевами, чтобы они дали хорошие всходы; количество зерна, собранного на ток для молотьбы, они ежедневно уменьшают плутовством или небрежностью, так как и сами они его крадут, и от других воров не охраняют. Собранное они не

вписывают честно в книги, и так выходит, что и управляющий, и рабы грешат, и земля становится все хуже. Поэтому такого рода имения, если, как я сказал, хозяин будет отсутствовать, я считаю, следует сдать...

Хрестоматия по истории Древнего Рима /Под ред. С. Л. Утченко.— М., 1962.— С. 364, 365, 369, 371—372.

2. Колоны

Важным источником для изучения основных черт кризиса рабовладельческого способа производства в период поздней Римской империи служат Дигесты. Они позволяют проследить новое в отношении к рабам во II в. н. э. (стремление государства ограничить права рабовладельцев, попытки хозяев заинтересовать рабов в трудовом процессе путем предоставления им пекулия, рост вольноотпущенничества и колоната). Интересны конкретные данные о характере зависимости колона от владельца имения.

Больше половины Дигест составляют отрывки из сочинений выдающихся юристов Ульпиана и Павла (конец II — начало III в. н. э.). В Дигестах рассматриваются вопросы частного и публичного права. Основное место занимают вопросы частного права (особенно наследственное право).

Ульпиан. Дигесты, XIX, 2, 14.

Тот, кто арендует на определенное время, по истечении срока арендного договора является колоном; ибо считается, что если господин разрешает ему оставаться в имении, то он сдает (арендатору землю) на тех же условиях, и такого рода договоры не должны оформляться ни словесно, ни документами, а действительны при простом согласии.

Гай. Дигесты, XIX, 2, 25, 3; 6

Съемщик должен делать все согласно закону об аренде. И прежде всего колон должен заботиться, чтобы сельскохозяйственные работы выполнялись в срок, дабы имение не стало хуже из-за несвоевременной обработки. Кроме того, он должен заботиться о виллах, чтобы они были в целости... Стихийные бедствия не должны быть в ущерб съемщику, если урожай был чрезмерно поврежден, но умеренные потери он должен переносить спокойно, так как и сверх обычного большой доход у него не отнимается. Мы говорим это о колонах, арендующих за наличные деньги; колон-издольщик как бы по праву товарищества делит с собственником и прибыль, и убытки.

3. Рабы

Помпоний. Дигесты, XV, 1, 4, 1—2

Пекулий — это не то (имущество), счета по которому раб вносит в приходо-расходные книги отдельно от господина, но то, что господин сам отделил, различая свой счет от счета раба. Так как пекулий раба господин может целиком отнять, или

увеличить, или уменьшить, то следует учитывать не то, что делает раб, а то, что делает господин для установления рабского пекулия... Из этого явствует, что пекулий не то, что раб имеет без ведома господина, но то, что по его желанию, иначе и то, что раб украл у господина, входило бы в пекулий, но это не так.

Ульпиан. Дигесты, XV, 1, 7, 4.

В пекулии может быть всякое имущество, и движимое и недвижимое; можно иметь в пекулии рабов-викариев и пекулий викариев, тем более и расписки должников.

Марциан. Дигесты, XV, 1, 40, 1.

Спрашивается, как рождается пекулий. Древние определяли так: пекулий — это то, что приобретает раб помимо тех вещей, которые господин обязан ему предоставить. Так, туники и тому подобное, что господин должен предоставить, не пекулий. Итак, пекулий рождается, растет, когда увеличивается (имущество раба); уменьшается, если умирают викарии или гибнет имущество; погибнет, будучи отнят.

Хрестоматия по истории древнего мира / Под ред. С. Л. Утченко. — М., 1962. — С. 465, 425, 426.

§ 2. ХРИСТИАНСТВО

4. Цельс. Правдивое слово

Каким представлялось раннее христианство римлянину II в. н. э., позволяет судить целиком не дошедшее до нас сочинение Цельса «Правдивое слово», известное по обширным цитатам из произведения христианского писателя Оригена «Против Цельса». Труд Цельса содержит сведения о ранних христианах, критику христианского учения.

Praef, 1. Появилась новая порода людей, тесно объединившихся против всех существующих религиозных и гражданских установлений, людей, преследуемых судом, которые, однако, похваляются ненавистью всех других к ним, христианам. В то время как дозволенные общества собираются открыто, публично, эти сходятся тайно на незаконные собрания для того, чтобы развивать и применять свое учение. Они связаны между собою обязательствами, более для них священными, чем какие бы то ни было клятвы, соединяются в упорнейший заговор против законов для того, чтобы легче было сопротивляться всем опасностям и избегать угрожающих им наказаний.

Виппер Р. Ю. Рим и раннее христианство. — М., 1954.— С. 240.

II, 3, 33 сл. Нет ничего смешнее диспутов между христианами и иудеями по вопросу об Иисусе; тут надо вспомнить поговорку: «спор о тени осла». Обе стороны сходятся в том, что пророчества предсказали пришествие спасителя рода человеческого, и расходятся

в том, совершилось это пришествие в действительности или нет... Несмотря на свою раздробленность, христиане опасны своим сектантским рвением создать себе покорную паству последователей. Среди мифов и преданий, заимствованных у разных народов, христиан занимают по преимуществу рассказы о замечательных чудотворцах, которые после смерти причислялись к богам, как Геракл, Дионис, или которые появились на земле воскресшими в просветленном виде, как Асклепий[1].

Там же. — С. 243—244.

III, 4, 84. Если уж было непременно нужно, чтобы дух божий воплотился в теле человека, так, по крайней мере, для этой цели должна была послужить выдающаяся личность, статный, красивый, сильный человек, обладающий звучным голосом и красноречием. Было бы совершенно недопустимо, чтобы такой человек, предназначенный воплощать в себе божественную добродетель и особую мудрость, не выделялся из остальной массы своими исключительными качествами. А между тем Иисус был таким же обыкновенным человеком, как все другие: если верить рассказам, он был мал ростом, некрасив, а в наружности его не было ни тени благородства.

Там же. — С. 249.

III, 4, 93. Старинная Греция знала героев, погибших насильственной смертью, но встретивших ее с горделивым достоинством. Если вам непременно хотелось ввести новшество, вам было бы лучше заняться не Иисусом, а кем-либо иным из тех, кто умер благородно и, согласно мифу, перешел в мир богов. Если вы не захотели принять Геракла или Асклепия, удостоившихся божественного культа, то отчего было не взять Орфея[2], вдохновенного поэта, трагически погибшего. Или уж если искать примера мученической смерти, отчего было не увлечься личностью Анаксарха[3], который, будучи ввергнут в мельничную ступку, под ударами молота, твердил до последнего издыхания: «Топчи, топчи, Анаксарха не растопчешь!»

Там же. — С. 249—250.

III, 10. Вначале их (т. е. христиан) было немного и у них было одномыслие. А размножившись, они распадаются тотчас же и раскалываются, каждый хочет иметь свою собственную фракцию...

III, 12. Снова расходясь между собой, они изобличают, опровергают друг друга. Единственное, так сказать, общее, что

---

[1] *Асклепий* — в греческой мифологии бог-врачеватель, даже воскрешавший мертвых.

[2] *Орфей* — в греческой мифологии фракийский певец, сын музы Каллиопы. Пением очаровывал богов, людей, укрощал диких зверей, заставлял двигаться скалы.

[3] *Анаксарх* — ученик философа-материалиста Демокрита. Рассказывают, что кипрский тиран Никокреонт, мстя за нанесенное ему оскорбление, вывел якобы истолочь философа Анаксарха в ступе.

у них есть, если оно вообще есть, это — название. Это единственное они стесняются отбросить, а все остальное у них по-разному.

III, 44. Вот что они предписывают: пусть к нам не вступит ни один образованный, ни один мудрый, ни один разумный человек: все это у нас считается дурным. Но если есть невежда, неразумный, несовершеннолетний, пусть он смело придет. Считая только такого рода людей достойными своего бога, они, очевидно, хотят и способны привлечь только малолетних, низкородных, необразованных, рабов, женщин и детвору.

IV, 55. Мы видим, что и в частных домах шерстобитчики, кожевники, валяльщики, самые грубые мужланы в присутствии старших и более разумных господ не смеют рот раскрыть; но, когда им удается заполучить к себе отдельно детей и каких-либо глупых женщин, они им рассказывают диковинные вещи, что не надо оказывать почтение отцу и учителям, а слушаться только их самих; те, мол, глупости болтают, у них мысль парализована, они в сущности не знают и не умеют делать ничего прекрасного, находясь в плену пустых предрассудков; зато только они сами знают, как надо жить; если дети их послушаются, они будут счастливы и дому явится счастье. А если во время таких речей они увидят, что подходит кто-нибудь из проводников просвещения, кто-либо из людей разумных или сам отец, то более осторожные из них стушевываются, а более дерзкие подстрекают детей сбросить узду, нашептывая, что в присутствии отца и учителей они не захотят и не сумеют проповедовать детям добро, ибо, дескать, их отталкивает низость и упорство (отца и учителей), окончательно испорченных, безмерно злых и наказывающих их; поэтому, если они хотят, им надо, оставив отца и учителей, уйти с женщинами и с детьми — товарищами по играм в женское помещение, в сапожную или валяльную мастерскую, чтобы там обрести совершенство. Такими речами они убеждают.

V, 14. Нелепо с их (т. е. христиан) стороны думать, что когда бог, как повар, разведет огонь (в день страшного суда), то все человечество изжарится, а они одни останутся, притом не только живые, но и давно умершие вылезут из земли во плоти, вся эта надежда червей. Какая, однако, человеческая душа стоскуется по разложившемуся телу? Этот догмат даже не все христиане разделяют, некоторые вскрывают гнусность, отвратительность и вместе с тем невозможность этого...

Ранович А. Б. Первоисточники по истории раннего христианства.— М., 1933.— С. 153, 155.

5. Плиний Младший. Письма

Плиний Младший (62—114 гг.) — оратор, ученый, писатель. Со 111 г. управлял провинцией Вифинией (на северо-западе Малой Азии). Письма Плиния в 10 книгах содержат сведения об отношении при Траяне (98—117 гг.) к ранним христианским общинам, раннехристианском культе.

Книга X, письма: 96, 97.

Плиний императору Траяну...

Я никогда не присутствовал на следствиях о христианах,

поэтому я не знаю, о чем принято допрашивать и в какой мере наказывать. (2) Немало я и колебался, есть ли тут какое различие по возрасту, или же ничем не отличать малолеток от людей взрослых: прощать ли раскаявшихся, или же человеку, который был христианином, отречение не поможет, и следует наказывать само имя, даже при отсутствии преступления, или же преступления, связанные с именем.

Пока что с теми, на кого донесли как на христиан, я действовал так. (3) Я спрашивал их самих, христиане ли они; сознавшихся спрашивал во второй и третий раз, угрожая наказанием; упорствующих отправлял на казнь. Я не сомневался, что в чем бы они ни признались, но их следовало наказать за непреклонную закостенелость и упрямство. (4) Были и такие безумцы, которых я, как римских граждан, назначил к отправке в Рим. Затем, пока шло разбирательство, как это обычно бывает, преступников стало набираться все больше, и обнаружились случаи разнообразные.

(5) Мне был предложен список, составленный неизвестным и содержащий много имен. Тех, кто отрицал, что они христиане или были ими, я решил отпустить, когда они, вслед за мной, призвали богов, совершили перед изображением твоим, которое я с этой целью велел принести вместе со статуями богов, жертву ладаном и вином, а кроме того, похулили Христа: настоящих христиан, говорят, нельзя принудить ни к одному из этих поступков.

(6) Другие названные доносчиком сказали, что они христиане, а затем отреклись: некоторые были, но отпали, одни три года назад, другие много тому лет, некоторые лет тому двадцать. Все они почтили и твое изображение, и статуи богов и похулили Христа.

(7) Они утверждали, что вся их вина или заблуждение состояли в том, что они в установленный день собирались до рассвета, воспевали, чередуясь, Христа как бога и клятвенно обязывались не преступления совершать, а воздерживаться от воровства, грабежа, прелюбодеяния, нарушения слова, отказа выдать доверенное. После этого они обычно расходились и сходились опять для принятия пищи, обычной и невинной, но что и это они перестали делать после моего указа, которым я, по твоему распоряжению, запретил тайные общества. (8) Тем более счел я необходимым под пыткой допросить двух рабынь, называвшихся служительницами, что здесь было правдой, и не обнаружил ничего, кроме безмерного уродливого суеверия.

(9) Поэтому, отложив расследование, я прибегаю к твоему совету. Дело, по-моему, заслуживает обсуждения, особенно вследствие находящихся в опасности множества людей всякого возраста, всякого звания и обоих полов, которых зовут и будут звать на гибель. Зараза этого суеверия прошла не только по городам, но и по деревням и поместьям, но, кажется, ее можно остановить и помочь делу. (10) Достоверно установлено, что храмы, почти покинутые, опять начали посещать; обычные служ-

бы, давно прекращенные, восстановлены, и всюду продается мясо жертвенных животных, на которое до сих пор едва-едва находился покупатель. Из этого легко заключить, какую толпу людей можно исправить, если позволить им раскаяться.

6. Траян Плинию

Ты поступил вполне правильно, мой Секунд, произведя следствие о тех, на кого тебе донесли как на христиан. Установить здесь какое-нибудь общее определенное правило невозможно. Выискивать их незачем: если на них поступит донос и они будут изобличены, их следует наказать, но тех, кто отречется, что они христиане, и докажет это на деле, т. е. помолится нашим богам, следует за раскаяние помиловать, хотя бы в прошлом они и были под подозрением. Безымянный донос о любом преступлении не должно принимать во внимание. Это было бы дурным примером и не соответствует духу нашего времени.

Письма Плиния Младшего. Письма I—X. — М., 1984.— С. 205—206.

7. Возникновение церковной организации

Тертуллиан об организации христиан.

Апология[1]

Тертуллиан (II половина II — начало III в. н. э.) — христианский теолог и писатель, написал сочинения, посвященные защите христиан (Книга апологий), их догматам, критике христианских течений.

XXXIX. Я хочу теперь сказать, чем собственно занимается секта христиан... Соединяясь узами одной и той же веры, одной и той же нравственности, мы составляем как бы одно тело. Мы собираемся, чтобы молиться богу всенародно, угождая ему, молимся об императорах, об их министрах, о всех властях, о мире, о благосостоянии всего мира, об отдалении конечного часа. Мы собираемся, чтобы читать священное писание, из которого почерпаем необходимые нам сведения и наставления, сообразно с обстоятельствами...

Председательствуют старейшины (пресвитеры), достигающие этого сана не путем купли, но благодаря испытанным своим достоинствам. Дело божье ценой золота не продается. Если же есть у нас сокровища, то приобретаем мы их не путем торговли верой. Каждый ежемесячно или в другое время, какое пожелает, вносит известную умеренную сумму, сколько может и сколько хочет; сбор этот зависит всецело от доброй воли (жертвователей). Эта касса благочестия тратится не на пиршества и распутства, а употребляется на пропитание и погребение нищих, на поддержание неимущих сирот, на содержание служителей, изнуренных старостью, на облегчение участи несчастных, потерпевших корабле-

---

[1] *Апология* — здесь: род христианской богословской литературы.

крушение. Если окажутся христиане, сосланные в рудники, заключенные в темницы, высланные на острова за исповедуемую ими веру, то и они получают от нас вспомоществование.

Ранович А. Б. Первоисточники по истории раннего христианства. — М., 1933. — С. 166—167.

8. Из постановления эльвирского собора 306 г.

§ 19. Пусть епископы, пресвитеры и дьяконы не оставляют своих резиденций ради торговых дел и не разъезжают по провинции в поисках выгодных рынков; и для добывания себе средств к жизни пусть пошлют сына, вольноотпущенника, наемного агента, друга или кого угодно; а если хотят торговать, то пусть торгуют в пределах своего района.

Там же. — С. 169.

§ 3. ПАДЕНИЕ ЗАПАДНОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

9. Восстания рабов и колонов в Римской империи (конец III—V в.)

В результате эксплуатации рабов и колонов в различных частях империи вспыхивали восстания.

Движение багаудов

Таким образом [Диоклетиан[1]] овладел высшей властью в римской державе. Когда крестьяне в Галлии устроили восстание и дали своей партии название багаудов, а вождями у них были Аманд и Гелиан, то Диоклетиан отправил для покорения их Цезаря Максимиана Геркулия,[2] который усмирил поселян в легких стычках и водворил мир в Галлии.

Евтропий[3]. Краткое изложение римской истории. IX, 20, 3.

Именно, когда Диоклетиан узнал, что Гелиан и Аманд, собрав шайку поселян и разбойников, которых жители именуют багаудами, опустошают на широком пространстве поля и нападают на многие города, тотчас отдает приказ Максимиану, верному другу, хотя и полудеревенскому, однако хорошему и талантливому военачальнику. Ему впоследствии от культа божества дано было прозвище Геркулия... Отправившись в Галлию, он разбил врагов, принял сдавшихся и в скором времени все успокоил.

Аврелий Виктор[4]. Цезари, 39, 17, 19.

Между тем в Галлии наглый разбой все усиливался на всеобщую гибель; особенно стали небезопасны большие дороги, и

---

[1] *Диоклетиан* — римский император (284—305 гг.).
[2] *Цезарь Максимиан Геркулий* — соправитель Диоклетиана.
[3] *Евтропий* — римский историк IV в. н. э.
[4] *Аврелий Виктор* — римский историк IV в. н. э.

все, что обещало какую-нибудь наживу, расхищалось самым дерзким способом.

Мало того, восстание перекинулось в Северную Испанию. В хронике Идатия (V в.) имеется целый ряд отдельных указаний на это. Так, под годом 441 стоит: «Астурий, вождь того и другого войска, посланный в Испанию, избивает множество Терраконских Багаудов»; [под годом 443:] «К Астурию, начальнику того и другого войска, посылается в качестве преемника зять его Меробауд, человек благородного происхождения, по заслугам в красноречии или особенно по занятиям поэзией заслуживающий сравнения с древними... За короткое время своей власти он сокрушает надменность Арацеллитанских Багаудов»; [под годом 449:] «Базилий в доказательство своего отменного дерзновения, когда Багауды собрались в Тириассонской церкви, убивает их, объединенных союзом. Здесь и епископ той же церкви Лев умер на том месте, раненный теми, кто был с Базилем»; [под годом 454:] «Фредерик, брат царя Теудерина, убивает Терраконских Багаудов на основании приказа Рима». (По свидетельству Зосима[1], в 407 г. один римский полководец вынужден был выкупить у Багаудов свободный переход через Альпы предоставлением им всей добычи. Продолжающийся гнет римских наместников провинций давал Багаудам все новых и новых приверженцев.)

Аммиан Марцеллин. История. XXVIII, 2, 10. Хрестоматия по истории древнего мира / Под ред. В. В. Струве.— М., 1953.— Т. III.— С. 256—257.

10. Аммиан Марцеллин о восстании готов и битве при Адрианополе (378 г.)

Аммиан Марцеллин. История, XXXI, 4-6; 12-13.

Аммиан Марцеллин (ок. 330—400 гг. н. э.), грек из Антиохии, участник походов императора Юлиана, был последним крупным историком Рима, последователем традиций Тацита. Он написал серьезный исторический труд, охватывающий период с 96 г. н. э. по 378 г. Из 31 книги до нас дошли 18, относящихся к IV в. Аммиан усматривал причину упадка Римского государства в развращенности, пороках римской знати и императоров. Наиболее полно и ярко Аммиан Марцеллин изложил политическую и военную историю, описал общественный строй варварских племен, их быт и нравы.

И вот под предводительством Алавива[2] готы заняли берега Дуная и отправили посольство к Валенту[3] с смиренной просьбой принять их; они давали обещание, что будут вести себя спокойно и ставить вспомогательные отряды, если того потребуют обстоятельства... В этой надежде отправлены были разные лица, чтобы устроить переправу диких полчищ. Принимались тщательные меры к тому, чтобы не был оставлен никто из этих будущих разрушителей римского государства, хотя бы был поражен

---

[1] *Зосим* — историк V в. н. э., автор «Римской истории».

[2] *Алавив* — один из вождей готов.

[3] *Валент* — римский император (364—378 гг. н. э.).

смертельной болезнью. Получив от императора разрешение перейти через Дунай и занять местность во Фракии, переправлялись они целыми толпами днем и ночью на кораблях, лодках, выдолбленных стволах деревьев, а так как река эта самая опасная из всех и уровень воды был выше обыкновенного вследствие частых дождей, то много народу тонуло, как те, кто при крайнем переполнении судов слишком решительно плыл против течения, так и те, кто бросался вплавь... В то время когда... трудное положение государства требовало прославленных военными успехами командиров, теперь именно словно по вмешательству разгневанного божества во главе военных сил стояли как на подбор люди с запятнанным именем. На первом месте были Лупицин и Максим, первый — комит[1] во Фракии, второй — командир, вызывавший к себе ненависть; оба могли соперничать между собой в неосмотрительности. Их зловредное корыстолюбие было причиной всех бед. Оставляя в стороне другие поступки, которые названные командиры или другие по их попустительству позволяли себе самым позорным образом в отношении переходивших к ним иноземцев, ничем дотоле не провинившихся, я расскажу об одном столь же позорном, как и неслыханном, деянии... Когда варвары, переведенные на нашу сторону, терпели голод, эти опозорившие себя командиры завели постыдный торг; за каждую собаку, каких набирало их ненасытное корыстолюбие, они брали по одному рабу, и среди взятых уведены были даже сыновья старейшин...

Фритигерн[2] с врожденной ему предусмотрительностью старался обеспечить себя на всякие возможные случаи в будущем, чтобы и императору высказать повиновение, и с могущественными царями быть в союзе. Он медленно продвигался вперед и в небольших переходах подошел наконец к Марцианополю[3]. Тут приключилось еще другое тяжкое событие, которое воспламенило факелы фурий, загоревшиеся на гибель государства. Лупицин пригласил на пир Алавива и Фритигерна. Полчища варваров он держал в отдалении от стен города, выставив против них вооруженные караулы, хотя те настойчиво просили разрешить им входить в город для пополнения необходимых припасов, ссылаясь на то, что они теперь уже подчинены римской власти и мирные люди. Между горожанами и варварами, которых не пускали в город, вышла большая перебранка, и дело дошло до свалки. Рассвирепевшие варвары, узнав, что несколько их земляков захвачено, перебили отряд солдат и обобрали убитых. Секретным образом был об этом извещен Лупицин, когда он возлежал за роскошным столом в шуме увеселений, полупьяный и полусонный. Угадывая исход дела, он приказал перебить всех оруженосцев, которые как почетная стража и ради охраны своих вождей выстроились перед дворцом. Томившиеся за стенами готы с возму-

---

[1] *Комит* — здесь: правитель.
[2] *Фритигерн* — один из вождей готов, иногда пишется Фридигерн.
[3] *Марцианополь* — город во Фракии.

щением приняли это известие, толпа стала прибывать и озлобленными криками грозила отомстить за то, что, как они думали, захвачены их цари. Находчивый Фритигерн, опасаясь быть захваченным вместе с остальными в качестве заложников, закричал, что дело примет опасный оборот, если не будет дозволено ему вместе с товарищами выйти, чтобы успокоить народ, который взбунтовался, предположив, что вожди его убиты... Получив разрешение, все они вышли и были встречены с торжеством и криками радости. Вскочив на коней, они умчались, чтобы поднять военные действия. Когда молва... распространилась об этом, весь народ тервингов[1] загорелся жаждой боя. Среди многих зловещих предвестий о грядущих великих опасностях они подняли по своему обычаю знамена, раздались грозно звучащие трубные сигналы, стали рыскать грабительские отряды, предавая грабежу и огню селения и производя страшные опустошения, где только представлялось возможным. Лупицин с большой поспешностью собрал войско против них и выступил, действуя скорее наобум, чем по обдуманному плану. В девяти милях от города он остановился в готовности принять бой. Увидя это, варвары бросились на беспечные отряды наших и, прижав к груди щиты, поражали копьями и мечами всякого, кто был на их пути. В кровавом ожесточенном бою потеряны были знамена, пали командиры... После этого враги оделись в римские доспехи и стали бродить всюду, не встречая никакого сопротивления.

...Фритигерн... дал совет приняться за опустошение богатых областей, не подвергаясь притом никакой опасности, так как не было еще никакой охраны. Одобрив этот план царя.., готы рассеялись по всему берегу Фракии и шли осторожно вперед, причем сдавшиеся сами римлянам их земляки или пленники указывали им богатые селения, особенно те, где можно было найти изобилие провианта... Большим вспомоществованием явилось для них то, что со дня на день присоединялось к ним множество земляков из тех, кого продали в рабство купцы, или тех, что в первые дни перехода на римскую землю, мучимые голодом, продавали себя за глоток скверного вина или за жалкий кусок хлеба. К ним присоединилось множество рабочих с золотых приисков, которые не могли снести тяжести повинностей; они были приняты с единодушного согласия всех и сослужили большую службу блуждавшим по незнакомым местностям готам, которым они показывали скрытые хлебные склады, места убежища туземцев и тайники... На рассвете следующего дня, который по календарю числился девятым августа, войска [императора Валента] были быстро двинуты вперед, а обоз и вьюки помещены были у стен Адрианополя с соответственной охраной из легионов... Долго шли [они] по каменистым и неровным дорогам и знойный день стал близиться к полудню;

---

[1] *Тервинги* — одно из племенных подразделений вестготов, иногда употребляется как синоним для вестготов.

наконец в восьмом часу, (то есть около двух часов дня), завидели телеги неприятеля, которые по донесению лазутчиков были расставлены в виде круга. Пока варвары затянули по своему обычаю дикий и зловещий вой, римские вожди стали выстраивать свои войска в боевой порядок: правое крыло конницы было выдвинуто вперед, а большая часть пехоты была поставлена позади, в резерве...

...Со всех сторон слышался лязг оружия, неслись стрелы... Битва разгоралась, как пожар, и ужас охватывал солдат, когда по нескольку человек зараз оказывались пронзенными копьями и стрелами. Наконец оба строя сомкнулись наподобие сцепившихся носами кораблей и тесня друг друга, колебались, словно волны, от взаимных движений. Левое крыло подступило к самому стану (готов)... Но оно не было поддержано остальной конницей и было раздавлено... и опрокинуто. Пехота осталась, таким образом, без прикрытия, и манипулы были так стеснены один к другому, что трудно было пустить в ход мечи и отвести руку... Высоко поднявшееся солнце... палило римлян, истощенных голодом и жаждой, обремененных тяжестью оружия. Наконец под напором силы варваров наша боевая линия совершенно расстроилась, и люди обратились к последнему средству в крайних положениях: беспорядочно побежали кто куда мог.

Хрестоматия по истории Древнего Рима / Под ред. С. Л. Утченко.— М., 1962.— С. 622—624.

11. Осада готами Рима

Зосим. Римская история, V

Отрывок из сочинения византийского автора Зосимы (вторая половина V в.), использовавшего сообщения своих предшественников — современников осады Рима вестготами.

В Риме решают отправить к врагу посольство, которое довело бы до его сведения, что осажденные согласны на мир, но только на сносных условиях. Но они еще более готовы биться, раз римский народ взялся за оружие, вследствие постоянного употребления которого он не страшится и в дальнейшем боевых столкновений. Во главе этого посольства был поставлен Василий, родом испанец, обладавший званием начальника провинции. Как сопровождающее лицо, к нему присоединился Иоанн, бывший когда-то старшим над государевыми писцами, так называемыми трибунами,— лицо, хорошо известное Алариху и предназначенное на роль посредника между сторонами. Надо заметить, что римляне не знали определенно, тут ли был сам Аларих и сам ли он руководил осадой Рима. Без сомнения, их до некоторой степени утешал распространившийся до того слух, что не Аларих, а другой варварский вождь, бывший сторонником Стилихона, увлек Алариха за собой к городу Риму.

Когда послы прибыли к Алариху, они были смущены тем неведением, в каком столь долго оставался римский народ, и вместе с

тем изложили порученное им сенатом дело. Аларих их выслушал, отнесясь с особенным вниманием к сообщению, что римский народ, нося оружие, готов к бою. «Густую траву,— сказал на это Аларих,— легче косить, чем редкую». Произнеся эти слова, Аларих разразился громким смехом по адресу послов. Когда же дело дошло до переговоров о мире, Аларих прибегнул к словам, превосходящим всякую меру варварской заносчивости. Он сказал, что снимет осаду не иначе и не раньше, пока не заберет себе все имеющееся в городе Риме золото и серебро, а кроме того, и всю домашнюю утварь, которую он нашел бы в городе, и, кроме того, рабов из варваров.

Когда он это сказал, один из послов заметил, что если бы Аларих все это отобрал, что же он, в конце концов, оставил бы тем, которые живут в городе Риме? «Жизнь»,— ответил Аларих. Получив такой ответ, послы просят, чтобы им было разрешено посоветоваться с осажденными относительно того, что же делать. Добившись перемирия, послы доводят до всеобщего сведения сказанное Аларихом.

Снова шлют к нему послов, и Аларих после весьма длительных разговоров с той и другой стороны согласился на уплату городом Римом 5000 фунтов золота, 30 000 фунтов серебра, 400 тысяч шелковых рубашек, 3000 окрашенных в пурпур овечьих шкур, 3000 фунтов перцу. Так как в городской казне совершенно не было денег, оказалось настоятельно необходимым, чтобы сенаторы, в зависимости от размеров своих имуществ, внесли ему выкупную сумму по разверстке. И хотя Палладию было поручено разверстать взносы по имущественному состоянию каждого сенатора, он не смог целиком собрать всю сумму или потому, что владельцы скрыли некоторую часть, или же потому, что город Рим вследствие непрерывных и корыстолюбивых поборов был доведен до бедности.

... Римляне не только лишили изображения богов из убранства, но и расплавили некоторые золотые и серебряные статуи богов, в числе которых была статуя силы, называемая римлянами «Виртус»[1]. По уничтожении ее, разумеется, исчезли и вся та сила и мужество, которые еще оставались у римлян; с тех пор сбылось то, что предсказывали люди, опытные в религиозных делах и дедовских обычаях.

Когда таким образом были собраны деньги на выкуп, нашли уместным отправить посольство к императору (Гонорию), которое посовещалось бы с ним о будущем мире и уведомило бы его, что Аларих хочет получить не только деньги, но и сыновей римской знати в качестве заложников и на этих условиях готов заключить не только мир, но и военный союз с императором и выступить вместе с римлянами в поход против всякого, кто захотел бы проявить по отношению к ним враждебные намерения. Так как государь считал, что мир следует заключить на таких условиях, то

[1] Что означает в переводе с латинского «мужество», «сила».

варварам были отсчитаны выкупные деньги. А Аларих разрешил горожанам Рима в течение трех дней посещать рынок за стенами города, для чего предоставил им свободу выхода через определенные ворота, также предоставил им возможность подвоза хлеба из гавани.

После того как римские граждане передохнули и, распродав все излишнее, закупили себе предметы первой необходимости или же сменяли их на другие вещи, варвары отошли от Рима и расположились лагерем в нескольких пунктах Тосканы. Что же касается находившихся в Риме рабов, то почти все они изо дня в день бежали из города и присоединялись к варварам, так что скопившаяся у них масса рабов выросла до 40 тысяч.

История средних веков. Хрестоматия /Сост. В. Е. Степанова, А. Я. Шевеленко.— М., 1969.— С. 20—22.

12. Восстание британцев и галлов

Зосим. Римская история, VI, 5

Жители острова Британии соединились с некоторыми кельтскими народами, чтобы отложиться от римской власти и, не повинуясь более римским законам, жить по собственному усмотрению. Итак, британцы, взявшись за оружие, освободили свои общины от угрожавших им варваров. Тогда же область Арморика и другие провинции галлов, подражая британцам, освободились таким же образом, сбросив власть римских магистратов и учредив свое государство по собственному усмотрению[1].

Хрестоматия по истории Древнего Рима /Под ред. С. Л. Утченко. М., 1962.— С. 625.

---

[1] Событие это относится к 409 г. н. э.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ХРЕСТОМАТИЯ ПО ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО МИРА

Составители
Юлия Семеновна Крушкол
Надежда Федоровна Мурыгина
Екатерина Алексеевна Черкасова

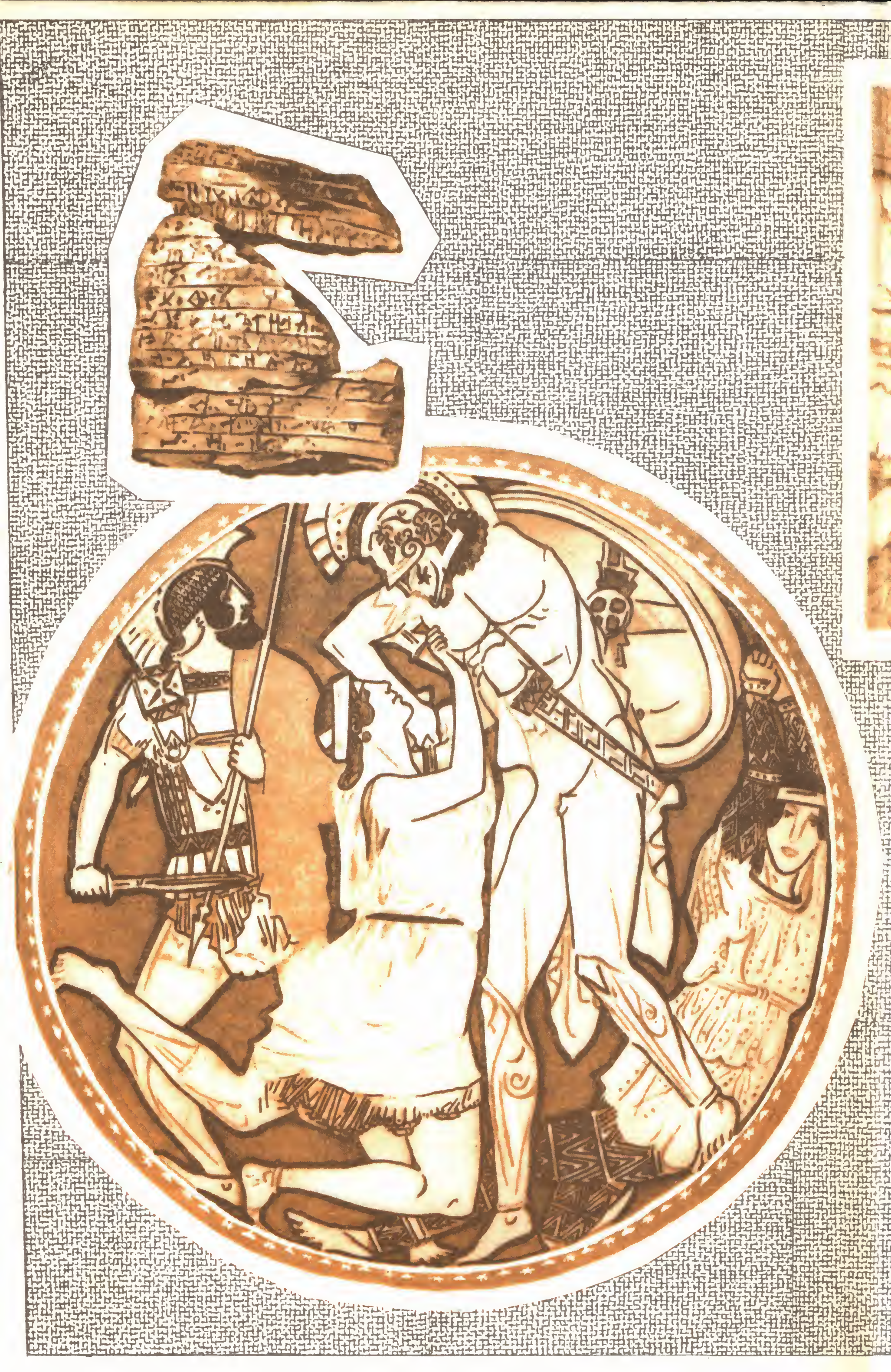
Зав. редакцией *А. И. Самсонов*
Редактор *А. И. Уткин*
Младший редактор *Н. Ю. Мастюкова*
Художественный редактор *М. Я. Турбовской*
Технический редактор *Т. В. Семенова*
Корректор *Л. Г. Новожилова*

ИБ № 10056

Сдано в набор 09.06.86. Подписано к печати 08.01.87. А 07203. Формат 60×90 1/16. Бум. офсетная. Гарнитура литературная. Печать офсет. Усл. печ. л. 16+0,25 форз. Усл. кр.-отт. 16,81. Уч.-изд. л. 19,07+0,37 форз. Тираж 102 000 экз. Заказ № 1285. Цена 70 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Просвещение» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 129846, Москва, 3-й проезд Марьиной рощи, 41.

Смоленский полиграфкомбинат Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 214020, г. Смоленск, ул. Смольянинова, 1.

70 коп

ХРЕСТОМАТИЯ
ПО ИСТОРИИ
ДРЕВНЕГО МИРА